

ISSN 2410-7190

Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 10, №3 2024

Издательство Амурского государственного университета

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

Амурский государственный университет (АмГУ)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ

Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г.

Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/24107190-2024-10-3

Выпуск 10, № 3, 2024

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Сино-тибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, лексикологии, ономастики, лексикографии, грамматики, стилистики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Издательство Амурского государственного университета

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, профессор (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Морозова Ольга Николаевна д-р. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия

Аврутина Аполлинария Сергеевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-Хото, КНР)

Виклова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гренобль Ленор д-р филол. наук, профессор им. Джон Маттюз Манли (США, Чикагский университет)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Ли Вэньгэ д-р филол. наук, профессор (КНР, Харбинский политехнический университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартковский государственный университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)

Лагута Нина Владимировна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Тэн Хай канд. филол. наук, доцент (КНР, Датунский университет)

Цзюй Юньшэн д-р. филол. наук (КНР, Хэйлунцзянский университет, Центр исследования русского языка, культуры и литературы)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения РАН)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный технологический институт (технический университет))

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ lingua.amursu.ru

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502
email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight
in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation
Commission from February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/24107190-2024-10-3

Volume 10, Issue 3, 2024

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

Amur State University Press

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Olga N. Morozova Doctor of Philology, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Editorial Board

Apollinariya S. Avrutina Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation)

Lenore Grenoble PhD, John Matthews Manly Distinguished Service Professor (University of Chicago, Illinois, USA)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Li Wenge Doctor of Philology, professor (Harbin Polytechnical University, Harbin, China)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk, Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation)

Nina V. Laguta PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Teng Hai PhD associated professor (Shanxi Daton University, Datong, China)

Ju Yunsheng Doctor of Philology (Center for the Study of the Russian Language, Culture and Literature, Heilongjiang University, Harbin, China)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Saint-Petersburg State Institute of Technology, Saint Petersburg, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation,
Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru, email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Алексеев Александр Борисович
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
г. Москва, Российская Федерация
neuausstatten@mail.ru

Невежливость как нападение на лицо (на материале американских политических дебатов 2020 г.)

Аннотация

В свете таких коммуникативных трендов, как лудизация и эмоционализация, современная политическая коммуникация более восприимчива к использованию говорящими невежливости. Целью статьи является описание невежливости в политическом дискурсе и смежных с ней явлений – дискредитации и речевой агрессии. Несмотря на то, что невежливость в конечном счёте воспринимается как таковая лишь на субъективном, персональном уровне, обращаясь к концепции лица, заимствованной из восточных культур и разработанной зарубежными лингвистами, объект изучения можно представить в научных категориях. Лицо – это образ себя, состоящий из 1) позитивных характеристик личности (лицо качеств в терминологии Дж. Калпепера); 2) положительного видения социальной группы, к которой принадлежит индивид (лицо социальной идентичности); 3) отношений с другими людьми, сформированных человеком в определённом коллективе (лицо отношений). Материалом для исследования послужили более 400 невежливых контекстов, выявленных в дискурсе американских президентских дебатов 2020 г. В статье использованы: критический дискурс-анализ, лингвопрагматический анализ, лингвополитическая интерпретация, контекстуальный и содержательно-семантический анализ, квантитативный метод. Установлено, что в политическом дискурсе наиболее распространена дискредитация лица качеств противника, что определяется необходимостью поставить под сомнение рациональность его действий, точек зрения и скрывающихся за ними идеологий. Широко употребляется имплицитная речевая агрессия, а невежливость порой перемежается вежливостью. С другой стороны, в ходе противостояния между непримиримыми политическими платформами такое встречается нечасто, а говорящие склоняются к оскорблениям лица социальной идентичности или даже лица отношений.

Ключевые слова: дискредитация, инвектива, лицо, невежливость, политический дискурс, речевая агрессия

© Алексеев А. Б. 2024

Для цитирования: Алексеев А. Б. Невежливость как нападение на лицо (на материале американских политических дебатов 2020 г.) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 5–21. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-5>

Aleksandr B. Alekseev
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
neuausstatten@mail.ru

Impoliteness as face attack (Based on American presidential debates of 2020)

Abstract

Against the backdrop of such communicative trends as ludification and emotionalization, political communication is more susceptible to the speakers' use of impoliteness. The article aims to describe impoliteness and adjacent phenomena including discreditation and speech aggression in political discourse. Despite the fact that impoliteness is ultimately perceived as such only on the subjective, or personal level, it is possible to describe it in scientific

categories by using the idea of face originating from Oriental cultures and explicated by Western linguists. Face is the way people perceive themselves that according to J. Culpeper, consists of (i) the person's positive features (quality face); (ii) favorable views of the social group which the individual belongs to (social identity face); (iii) relationships with others, formed within a particular team (relational face). More than 400 impolite contexts found in the discourse of 2020 American presidential debates were selected to be the material for this study. The material was processed using critical discourse analysis, linguopragmatic analysis, linguopolitical interpretation, contextual and linguosemantic analysis, quantitative method. It was found out that in political discourse, the quality face attack was the most common. This is explained by the need to question the rationality of the opponent's actions, views and ideologies lurking behind them. Implicit speech aggression was widely used and impoliteness was sometimes alternated with politeness. On the other hand, it was rare in the process of struggle between irreconcilable political platforms. In such cases, speakers were more likely to attack social identity face or even relational face.

Keywords: discreditation, the invective, face, impoliteness, political discourse, speech aggression

© Alekseev A. B. 2024

For citation: Alekseev, A. B. (2024). Nevezhlivost' kak napadenie na litso (na materiale amerikanskikh politicheskikh debatov 2020 g.) [Impoliteness as face attack (Based on American presidential debates of 2020)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 5–21. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-5>

1. Введение [Introduction]

Понятие «невежливость», на первый взгляд, не представляет исследовательского интереса. В науке, как, по понятным причинам, и в повседневной жизни, сложилась традиция поощрять вежливость вплоть до того, что её антипод может считаться поведенческой аномалией, свидетельством низкой речевой культуры коммуниканта, его прагматическим провалом [Culpeper, 2011, p. 9]. Если использование невежливости осуждается в персонально-бытовых разговорах, тем более оно недопустимо в институциональных дискурсивных средах. Между тем, современные дискурсы отмечены повышенной эмоциональностью [Селиванова, 2023, с. 45], лудизацией (от лат. *ludo* 'играю'; лудизация / людизация – тренд на привнесение в общение игровых, развлекательных элементов) [Алексеев, 2023, с. 176], театральностью, провокационностью [Салимова, 2023, с. 42] и, как следствие, усилением в них личностного начала, что неизбежно размывает саму оппозицию «персональный – институциональный» [Пак, 2022, с. 211]. Коммуникативное поведение людей всё чаще характеризуется неумением выслушать собеседника, вспльчивостью, готовностью наругать [Мальцева, 2022, с. 4]. Растёт количество употреблений дисфемизмов [Бодулева и др., 2023, с. 21]. Это связано не только с ростом стрессогенных факторов в социуме. По всей видимости, использование невежливости нередко является осознанным выбором говорящих, ведь демонстрация вежливости, сдержанности и самоконтроля в публичном дискурсе начинает приравниваться либо к слабости, либо к неискренности, что соответствует общему вектору развития коммуникации первой четверти XXI в. Американизация, ведущая к распространению сленгизмов и неологизмов [Самойлова, 2022, с. 195], симплизация (упрощение дискурсивных практик), ювенилизация (распространение моды на следование молодёжным коммуникативным нормам) – эти и другие коммуникативные тренды способствуют привнесению в общение речевой агрессии. Следует отметить и становление онлайн дискурсов, виртуальных дискурсивных платформ и сообществ, восприимчивых к эпатажу и несерьёзности, способствующих трансформации коммуникации в тейнмент-дискурс (политейнмент, спортейнмент и т. д.), важным элементом которого, закономерно начинающим привлекать внимание учёных, является именно невежливость.

Невежливость активно исследуется в рамках политической лингвистики, в том числе с точки зрения функционального подхода [Алексеев, 2022]. Есть также работы, посвящённые использованию невежливости в политических текстах прошлого [Терещук, 2023], на наш взгляд, представляющие несомненную актуальность, побуждающие авторов обратить внимание на динамику и эволюцию невежливых практик.

«Невежливость» соотносится с терминологическими единицами как «инвектива» и «речевая агрессия». Вместе с тем категория «невежливость», будучи термином-гиперонимом, вбирающим в себя коннотации бестактности, непочтительности, невоспитанности, грубости и хамства, шире синонимичных понятий, как правило, тоже сложных, допускающих несколько толкований. Так, речевая агрессия, трактуемая в качестве враждебности в дискурсе или (в более узком смысле) – нарушения этикета, – является частным случаем невежливости, в основе которой лежит нанесение любого эмоционального или морального урона адресату. При этом универсальных критериев, позволяющих квалифицировать то или иное выражение в качестве невежливого / агрессивного в науке не представлено, что объясняется разноплановостью изучаемых явлений.

Невежливость – консубстанциональный термин, т.е. он используется как в профессиональных, так и в обыденных контекстах [Тимофеева, 2023, с. 145]. Учёный не может не принимать это во внимание, поскольку значения терминологических единиц имеют тенденцию пересекаться с общими представлениями о них [Mills, 2004, p. 1]. Как следствие, невежливость иногда изображается либо слишком простым, либо, напротив, сложным – ввиду его индивидуального восприятия – феноменом, в обоих случаях достаточно маргинальным и не требующим специального рассмотрения: критерием выделения невежливости и сопутствующих ей явлений по аналогии с бытовым общением признаётся интуитивно-субъективный фактор, не поддающийся категоризации, тем более в условиях становления «дискурса новой чувствительности» [Шустова, Шипицин, 2023, с. 205], когда, несмотря на то, что оскорбления становятся более социально приемлемыми, их действие становится менее предсказуемым и зачастую распространяется на целые группы населения. Так, любое неосторожно обронённое выражение в отношении вполне конкретной женщины, может быть апроприировано всеми женщинами, как в следующем примере, в котором политик использует сочетание слов *nasty woman*, изначально относившееся к Х. Клинтон:

Elizabeth WARREN: *I've got news for you, Donald Trump. Women have had it with guys like you. And **nasty women** have really had it with guys like you. Get this, Donald, **nasty women** are tough, **nasty women** are smart and **nasty women** vote. And on November the 8th we, **nasty women**, are gonna march our **nasty feet** to cast our nasty votes to get you out of our lives forever* (www.youtube.com/watch?v=-wKyCLOb0Eg). – ‘У меня для вас новости, Дональд Трамп. Женщинам надоели такие мужчины, как вы. И **противным женщинам** вы в особенности надоели. Поймите, Дональд **противные женщины** стойкие, **противные женщины** умные, и **противные женщины** голосуют. 8-го ноября мы, **противные женщины**, пойдём **противными ногами** и отдадим свои **противные голоса** за то, чтобы навсегда избавиться от вас’.

Определить, что такое невежливость, непросто, ведь исходить надо не из формальных исследовательских критериев, а из индивидуального восприятия коммуникантами того или иного высказывания. То, что со стороны может видаться явно невежливым, на самом деле, для общающихся таковым не является. Существует ряд дискурсивных сред, в которых поведение, традиционно считающееся невежливым, в действительности, не только не осуждается, но и поощряется или даже подразумевается. Примерами этому могут служить песенные дискурсы, допускающие эпатаж и использование криминальных подтекстов [Гриценко, 2023, с. 129], или дискурс

футбольных фанатов, инкорпорирующий громкую ругань и изобилующий обценными словами, выполняющими в нём катартическую (др.-греч. κάθαρσις 'очищение') функцию, а также способствующими единению болельщиков на эмоциональном уровне. Соответственно, коммуникативные действия футбольных фанатов в баре во время просмотра матча нельзя оценивать исходя из тех же критериев, что приложимы, к примеру, к ситуации драки в тихом жилом квартале [Culpeper, 2011, p. 22].

В целом, на наш взгляд, назрела необходимость отказаться от негативно-оценочной трактовки термина «невежливость», неизбежно возникающей не только в обыденно-языковом сознании, но и получающей развитие в ряде лингвистических направлений, прежде всего в лингвоэтике, эколингвистике и эмотиологии, руководствующихся прескриптивистскими («как надо говорить») принципами. В основе лингвопрагматического подхода, напротив, лежит представление о дискурсе не только как о системе правил, устанавливаемых влиятельными социальными институтами и принимаемых дискурсивным сообществом, но и как о целеполагающей коммуникативной деятельности, избираемой в конечном итоге языковой личностью. По словам Л. Андерсона и П. Традгила, «если то, что мы называем плохим языком, вело бы только к плохим последствиям, люди перестали бы использовать его, и в итоге он бы исчез» [Andersson, Trudgill, 1990, p. 8]. Широкую представленность невежливых форм в разных дискурсах – политическом, масс-медийном, спортивном и т. д. – необходимо объяснить.

Представляется уместным провести аналогию с другим весьма спорным, но актуальным понятием манипуляции, отнюдь не досконально изученным, часто трактуемым отрицательно, например в качестве некооперативной стратегии [Пищерская, 2023, с. 77]. Имеются, однако, работы, представляющие нейтрально-положительное видение манипуляции, неизбежно принадлежащей коммуникации, буквально пронизывающей такие дискурсы, как рекламный и политический [Шабалкина, 2020, с. 225; Mackensen, 1973, S. 96–97]. Введение в науку терминологической единицы «продуктивная манипуляция» [Седов, 2016, с. 127] способно изменить представление учёных о манипуляции в целом.

В области изучения невежливости важным шагом было принятие исследователями термина «лицо», заимствованного из восточных культур, прежде всего китайской, где понятие лица – одно из центральных [Стародубцева, 2023, с. 143]. Лицо – это позитивный образ себя и одновременно видение личности обществом; причём речь идёт даже не столько о специфичном взгляде на личность, сколько о восприятии той социальной группы, к которой она принадлежит, через призму этой личности. Исходя из этого, Дж. Калпепер предлагает различать три вида лица: лицо качеств, лицо социальной идентичности и лицо отношений. Невежливость неизбежно возникает в случае, если один из собеседников нападает на лицо другого.

Лицо качеств (англ. *quality face*) – вера индивида в то, что он обладает положительными характеристиками (привлекательной внешностью, умом и т. д.), соотносимыми с его самооценкой. В следующем примере, заимствуемым нами из работы Дж. Калпепера, наблюдаем, что один из коммуникантов с помощью риторического вопроса ставит под сомнение умение своего друга выбирать приличную одежду, чем вызывает смущение последнего, провоцируя его на ответную невежливую реплику:

Мэт: *Ты же не собираешься идти на улицу в этом?*

Я [смущённо]: *Слушай, заткнись ты! ...* [Culpeper, 2011, p. 28].

Лицо социальной идентичности (англ. *social identity face*) предполагает отождествление личностью себя с определённой группой людей. Это могут быть маленькие и большие группы, формируемые на основании этнической, национальной и религиозной принадлежности. Во фрагменте речи, приведённом Калпепером, один из коммуникантов рассказывает о том, как он был задет, когда его товарищ нелестно отозвался о вегетари-

анцах: ...один из игроков моей команды попытался отобрать у кого-то мяч. Игрок, владевший мячом, упал на землю, чтобы избежать столкновения. Мой товарищ затем вернулся ко мне и начал ныть: «Это из-за того, что он ... вегетарианец». Я ответил: «Я вегетарианец» [Culpeper, 2011, p. 29].

Лицо отношений (англ. *relational face*) – претензия личности на социальный статус и вытекающее из него уважение [Culpeper, 2011, p. 30]. В этой связи поставить под сомнение чьё-либо звание или отказаться признать общепризнанного лидера группы в качестве такового является, несомненно, невежливым поведением, нападением на лицо отношений. Использование формы «ты» вместо «вы» – в тех языках, в которых это различие существует, – также может служить примером нападения на лицо отношений.

В определённых контекстах нападение на лицо отношений правильно квалифицировать хамством, но оно может представлять собой и нечто большее. Невежливость, направленная на коммуниканта, наделённого высоким социальным статусом, это неприятие его власти – в фукианском понимании термина «власть». Иными словами, это попытка индивида либо кардинальным образом пересмотреть существующие властные иерархии в дискурсе, либо, как минимум, борьба за привлечение внимания (нем. *Aufmerksamkeitskampf*) к своей личности и внушение уважения к себе [Janich, 2012, S. 6 ; Mills, 2004, p. 37]. В политическом же дискурсе нападение на лицо отношений – средство диверсии: невежливость способна выполнять, по сути, революционные функции [McEneaney, 2009, p. 124].

Настоящее исследование ставит целью описание невежливости как нападения на лицо и смежных с ней явлений – дискредитации и речевой агрессии – в политическом дискурсе. Задачами исследования являются: нахождение случаев использования нападения на лицо в избранном языковом материале; лингво-прагматический и стилистический анализ выявленных элементов, соотнесённый с положениями дискурсивной лингвистики; классификация невежливых речений; подведение итогов.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили более 400 невежливых контекстов, выявленных в дискурсе американских президентских дебатов 2020 г., проводимых между Дж. Байденом и Б. Сандерсом (11-ые демократические дебаты 2020 г.), и Д. Трампом и Дж. Байденом (1-ые дебаты 2020 г.). Выбор для анализа текстов этих дебатов объясняется актуальностью рассмотрения использования невежливости как между однопартийцами, так и между представителями разных политических движений, по определению имеющими значительные идеологические расхождения.

Под дискурсом условимся понимать «корпус текстов, объединённых тематически, обнаруживающих эксплицитные и имплицитные интертекстуальные связи и ограниченных сферой коммуникации, функционально-целевыми характеристиками и определённым отрезком времени» [Кондакова, Принципалова, 2021, с. 144]. Одновременно примем во внимание и то, что дискурсы, по словам М. Фуко, это «практики, систематически формирующие объекты, о которых они говорят» [Foucault, 1972, p. 49]. Точка зрения, согласно которой дискурс является не просто социально регулируемым, но и способным оказывать непосредственное воздействие на социальные процессы, значительно расширяет сферу дискурсивного анализа, указывая на важность экстралингвистических аспектов дискурсивной деятельности, соотносясь с таким научным направлением, как социальный конструкционизм, в рамках лингвистики находящим применение в критических дискурсивных исследованиях (КДИ), идеологически фундированных, осуждающих негативные коммуникативные явления, направленные против меньшинств, объединяемые терминами ‘bad language’ (рус. досл. *плохой язык*) или ‘hate speech’ (рус. *риторика ненависти*).

Хотя невежливость считается проявлением «плохого языка», отношение к ней социума в связи с демократизацией общения претерпевает изменение в лучшую сторону. Для изучения невежливости учёные обращаются к методологическому инструментарию лингвистики и смежных гуманитарных наук. В статье используется метод дискурс-анализа – в его кратологической (др-греч. *κράτος* 'власть') версии, заимствуемой из КДИ с их пристальным вниманием к социальным и политическим вопросам. Наряду с дискурс-анализом применяются лингвопрагматический анализ и лингвополитическая интерпретация, позволяющие подойти к употреблению невежливости как осознанному выбору коммуникантов, а не только эмоциональной реакции, сделав акцент на лингвокреативности языковых личностей, прибегающих к невежливости. Для установления и уточнения значения и коннотаций тех или иных лексем с целью их категоризации как невежливых употребляются контекстуальный и содержательно-семантический виды анализа.

Полученные данные представлены не только в качественном, но и в количественном выражении, что соответствует тенденциям развития современной лингвистики, делающей выбор в пользу изучения коммуникативных явлений с привлечением количественных методов исследования. Актуализируются в работе, конечно же, и общенаучные методы – наблюдение, сравнение, классификация.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Невежливость и дискредитация – в отличие от невежливости и речевой агрессии, – на самом деле, не всегда соприкасаются, как, например в (1):

(1)

БИДЕН: *And with all due respect for Medicare for all, you have a single-payer system in Italy. It doesn't work there. It has nothing to do with Medicare for all* (<https://www.rev.com/blog/transcripts/march-democratic-debate-transcript-joe-biden-bernie-sanders>). – 'И при всём уважении к правительственной программе медицинской помощи для всех, в Италии она не работает. Вопрос не в правительственной программе'.

САНДЕРС: *And bottom line here is, in terms of Medicare for all, despite what the vice president is saying, what the experts tell us is that...* (Ibid.). – 'И самое важное в отношении правительственной программы, **что бы ни говорил вице-президент, эксперты говорят нам...**'.

Кандидаты в президенты не соглашаются друг с другом (нарушение максимы согласия), но в первом примере это делается без обращения к речевой агрессии. Напротив, Дж. Байден использует выражение *with all due respect for*, – что является вербализацией формы уважения к позиции, занимаемой соперником, тем не менее критикуемой.

В словах Б. Сандерса уже наблюдается определённое нападение на лицо качеств противника отмечающего, что точки зрения вице-президента и экспертов – разнятся. Это заведомо предполагает, что Дж. Байден не прав. Более того, анализируемая реплика может быть понята и как передающая идею о том, что Дж. Байден не осведомлён в вопросах здравоохранения и не является экспертом в этой области.

Для передачи не прямой, имплицитной речевой агрессии общающиеся могут воспользоваться иронией, как в (2–4):

(2) (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-29-2020-debate-transcript/>)

ТРАМП: *Because they [Republicans] want to give good healthcare...* – 'ТРАМП: Потому что [республиканцы] хотят обеспечить достойное здравоохранение'.

БИДЕН: *Good healthcare* – 'БАЙДЕН: **Достойное здравоохранение**'. Здесь имеет место нападение на лицо социальной идентичности. Говорящий в корне не согласен с позицией, занимаемой Д. Трампом по вопросу здравоохранения, но по формальным признакам мы имеем дело с речевой агрессией в отношении сторонников президента, –

ведь в предыдущей реплике Д. Трамп ведёт речь даже не столько о своей точке зрения, сколько о мнении, разделяемом его электоратом.

(3) (Ibid.)

TRUMP: *We've had no negative effect* – ‘ТРАМП: Наши действия не привели к негативным последствиям’.

VIDEN: *No negative effect. Come on* – ‘БАЙДЕН: *Не привели к негативным последствиям. Рассказывайте*’. Здесь реализуется нападение на лицо социальной идентичности. Поскольку в предыдущей реплике Д. Трамп использует местоимение *we*, ирония направлена против всей администрации президента, дискредитируемой на основании того, что решения, принятые ей, имели серьёзные негативные последствия.

(4) (Ibid.)

TRUMP: *I got it done. And you know what happened?* – ‘ТРАМП: Я сделал это. И знаете, что произошло?’

VIDEN: *Yeah, you got it done* – ‘БАЙДЕН: *Ну да, вы сделали это*’.

Как видно, ирония может вводиться в дискурс с помощью специальных маркеров – междометий или фразового глагола *come on*, выражающего недоверие к высказанной точке зрения. Ирония включает цитирование слов кандидата – с соответствующей интонацией, передающей недоверие к ним. В ряде контекстов ирония фактически превращается в сарказм, как в (5):

(5) (Ibid.)

WALLACE: ... *The issue of race. Vice-President Biden, you say that President Trump's response to the violence in Charlottesville three years ago, when he talked about very fine people on both sides, was what directly led you to launch this run for president* – ‘УОЛЛЕС: ... Тема расы. Вице-президент, вы говорите, что ответ президента Трампа на насилие в Шарлотсвилле 3 года назад, когда он вёл речь о прекрасных людях по обеим сторонам баррикад, непосредственно мотивировал вас начать президентскую кампанию.

TRUMP: *Oh yeah, sure* – ‘ТРАМП: *О да, конечно*’.

Перед нами нападение на лицо качеств. Эту фразу Д. Трампа можно понимать как своего рода обвинение Дж. Байдена в неискренности или даже расизме, ведь модератор дебатов обращается к теме расы.

К косвенным проявлениям речевой агрессии следует отнести использование политиком риторических вопросов, как в (6–7), где мы видим нападение на лицо качеств:

(6) (Ibid.)

VIDEN: ... *I got very lucky. I'm going to get very lucky tonight as well* – ‘БАЙДЕН: ... Мне очень повезло. Мне повезет и сегодня вечером’.

TRUMP: *With what?* – ‘ТРАМП: *За счёт чего повезёт?*’

VIDEN: *And tonight I'm going to make sure* – ‘БАЙДЕН: И сегодня вечером я намерен победить’.

TRUMP: *With what?* – ‘ТРАМП: *За счёт чего?*’

(7) (Ibid.)

VIDEN: ... *Vote and let your Senators know how strongly you feel* – ‘БАЙДЕН: Голосуйте, дайте знать вашим сенаторам, что вы думаете’.

TRUMP: *Are you going to pack the court?* – ‘ТРАМП: *Вы собираетесь протасовать своих людей в Верховный суд?*’

VIDEN: *Vote now* – ‘БАЙДЕН: Голосуйте сейчас’.

TRUMP: *Are you going to pack the court?* – ‘ТРАМП: *Вы собираетесь протасовать своих людей?*’

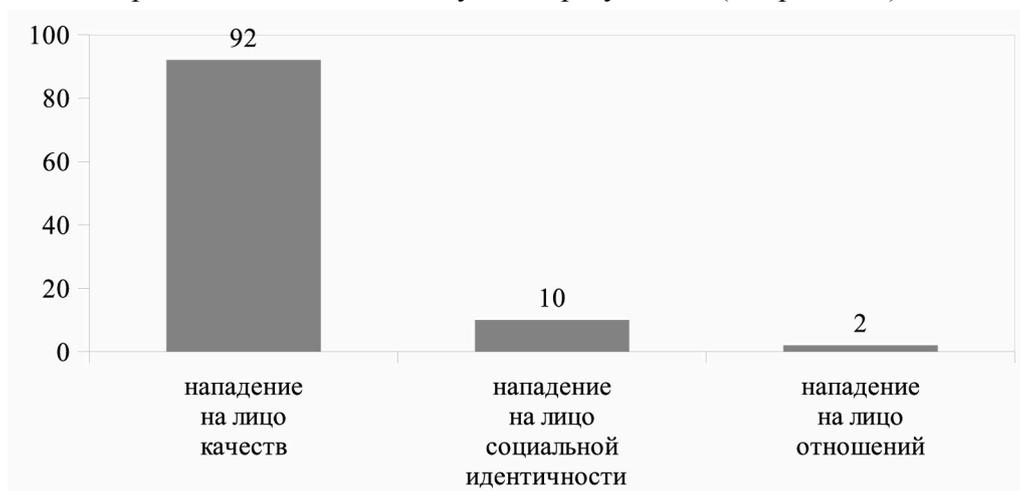
Невежливость возникает в результате актуализации говорящими моральных наставлений, а также язвительных, колких замечаний, как в (8) – аналогично, нападение на лицо качеств:

(8)

TRUMP: *Chris, can I be honest? It's a very important question-* – ‘ТРАМП: Крис, можно я отвечу честно? Это очень важный вопрос-’

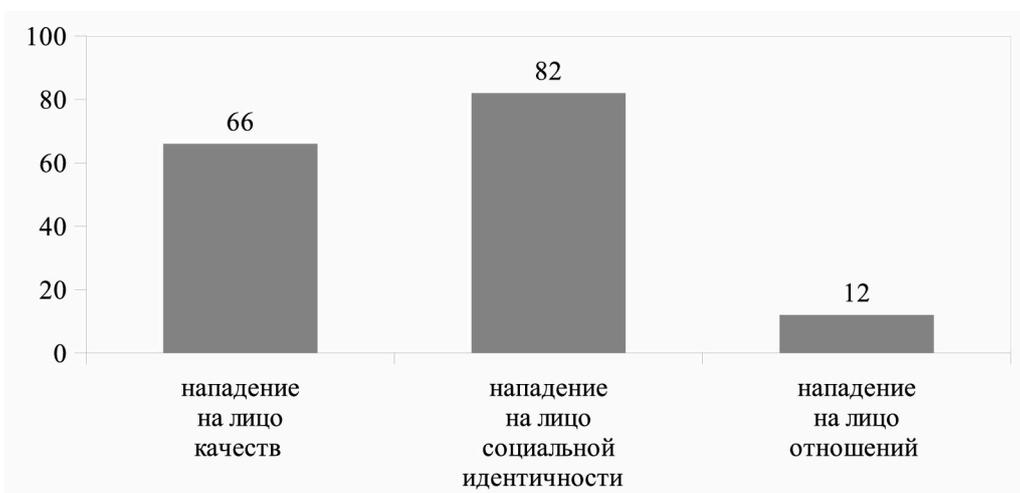
BIDEN: *Try to be honest* (Ibid.) – ‘БАЙДЕН: *Попробуйте ответить честно*’.

Анализ речевых образцов Дж. Байдена выявил немалое количество случаев использования невежливости. Классификация найденных проявлений невежливости с применением термина «лицо» даёт следующие результаты (см. рис. 1–2):

Р и с у н о к 1 . Нападения на лицо Дж. Байденом
(1-ые президентские дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 1 . Face attacks by J. Biden (1st presidential debates of 2020)]

Р и с у н о к 2 . Нападения на лицо Д. Трампом
(1-ые президентские дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 2 . Face attacks by D. Trump (1st presidential debates of 2020)]

Как видно, часто используемой разновидностью невежливости в политическом дискурсе является нападение на лицо качеств соперника. Однако многое зависит и от лингвопрагматической установки, которой руководствуется кандидат: очевидно, что для Дж. Байдена в 2020 г. важно было донести до избирателя мысль, что именно Д. Трамп – и никто другой – повинен в распространении коронавируса. Неслучайно, что местоимение *he* стало центральным в дискурсе лидера демократов. В реплике, приводимой ниже, Дж. Байден употребил местоимение *he* 9 раз, вынеся его в начало предложений, – таким образом оно приняло форму анафоры:

(9) BIDEN: *He sends out wishful thinking. He has Executive Orders that have no power. He hasn't lowered drug costs for anybody. He's been promising a healthcare plan since he got elected. He has none, like almost everything else he talks about. He does not have a plan. He doesn't have a plan. And the fact is this man doesn't know what he's talking about!* (Ibid.). – ‘БАЙДЕН: **Он** выдаёт желаемое за действительное. **Он** издаёт исполнительные указания, которые не имеют никакого веса. **Он** ни для кого не уменьшил цены на лекарства. **Он** обещал план реформирования здравоохранения с самого момента своего избрания. **У него** ничего нет, как всегда, о чём бы он ни говорил. **У него** нет плана. **У него** нет плана. Ясно, что этот человек не знает, о чём **он** говорит’.

Обратим внимание на повторение основных идей в речи демократа. Предложения, произносимые говорящим, короткие, по возможности – предельно простые для восприятия адресата. С этой целью, в частности, применяются параллельные конструкции.

Президент, будучи вынужденным защищаться, делал акцент на том, что он работает в команде – вместе со своей администрацией, ведущими вирусологами, учёными. В (10) инклюзивное местоимение *мы* в ответ на дискредитацию передаёт этот пласт смысла:

(10)

BIDEN: *He has no plan for healthcare* – ‘БАЙДЕН: **У него** нет плана реформирования здравоохранения’.

TRUMP: *Of course, we do* (Ibid.) – ‘ТРАМП: **У нас** есть, конечно же, план’.

Нападения на лицо социальной идентичности в речи Дж. Байдена встречаются нам нечасто. В ряде случаев они совмещаются с атакой на лицо качеств противника, как в (11) (Ibid.):

(11) BIDEN: *Nancy Pelosi and Schumer, they have a plan. He won't even meet with them. The Republicans won't meet in the Senate ...* – ‘Нэнси Пелоси и Шумер, у них есть план. Он даже с ними не желает встретиться. **Республиканцы не желают встретиться в Сенате ...**’.

Нападения на лицо отношений для институционального политического дискурса в принципе нехарактерны. В речи Дж. Байдена нам встретилось разве что только 2 случая, которые можно интерпретировать в этом качестве:

(12) (Ibid.)

TRUMP: *Are you in favor of law and order?* – ‘ТРАМП: Вы поддерживаете закон и порядок?’

BIDEN: *I'm in favor of law. You follow a little bit of order-* (Ibid.). – ‘БАЙДЕН: Я поддерживаю закон. **Вы иногда соблюдаете порядок**’.

Выделенная фраза – это дискредитация Д. Трампа на основании того, что он не умеет себя вести. Повелительное наклонение анализируемой реплики, а также исполнение кандидатом ролей моралиста и модератора общения позволяют говорить о том, что Дж. Байден «осаждаёт» своего конкурента. Это предложение уместно в педагогической коммуникации – между учителем и учеником, – но здесь должно трактоваться невежливый. Ещё пример нападения на лицо отношений содержится в (13) (Ibid.):

(13) BIDEN: *I'm not going to listen to him. ...* – ‘Я не собираюсь его слушать’.

Характер употребления невежливости и речевой агрессии Д. Трампом отличается от того, что мы имеем возможность наблюдать в дискурсе Дж. Байдена. Во-первых, в этой связи необходимо констатировать, что лидер Республиканской партии зачастую отдаёт предпочтение нападению на лицо социальной идентичности – отнюдь даже не на лицо качеств. Так, в ходе дебатов политик неоднократно выдвигает обвинения в отношении семьи вице-президента и в особенности его сына, как, например, в (14) (Ibid.):

¹ В целях избежать перегрузки данными мы считали такие реплики в качестве единичного проявления невежливости, хотя, по идее, каждое предложение говорящего – это очередное нападение на лицо качеств Д. Трампа, иногда даже дублируемое (He does not have a plan. He doesn't have a plan.).

(14) TRUMP: ...*And no wonder your son goes in and, wha–, he takes out billions of dollars. He takes out billions of dollars to manage. He makes millions of dollars. And also, while we're at it, why is it just out of curiosity, the mayor of Moscow's wife gave your son three and a half million dollars?* (Ibid.) – ‘...Неудивительно, что *ваш сын приезжает*, и что – *он забирает миллиарды долларов. Он забирает миллиарды долларов. Он зарабатывает миллионы долларов.* И пока мы остановились на этом, просто из-за любопытства – вопрос: *почему жена мэра Москвы подарила вашему сыну три с половиной миллиона долларов?*’

Повторяя основную мысль несколько раз, применяя параллельные конструкции, значительно преувеличивая масштабы «взятки», задавая в конце риторический вопрос, обращённый к противнику, говорящий оказывает на последнего эмоциональное давление.

Подчеркнём, что если в дискурсе Дж. Байдена местоимение *he* почти всегда относится к лидеру республиканцев, то в речи Д. Трампа – значительно больше вариаций, что связано с объектом нападения – это не только его непосредственный соперник, но и, например, Б. Сандерс:

(15) (Ibid.)

TRUMP: *You just lost the left. You agreed with Bernie Sanders on a plan that you absolutely agreed to and under that plan ..., they call it socialized medicine. ...* – ‘ТРАМП: *Вы только что потеряли левых.* Вы согласились с *Берни Сандерсом* о принятии плана, который вы безоговорочно поддержали, И по этому плану ... *они называют это социализированной медициной*’.

BIDEN: *I'll tell you what, he is not for any help for people needing healthcare.* – ‘БАЙДЕН: Я вам так скажу, он не намерен помогать людям, нуждающимся в медицинской помощи’.

TRUMP: *Who is, Bernie?* – ‘ТРАМП: *Кто не намерен? Берни?*’

BIDEN: *Because he, in fact, already has cost 10 million people their healthcare that they had from their employers...* (Ibid.). – ‘БАЙДЕН: Потому что он, на самом деле, уже лишил 10 миллионов людей здравоохранения, гарантированного им работодателями...’.

Президент дискредитирует своего оппонента на основании его связи с якобы радикально настроенными левыми, предлагающими ввести бесплатную медицину. В диалоге, помимо прочего, используется острота – актуализируется неопределённость местоимения *he*, которое Д. Трамп с помощью уточняющего вопроса предлагает отнести не к себе, а к Б. Сандерсу. Дж. Байден игнорирует эту провокацию и продолжает серию нападений на лицо качеств республиканца.

Отметим также, что предложение *You just lost the left* – это вызов лицу отношений: президент отказывается принять, что демократы объединились вокруг личности Дж. Байдена, признав его лидером своей партии. Эта линия атаки особенно очевидна в (16):

(16) (Ibid.)

TRUMP: *That's not what you've said and it's not what your party is saying* – ‘ТРАМП: Это не то, что вы говорили, и *не то, что говорит ваша партия*’.

BIDEN: *That is simply a lie* – ‘БАЙДЕН: Вы просто лжёте’.

TRUMP: *Your party doesn't say it. Your party wants to go socialist medicine and socialist healthcare* – ‘ТРАМП: *Ваша партия не говорит об этом. Ваша партия хочет ввести медицину и здравоохранение, как в социалистических странах*’.

BIDEN: *The party is me. Right now, I am the Democratic Party* – ‘БАЙДЕН: Партия – это я. Сейчас я представляю Демократическую партию’.

TRUMP: *And they're going to dominate you, Joe. You know that* – ‘ТРАМП: *И вы будете плясать под дудку вашей партии, Джо.* И вы знаете это’.

BIDEN: *I am the Democratic Party right now* – ‘БАЙДЕН: Партия – это сейчас я’.

TRUMP: *Not according to Harris* – ‘ТРАМП: *Харрис так не считает*’.

Анализируемый диалог хорошо демонстрирует, что в реальном общении нападения на различные виды лица, на самом деле, совмещаются. Так, с одной стороны, Д. Трамп дискредитирует противника на основании того, что он принадлежит партии социалистов, но с другой стороны, президент отказывается признавать Дж. Байдена лидером демократов – при том, что тот представляет себя именно в таком свете. Это явное непризнание лица отношений.

В целом необходимо констатировать, что 1-ые президентские дебаты 2020 г. отличались особенной агональностью и конфликтогенностью, что проявлялось и в употреблении кандидатами инвектив и диффамирующих ярлыков, несвойственных для институциональной политической практики, как в (17) и (18) (Ibid.):

(17)

BIDEN: *Well, it's hard to get any word in with this clown. Excuse me, this person –* ‘Ну, с этим **клоуном** трудно вставить слово. Извините, с этим человеком’ (Обзывание противника клоуном – инвектива, нападение на лицо качеств. Даже последовавшее извинение, на самом деле, не меняет сути дела, поскольку обращено не к Д. Трампу, а скорее, к аудитории).

TRUMP: *If Pocahontas would have left two days early you would have lost every primary* (Ibid.) – ‘Если бы **Покахонтас** выбыла на 2 дня раньше, **вы бы проиграли каждый праймериз**’.

(18) TRUMP: *But you agree. Joe, you're the liar. You graduated last in your class not first in your class* – ‘Но вы, Джо, согласны. **Вы лжец. Вы были последним учеником в вашем классе, не первым учеником**’.

Прежде всего в (17) реализуется нападение на лицо отношений – фактически отказ признавать Дж. Байдена заслуженным номинантом Демократической партии США. Также имеет место нападение на лицо качеств – по отношению к сенатору Э. Уоррен, к которой и обращён диффамирующий ярлык «Покахонтас», намекающий на индейские корни политика). В (18) с помощью антитезы Д. Трамп оскорбляет Дж. Байдена, перед этим дискредитируя его позицию, поскольку «он лжёт».

Для дискредитации и инвектив могут употребляться прилагательные в превосходной степени, как в (19) (Ibid.):

(19) BIDEN: *You're the worst president America has ever had. Come on* – ‘Вы **самый худший** президент, которого Америка только знала. Признайте это’.

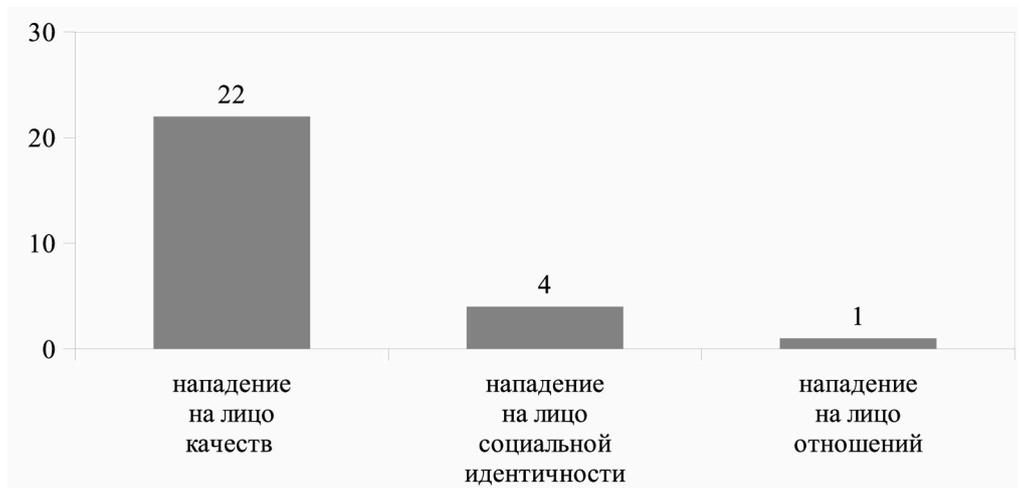
Данные, полученные в ходе анализа 11-ых демократических дебатов контрастируют с употреблением невежливости в только что рассмотренном материале: не только Дж. Байден и Б. Сандерс используют значительно меньше элементов невежливости, но и зачастую объектом их коммуникативного нападения является Д. Трамп:

(20) SANDERS: *Well, firstly, we have to do – whether or not I'm president, is to shut this president up right now, because he is undermining the doctors and the scientists who are trying to help the American people. It is unacceptable for him to be blabbering with unfactual information, which is confusing the general public* (<https://www.rev.com/blog/transcripts/march-democratic-debate-transcript-joe-biden-bernie-sanders>) – ‘Ну, первое что мы должны сделать – не важно я президент или нет – это **заставить замолчать сегодняшнего президента**, потому что **он подрывает доверие к врачам и учёным**, старающимся помочь американским гражданам. **Недопустимо, чтобы он чесал языком и распространял неточную информацию, которая запутывает людей**’.

Дискредитация президента осуществляется эксплицитно. То, что это так, показывает анализ лексики, подбираемой сенатором: в частности, политик употребляет выражение *shut up*, а манеру говорения соперника он называет «пустой болтовнёй».

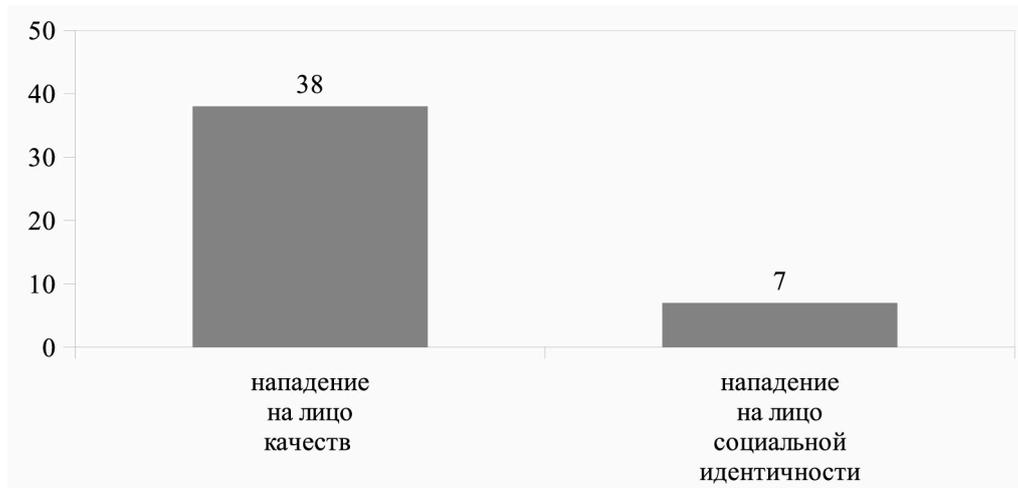
Невежливость, актуализированная в отношении идеологического противника, участникам дебатов не может принести никакого вреда – это свидетельствует о разно-

направленности невежливых дискурсивных практик, которые иногда могут быть охарактеризованы как таковые лишь с позиции стороннего наблюдателя. Вместе с тем нельзя сказать, что в 11-х демократических дебатах отсутствуют элементы речевой агрессии. Не учитывая невежливость, употреблённую, когда речь заходит о Д. Трампе и третьих лицах, представим использование элементов невежливости следующим образом (см. рис. 3–4):

Р и с у н о к 3 . Нападения на лицо Дж. Байденом
(11-ые демократические дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 3 . Face attacks by J. Biden (11th presidential debates of 2020)]

Р и с у н о к 4 . Нападения на лицо Б. Сандерсом
(11-ые демократические дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 4 . Face attacks by B. Sanders (11th presidential debates of 2020)]

С целью дискредитации соперника Б. Сандерс активно пользовался (риторическими) вопросами, напр. см. (21) (Ibid.):

(21)

SANDERS: ... – *you were not a fan of Bowles-Simpson?* – ‘САНДЕРС: ... – *Вы не поддерживали Боулза-Симпсона?*’

BIDEN: *I was not a fan of Bowles ...* – ‘БАЙДЕН: Я не был большим поклонником Боулза ...’

²Метонимия (имеется в виду – план Боулза-Симпсона). Термин ‘Bowles-Simpson’ означает комиссию, созданную в 2010 г. для решения фискальных вопросов, в частности сокращения внешнего долга США, возглавленную Э. Симпсом и Э. Боулзом.

SANDERS: *You're an honest guy. Why don't you just tell the truth here? We all make mistakes* – ‘САНДЕРС: Вы честный человек. *Почему вы не скажете правду? Мы все совершаем ошибки*’.

BIDEN: *No, I am telling the truth* – ‘БАЙДЕН: Нет, я говорю правду’.

Обратим внимание, что несмотря на дискредитирующий характер слов, произносимых Б. Сандерсом, в них есть и комплимент Дж. Байдену, а также признание, что, хоть вице-президент и совершил ошибку, это не критично: людям свойственно заблуждаться – главное признать свою неправоту. Такое смешение дискредитации и вежливости характерно для политической коммуникации. То, что подобного рода высказывания фактически отсутствуют в дебатах между Д. Трампом и Дж. Байденом свидетельствует в пользу особой инвектогенности общения между ними, вызванной идеологическими разногласиями и непримиримостью позиций.

Для дискредитации было также использовано сослагательное наклонение (Ibid.):

(22) SANDERS: *Well, this is kind of circular logic. We're going to reform the bill that I voted for. Well, if you hadn't voted for it, and if you had rallied other people, as I tried to do in the House voting against it, we might not have the problems with it we have today* – ‘Ну это *круговая логика*. Мы реформируем закон, за который я голосовал. *Если бы вы не голосовали за него, если бы вы объединили людей, как я старался это сделать, голосуя в Сенате против этого закона, может быть, у нас бы не было таких проблем, с которыми мы столкнулись*’. Имеет место нападение на лицо качеств.

Кандидаты иногда сравнивали не только свои точки зрения на разные вопросы, но и черты характера, как в (23) (Ibid.):

(23) SANDERS: *I think one of the differences, not to, you know, pick a bone here, is I have been consistent. All right? I have always believed in that. And you have not. I'm glad you have changed your views* – ‘Я думаю, что главное отличие между нами – и я говорю это здесь не с целью поссориться – я всегда был последовательным. Так? Я всегда в это верил. *А вы – нет*. Я рад, что вы меняли свои взгляды’. Вновь реализуется нападение на лицо качеств.

Отметим, что, вопреки дискредитирующей тональности реплики Б. Сандерса, в ней есть указание на то, что говорящий, на самом деле, стремится избежать конфликта (с этой целью им используется фразеологизм *not to pick a bone with*). Более того, сенатор выражает свою поддержку вице-президенту, в связи с тем, что он изменил свое мнение.

Нападение на лицо социальной идентичности вербализуется в (24) и (25) (Ibid.):

BIDEN: *And by the way, right after his vote against that, he went on the Lou Dobbs show and continued the canard that they're taking jobs, these immigrants are taking jobs from Americans, which is one of the Republican canards...* – ‘И, кстати, сразу же после голосования против, он появился на шоу Лу Добза и продолжил распространять слухи, что эти иммигранты забирают работу от американцев – *слухи, поддерживаемые республиканцами...*’.

Дж. Байден не просто подвергает сомнению личные качества своего соперника, что, несомненно, в приведённой тираде тоже присутствует, но и подчёркивает, что позиция сенатора была созвучна республиканской, что предполагает её ошибочность.

Б. Сандерс, в свою очередь, выразил мысль, что вице-президент связан с интересами большого бизнеса. С этой целью политик активно использовал риторические вопросы, параллельные конструкции, а также повторения ключевой мысли, в (26) принимающие форму эпифоры (Ibid.):

(26) SANDERS: *The trick is, do we have the guts to take on the health care industry, some of which is funding the vice president's campaign? Do we have the courage to take on the executives at the prescription drug industry, some of which – some of whom are funding his campaign?* – ‘Суть в том, хватит ли у нас мужества *бросить вызов фармацевтическим компаниям, некоторые из которых финансируют кампанию вице-президента?*

Есть ли у нас смелость *бросить вызов генеральным директорам, некоторые из которых финансируют его кампанию?*'.

Нападения на лицо отношений встречаются редко. В дебатах между Дж. Байденом и Б. Сандерсом можно встретить лишь один эпизод, который, на наш взгляд, допустимо трактовать с применением соответствующей терминологии (Ibid.):

(27)

BIDEN: *...look what's happened in Mississippi. Look what's happened in North Carolina. Look what's happened in Washington state. Look what's happened across the board. Why is it that I'm I winning all those places? What's the reason? What's the reason? ...I am winning – not just winning, but overwhelmingly winning. Not even close in these places. And ...* – 'БАЙДЕН: ...посмотрите, что произошло в Миссисипи. Посмотрите, что произошло в Северной Каролине. Посмотрите, что произошло в штате «Вашингтон». Посмотрите, что произошло повсюду. Почему я выигрываю во всех этих местах? В чём причина? В чём причина? ...*Я побеждаю – не просто побеждаю, но побеждаю с решающим перевесом. Даже не близко в этих местах. И...*'

SANDERS: *Well, you didn't quite win...* – 'САНДЕРС: *Ну, вы ещё не совсем победили...*'.

Дж. Байден, представляя себя победителем, косвенно компрометирует кампанию Б. Сандерса. При этом разрыв между кандидатами обозначен прямо – *Даже не близко в этих местах*. Сенатор не соглашается, конечно же, с такой позицией и отмечает, что исход выборов ещё не предрешён.

3. Заключение [Conclusion]

Невежливость – сложное, неоднозначное понятие, подверженное различным интерпретациям, не всегда поддающееся квантитативному анализу, неудобное для изучения также с позиции этики, а поэтому долгое время не привлекавшее внимание лингвистов, что, безусловно, не только обедняло эспланаторный потенциал науки о языке, но и порой вообще не позволяло рассмотреть многие дискурсивные среды, в которых невежливость, актуализированная в том или ином её виде, служит системообразующим компонентом.

В статье было предложено видение невежливости как явления, соотносённого с влиятельной концепцией лица, предполагающей, что невежливость возникает в результате избрания говорящим ликоугрожающих (англ. *face-threatening*) речевых актов. Анализ невежливости в дискурсе американских политических дебатов 2020 г. показал, что частой разновидностью невежливости, актуализируемой в политическом дискурсе, была дискредитация лица качеств. Это объясняется необходимостью подвергнуть сомнению рациональность действий и мнений соперника.

С другой стороны, личность противника может быть серьёзно оскорблена в результате разоблачения его связей с коррумпированными, ненадёжными, безответственными и т. д. людьми, будь то члены его семьи, партии или имеющие хоть малейшую ассоциацию с ним. Этим объясняется эффективность нападения на лицо социальной идентичности, по всей видимости, предпочитаемая некоторыми менее конвенциональными или вовсе непрофессиональными политиками, готовыми делать объектами своих речевых атак даже не столько идеологического оппонента, сколько, к примеру, его супругу, детей, друзей и товарищей, что неизбежно усиливает атональность и инвектогенность общения.

Нестандартной невежливой дискурсивной практикой, пока относительно редко используемой в официальной политической коммуникации, является дискредитация лица отношений, представляющая собой вызов тому или иному государственному деятелю, отказ признать не только его заслуги, но и зачастую позицию, удерживаемую им в рамках политических институтов и общества.

Подчеркнём, что традиционно в рамках политического общения, предполагающего как минимум некоторую степень уважения и к оппоненту, и к людям, ассоциирующим себя с ним, несвойственно прибегать к инвективам. Тем более, казалось бы, не допускается ставить под сомнение социальный статус политических агентов. Обнаружение достаточно большого количества примеров нападений на лицо социальной идентичности и даже на лицо отношений в речи некоторых кандидатов свидетельствует в пользу персонализации, лудизации и агрессивизации политической повестки, становящейся менее профессиональной, основывающейся главным образом на полемике с противником.

Дальнейшее изучение невежливости на материале различных – не только политического – дискурсов призвано, во-первых, показать, что невежливость не менее, а зачастую даже более распространённое явление, чем вежливость. Во-вторых, не вызывает сомнения, что невежливость не ограничена концепцией лица и может быть сочленена и с другими понятиями, подробное изложение которых не входило в задачи настоящего исследования, но может послужить вектором последующих изысканий.

Библиографический список

- Алексеев, 2022 – Алексеев А. Б. О функциях невежливости в политическом дискурсе // Вестник МГПУ. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 3 (47). С. 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>
- Алексеев, 2023 – Алексеев А. Б. Агрессивизация и лудизация политического дискурса в свете изучения политейнмента // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4 (52). С. 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>
- Бодулева, и др., 2023 – Бодулева А. Р., Дмитриева Д. Ю., Салина А. С. Дисфемизмы как средство языковой манипуляции в медиа пространстве (на материале англоязычных статей) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 20–29.
- Гриценко, 2023 – Гриценко С. А. «Ярко, ярко горят»: психопатологические мотивы в любовной лирике «Элизиум» // Романовские чтения – 16 : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 24 ноября 2022 г. / под ред. А. С. Мельниковой, Е. И. Головач. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2023. С. 129–130.
- Кондакова, Принципалова, 2021 – Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156>
- Мальцева, 2022 – Мальцева И. А. Спортивный медиадискурс: традиции и инновации. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. 169 с.
- Пак, 2022 – Пак Л. Е. Дискурс спортивного комментария на английском и русском языках: лексические особенности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та. 2022. Т. 14, № 4. С. 210–218. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-4/210-218>
- Пищерская, 2023 – Пищерская Е. Н. Вербальные средства реализации коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы // Филология. Научные исследования. 2023. № 4. С. 73–83. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.4.40117>
- Салимова, 2023 – Салимова Э. Т. Языковая игра как средство манипулирования сознанием в предвыборном политическом дискурсе // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 18 июля 2023 г.) / гл. ред. Ж. В. Мурзина. Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2023. С. 39–44.
- Самойлова, 2022 – Самойлова А. В. Лингвопрагматика англоязычных политических неологизмов // Язык и социум: динамика взаимоотношений / под ред. В. В. Катерминой. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 194–212.
- Селиванова, 2023 – Селиванова И. В. Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник НГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 45–57. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57>

- Стародубцева, 2023 – Стародубцева Н. С. Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодёжи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 143–151.
- Терещук, 2023 – Терещук А. А. Языковые особенности освещения первой карлистской войны в Испании российской прессой // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2023. Т. 33, № 4. С. 737–745.
- Тимофеева, 2023 – Тимофеева М. К. Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 143–158. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143
- Шабалкина, 2023 – Шабалкина А. А. Приемы манипуляции в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) // Студенческая наука и XXI в. 2020. Т. 17, № 1-2 (19). С. 225–226.
- Шустова, Шипицин, 2023 – Шустова С. В., Шипицин А. А. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 203–217.
- Andersson, Trudgill, 1990 – Andersson L., Trudgill P. Bad language. Cambridge : Basil Blackwell, 1990. 202 p.
- Culpeper, 2011 – Culpeper J. Impoliteness. Using language to cause offense. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 292 p.
- Foucault, 1972 – Foucault M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York : Pantheon, 1972. 254 p.
- Janich, 2012 – Janich N. Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt : Francke Verlag, 2012. 508 S.
- Mackensen, 1973 – Mackensen L. Verführung durch Sprache. München : List Verlag, 1973. 327 S.
- McEnery, 2009 – McEnery T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London : Routledge, 2009. 276 p.
- Mills, 2004 – Mills S. Discourse. London : Routledge, 2004. 168 p.

References

- Alekshev, A. B. (2022). O funktsiyakh nevezhlivosti v politicheskom diskurse [On the functions of impoliteness in political discourse]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 3 (47), 118–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>
- Alekshev, A. B. (2023). Agressivizatsiya i lyudizatsiya politicheskogo diskursa v svete izucheniya politeynmenta [Aggressivization and ludization of political discourse in the light of politainment studies]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 4 (52), 170–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>
- Boduleva, A. R., Dmitrieva, D. Yu., & Salina, A. S. (2023) Disfemizmy kak sredstvo yazykovoy manipulyatsii v media prostranstve (na materiale angloyazychnykh statey) [Dysphemisms as a means of language manipulation in media space (Based on English articles)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 20–29. (In Russ.).
- Gritsenko, S. A. (2023). «Yarko, yarko goryat»: psikhopatologicheskie motivy v lyubovnoy lirike «Elizium» [‘Bright, bright burn’: Psychopathological motives in the love lyrics of Elysium]. In A. S. Melnikova, & E. I. Golovach (Eds), *Romanovskie chteniya [Romanov lectures] : International conf. proc., November 24, 2023* (pp. 129–130). Mogilev : Mogilev State A. Kuleshov University Press (In Russ.).
- Kondakova, E. A., & Printsipalova, O. V. (2021). Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [NSU Vestnik Journal. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 19 (2), 143–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156>
- Mal'tseva, I. A. (2022). *Sportivnyy mediadiskurs: traditsii i innovatsii [Sport mediadiscourse: Traditions and innovations]*. Krasnodar : Kuban State University Press. (In Russ.).
- Pak, L. E. (2022). Diskurs sportivnogo kommentariya na angliyskom i russkom yazykakh: leksicheskie osobennosti [Discourse of sports commentary in English and Russian: lexical features]. *Vestnik*

- Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University]*, 14 (4), 210–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-4/210-218>
- Pishcherskaya, E. N. (2023). Verbal'nye sredstva realizatsii kommunikativnykh strategiy v tekstakh angloyazychnoy naruzhnoy reklamy [Verbal means of implementing communicative strategies in English-language outdoor advertising]. *Filologiya. Nauchnye issledovaniya [Philology. Scientific Research]*, 4, 73–83. (In Russ.).
- Salimova, E. T. (2022). Yazykovaya igra kak sredstvo manipulirovaniya soznaniem v predvybornom politicheskom diskurse [Language game as a means of manipulating in the political discourse]. In Zh. V. Murzina (Ed.), *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: ot teorii k praktike [Pedagogics, psychology, society: From theory to practice]: II All-Russia conf. proc.* (pp. 39–44). Cheboksary : Sreda Press. (In Russ.).
- Samoylova, A. V. (2022). Lingvopragmatika angloyazychnykh politicheskikh neologizmov [Linguopragmatics of English political neologisms]. In V. V. Katermina (Ed.), *Yazyk i sotsium: dinamika vzaimootnosheniy [Language and society: dynamic of interrelations]* (pp. 194–212). Krasnodar : Kuban /state University Press. (In Russ.).
- Selivanova, I. V. (2023). Strategii uderzhaniya vlasti v publichnom diskurse ispanskoy monarkhii [Verbal strategies for maintaining power in public discourse of the Spanish monarchy]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [NSU Vestnik Journal. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 21 (3), 45–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57>
- Starodubtseva, N. S. (2023). Kontsept LITSO v yazykovoy kartine mira kitayskoy molodezhi [The concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 143–151. (In Russ.).
- Tereshchuk, A. A. (2023). Yazykovye osobennosti osveshcheniya pervoy karlistskey voyny v Ispanii rossiyskoy pressoy [Linguistic characteristics of covering the first Carlist war in Spain]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser. Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]*, 33 (4), 737–745. (In Russ.).
- Timofeeva, M. K. (2023). Mezhdistsiplinarnyy sopostavitel'nyy slovar' terminov [Interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 143–158. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143
- Shabalkina, A. A. (2020). Priemy manipulyatsii v politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo yazyka) [Manipulation techniques in political discourse (Based on German)]. *Studencheskaya nauka i XXI v. [Students' Science and the 21st Century]*, 17, 1-2 (19), 225–226. (In Russ.).
- Shustova, S. V., & Shipitsin, A. A. (2023). Novaya leksika v diskursivnoy praktike «kul'tury otmeny» [New vocabulary in the discursive practice of 'Cancel Culture']. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 203–217. (In Russ.).
- Andersson, L., & Trudgill, P. (1990) *Bad language*. Cambridge : Basil Blackwell.
- Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offense*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Foucault, M. (1972). *The archeology of knowledge and the discourse on language*. New York : Pantheon.
- Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Darmstadt : Francke Verlag.
- Mackensen, L. (1973). *Verführung durch Sprache*. München : List Verlag.
- McEnery, T. (2009). *Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present*. London : Routledge.
- Mills, S. (2004). *Discourse*. London : Routledge.

Бральнин Дмитрий Олегович
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
г. Сыктывкар, Российская Федерация
bralnin00@mail.ru

Применение мультимодальных текстов для анализа лингвокультурного типажа: опыт систематизации

Аннотация

Лингвокультурный типаж в современной научной литературе анализируется с применением различных методов, в том числе и мультимодального. Мультимодальный метод рассмотрения типажа представляет собой мощный универсальный инструмент для объективации признаков типажа. Целью настоящего исследования является систематизация мультимодальных текстов, использующих разнообразные средства коммуникации для описания взаимодействия языка и культуры. В свете тенденций цифрового мира и происходящих культурных изменений обобщающие схемы, предложенные в данной статье, раскрывают новые грани представления о том, как различные модальности могут формировать лингвокультурный типаж. В статье представлено две классификации средств создания лингвокультурного типажа: по типу дискурса и по количеству используемых модальностей, каждая из которых имеет свои особенности. Выявлено, что объединение элементов лингвистического и культурного контекстов предоставляет новые возможности для комплексного описания особенностей характерного представителя типажа. Полученные результаты могут быть применены в деятельности лингвистов, культурологов, исследователей средств массовой информации, преподавателей русского языка как иностранного и специалистов в области межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, мультимодальный анализ, мультимодальный текст, вербальный модус, невербальный модус

© Бральнин Д. О. 2024

Для цитирования: Бральнин Д. О. Применение мультимодальных текстов для анализа лингвокультурного типажа: опыт систематизации // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 22–30. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-22>

Dmitriy O. Bralnin
Syktvykar State University
Syktvykar, Russian Federation
bralnin00@mail.ru

Application of multimodal texts for cultural linguistic type analysis: Experience of systematization

Abstract

Currently, researchers analyze cultural linguistic type using various methods including multimodal method. The multimodal method of considering the type is a powerful universal tool for objectifying the features of the type. This study aims to systematize multimodal texts that use a variety of communication media to describe the interaction between language and culture. In light of the trends of the digital world and the ongoing cultural changes, the generalization schemes proposed in this article reveal new facets in the notion of how different modalities can form a cultural linguistic type. The article presents two classifications of means to create a cultural linguistic type: by the type of discourse and by the number of modalities used, each of them having its own peculiarities. It was found that combining the elements of linguistic and cultural contexts provides new

opportunities for a comprehensive representation of the features of a characteristic representative of the type. The obtained results can be applied by linguists, culturologists, media researchers, teachers of Russian as a foreign language and specialists in the field of intercultural communication.

Keywords: cultural linguistic type, multimodal analysis, multimodal text, verbal modus, non-verbal modus

© Bralnin D. O. 2024

For citation: Bralnin, D. O. (2024). Primenenie mul'timodal'nykh tekstov dlya analiza lingvokul'turnogo tipazha: opyt sistematizatsii [Application of multimodal texts for cultural linguistic type analysis: Experience of systematization]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10(3), 22–30. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-22>

1. Введение [Introduction]

Изучение языка в XXI веке требует появления новых работ, описывающих его не как автономную от других наук о человеке единицу, а как результат контаминации разнородных явлений, таких как слово, интонация, жест, изображение, шрифт и другие. Как справедливо подчёркивал Р. Сколлон, «любое использование языка неизбежно является мультимодальным» [Scollon, 2006, p. 386]. В зарубежной лингвистике термин «мультимодальный текст», берущий своё начало с трудов 1980–1990-х годов, был предложен в самом начале XXI века Гюнтером Крессом и Тео ван Лёвенем [Kress, Van Leeuwen, 2001, p. 122].

Этот термин, опирающийся на психологическое определение модальности, был выбран российским филологом А. А. Кибриком для описания мультимодальности устного дискурса, а его статья «Мультимодальная лингвистика» явилась одним из первых трудов в России, касающихся этого нового направления языкознания [Кибрик, 2010]. Выделенные учёным три канала передачи и восприятия информации – вербальный, визуальный и просодический – находятся в постоянном взаимодействии в рамках естественного дискурса и, согласно проведённому анализу, располагаются в указанном порядке по иерархии, основанной на информативности каждого канала [Кибрик, 2010, с. 143].

По своей природе письменный текст также состоит из нескольких взаимодействующих каналов. Смешение вербального и невербального модусов в таких текстах в российской научной литературе принято называть креолизацией [Сорокин, Тарасов, 1990 ; Окунева, Лагун, 2017 ; Стуколова, Ежова, 2020] или поликодовостью [Чернявская, 2009 ; Ариас, 2011], а в международной – мультимодальностью [Kress, Van Leeuwen, 2001 ; Serafini, 2013]. Обзор большого количества специализированного филологического материала на разных языках [Сабадин, 2022] позволил утверждать, что «в связи с нарастающим распространением понятия мультимодальности в международном научном обороте, а также для включения русскоязычных работ в международный контекст» [Сабадин, 2022, с. 2021] целесообразнее использовать термин «мультимодальный» для обозначения любого типа смешанного текста. Мы также будем использовать термин «мультимодальный текст» для описания всех типов текстов, созданных при помощи нескольких кодов коммуникации.

Устные и письменные мультимодальные тексты применяются во многих современных направлениях исследования, в том числе и в практике анализа лингвокультурных типажей. Термин «лингвокультурный типаж» базируется на таких важных понятиях, как языковая личность [Караулов, 2004], лингвоперсонология [Нерозник, 1996], лингвокультурология [Карасик, Дмитриева, 2005], и репрезентирует узнаваемый образ представителей определённой лингвокультуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества [Карасик, Дмитриева, 2005, с. 8].

За последние 15 лет было написано более 700 исследований, связанных с теорией и практикой анализа лингвокультурного типажа. Учёные определяют место понятия «лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий [Лутовинова, 2009 ; Резник, 2013], выделяют основные компоненты анализа типажа: понятийный, образный и ценностный [Карасик, 1996], предпринимаются попытки классификации типажей по различным основаниям: по принадлежности к социальной группе [Карасик, 2005], по степени выраженности узнаваемых характеристик [Карасик, 2002], [Карасик, Дмитриева, 2005], по степени актуальности [Дубровская, 2017] и другим. Подробное исследование оснований для классификации типажей представлено в [Мурзинова, 2021]. Недостаточным в уже имеющихся работах, по нашему мнению, является отсутствие обобщающей системы поликодовых средств, в том числе и мультимодальных текстов, которые использовались авторами для описания лингвокультурного типажа. В связи с этим целью настоящего исследования стало составление сводной системы мультимодальных средств для анализа лингвокультурного типажа. Применение этой теоретической схемы для комплексного анализа ещё не описанного типажа поможет открыть новые горизонты рассмотрения типажа в научных трудах.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили кандидатские диссертации и иные работы, связанные с анализом конкретных лингвокультурных типажей: «русский интеллигент» [Карасик, 2005 ; Ярошенко, 2010], «хакер» [Лутовинова, 2006], «звезда Голливуда» [Селиверстова, 2007], «британская королева» [Мурзинова, 2009], «школьная учительница» [Попова, 2012], «врач» [Зыкова, 2016], «человек богемы» [Дубровская, 2017], «леди» [Молчанова, 2017], «ученик» [Ермолова, 2017], «блогер» [Граждан, 2018]. Выбор этих 10 трудов обусловлен актуальностью лингвокультурного типажа в русской, английской / американской лингвокультуре и наличием мультимодальных средств создания лингвокультурного типажа. В данном исследовании произведён анализ признаков каждого типажа с точки зрения способа их фиксации учёными. Методом сплошной выборки из упомянутых публикаций собрано более 200 признаков различных лингвокультурных типажей, которые стали основой для систематизации. Составление системы мультимодальных средств описания лингвокультурного типажа выполнено с использованием сравнительно-сопоставительного анализа, обобщения, моделирования.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Анализ материала позволил составить обобщённую систему средств формирования отличительных признаков конкретного типажа, в основу которой были положены такие значимые характеристики, как тип дискурса и количество модусов.

По типу дискурса, в рамках которого проводились исследования, было выделено четыре группы средств формирования типажа: средства устного, письменного, цифрового (электронного, виртуального) и комбинированного дискурса.

Средства устного дискурса для анализа типажа представлены такими типами, как:

1) записи устной речи, помогающие выделить просодические особенности типажа, в частности уточняющую характеристику ‘обладающая специфической тональностью голоса’ у школьной учительницы [Попова, 2012];

2) особенности лексического состава и устного синтаксиса (напр., употребление иностранных слов, сложных предложений, большого количества тропов, неологизмов в речи человека богемы [Дубровская, 2017]);

3) жестовые особенности и отличительная мимика и др.

В рамках письменного дискурса были выделены такие средства конструирования типажа, как:

1) анализ сообщений из средств массовой информации (негативная оценка деятельности хакера широко представлена в СМИ, что позволяет отметить это в качестве отличительного признака типажа [Лутовинова, 2006, с. 219]);

2) обращение к словарным дефинициям, характерное для выделения понятийных характеристик каждого типажа [Лутовинова, 2006 ; Мурзинова, 2009] и др.;

3) сплошная выборка из текстов художественной литературы [Селиверстова, 2007 ; Мурзинова, 2009 ; Ярошенко, 2010] и др.

Применение средств цифрового дискурса может было обусловлено

1) средой функционирования типажа (типаж «хакер» [Лутовинова, 2006], типаж «блогер» [Граждан, 2018]);

2) отражением типажа в произведениях разного вида искусств (идеализация образа хакера в кино заставляет молодёжь восхищаться его способностями [Лутовинова, 2006, с. 219–220]; публичность, высокие гонорары и другие признаки звезды Голливуда концептуализируются на материале телепередач и песен [Селиверстова, 2007] и др.);

3) обращением к узкоспециализированным сетевым словарям отдельных форм национального языка (словарь хакерского сленга [Лутовинова, 2006]) и др.

В рамках комбинированного дискурса были рассмотрены средства описания типажа, сочетающие в себе в различных пропорциях остальные типы дискурсов. Так, для создания образной характеристики типажа применяются опросы [Лутовинова, 2006 ; Селиверстова, 2007 ; Мурзинова, 2009 ; Попова, 2012] и ассоциативные эксперименты [Молчанова, 2017], которые могут проводиться непосредственно устно в стенах учебного заведения или на улице, письменно в аудиториях или в сети Интернет.

По количеству применяемых модусов было выделено три группы: мономодальные, бимодальные и кросс-модальные средства.

К мономодальным были отнесены вербальные и паралингвистические (визуальные, просодические) средства. Следует обратить внимание, что при создании типажа с использованием мономодальных средств анализируемый исследователями материал не перестаёт быть мультимодальным, а авторы лишь избирают конкретную характеристику для представления специфики типажа.

В состав мономодальных вербальных средств входят лексемы, фразеологизмы, лексико-семантические группы (синонимические ряды существительных *барышня, девушка, девочка – молодая леди* или *сударыня, барыня, дама, женщина, бабушка – старая леди* [Молчанова, 2017]; антонимические пары *леди – джентльмен* [Молчанова, 2017]), изобразительно-выразительные средства, слова и выражения с различными способами словообразования с включением лингвокультурного типажа (*интеллигентшица, интеллигентщина, интеллихэнт* [Ярошенко, 2010]; *ladybird, ladybug, lady fern, dinner lady* [Молчанова, 2017]) и др.

Паралингвистическими мономодальными средствами формирования типажа могут служить характеристики голоса (у учителя особая тональность голоса [Попова, 2012], человек богемы больше растягивает слова и применяет выдержанные паузы [Дубровская, 2017]), внешний образ (классическая причёска и строгая одежда у учителя [Попова, 2012], медицинский халат у врача [Зыкова, 2016], неопрятная одежда у двоечника и косички с бантиками у отличницы [Ермолова, 2017]) и др.

Бимодальные средства сочетают два различных модуса передачи информации: креолизованные тексты (напр., с изображениями школьников для описания образного компонента типажа [Ермолова, 2017]) и др.

Кросс-модальные средства включают в себя не менее трёх каналов передачи информации. Например, при анализе типажа с помощью кинодискурса [Зыкова, 2016 ;

Мельниченко, 2021], видео или театрального искусства могут учитываться вербальный, визуальный, просодический модусы, даже музыкальное сопровождение, запахи, тактильный контакт, т. е. может использоваться не только мультимодальный, но и мультисенсорный подходы.

Таким образом, две выделенные в статье классификации средств создания лингвокультурного типажа помогают описать дискурс его функционирования (первая схема) и количество кодов, применяемых для описания конкретного типажа используемыми исследователями средствами (вторая схема).

Устойчивым элементом практико-ориентированного анализа конкретных лингвокультурных типажей на сегодняшний день является привлечение словарных дефиниций для конструирования понятийного компонента, проведение опросов – для образного.

В своих лингвокультурологических работах для описания типажа исследователи уделяют большее внимание изучению письменных источников (словари, СМИ, художественная литература), реже – мультимодальных и кросс-модальных (креолизованные тексты, видео, кино), ещё реже – устных (записи звучащей речи или транскрибирование).

В исследовании представлено два лингвокультурных типажа, функционирующих в виртуальном дискурсе – «хакер» [Лутовинова, 2006] и «блогер» [Граждан, 2018]. Статьи об этих лингвокультурных типажах, как видно по времени их написания, опубликованы с разницей более десяти лет. За этот период интернет-среда активно развивалась, значительно увеличилось количество пользователей в социальных сетях, эволюционировали лингвокультурные типажи сетевого дискурса.

Элементы мультимодального подхода применяются в обеих статьях: подчёркивается, что в популярных фильмах хакер представлен как идеализированный супергерой, а блогер в кино описывает свою жизненную позицию в сети Интернет (кросс-модальное средство), многие хакеры не владеют фонетикой английского языка (паралингвистическое мономодальное средство), но понимают смысл английских терминов из компьютерной сферы, написанных на экране монитора, а речь блогера насыщена специализированной лексикой, особенно неологизмами-аббревиатурами (вербальное мономодальное средство) или смайликами (паралингвистическое мономодальное средство). В тех частях статей о типажах «хакер» и «блогер», которые связаны с опросом респондентов или анализом текстов, авторы используют компоненты чувственного восприятия: обонятельный (от хакера неприятный запах, потому что он курит, пьёт много пива или более крепкого алкоголя), слуховой (хакер любит громко слушать хард-рок), зрительный (поле зрения хакера ограничивается виртуальным пространством, а у блогера всегда красные глаза, что находит отражение в анекдотах), вкусовой (любимой пищей хакера названы пицца, чипсы, сухарики, бутерброды, пельмени), тактильный (можно ощутить неприятные ощущения от внешности хакера: грязные волосы, нагловатая улыбка, растянутый свитер, нестиранные дырявые джинсы).

3. Заключение [Conclusion]

Мультимодальный подход с каждым годом является всё более актуальным способом описания языка, в том числе и в таких разделах, как лингвоперсонология и лингвокультурология. Представленные в статье классификации средств, применяемых исследователями-филологами для создания лингвокультурного типажа, основываются на типе дискурса и количестве применяемых модусов.

Каждый из четырёх выделенных типов дискурса (первая классификация) включает собственные уникальные средства создания лингвокультурного типажа, в том числе и мультимодальные, открывающие новые грани в описании типажа.

Если в основу анализа типажа положены средства устного дискурса, то исследования сосредоточены на изучении записей устной речи, лексических, синтаксических,

коммуникационных и поведенческих особенностей лингвоперсоналии. Письменный дискурс учитывает особенности описания типажа в художественных и публицистических произведениях, в научных словарях. В рамках цифрового дискурса рассматриваются кинотексты, сетевые словари, песни и телепередачи с лингвокультурологических позиций, а средства комбинированного дискурса в исследованиях представлены в виде опросов и ассоциативных экспериментов.

Авторы работ по описанию лингвокультурных типажей часто используют мономодальные средства (вторая классификация). Изучение современных креолизованных текстов, представляющих собой бимодальный текст, таких как мемы, манги, реклама на баннерах, стикеры, плакаты и другие, может быть весьма эффективным для описания лингвокультурных типажей, поскольку они отражают смешение различных языков, культур и стилей коммуникации, но сейчас, к сожалению, их использование в этой области не зафиксировано.

Кросс-модальные тексты (напр., кинодискурс) стали основой для описания типажа менее десяти лет назад. Обозначенный в данном исследовании комплексный подход к типуажу, учитывающий не только зрительные, но и ассоциирующиеся с ним вкусовые, слуховые, тактильные и обонятельные характеристики, может способствовать появлению новых трудов в области лингвокультурологии, связанных с построением описания лингвокультурного типажа.

Мультисенсорный подход, являющийся частной разновидностью мультимодального, не распространён в лингвокультурологии и лингвоперсоналогии для описания лингвокультурного типажа, однако его элементы встречаются в исследованиях, посвящённых, например, функционирующим в сетевом дискурсе лингвокультурным типажам. Можно предложить следующие актуальные способы применения этого подхода: при описании типажа «музыкант» использовать известные фрагменты музыкальных произведений (музыкальное сопровождение), для типажей «светская львица», «звезда Голливуда» [Селиверстова, 2007] упомянуть дорогие духи и приятные ароматы (запахи), для типажа «новоиспеченная мама» описать частый тактильный контакт с малышом (осязание), что может стать перспективой исследования.

Применяя мультимодальный и мультисенсорный подходы для моделирования лингвокультурного типажа, можно учесть культурные нюансы в визуальных и звуковых аспектах, повысить качество межкультурной коммуникации, адаптироваться к современным трендам и более полно представить контекст функционирования разных типажей.

Библиографический список

- Ариас, 2011 – Ариас А.-М. Поликодовый текст как семиотико-семантическое и эстетическое знаковое единство (на примере немецкой карикатуры) // Известия Санкт-Петербургского ун-та экономики и финансов. 2011. № 6. С. 62–65.
- Граждан, 2018 – Граждан Е. Н. Лингвокультурный типаж «Блогер» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-1 (88). С. 84–87. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.17>
- Дубровская, 2017 – Дубровская Е. М. Лингвокультурный типаж «человек богемы»: динамический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 ; Новосибирский гос. техн. ун-т. Новосибирск, 2017. 230 с.
- Ермолова, 2017 – Ермолова Е. В. Лингвокультурный типаж «ученик» в русскоязычном и англоязычном дискурсах : выпускная квалификационная работа ; Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2017. 96 с.
- Зыкова, 2016 – Зыкова К. А. Лингвокультурный типаж «врач» в американском кинотексте : магистерская диссертация ; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб, 2016. 115 с.
- Карасик, 1996 – Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск : Перемена, 1996. С. 3–16.

- Карасик, 2002 – Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
- Карасик, 2005 – Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25–61.
- Карасик, Дмитриева, 2005 – Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 5–25.
- Караулов, 2004 – Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 264 с.
- Кибрик, 2010 – Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования IV. М.: ИП РАН, 2010. С. 134–152.
- Лутовинова, 2006 – Лутовинова О. В. Лингвокультурный типаж «хакер» // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20. С. 215–229.
- Лутовинова, 2009 – Лутовинова О. В. «Лингвокультурный типаж» в ряду смежных понятий, используемых для исследования языковой личности // Ученые записки Забайкальского гос. ун-та. Сер.: Филология, история, востоковедение. 2009. № 3. С. 225–228.
- Мельниченко, 2021 – Мельниченко А. А. Лингвокультурные типажи в современном китайском кинодискурсе (на материале телевизионных сериалов): магистерская диссертация: 45.04.02; Сибирский фед. ун-т. Красноярск, 2021. 109 с.
- Молчанова, 2017 – Молчанова Д. В. Экспериментальный подход к исследованию концепта «lady/леди»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20; Московский гос. обл. ун-т. Москва, 2017. 186 с.
- Мурзинова, 2009 – Мурзинова И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2009. 194 с.
- Мурзинова, 2021 – Мурзинова И. А. Критерии классификации лингвокультурных типажей // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2021. № 6. С. 114–117.
- Нерознак, 1996 – Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. Московского лингв. ун-та. Вып. 426. М.: Изд-во МГЛУ, 1996. С. 112–116.
- Окунева, Латун, 2017 – Окунева И. А., Латун В. В. Особенности использования структурных компонентов креолизованных текстов в зарубежной учебной книге: моменты концептуальной инверсии // Мир науки. Педагогика и психология. 2017. Т. 5, № 2. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf> (дата обращения: 09.11. 2023).
- Попова, 2012 – Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19; Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2012. 25 с.
- Резник, 2013 – Резник В. А. Лингвокультурный типаж в системе смежных понятий // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2013. Т. 15. № 2. С. 481–484.
- Сабадин, 2022 – Сабадин С. Т. М. Ж. П. Смешанные тексты: креолизованный vs поликодовый vs мультимодальный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Вып. 15, № 6. С. 2017–2023.
- Селиверстова, 2007 – Селиверстова Л. П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04; Волгоградский гос. ун-т. Волгоград, 2007. 20 с.
- Сорокин, Тарасов, 1990 – Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
- Стуколова, Ежова, 2020 – Стуколова Е. А., Ежова Т. В. Креолизованный интернет-текст как средство эффективной подготовки будущего учителя иностранного языка // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8, № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN420.pdf> (дата обращения: 11.11. 2023).
- Чернявская, 2009 – Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

- Ярошенко, 2010 – Ярошенко О. А. Эволюция понятийной составляющей лингвокультурного типа «русский интеллигент» // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2010. № 124. С. 240–247.
- Kress, Van Leeuwen, 2001 – Kress G. R., Van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication*. London : Edward Arnold Publ., 2001. 166 p.
- Scollon, 2006 – Scollon R. *Multimodality and the language of politics* // *Encyclopedia of language and linguistics*. 2nd edn. / Ed. by K. Brown. Oxford : Elsevier, 2006. P. 386–387. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00729-X>
- Serafini, 2013 – Serafini F. *Reading the visual: An introduction to teaching multimodal literacy*. N. Y. : Teachers College Press, 2013. 189 p.

References

- Arias, A-M. (2011). Polikodovyy tekst kak semiotiko-semanticheskoe i esteticheskoe znakovoe edinstvo (na primere nemetskoj karikatury) [Polycoded text as semiotic-semantic and aesthetic sign unity (On the example of German caricature)]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo un-ta ekonomiki i finansov [Izvestiya St. Petersburg University of Economics and Finance]*, 6, 62–65.
- Grazhdan, E. N. (2018). Lingvokul'turnyy tipazh «Blogger» [Linguo-cultural type “Blogger”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 10-1 (88), 84–87. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.17>
- Dubrovskaya, E. M. (2017). *Lingvokul'turnyy tipazh «chelovek bogemy»: dinamicheskiy aspekt [Cultural linguistic type "bohemian man": dynamic aspect]*. Author’s abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Novosibirsk State Technical University. Novosibirsk.
- Ermolova, E. V. (2017). *Lingvokul'turnyy tipazh «uchenik» v russkoyazychnom i angloyazychnom diskursakh [Linguocultural type “pupil” in Russian-and-English-language discourses]*. Graduation work ; Ural State Pedagogical University. Ekaterinburg.
- Zykova, K. A. (2016). *Lingvokul'turnyy tipazh «vrach» v amerikanskom kinotekste [Linguocultural “doctor” in the American movie text]*. Master thesis ; St Petersburg State University. St Petersburg.
- Karasik, V. I. (1996). Kul'turnye dominanty v yazyke [Cultural dominants in language]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty [Linguistic personality: Cultural concepts]* (pp. 3–16). Volgograd – Arkhangel'sk : Peremena Press.
- Karasik, V. I. (2002). *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs [The linguistic circle: Personality, concepts, discourse]*. Volgograd : Peremena Press.
- Karasik, V. I. (2005). Lingvokul'turnyy tipazh «russkiy intellekt» [Linguocultural type “Russian intellectual”]. In V. I. Karasik (Ed.), *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnyye tipazhi [Axiological linguistics: Linguocultural types]* (pp. 25–61). Volgograd : Paradigma Press.
- Karasik, V. I., & Dmitrieva, O. A. (2005). Lingvokul'turnyy tipazh: k opredeleniyu ponyatiya [Linguocultural type: Definition of the concept]. In V. I. Karasik (Ed.), *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turnyye tipazhi [Axiological linguistics: Linguocultural types]* (pp. 5–25). Volgograd : Paradigma Press.
- Karaulov, Yu. N. (2004). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' [Russian language and linguistic personality]*. Moscow : Editorial URSS Press.
- Kibrik, A. A. (2010). Mul'timodal'naya lingvistika [Multimodal linguistics]. *Kognitivnye issledovaniya IV [Cognitive Studies IV]* (pp. 134–152). Moscow : IP RAN Press.
- Loutovinova, O. V. (2006). Lingvokul'turnyy tipazh “khaker” [Cultural personality type “hacker”]. *Politicheskaya lingvistika [Political Linguistics]*, 20, 215–229.
- Lutovinova, O. V. (2009). «Lingvokul'turnyy tipazh» v ryadu smezhnykh ponyatiy, ispol'zuemykh dlya issledovaniya yazykovoy lichnosti [“Linguocultural type” in the row of allied concepts used for the research of a linguistic personality]. *Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gos. un-ta. Ser. : Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Scientific Notes of Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies]*, 3, 225–228.
- Mel'nichenko, A. A. (2021). *Lingvokul'turnyye tipazhi v sovremennom kitayskom kinodiskurse (na materiale televizionnykh serialov) [Linguocultural types in modern Chinese movie discourse (On the material of TV series)]*. Master thesis ; Siberian Federal University. Krasnoyarsk.

- Molchanova, D. V. (2017). *Ekspperimental'nyy podkhod k issledovaniyu kontsepta «lady/ledi»* [Experimental approach to the study of the concept “lady”]. PhD in Philological sci. diss. ; Moscow State Regional University. Moscow.
- Murzinova, I. A. (2009). *Lingvokul'turnyy tipazh «britanskaya koroleva»* [Linguocultural type “British queen”]. PhD in Philological sci. diss. ; Volgograd State University. Volgograd.
- Murzinova, I. A. (2021). Kriterii klassifikatsii lingvokul'turnykh tipazhey [The criteria of the classification of linguocultural personality types]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University]*, 6, 114–117.
- Neroznak, V. P. (1996). Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic personology: Toward defining the status of the discipline]. In V. P. Neroznak (Ed.), *Yazyk. Poetika. Perevod [Language. Poetics. Translation]* (Vol. 426, pp. 112–116). Moscow : Moscow State Linguistic University Press.
- Okuneva, I. A., & Latun, V. V. (2017). Osobennosti ispol'zovaniya strukturnykh komponentov kreolizovannykh tekstov v zarubezhnoy uchebnoy knige: momenty kontseptual'noy inversii [Features of use of the structural components of a creolized text in a foreign educational book: Moments of conceptual inversion]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology]*, 5 (2). Retrieved November 9, 2023 from <<http://mir-nauki.com/PDF/46PDMN217.pdf>>
- Popova, S. V. (2012). *Lingvokul'turnyy tipazh «shkol'naya uchitel'nitsa»: sub"ektnoe pozitsionirovanie [Linguocultural type “school teacher”: Subject positioning]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Volgograd State University. Volgograd.
- Reznik, V. A. (2013). Lingvokul'turnyy tipazh v sisteme smezhnykh ponyatiy [Linguistic-cultural type in the system of adjacent concepts]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*, 15 (2), 481–484.
- Sabadin, S. T. M. J. P. (2022). Smeshannyye teksty: kreolizovanny vs polikodovyy vs mul'timodal'nyy [Mixed Texts: Creolised vs Polycode vs Multimodal]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 15 (6), 2017–2023.
- Seliverstova, L. P. (2007). *Lingvokul'turnyy tipazh “zvezda Gollivuda” [Linguocultural type “Hollywood star”]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. ; Volgograd State University Volgograd.
- Sorokin, Yu. A., & Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. In R. G. Kotov (Ed.), *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya [Optimizing speech impact]* (pp. 180–186). Moscow : Nauka Press.
- Stukolova, E. A., & Ezhova, T. V. (2020). Kreolizovanny internet-tekst kak sredstvo effektivnoy podgotovki budushchego uchitelya inostrannogo yazyka [Creolized Internet text as a means of effective training of future foreign language teacher]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya [World of Science. Pedagogy and Psychology]*, 8 (4). Retrieved November 11, 2023 from <<https://mir-nauki.com/PDF/52PDMN420.pdf>>.
- Chernyavskaya, V. E (2009). *Lingvistika teksta. Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' [Text linguistics. Polycodicity, intertextuality, interdiscursivity]*. Moscow : Librokom Press.
- Yaroshenko, O. A. (2010). Evolyutsiya ponyatiynoy sostavlyayushchey lingvokul'turnogo tipazha «russskiy intelligent» [Evolution of the notional component of linguistic cultural type of personality “Russian intellectual”]. *Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]*, 124, 240–247.
- Kress, G. R., & Van Leeuwen, T. (2001). *Multimodal Discourse: The modes and media of contemporary communication*. London : Edward Arnold Publ.
- Scollon, R. (2006). Multimodality and the language of politics. In K. Brown (Ed.), *Encyclopedia of language and linguistics*. 2nd edn. (pp. 386–387). Oxford : Elsevier. <https://doi.org/10.1016/B0-08-044854-2/00729-X>
- Serafini, F. (2013). *Reading the Visual: An Introduction to Teaching Multimodal Literacy*. N. Y. : Teachers College Press.

Зубарева Екатерина Олеговна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
fialka21-85@mail.ru

Миграционный дискурс: институциональность и интерферентность (аналитический обзор)

Аннотация

Цель настоящей обзорной статьи – проанализировать содержание и структуру миграционного дискурса как объекта миграционной лингвистики. В России миграционная лингвистика начала активно развиваться относительно недавно, одновременно стал обособляться миграционный дискурс как особый вид дискурса и предмет исследования. Отсутствие комплексного анализа модели миграционного дискурса обуславливает необходимость его тщательного изучения, сбора лингвистических данных, их систематизации и интерпретации. Накопленный научный опыт позволяет представить детально разработанную содержательную и функциональную модель миграционного дискурса с учётом разных концепций в российской (советской) и зарубежной лингвистике. В результате проведённого аналитического обзора можно заключить, что миграционный дискурс рассматривается как сложная многогранная структура, включающая лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты. Его структура выражается в модулях или макро- и микропозициях. Миграционный дискурс характеризуется разножанровостью, институциональностью и интердискурсивностью. Он представлен коммуникативным событием, в котором происходит взаимодействие разных дискурсов, включение новых участников и наложение разных контекстов. Проведённый обзор позволяет заключить, что миграционный дискурс изучен только в определённых аспектах и на материале ограниченного количества языков, что обуславливает широкие перспективы его исследования.

Ключевые слова: миграционная лингвистика, интерферентность, институциональность, моделирование, модульная структура, критический дискурс-анализ, позитивный дискурс-анализ

© Зубарева Е. О. 2024

Для цитирования: Зубарева Е. О. Миграционный дискурс: институциональность и интерферентность (аналитический обзор) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 31–41. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-31>

Ekaterina O. Zubareva
Perm State University
Perm, Russian Federation
fialka21-85@mail.ru

Migration discourse: Institutionalality and interference (A review)

Abstract

This review aims to analyze the content and structure of migration discourse as an object of migration linguistic studies. In Russia, migration linguistics has begun to actively develop relatively recently, and at the same time, migration discourse has emerged as a separate type of discourse and a focus of research. However, no researchers has offered any complex analysis of migration discourse model yet, and this is a reason for its thorough examination, data collection, their systematization and interpretation. Nevertheless, the accumulated experience of previous discourse studies enables to design a migration discourse model characterized by modular structure and to display certain details of its content based on different concepts in Russian (Soviet) and foreign linguistics.

As a result, migration discourse is displayed as a complex multifaceted structure including linguistic, political, social and cultural aspects. Its structure is expressed in modules viewed as macro- and micro-positions. Migration discourse is characterized by institutionality and interdiscursivity. It is represented by a communicative event where the interaction of different discourses occurs, new participants are introduced and different contexts overlap. The review enables to conclude that only a few possible aspects of migration discourse are investigated based on a limited number of languages involved which gives a wide outlook for further studies.

Keywords: migration linguistics, interference, institutionality, modeling, modular structure, critical discourse analysis, positive discourse analysis

© Zubareva E. O. 2024

For citation: Zubareva, E. O. (2024). Migratsionnyy diskurs: institutsional'nost' i interferentnost' (analiticheskiy obzor) [Migration discourse: Institutionality and interference (A review)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 31–41. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-31>

1. Введение [Introduction]

Тематика миграции не теряет своей актуальности уже на протяжении многих десятилетий, поскольку политические, экономические, экологические и социальные аспекты постоянно обостряют интерес к миграционным процессам. Международный центр развития миграционной политики (ICMPD) фиксирует данные по количеству миграционных потоков и их основных направлений в 2022–2023 году в Восточной Европе и Центральной Азии. Миграционные потоки из России в основном направлены в Израиль, Турцию и Арабские Эмираты, также возрастает количество потоков в Армению, Грузию, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан. В ЕС наиболее популярными направлениями являются страны Балтии, Финляндия, Греция и Болгария. Всего Россию покинуло в среднем более 584 тыс. человек, но ICMPD отмечает, что этот показатель на самом деле гораздо выше, и они транслируют усреднённые данные. Столкновения между Арменией и Азербайджаном, между Кыргызстаном и Таджикистаном приводят к большому оттоку населения в Европу, в частности в Польшу и Италию [ICMPD].

На сегодняшний день увеличение миграционных потоков связано не только с объективными вынужденными причинами, но и с искусственно создаваемыми условиями для привлечения мигрантов, способных внести вклад в экономическую и социальную структуру страны. Например, целый ряд стран вводит программу «золотых виз», позволяющую получить вид на жительство или даже гражданство при минимальных инвестициях в недвижимость или бизнес. В списке десяти стран, которые принимают большое количество «состоятельных» мигрантов в 2023 году – Австралия, Арабские Эмираты, Сингапур, США, Швейцария, Канада, Греция, Франция, Португалия и Новая Зеландия [Overclockers.ru]. «Миграционный процесс действительно непреодолим, поскольку в его основе лежит глобализация мировой экономики, всеохватывающее развитие коммуникационных связей, транспорта, торговли и как следствие, – взаимопроникновение культур. Межгосударственные границы постепенно утрачивают свое значение. Идеология свободной торговли, свободного обмена информацией и бизнеса без границ неизбежно ведёт к активизации миграционных процессов» [Минаев, Жиромская, 2012, с. 11].

Ц е л ь настоящей обзорной статьи – проанализировать содержание и структуру миграционного дискурса как объекта миграционной лингвистики.

М а т е р и а л о м для аналитического обзора послужили работы отечественных и зарубежных лингвистов в области дискурсологии и миграционной лингвистики, а также работы, посвящённые изучению содержания и структуры миграционного дискурса.

В ходе исследования проанализировано более 30 трудов на русском, английском и немецком языках преимущественно научного характера (научные статьи, монографии, в том числе коллективные монографии) по тематике обзора, а также некоторые информационные порталы за период 1979–2023 гг. С помощью таких общенаучных методов, как обобщение, интерпретация, классификация и систематизация решались следующие задачи:

- 1) определение оснований для выделения миграционного дискурса в самостоятельный жанр, с учётом объёма накопленного материала и его стилового разнообразия, перспективы его динамичного развития в связи с высокой актуальностью тематики;
- 2) представление миграционного дискурса как открытой многоаспектной модульной структуры, где каждый модуль является макроструктурой, состоящей из микропозиций;
- 3) анализ проявлений интердискурсивности в миграционном дискурсе;
- 4) раскрытие особенности междисциплинарного подхода к изучению миграционного дискурса;
- 5) рассмотрение моделирования миграционного дискурса посредством критического и позитивного дискурс-анализа.

2. Модель миграционного дискурса [The model of migration discourse]

Миграция представляет собой уникальный феномен и рассматривается целым рядом наук с разных сторон. Одним из важных аспектов изучения этого феномена является влияние миграционных процессов на язык и его трансформацию, причём это двусторонний процесс, при котором изменяется язык как титульной нации, так и самих мигрантов. Трансформация языка может проявляться на всех его уровнях. Эти факторы обуславливают активное развитие исследовательской деятельности в рамках миграционной лингвистики как научного направления, находящегося в тесной связи и с другими науками, например, с политической лингвистикой, когнитивной лингвистикой, лингвоэкологией, социо- и психолингвистикой, дискурсологией и др. [Krefeld, 2004; Kerswill, 2006; Piller, 2011; Tretow, 2017; Dijk, 2017; Gugenberger, 2018; Шустова, 2018; Мощанская, 2019]. Стоит отметить, что идеи миграционной лингвистики в настоящий момент внедряются в образовательный процесс в Германии. Это объясняется тем, что именно работа Е. Гугенбергер, опубликованная в 2018 году, заложила основы миграционной лингвистики в мире. В университете им. Альберта Людвиг (г. Фрайбург) на направлении «Методология изучения языка» читается курс «Основы миграционной лингвистики», в котором акцентируется внимание на том, что миграции и языковые контакты являются центральной проблемой истории языков. В Бамбергском университете им. Отто Фридриха реализуется курс «Миграционная лингвистика», в рамках которого изучается миграция как главный фактор языковой вариативности, языковые ландшафты, языки диаспор, коммуникативные практики [Панарина и др., 2022, с. 13].

Объектом миграционной лингвистики является миграционный дискурс, а её предмет имеет комплексный характер и включает моделирование миграционного дискурса, описание его базовых категорий, разработку системы собственных методов. Миграция, с одной стороны, является центральной категорией миграционной лингвистики и, с другой стороны, рассматривается как ключевая категория, вокруг которой моделируется миграционный дискурс.

Для описания миграционного дискурса как особого типа дискурса, важно обратить внимание на то, как определяется собственно термин «дискурс»: форма и единица языкового употребления; упорядоченная последовательность слов или предложений, обладающих собственной структурой, выражающая согласованные последовательности

локальных и глобальных значений; форма общения; мультимодальное сообщение (устная и письменная речь, изображения, звуки, музыка, жесты); особое социальное взаимодействие (доминирование или сопротивление, научная коммуникация); культурный феномен; экономический товар или ресурс (он может быть куплен или продан, например, в виде газеты или книги); особая форма власти (политическая пропаганда, дебаты); общая философская или политическая система; класс дискурсов, связанных с социальным контекстом [Gee, 1999 ; Van Dijk, 1980].

Выделение миграционного дискурса как особого типа дискурса вполне обосновано. Согласно концепции В. З. Демьянкова дискурс «концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создаёт общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки...» [Демьянков, 1982, с. 7]. Опорным концептом выступает концепт МИГРАЦИЯ. Сама тематика миграционных процессов отражена во всевозможных сферах общества (политика, экономика, религия, искусство и т. д.) и потому настолько обширна, что можно предположить, что миграционный дискурс представлен огромным количеством сопутствующих концептов. При рассмотрении дискурса как совокупность произвольных текстов, связанных темой, становится очевидно, что такого материала более чем достаточно для миграционного дискурса. Заголовки средств массовой информации пестрят названиями статей, посвящённых миграции, рекламные и информационные брошюры, социальные анкеты, методические рекомендации, тексты в специализированных чатах для иностранцев, художественные произведения и многое другое подтверждает наличие объёма языкового материала для исследования.

Опорный концепт определяет такой релевантный признак миграционного дискурса, как институциональность, поскольку весь процесс контролируется государственными учреждениями, включая образовательные учреждения, участвующие, например, в организации экзамена на уровень владения государственным языком страны-реципиента.

С точки зрения субъектного и объектного походов выделения вида дискурса, миграционный дискурс обособляется благодаря наличию темы, имеющей неоспоримую актуальность и участников, например, мигрантов, беженцев, детей-мигрантов, принимающего общества, органов власти, социальных работников, учителей, работающих с детьми-мигрантами и др. [Карасик, 2015 ; Шустова, Красноборова 2020 ; Шустова и др., 2020]. Р. Фаулер связывает дискурс с идеологией, опытом и социальной организацией [Fowler, 1981], Н. Фэркло рассматривает дискурс синонимично социальной практике [Fairclough, 1993]. В обоих представленных концепциях напрямую отражается специфика миграционного дискурса.

Актуальность изучения миграционного дискурса подтверждается работами отечественных и зарубежных исследователей, в большинстве которых, он изучается в аспекте метафорического анализа [Хохлова, 2014 ; Нестерова, Бутова, 2016 ; Яфарова, 2016] или рассматривается на стыке с политическим дискурсом [Мукомель, 2005, с. 50–52]. Анализ миграционного дискурса на материале текстов выступлений современных британских и французских политиков позволяет говорить о стилистической насыщенности материала и средств экспрессивности, которые используются в рамках рассматриваемого дискурса [Матвеева, Степанова, 2021 ; Новиков, 2021].

Т. Ван Дейк определяет миграционный дискурс как сложную структуру, включающую лингвистические, политические, социальные и культурные аспекты. Общая структура может выражаться в разных форматах: повествовательный, аргументативный, повседневный, формальный, неформальный. Учитывая сложность такого явления как миграция, он предлагает модульную структуру для миграционного дискурса. Модуль представляет собой семантическую макроструктуру, состоящую из макропозиций, включающих локальные значения дискурса. В первую очередь учёного интересует критический и идеологический параметр изучения миграционного дискурса, поэтому он

предлагает такие модули, как причины миграции, интеграция, ксенофобия, дискриминация, расизм, миграционная политика. При наличии таких модулей миграционный дискурс рассматривается и как идеологический конструкт, который выражает определённую позицию общества и формирует отношение к миграции и её участникам. Критический анализ миграционного дискурса включает в себя изучение способов выражения идеологии, под которой понимаются фундаментальные, разделяемые обществом ментальные представления противоположных социальных групп: расистов, антирасистов, пацифистов, милитаристов, феминисток, сексистов, неолибералов, социалистов и т. д. [Dijk, 2018]. В зависимости от коммуникативного контекста дискурса эти идеологически обоснованные ментальные модели могут влиять на способ выражения дискурса. При всестороннем подходе этот список можно существенно расширить, включив и другие модули: участники миграции, виды миграции, типы мигрантов, мигрантофобия, социальная мобильность, терроризм, толерантность и лингвотолерантность, мультикультуризм, туризм и др.

Миграционный дискурс представлен не только сложной модульной структурой, но и разными жанрами, т. е. он представляет собой совокупность отдельных дискурсов или дискурсивных жанров (рис. 1):

Р и с у н о к 1. Жанры миграционного дискурса [Мукомель, 2016 ; Dijk, 2018]
[F i g u r e 1. Migration discourse genres as given in [Mukomel, 2016 ; Dijk, 2018]]

Этот список можно дополнить также рекламным (объявление, листовка) и религиозным дискурсами (молитва). Более полная модель жанров представлена в [Зубарева, 2019, с. 38]. Представленная структура является открытой и позволяет говорить о том, что миграционный дискурс рассматривается не только как институциональный, но и как интерферентный или интердискурс. М. Пеше под интердискурсом понимает отношение дискурса к «уже услышанному», уже имеющемуся» [Семиотика, 2001, с. 561]. Интердискурсивность возникает, когда различные дискурсы и жанры реализуются в одном коммуникативном событии [Fairclough, 1993]. В результате происходит взаимодействие разных дискурсов, включение новых участников, наложение разных контекстов.

Миграционный дискурс должен изучаться на основе междисциплинарного подхода, называемого социально-когнитивным исследованием дискурса, под которым понимается сочетание качественных методов (анализ контекста, синтаксиса и грамматики, значения, речевых актов, аргументации, жанров, корпусные лингвистические методы

анализа обширных текстовых массивов, экспериментальные методы) и количественных методов (контент-анализ) [Dijk, 2018]. Междисциплинарный подход в изучении миграционного дискурса объясняется и многогранностью его семантических макроструктур и макропозиций, и рядом других аспектов, например, в исследовании специфики отражения национального сознания в языке, моделировании фрагмента языковой картины мира, категоризации, образного представления, речевого портрета участников, в том числе с учётом гендерного фактора, отражения поведения в языке, национально-культурных особенностей, прагматики, национальной языковой безопасности и т. д. Междисциплинарный подход предполагает сложные теоретические и методологические основы для систематического и детального изучения миграционного дискурса.

Моделирование миграционного дискурса возможно путём изучения отдельных макропозиций, которые семантически охватывают значения более низкого уровня и образуют семантическую макроструктуру. Совокупность таких семантических структур представляет модель исследуемого дискурса.

Как уже было подчёркнуто, моделирование миграционного дискурса сочетает применение качественных и количественных методов, для которых очень важно использовать исследование на большом объёме материала. В связи с этим, одной из возможных баз языкового материала могут выступать лингвистические корпуса. Деление на макропозиции в этом случае выступает удобным инструментом в качестве критерия отбора для корпусного анализа. В эмпирическом исследовании миграционного дискурса такой анализ позволяет не только установить ключевые категории и их общие и локальные значения или семантические сдвиги, парадигматические, синтагматические и эпидигматические связи, метафоры, которые отражают ментальное представление дискурса, но и порядок их размещения в дискурсе. Модель миграционного дискурса может быть дополнительно доработана с помощью шкалы частот встречаемости его категорий или макропозиций [Baker, 2012]. Таким образом миграционный дискурс можно изучать на различных уровнях обобщения или степени детализации, чтобы выяснить какие социальные и политические функции он выполняет в обществе.

Моделировать миграционный дискурс можно в рамках критического дискурс-анализа либо позитивного дискурс-анализа. Например, можно разграничить главных участников дискурса, мигрантов привилегированной категории – политических беженцев – от других, менее уважаемых – нелегальных мигрантов, экономических мигрантов [Бейкер и др., 2008 ; О'Риган, Риордан, 2018]. На практике, в первом случае вовлекаются центральные и местные власти для обеспечения мигрантов продовольствием, жильём, одеждой, медицинским обслуживанием и для удовлетворения целого ряда других потребностей; всё это расширяет сферу социальных услуг, которая в нынешних экономических условиях, как правило, недостаточно укомплектована персоналом, следовательно, появляются новые рабочие места [Кегг, 2011]. Такие мигранты, как правило, успешно интегрируются в общество и позднее приносят экономические и социальные выгоды. Данный расклад накладывает положительный отпечаток на восприятие мигрантов и миграции в целом, что находит отражение в миграционном дискурсе, формирует позитивное отношение и положительные характеристики ключевых категорий.

Критические исследования миграционного дискурса поднимают такие темы как дискриминация, расизм, речевая агрессия, конфликтогенность, мигрантофобия. В рамках таких исследований мигранты и их деятельность рассматриваются с гуманистических позиций, критикуются процессы, которые дегуманизируют, иногда даже демонизируют мигрантов как потенциальный источник социальной напряжённости, терроризма и преступности [Sohoni, Tracy, 2014 ; O'Regan, Riordan, 2018 ; Комалова, 2019]. Таких исследований большинство.

Реже можно встретить исследования в рамках позитивного, конструктивного дискурсивного анализа. Дж. Мартин, один из главных сторонников позитивного дискурс-анализа, отмечает, что данный подход иллюстрирует позитивный стиль дискурсивного анализа, который фокусируется на надежде и переменах, дополняя деструктивное разоблачение, связанное с критическим дискурсивным анализом [Martin, David, 2003]. С этой точки зрения, позитивный дискурс-анализ можно рассматривать как дополнение к критическому, как ещё одну его форму, способ для исследователя сосредоточиться на отношениях между обществом и языком, на темах социальных недугов и злоупотребления властью. Более того, сосредоточение внимания на позитивных установках, а не на негативных, позволяет подобрать «нетоксичный» материал, который смог бы помочь разрешить некоторые социальные проблемы и сформировать положительный взгляд общества на мигрантов и миграцию в целом.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, целью настоящей обзорной статьи было проанализировать содержание и структуру миграционного дискурса как объекта миграционной лингвистики. Анализ более 30 научных работ (статей, монографий, в том числе коллективных монографий) на русском, английском и немецком языках в области дискурсологии и миграционной лингвистики, а также более узконаправленных работ, посвящённых изучению содержания и структуры миграционного дискурса, и некоторых информационных порталов за период 1979–2023 гг., позволил заключить следующее.

Во-первых, есть веские основания для выделения миграционного дискурса в самостоятельный жанр прежде всего в связи со значительным объёмом накопленного материала и его стилевым разнообразием – от художественных произведений и статей в СМИ до текстов специализированных чатов. Релевантным признаком миграционного дискурса является институциональность, обусловленная обязательной вовлечённостью государственных учреждений в процесс миграции. Кроме того, миграционный дискурс характеризуется признаками интердискурсивности, выраженной в смешении жанров. Имеются явные признаки того, что данный дискурс будет продолжать динамично развиваться благодаря высокой актуальности тематики миграции в мире. Ещё одно основание – оформление миграционной лингвистики в отдельную дисциплину учебного плана в мировой университетской образовательной практике.

Во-вторых, миграционный дискурс представляет собой открытую многоаспектную модульную структуру, где каждый модуль является семантической макроструктурой, состоящей из макропозиций и микропозиций. Модулями могут быть причины миграции, участники миграции, дискриминация, ксенофобия, мигрантофобия, лингвотолерантность и многие другие.

В-третьих, изучение миграционного дискурса требует междисциплинарного подхода, предполагающего сочетание разнообразных качественных и количественных методов. Богатым источником материала для исследований являются языковые корпуса.

Наконец, выявлено два основных способа моделирования миграционного дискурса: в рамках критического дискурс-анализа с акцентом на отрицательных чертах и эффектах миграции и присутствия мигрантов либо в рамках конструктивного дискурс-анализа с акцентом на формировании положительного отношения к миграции и мигрантам. Доля последних пока сравнительно мала.

Таким образом, миграционный дискурс можно рассматривать как особый тип дискурса, обладающий сложной структурой, жанровой спецификой, особыми модулями, каждый из которых может выступать отдельным объектом для изучения. Существующие исследования миграционного дискурса доказывают, что он изучен только в определённых

аспектах на материале ограниченного количества языков. Отсутствие комплексного анализа модели миграционного дискурса обуславливает необходимость его тщательного изучения, сбора лингвистических данных, их систематизации и интерпретации.

Библиографический список

- Демьянков, 1979 – Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Методы анализа текста. М. : Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1979, № 39. 108 с.
- Зубарева, 2019 – Зубарева Е. О. Модель миграционного дискурса // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 1. С. 35–45. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45
- Карасик, 2015 – Карасик В. И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия Волгоградского пед. ун-та. 2015. № 1 (96). С. 73–79.
- Комалова, 2019 – Комалова Л. Р. Институциональный дискурс, сопровождающий миграционные процессы (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6 : Языкознание. 2019. № 4. С. 51–60.
- Матвеева, Степанова, 2021 – Матвеева В. Н., Степанова Н. В. Прагматилистический анализ миграционного дискурса (на материале выступлений британских политиков) // Дискурс. 2021. Т. 7, № 5. С. 143–161. URL : <https://discourse.elpub.ru/jour/article/view/440> (дата обращения : 21.08.2023).
- ICMPD, 2023 – Международный центр развития миграционной политики (ICMPD). URL : [230318_ICMPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_RU.pdf](https://www.icmpd.org/230318_ICMPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_RU.pdf) (дата обращения : 20.08.2023).
- Минаев, Жиромская, 2012 – Минаев В. В., Жиромская В. Б. Миграции – глобальная проблема современности // Вестник Российского гос. гум. ун-та. Сер. : Политология. История. Международные отношения. 2012. № 19 (99). С. 11–22.
- Мощанская, 2019 – Мощанская Е. Ю. Функциональная парадигма перевода в миграционной лингвистике // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме / науч. ред. Т. И. Ерофеева. Пермь : Изд. центр ПГНИУ, 2019. С. 144–161.
- Мукомель, 2005 – Мукомель В. И. Российские дискурсы о миграции // Вестник общественного мнения. 2005. № 1. С. 48–57.
- Нестерова, Бутова, 2016 – Нестерова Я. А., Бутова Е. А. К вопросу об особенностях употребления метафор в миграционном дискурсе Германии, Австрии, Англии и Америки // Российский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 6. С. 565–572. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.6.3>
- Новиков, 2021 – Новиков А. Ю. Репрезентация концептов *Enfants Migrants* и *Migration* в выступлениях французских политиков // Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультуризма / науч. ред. О. А. Радченко. Пермь : АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2021. С. 168–186.
- Overclockers.ru – Overclockers.ru : новостной портал. URL : <https://dzen.ru/a/ZRHRX1Pn50RSPUR8> (дата обращения : 15.08.2023).
- Панарина и др., 2022 – Панарина А. С., Пищальникова В. А., Радченко О. А. Этнопсихоллингвистика как теоретико-методологическая база миграционной лингвистики // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 4 (11). С. 7–27. <https://doi.org/10.31249/epl/2022.04.01>
- Степанов, 2001 – Семиотика: Антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академический проект, 2001. 702 с.
- Хохлова, 2014 – Хохлова И. В. Метафоры в миграционном дискурсе Германии (на примере сообщений о беженцах в период «Арабской весны») // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 1. С. 185–188.
- Шустова, 2018 – Шустова С. В. Миграционная лингвистика и миграционный дискурс // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 2. С. 114–125. https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Шустова, Красноборова, 2020 – Шустова С. В., Красноборова Л. А. Концепт «Родители-мигранты» в языковом сознании носителей русского языка (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Язык и культура. 2020. № 51. С. 106–118.

- Шустова и др., 2020 – Шустова С. В., Зубарева Е. О., Хорошева Н. В. «Дети-мигранты» как социальные агенты миграционного дискурса // Миграционная лингвистика в современной парадигме: дискурсивные практики, перевод, дидактика / науч. ред. О. А. Радченко. Пермь : Изд. центр ПГНИУ, 2020. С. 5–30.
- Яфарова, 2016 – Яфарова Я. Г. Новые обстоятельства как фактор становления эвфемизмов в языке политики (на примере современного миграционного дискурса немецкого языка) // Преподаватель XXI век. 2016. № 2. С. 368–375.
- Baker, 2012 – Baker P. Contemporary corpus linguistics. London ; New York : Continuum, 2012. 357 p.
- Fairclough, 1993 – Fairclough N. Discourse and Social Change. Polity, Pub. in the U.S. by Blackwell, Polity Press, 1993. 272 p.
- Fowler, 1981 – Fowler R. Literature as Social Discourse: The Practice of Linguistic Criticism. London : Batsford Academic, 1981. 215 p. URL : <https://archive.org/details/literatureassoci00roge/page/77mode/2up> (дата обращения : 10.08.2023).
- Gee, 1999 – Gee J. P. An Introduction to Discourse Analysis: Theory and Method. London : Routledge, 1999. 163 p.
- Gugenberger, 2018 – Gugenberger E. Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien. Austria : Forschung und Wissenschaft – Literatur- und Sprachwissenschaft, 2018. 664 S.
- Kerr, Kerr, 2011 – Kerr S., Kerr W. Economic Impacts of Immigration: A Survey. Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research, 2011. 48 p. <https://doi.org/10.3386/w16736>
- Kerswill, 2006 – Kerswill P. Migration and language // Soziolinguistik. An international handbook of the science of language and society. 2nd edn., Vol. 3 / Ed. by K. Mattheier, U. Ammon, P. Trudgill. Berlin : De Gruyter, 2006. P. 2271–2285.
- Krefeld, 2004 – Krefeld Th. Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla. Tübingen : Gunter Narr Verlag, 2004. 173 S.
- Martin, David, 2003 – Martin J. R., David R. Working with Discourse: Meaning beyond the Clause. London ; New York : Continuum, 2003. 293 p.
- Piller, 2011 – Piller I. Language and Migration. London : Routledge, 2016. 1600 p.
- Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik / Hrsg. Th. Stehl. Potsdam : Universitätsverlag Potsdam, 2011. 294 S.
- Regan, Riordan, 2018 – Regan O., Riordan V. Comparing the representation of refugees, asylum seekers and migrants in the Irish and UK press: A corpus- based critical discourse analysis // Journal of Language and Politics. 2018. Vol. 17, Iss. 6. P. 744–768. <https://doi.org/10.1075/jlp.17043.ore>
- Sohoni D., Sohoni, T. W. P., 2014 – Sohoni D., Sohoni, T. W. P. Perceptions of immigrant criminality: Crime and social boundaries // The Sociological Quarterly. 2014. Vol. 55, Iss. 1. P. 49–71. <https://doi.org/10.1111/tsq.12039>
- Tretow, 2017 – Tretow L. Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas. München : GRIN Verlag, 2017. 16 S.
- Van Dijk, 1980 – Van Dijk T. A. Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. Hillsdale, N.J. : L. Erlbaum Associates, 1980. 317 p.
- van Dijk, 2018 – van Dijk T. A. Discourse and migration // Qualitative Research in European Migration Studies / Ed. by R. Zapata-Barrero, E. Yalaz. Cham, Switzerland : Springer International Publ., 2018. P. 227–245.

References

- Dem'yankov, V. Z. (1979). *Anglo-russkie terminy po prikladnoy lingvistike i avtomaticheskoy pererabotke teksta. Metody analiza teksta [English-Russian terms for applied linguistics and automatic text processing. Methods of text analysis]*. Moscow : Vsesoyuznyy tsentr perevodov GKNT i AN SSSR Press. (In Russ.).
- Zubareva, E. O. (2019). Model' migratsionnogo diskursa [The model of migration discourse] *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (1), 35–45. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_1_35_45

- Karasik, V. I. (2015). Interpretatsiya diskursa: topik, format, modus [Discourse interpretation: Topic, format, mode]. *Izvestiya Volgogradskogo ped. un-ta [Izvestia of the Volgograd Pedagogical University]*, 1 (96), 73–79. (In Russ.).
- Komalova, L. R. (2019). Institutsional'nyy diskurs, soprovozhdayushchiy migratsionnye protsessy (obzor) [Institutional discourse accompanying migration processes (A review)]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6: Yazykoznanie [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 6: Linguistics]*, 4, 51–59.
- Matveeva, V. N., & Stepanova, N. V. (2021). Pragmatilisticheskiy analiz migratsionnogo diskursa (na materiale vystupleniy britanskikh politikov) [Pragmatilistic analysis of migration discourse (Based on speeches by British politicians)]. *Diskurs [Discourse]*, 7 (5), 143–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2021-7-5-143-161>
- Mezhdunarodnyy tsentr razvitiya migratsionnoy politiki [International Center for Migration Policy Development] (ICMPD). Retrieved October 20, 2023 from <230318_ICMPD_Migration_Outlook_EasternEuropeCentralAsia_2023_RU.pdf>. (In Russ.).
- Minaev, V. V., & Zhiromskaya, V. B. (2012). Migratsii – global'naya problema Sovremennosti [Migrations – the global issue of our time]. *Vestnik Rossiyskogo gos. gum. un-ta [RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”]*, 19 (99), 11–22. (In Russ.).
- Moshchanskaya, E. Y. (2019). Funktsional'naya paradigma perevoda v migratsionnoy lingvistike [The functional paradigm of translation into Migration linguistics]. In T. I. Erofeeva (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigmat [Migration linguistics in modern the scientific paradigm]* (pp. 144–161). Perm : Perm University Press. (In Russ.).
- Moukomel, V. I. (2005). Rossiyskie diskursy o migratsii [Russian discourses on migration]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [The Russian Public Opinion Herald. Data. Analysis. Discussions]*, 1, 48–57. (In Russ.).
- Nesterova, Y. A., & Burova, E. A. (2016). K voprosu ob osobennostyakh upotrebleniya metafor v migratsionnom diskurse Germanii, Avstrii, Anglii i Ameriki [On the issue of the peculiarities of using metaphors in migration discourse of Germany, Austria, England, and America]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal [Liberal Arts in Russia]*, 5 (6), 565–572. (In Russ.). <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.6.3>
- Novikov, A. Y. (2021). Rezentatsiya kontseptov Enfants Migrants i Migration v vystupleniyakh frantsuzskikh politikov [Representation of the concepts of Enfants Migrants and Migration in the speeches of French politicians]. In O. A. Radchenko (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy nauchnoy paradigmat: diskursivnye praktiki i literatura mul'tikul'turizma [Migration linguistics in the modern scientific paradigm: Discursive practices and the literature of multiculturalism]*. Perm : Perm Institute of Economics and Finance Press (In Russ.).
- Overclockers.ru (n. d.). *Overclockers.ru [News portal]*. Retrieved October 15, 2023 from <<https://dzen.ru/a/ZRHRX1Pn50RSPUR8>>. (In Russ.).
- Panarina, A. S., Pishchalnikova, V. A., & Radchenko, O. A. (2022). Etnopsiholingvistika kak teoretiko-metodologicheskaya baza migratsionnoy lingvistiki [Ethnopsycholinguistics as a theoretical and methodological basis for migration linguistics]. *Etnopsiholingvistika [Ethnopsycholinguistics]*, 4 (11), 7–27. (In Russ.). <https://doi.org/10.31249/epl/2022.04.01>
- Stepanov, Yu. S. (Ed.). (2001). *Semiotika: Antologiya [Semiotics: Anthology]*. 2nd edn., with corrections and addenda. Moscow : Akademicheskiiy proekt Press. (In Russ.).
- Khokhlova, I. V. (2014). Metaforiy v migratsionnom diskurse Germanii (na primere soobshcheniy o bezhentsakh v period “Arabskoy vesny”) [Metaphors in German migration discourse (Based on reports on refugees during The Arab Spring)]. *Vestnik Kostromskogo gos. un-ta im. N. A. Nekrasova [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University]*, 20 (1), 185–188. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2018). Migratsionnaya lingvistika i migratsionnyy diskurs [Migration linguistics and migration discourse]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 4 (2), 114–125. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2018_4_2_114_125
- Shustova, S. V., & Krasnoborova, L. A. (2020). Koncept «Roditeli-migranty» v yazykovom soznanii nositelej russkogo yazyka (na materiale svobodnogo asociativnogo eksperimenta) [Concept of "Migrant parents" in the language consciousness of the Russian language carriers (On the material

- of a free associative experiment)]. *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]*, 51, 106–118. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/19996195/51/5>
- Shustova, S. V., Zubareva, E. O., & Khorosheva, N. V. (2020). «Deti-migranty» kak sotsial'nye agenty migratsionnogo diskursa [“Migrant children” as social agents of the migration discourse.]. In O. A. Radchenko (Ed.), *Migratsionnaya lingvistika v sovremennoy paradigme: diskursivnye praktiki, perevod, didaktika [Migration linguistics in the modern paradigm: Discursive practices, translation, didactics]*. Perm : Perm University Press. (In Russ.).
- Yafarova, Y. G. (2016). Novye obshchaya faktory stanovleniya evfemizmov v yazyke politiki (na primere sovremennoy migratsionnogo diskursa nemetskogo yazyka) [New circumstances as a factor of the development of new euphemisms in the language of politics (The case study of migration discourse of the German language)]. *Prepodavatel' XXI vek [Teacher of the XXI Century]*, 2, 368–375. (In Russ.).
- Baker, P. (2012). *Contemporary corpus linguistics*. London ; New York : Continuum Press.
- Fairclough, N. (1993). *Discourse and Social Change*. Polity, Pub. in the U.S. by Blackwell, Polity Press.
- Fowler, R. (1981). Literature as social discourse: The practice of linguistic criticism. London : Batsford Academic. Retrieved October 25, 2023 from <<https://archive.org/details/literatureassoci00roge/page/7/mode/2up>>.
- Gee, J. P. (1999). *An introduction to discourse analysis: Theory and method*. London : Routledge.
- Gugenberger, E. (2018). *Theorie und Empirie der Migrationslinguistik. Mit einer Studie zu den Galicien und Galicierinnen in Argentinien*. Austria : Forschung und Wissenschaft – Literatur- und Sprachwissenschaft.
- Kerr, S., & Kerr, W. (2011). Economic impacts of immigration: A survey. Cambridge, MA : National Bureau of Economic Research. <https://doi.org/10.3386/w16736>
- Kerswill, P. (2006). Migration and language. In K. Mattheier, U. Ammon, & P. Trudgill (Eds.), *Sociolinguistics. An international handbook of the science of language and society*. 2nd edn., Vol. 3. Berlin : De Gruyter.
- Krefeld, Th. (2004). *Einführung in die Migrationslinguistik. Von der Germania italiana in die Romania multipla*. Tübingen : Gunter Narr Verlag.
- Martin, J. R., & David, R. (2003). *Working with Discourse: Meaning beyond the Clause*. London ; New York : Continuum Press.
- Piller, I. (2011). *Language and Migration*. London : Routledge.
- Stehl, Th. (Hrsg.) (2011). *Sprachen in mobilisierten Kulturen: Aspekte der Migrationslinguistik*. Potsdam : Universitätsverlag Potsdam.
- Regan, O., & Riordan, V. (2018). Comparing the representation of refugees, asylum seekers and migrants in the Irish and UK press: A corpus-based critical discourse analysis. *Journal of Language and Politics*, 17 (6), 744–768. <https://doi.org/10.1075/jlp.17043.ore>
- Sohoni, D., & Sohoni, T. W. P. (2014). Perceptions of Immigrant Criminality: Crime and Social Boundaries. *The Sociological Quarterly*, 55 (1), 49–71. <https://doi.org/10.1111/tsq.12039>
- Tretow, L. (2017). *Migrationslinguistik. Eine kritische Betrachtung von drei ausgewählten Forschungswerken von John Peterson, Thomas Krefeld und Utz Maas*. München : GRIN Verlag.
- van Dijk, T. A. (1980). *Macrostructures: An interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition*. Hillsdale, N.J. : L. Erlbaum Associates.
- van Dijk T. A. (2018). Discourse and migration. In R. Zapata-Barrero, E. Yalaz (Eds), *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Cham, Switzerland : Springer International Publ.

Иванашко Юлия Петровна✉, Процукович Елена Александровна, Симонов Евгений Леонидович
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
polia-80@mail.ru

Темпоральные и паузальные особенности мужской речи жителей г. Благовещенска

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты акустического анализа двух просодических компонентов – темпа речи (скорости артикуляции) и пауз хезитации. Материалом для исследования послужили спонтанные монологи, полученные от пяти дикторов-мужчин двух возрастных групп (молодого и среднего возраста), проживающих в г. Благовещенске. Для замеров длительности изучаемых сегментов использовались осциллограммы и спектрограммы, снятые в Praat; полученные данные были обработаны с помощью простейших инструментов описательной статистики. В результате установлено, что общий средний темп речи респондентов является быстрым (11–17 сегм./сек.). При этом была выявлена зависимость скорости речепроизводства от возраста респондентов, однако, вопреки ожиданиям, более молодые дикторы продемонстрировали более медленный темп речи. Изучение пауз хезитации показало, средние значения длительности незаполненных и заполненных пауз демонстрировали междикторскую вариантность – у двух дикторов незаполненные паузы оказались длиннее заполненных, у двух других дикторов проявилась обратная тенденция, а у одного диктора средние значения длительности заполненных и незаполненных пауз оказались одинаковыми. В целом, незаполненные паузы продемонстрировали большую среднюю длительность, чем заполненные.

Ключевые слова: амурская разновидность дальневосточного региолекта, спонтанная речь, длительность, темп артикуляции, пауза хезитации

© Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Симонов Е. Л. 2024

Для цитирования: Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Симонов Е. Л. Темпоральные и паузальные особенности мужской речи жителей г. Благовещенска // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 42–49. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-42>

Yuliya P. Ivanashko✉, Elena A. Protsukovich, Eugeny L. Simonov
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
polia-80@mail.ru

Speech rate and pauses in male speech of Blagoveshchensk residents

Abstract

The current paper presents the results of an acoustic study of two prosodic components – speech rate (articulation rate) and hesitation pauses. The material of spontaneous monologues was obtained from 5 male subjects, the residents of Blagoveshchensk, representing two age groups – young and middle-aged. Duration measurements were performed on wave forms and dynamic spectrograms in Praat, then descriptive statistics was applied to the obtained data. As a result, it was discovered that all the subjects demonstrated fast articulation rate (11–17 phonemes per second). The factor of age was found to influence the articulation rate, but, unexpectedly, the younger subjects used a slower rate compared to the older subjects. The examination of hesitation pauses duration showed interspeaker variation – for 2 subjects, empty pauses were longer than filled pauses while for the other two subjects it was the reverse, and for the remaining subject their duration turned out very similar. However, empty pauses generally displayed a longer mean duration than filled pauses.

Keywords: Amur variety of Far-Eastern regiolect, spontaneous speech, duration, articulation rate, hesitation pause

© Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Simonov E. L. 2024

For citation: Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Simonov, E. L. (2024). Temporal'nye i pauzal'nye osobennosti muzhskoy rechi zhiteley g. Blagoveshchenska [Speech rate and pauses in male speech of Blagoveshchensk residents]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 42–49. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-42>

1. Введение [Introduction]

Фонетические исследования спонтанной речи не могут осуществляться только в рамках описания психофизиологических качеств диктора без учёта экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на особенности речепроизводства. К таким факторам относится не только тип речевой ситуации или дискурс, но и социолингвистические составляющие, например, пол, возраст, социальная принадлежность носителя языка, его регион проживания, сферы профессиональной деятельности и личных интересов, круг профессионального и личного общения и другие. Совокупность речевых привычек, сформированных под влиянием этих факторов образует так называемый речевой портрет говорящего. Источником сведений, по которым эти привычки можно достоверно описать, являются речевые корпуса, особенно те, в которых есть аннотированный материал не только письменной, но и устной речи. Составление речевого портрета или хотя бы «прописывание» его отдельных черт – это востребованная задача, которая решается не только для стандартной разновидности языка в целом, но и для отдельных языковых личностей (напр., просодические характеристики речи Д. Кристала [Дунашова, 2021]) и языковых коллективов, в том числе, проживающих в различных регионах страны.

Фонетистами Амурского государственного университета проведён ряд исследований на материале спонтанной речи жителей г. Благовещенска Амурской области разных возрастных и гендерных групп: сегментных единиц (гласных и согласных) [Процукович, 2020] и темпоральных и паузальных характеристик [Ворон и др., 2016; Иванашко, Процукович, 2020; Семёнова, Иванашко, 2020; Иванашко и др., 2021 а; Иванашко и др., 2021 б; Иванашко, Процукович, Шубникова, 2022; Николаева, Иванашко, 2022; Тэн, Андросова, 2022; Симонов, 2024]. Цель настоящей статьи – получить дополнительные сведения о темпоральных и паузальных характеристиках речи мужчин разного возраста, проживающих в г. Благовещенске Амурской области, и сопоставить с ранее полученными данными по амурской разновидности дальневосточного региолекта. Накопление обработанных речевых образцов данной разновидности региолекта позволит иметь в распоряжении достаточное количество сведений для внедрения технологии автоматической обработки больших фонетических данных, что, например, поможет сделать лингвистическую экспертизу звучащей речи менее трудоёмкой и более достоверной.

Под региолектом, или региональной речью, мы, вслед за рядом лингвистов, подразумеваем промежуточное между диалектом, разговорной литературной речью и просторечием явление, свойственное городскому населению и населению отдельных территорий, обладающему тем или иным социальным статусом, иными словами – идиом, подчёркивающий как территориальную принадлежность его носителя, так и социальную [Трубинский, 1991; Гердт, 2001; Жеребило, 2010; Ерофеева, 2020]. Региолект предполагает разновидности, например, внутри дальневосточного региолекта можно выделить амурскую разновидность [Ворон и др., 2016] и т. п.

Настоящая статья представляет результаты первого этапа комплексного исследования просодической стороны речи мужчин разного возраста, проживающих в г. Благовещенске, и включает в себя изучение темпоральных характеристик, типов

хезитационных пауз, их длительности и количества в спонтанных высказываниях респондентов. Кроме того, предпринята попытка выявления зависимости особенностей реализации просодических компонентов речи от возраста дикторов.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для настоящего исследования послужила спонтанная монологическая речь пяти мужчин двух возрастных групп (22–31 лет и 40–46 лет) – коренных жителей г. Благовещенска Амурской области (далее – дикторы). Все дикторы имеют высшее образование, представляют одну профессиональную сферу (госслужащие), постоянно проживают в г. Благовещенске и являются носителями амурской разновидности дальневосточного региолекта русского языка. Перед началом эксперимента дикторы констатировали отсутствие нарушений слуха и речи.

Всем дикторам было предложено без предварительной подготовки ответить на вопрос о том, какой у них был летний отдых. В ходе записи, которая производилась на рекордер Olympus в формате WAV (стерео), было получено пять аудиозаписей. Их длительность варьировала от 1 мин. 53 сек. до 2 мин. 25 сек. (в среднем – 2 минуты). Общая продолжительность материала составила чуть более 9 минут (см. табл. 1).

Т а б л и ц а 1. Информация о дикторах
[T a b l e 1. Speakers' characteristics]

Диктор	Пол	Возраст	Время звучания	Место проживания
Диктор 1 (Д1)	Мужской	40 лет	1 мин 57 сек	г. Благовещенск
Диктор 2 (Д2)	Мужской	46 лет	2 мин 25 сек	г. Благовещенск
Диктор 3 (Д3)	Мужской	22 года	2 мин 25сек	г. Благовещенск
Диктор 4 (Д5)	Мужской	31 год	1 мин 56 сек	г. Благовещенск
Диктор 5 (Д5)	Мужской	41 год	1 мин 53 сек	г. Благовещенск

С помощью Adobe audition 1.5 стереозапись была преобразована в моноформат. Инструментальный (акустический) анализ выполнялся в программе PRAAT. В ходе поуровневого аннотирования сегментация на паузальные группы, слова и аллофоны производилась по осциллограммам и динамическим спектрограммам при постоянном слуховом контроле. Обработка пауз производилась отдельно: был указан тип каждой паузы и, в случае заполненных пауз, способ заполнения. Далее рассматривались только паузы хезитации.

При статистической обработке использовалась описательная статистика (простой количественный подсчёт и вычисление средних значений). При определении темпа речи длительность пауз из подсчётов изымалась. В результате была получена скорость артикуляции. Расчёт темпа речи (в нашем случае – скорости артикуляции) производился по следующей формуле:

$$\text{Средний темп} = \frac{\Sigma}{t}$$

где Σ – сумма реализованных фонем (выпавшие фонемы в подсчёты не включались), t – длительность анализируемого отрывка в мс.

По паузам хезитации для каждого диктора указывались следующие параметры: общее количество, количество заполненных и незаполненных пауз, общая длительность, средняя, минимальная и максимальная длительность, а также процент длительности па-

уз от общей длительности звучания текста. Вычисления производились автоматически в табличном процессоре с помощью соответствующих встроенных формул.

2.2. Темпоральные особенности [Speech rate]

Результаты подсчётов темпа речи дикторов представлены в таблице 2. Полученные данные позволяют классифицировать средний темп по пяти дикторам (около 14 фонем/сек.) как ускоренный, равно как и темп речи любого из пяти дикторов. По литературным данным показатели средних значений темпа колеблются в пределах от 80 до 120 слов в минуту, при этом слово в среднем состоит из 4,5–5 фонем [Каганов, 2012, с. 29]. Таким образом, средний темп должен составлять примерно 8,5 фонем в секунду. Даже самый медленный темп у Д3 (11 фонем/сек.) превышает это значение, а самый быстрый у Д5 превышает его в два раза.

Т а б л и ц а 2. Средняя скорость артикуляции дикторов
[Table 2. The subjects' average speech rate]

	Диктор 1 (Д1)	Диктор 2 (Д2)	Диктор 3 (Д3)	Диктор 4 (Д4)	Диктор 5 (Д5)
Средняя скорость (фонем/сек.)	14	15	11	12,5	17

Рассмотрение полученных данных через призму фактора «возраст» выявило, что у самых молодых дикторов – Д3 и Д4 – были отмечены самые низкие значения темпа – 11 и 12,5 фонем/сек. соответственно, а у дикторов в возрасте от 40 до 46 лет – более высокие показатели – от 14 до 17 фонем/сек. Это противоречит данным научной литературы, которые отмечают обратную зависимость – снижение темпа с возрастом [Степанова, 2011, с. 204].

2.3. Паузы хезитации и их характеристики [Hesitation pauses and their properties]

На следующем этапе работы было проведено исследование пауз хезитации. Всеми дикторами в общей сложности было реализовано 436 пауз данного типа, их общая длительность составила 251,19 секунд (см. табл. 3).

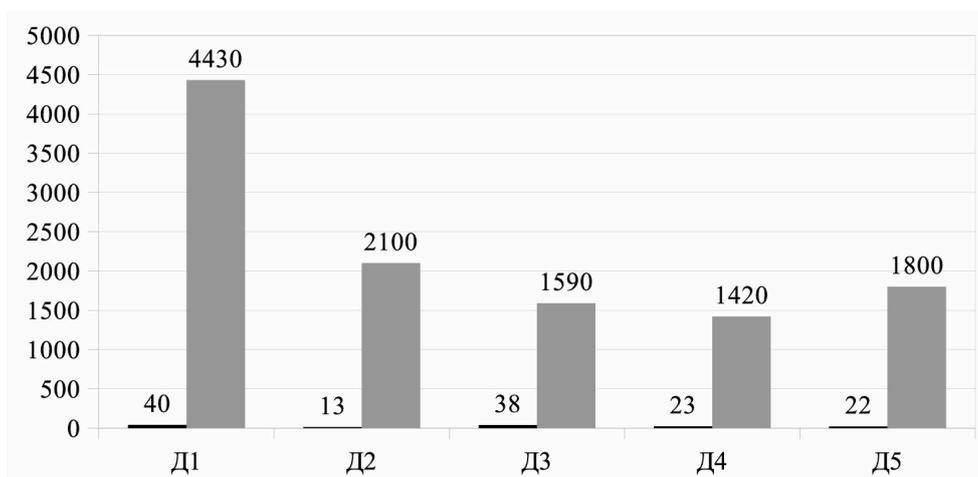
Как видно из таблицы, общее количество незаполненных пауз превышает заполненные – 288 и 148 соответственно. Наименьшее число заполненных пауз было отмечено в речи Д1 (23%), наибольшее – у Д3 (39%). Нужно отметить, что речь Д3, в целом, отличалась наличием большего количества пауз по сравнению с другими дикторами, однако при этом сопоставление параметров длительности пауз выявило, что у него они оказались и относительно короткими при сравнительно медленном по отношению к другим респондентам темпе речи. Как и в случае с темпом, данные демонстрируют действие фактора «возраст» на количество заполненных пауз в речи респондентов. Самый молодой диктор (Д3) склонен больше других к заполнению хезитационных пауз, при этом способы заполнения разнообразны. Дикторы более старшего возраста (40–46 лет) несколько менее склонны к заполнению пауз – их речь не изобилует хезитационными элементами, выраженными в повторах, вокализации и т. п.

Максимальная средняя длительность пауз – 0,66 сек. – была отмечена у Д1. Это, вероятно, объясняется тем, что у него выявлена и самая долгая из всех дикторов исследования пауза, заполненная смехом – 4,32 сек., что повлияло на общую среднюю длительность пауз у этого респондента. У Д2 средняя длительность пауз составила 0,63 сек. при минимальной паузе в 0,013 сек. и максимальной – в 2,1 сек. У Д3 в среднем продолжительность пауз равнялась 0,53 сек. при минимальной – 0,038 сек., максимальной – 1,59 сек. Паузы в речи Д4 в среднем были самыми короткими – 0,38 сек., при минималь-

ном значении в 0,023 сек., максимальном – 1,42 сек. В речи Д5 средняя длительность была немного больше, чем у Д4, но меньше, чем у трёх других дикторов – 0,44 сек., при минимальной длительности 0,022 сек., а максимальной – 1,8 сек. Анализ данных показал следующую закономерность: чем более короткими являются минимальные паузы, тем более долгими – максимальные. Исключение составили показатели по Д4 (см. рис. 1).

Т а б л и ц а 3. Паузы хезитации
[T a b l e 3. Hesitation pauses]

Паузы хезитации	Д1	Д2	Д3	Д4	Д5	Д1-Д5
Общее количество	65	106	113	93	59	436
Заполненные	15	36	44	33	20	148
Незаполненные	50	70	69	60	39	288
Общая длительность, сек.	52,84	74,76	62,07	34,8	26,73	251,19
Средняя длительность, сек.	0,66	0,63	0,52	0,38	0,44	0,52
Минимальная длительность, сек.	0,04	0,013	0,038	0,023	0,022	-
Максимальная длительность, сек.	4,32	2,1	1,59	1,42	1,81	-
Процент от общей длительности звучания, %	49	51,5	43	33	24	-

Р и с у н о к 1. Минимальная и максимальная длительность пауз в речи Д1 – Д5 (в мс.)
[F i g u r e 1. Minimal and maximal pauses duration for D1–D5 (ms.)]

Исследование не выявило прямой зависимости между общим количеством пауз в речи дикторов и их доли (в %) от общей длительности звучания аудиотекстов. Так, максимальное количество пауз – 113 – выявлено в речи Д3, однако их процент от общей длительности его монологического высказывания – 43% – не является самым высоким среди всех дикторов. Наибольший процент продолжительности пауз по отношению к общей длительности звучания аудиотекста – 51,5% – выявлен в речи Д2, однако количество пауз в его речи не самое большое среди всех респондентов – 106. У Д1 65 пауз составили 49% от общей продолжительности его текста. У Д4 93 паузы составили 33% от всего высказывания. В речи Д5 реализовалось 59 пауз, общая длительность которых составила 24% от всего высказывания диктора. Таким образом, большее количество пауз автоматически не означает их большую долю от общей продолжительности текста.

Исследование показало вариативность средних значений длительности незаполненных (в группу которых в том числе вошли физиологические паузы вдоха) и заполненных пауз относительно друг друга (см. табл. 4). У двух дикторов – Д2 и Д3 – незаполненные паузы оказались длиннее заполненных, а у Д4 и Д5 была выявлена обратная тенденция – у заполненных пауз длительность превысила аналогичный показатель незаполненных, при этом у Д5 разница оказалась незначимой (0,01 сек.), а у Д1 средние значения длительности заполненных и незаполненных пауз оказались одинаковыми.

Т а б л и ц а 4. Длительность заполненных и незаполненных пауз (сек.)
[Table 4. The duration of filled and empty hesitation pauses (sec.)]

Параметр	Д1	Д2	Д3	Д4	Д5
Средняя длительность ЗП	0,66	0,44	0,48	0,56	0,45
Средняя длительность НЗП	0,66	0,83	0,55	0,29	0,44
Минимальная длительность ЗП	0,04	0,03	0,13	0,11	0,06
Максимальная длительность ЗП	4,32	1,33	1,18	1,51	0,94
Минимальная длительность НЗП	0,06	0,013	0,038	0,023	0,022
Максимальная длительность НЗП	2,09	2,1	1,59	1,42	1,81

Примечание к таблице 4: ЗП – заполненная пауза, НЗП – незаполненная пауза.

Сопоставление средних темпа дикторов и длительности пауз обнаружило, что у участников эксперимента с более быстрым темпом (14–15 фонем/сек.) длительность пауз больше, чем у дикторов, чей темп медленнее. Исключение составила речь Д5: при быстром темпе средняя длительность его пауз была небольшой – сопоставимой с Д3, Д4.

3. Заключение [Conclusion]

Полученные в результате анализа аудиоматериалов данные позволили прийти к следующим выводам. Во-первых, установлено, что темп речи дикторов относится к ускоренному и быстрому (11–17 сегм./сек.). При этом, вопреки ожиданиям, более молодые дикторы продемонстрировали более медленный темп артикуляции. Во-вторых, выявлено отсутствие прямой корреляции между темпоральными характеристиками и количеством пауз, однако скорость артикуляции оказала влияние на среднюю длительность пауз – чем медленнее был темп, тем короче паузы и наоборот. В-третьих, исследование показало вариативность средних значений длительности незаполненных и заполненных пауз относительно друг друга. У двух дикторов незаполненные паузы оказались длиннее заполненных, у двух других дикторов проявилась обратная тенденция, а у одного диктора средние значения длительности заполненных и незаполненных пауз оказались одинаковыми. В целом же незаполненные паузы продемонстрировали большую среднюю длительность, чем заполненные у всех респондентов. Перспективу исследования составит пополнение данных о способах заполнения hesitation-пауз.

Библиографический список

- Гердт, 2001 – Гердт А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия. СПб., 2001. 487 с.
 Дунашова, 2021 – Дунашова А. В. Стилистическая вариативность просодических характеристик языковой личности // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 22–30.
https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_22_30

- Ерофеева, 2020 – Ерофеева Е. В. Региолект как континуум // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Язык и литература. 2020. № 17 (4). С. 596–614. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>
- Жеребило, 2010 – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань : Пилигрим, 2010. 486 с.
- Иванашко, Процукович, 2020 – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А. Темпоральные характеристики звучащей речи дальневосточников разных возрастных групп // Современные концепции и парадигмы образования в условиях мирового эпидемиол. кризиса. Ч. 1. Ростов, 2020. С. 252–255.
- Иванашко и др., 2021 а – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Кирпикова В. В. Просодические особенности речи мужчин разных возрастных групп (на материале дальневосточного региолекта) // Социофонетика и фоностистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2021. С. 50–52.
- Иванашко и др., 2021 б – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Николаева И. В. Особенности паузации речи дальневосточников различных возрастных групп // Научен вектор на Балканите. 2021. Вып. 5, № 1 (11). С. 40–44. <https://doi.org/10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0008>
- Иванашко и др., 2022 – Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Шубникова А. В. Паузы хезитации в речи жителей г. Благовещенска Амурской области разных возрастных групп // Фонетика в контексте языковых контактов / отв. ред. Е. Б. Карневская. Минск : МГЛУ, 2022. С. 27–32.
- Каганов, 2012 – Каганов А. Ш. Криминалистическая идентификация личности по голосу и звучащей речи. М. : Юрлитинформ, 2012. 296 с.
- Николаева, Иванашко, 2020 – Николаева И. В., Иванашко Ю. П. Паузы хезитации в речи подростков 11–13 лет // Социофонетика и фоностистика: От теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 48–50.
- Процукович, 2020 – Процукович Е. А. Фонетические особенности русской речи жителей города Благовещенска Амурской области // Социофонетика и фоностистика: От теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 58–60.
- Семёнова, Иванашко, 2020 – Семёнова А. А., Иванашко Ю. П. Сопоставительные характеристики пауз в речи молодых и пожилых жителей г. Благовещенска // Социофонетика и фоностистика: от теории к практике / ред. А. Д. Петренко. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. С. 50–52.
- Симонов, 2024 – Симонов Е. Л. Просодические характеристики мужской речи жителей города Благовещенска // Молодёжь XXI века: шаг в будущее : материалы XXV регион. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 22 мая 2024 г.) : в 2-х т. Благовещенск : Амурская ГМА, 2024. С. 92–93.
- Степанова, 2011 – Степанова С. Б. Темп спонтанной русской речи (по материалам Звукового корпуса повседневного общения «Один речевой день») // Язык и речевая деятельность. 2010–2011. Т. 10–11. В честь Н. Д. Светозаровой. СПб., 2011. С. 204–214.
- Трубинский, 1991 – Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Псков, 1991. С. 156–162.
- Тэн, Андросова, 2022 – Тэн Х., Андросова С. В. Особенности паузации в родной и акцентной спонтанной речи: акустический анализ китайской родной, русской акцентной и русской родной речи // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2022. Т. 21, № 2. С. 67–86. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86>

References

- Gerdt, A. S. (2001). *Vvedenie v etnolingvistiku: kurs lektsiy i khrestomatiya [Introduction to ethnolinguistics: A course of lectures and reader]*. St. Petersburg. (In Russ.).
- Dunashova, A. V. (2021). Stilisticheskaya variativnost' prosodicheskikh kharakteristik yazykovoy lichnosti [Stylistic variation of prosodic patterns of a linguistic persona]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7(1), 22–30. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_22_30
- Erofeeva, E. V. (2020). Regiolekt kak kontinuum [Regiolect as a continuum]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Yazyk i literatura [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature]*, 17 (4), 596–614. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu09.2020.407>
- Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. Nazran : Piligrim Press. (In Russ.).

- Ivanashko, Yu. P., & Protsukovich, E. A. (2020). Temporal'nye kharakteristiki zvuchashchey rechi dal'nevostochnikov raznykh vozrastnykh grupp [Temporal features of speech in the Far East for different age groups]. *Sovremennye kontseptsii i paradigmy obrazovaniya v usloviyakh mirovogo epidemiologicheskogo krizisa [Modern concepts and paradigms of education in the context of the global epidemiological crisis]* (pp. 252–255). Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Kirpikova, V. V. (2021 a). Prosodicheskie osobennosti rechi muzhchin raznykh vozrastnykh grupp (na materiale dal'nevostochnogo regiolekta). [Prosodic features of men's speech of different age groups (based on the material of the Far Eastern region)]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 50–52). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Nikolaeva, I. V. (2021 b). Osobennosti pauzatsii rechi dal'nevostochnikov razlichnykh vozrastnykh grupp [Specific features of speech pausing for different age groups in the Far East]. *Nauchen vektor na Balkanite [Scientific Vector of the Balkans]*, 1 (11), 40–44. (In Russ.). <https://doi.org/10.34671/SCH.SVB.2021.0501.0008>
- Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., & Shubnikova, A. V. (2022). Pauzy khezitatsii v rechi zhiteley g. Blagoveshchenska Amurskoy oblasti raznykh vozrastnykh grupp [Hesitation pauses in the speech of different age group residents of Blagoveshchensk, Amur region]. In E. B. Karnevskaia (Ed.), *Fonetika v kontekste yazykovykh kontaktov [Phonetics in the context of language contacts]* (pp. 27–32). Minsk : Minsk State Linguistic University Press. (In Russ.).
- Kaganov, A. Sh. (2012). *Kriminalisticheskaya identifikatsiya lichnosti po golosu i zvuchashchey rechi [Forensic identification of a person by voice and spoken speech]*. Moscow : Yurlitinform Press. (In Russ.).
- Nikolaeva, I. V., & Ivanashko, Yu. P. (2020). Pauzy khezitatsii v rechi podrostkov 11–13 let [Hesitation pauses in 11–13 years old adolescents' speech]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 48–50). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Protsukovich, E. A. (2020). Foneticheskie osobennosti russkoy rechi zhiteley goroda Blagoveshchenska Amurskoy oblasti [Phonetic features of Russian speech of Blagoveshchensk city residents, Amur region]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 58–60). Simferopol' : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Semyonova, A. A., & Ivanashko, Yu. P. (2020). Sopostavitel'nye kharakteristiki pauz v rechi molodykh i pozhilykh zhiteley g. Blagoveshchenska [Comparative characteristics of speech pauses of young and elderly residents of Blagoveshchensk]. In A. D. Petrenko (Ed.), *Sotsiofonetika i fonostilistika: Ot teorii k praktike [Sociophonetics and phonostylistics: From theory to practice]* (pp. 50–52). Simferopol : Crimean Federal University Press. (In Russ.).
- Simonov, E. L. (2024). Prosodicheskie kharakteristiki muzhskoy rechi zhiteley goroda Blagoveshchenska [Prosodic characteristics of male speech of Blagoveshchensk city residents]. *Molodezh' XXI veka: shag v budushchee [Youth of the XXI century: A step into the future] : Proc. XXV Regional conf., Blagoveshchensk, May 22, 2024* (pp. 92–93). Blagoveshchensk : ASMA Press. (In Russ.).
- Stepanova, S. B. (2011). Temp spontannoy russkoy rechi (po materialam Zvukovogo korpusa povsednevnogo obshcheniya «Odin rechevoy den'») [The tempo of spontaneous Russian speech (based on materials from the Sound Corpus of Everyday Communication “One Speech Day”)]. *Yazyk i rechevaya deyatel'nost' [Language and speech activity]* (pp. 204–214). St. Petersburg. (In Russ.).
- Trubinskiy, V. I. (1991). Sovremennye russkie regiolekty: primety stanovleniya [Modern Russian regiolects: Signs of formation]. *Pskovskie govory i ikh okruzhenie [Pskov dialects and their surrounding]* (pp. 156–162). Pskov. (In Russ.).
- Teng, H., & Androsova, S. V. (2022). Osobennosti pauzatsii v rodnoy i aktsentnoy spon-tannoy rechi: akusticheskiy analiz kitayskoy rodnoy, russkoy aktsentnoy i russkoy rodnoy rechi [Pauses in Native and Foreign-Accented Spontaneous Speech: Acoustic Analysis of Native Chinese, Chinese Learners of Russian, and Native Russian Speech]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 21 (2), 67–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2022-21-2-67-86>

Кузьмина Раиса Петровна

**Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера Сибирского отделения Российской академии наук**

г. Якутск, Российская Федерация

raisakuzmina2013@yandex.ru

Образные признаки концептов ЗИМА и ЛЕТО в эвенской лингвокультуре

Аннотация

Цель статьи состоит в определении образных характеристик темпоральных концептов ЛЕТО и ЗИМА в языковой картине мира эвенов. Работа выполнена в русле антропологической парадигмы, которая предполагает изучение языка в тесной связи с восприятием мира человеком и его отношением к окружающей действительности. В языковой картине мира концепты представляют собой структурированные номинативные поля, включающие как основные средства языкового выражения, так и менее частотные компоненты. В центр внимания данного исследования попали именно основные (доминирующие) средства. Изучение образцов эвенской прозы, поэзии и фольклора методами концептуального и лингвокультурологического анализа позволило выявить пять основных образных признаков концепта ЛЕТО и шесть – концепта ЗИМА. Доминирующими для концепта ЛЕТО оказались витальные (связанные с жизненными циклами и вербализованные соответствующими глаголами), качественные (характеризующие качество с помощью прилагательных-эпитетов и создающие антропоморфную метафору), температурные, предметные (предметы одежды) и зооморфные (связанные с животным миром и использующие соответствующие метафоры) признаки. Эти же признаки, кроме предметных, были выделены для концепта ЗИМА. Витальные признаки были вербализованы схожим образом, а проявление трёх других признаков носило противоположный характер. Помимо четырёх общих с концептом ЛЕТО признаков для концепта ЗИМА было выявлено два специфичных признака: признаки характера (связанные с характером человека) и перцептивные (связанные с восприятием).

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, время года, лингвокультура, эвенский язык, лексема, стилистический троп

© Кузьмина Р. П. 2024

Для цитирования: Кузьмина Р. П. Образные признаки концептов ЗИМА и ЛЕТО в эвенской лингвокультуре // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 50–57. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-50>

Raisa P. Kuzmina

**Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems,
the Siberian Branch of the RAS**

Yakutsk, Russian Federation

raisakuzmina2013@yandex.ru

Figurative features of concepts WINTER and SUMMER in the Even linguistic culture

Abstract

The article aims to identify figurative features of the temporal concepts SUMMER and WINTER in the Evens linguistic picture of the world. The study adopted the anthropological approach that involves examining the language in close connection with people's perception of the world and their relationship with the surrounding

reality. In the linguistic picture of the world, concepts are structured nominative fields including both main means of linguistic expression and less frequent components. The main (dominant) means were chosen as the focus of this paper. Studying the samples of the Even prose, poetry and folklore by means of conceptual and linguocultural analysis enabled to identify five dominant figurative features characterizing the concept SUMMER and six dominant features characterizing the concept WINTER. The ones for SUMMER were vitality features (those connected with life cycles and verbalized by the corresponding verbs), qualitative features (those characterizing qualities by means of epithets that create anthropomorphic metaphors), temperature-related features, object-related features (clothing items) and zoomorphic features (those connected with animal world exploiting the corresponding metaphors). The same features, except for object-related ones, were identified for the concept WINTER. Vitality features were verbalized in the similar way, but the manifestation of the other three features was opposite. Besides the four features similar with the concept SUMMER, two features specific for the concept WINTER were found: character-related features (those connected with a person's character traits) and perception-related features.

Keywords: linguistic picture of the world, concept, season, linguistic culture, the Even language, lexeme, literary trope

© Kuzmina R. P. 2024

For citation: Kuzmina, R. P. (2024). *Obraznye priznaki kontseptov ZIMA i LETO v evenskoj lingvokult'ure* [Figurative features of concepts WINTER and SUMMER in the Even linguistic culture]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 50–57. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-50>

1. Введение [Introduction]

Поскольку концепты, будучи фрагментами мира, существующими в сознании народа и отражающими отношение носителей определённой культуры и языка к окружающей действительности, динамичны по своей природе, они по-прежнему являются актуальным объектом для исследования, особенно если перед нами малоизученная лингвокультура.

В исследованиях даётся различная трактовка концептов. Так, В. И. Карасик определяет концепты как «...ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, 2009, с. 24]. По мнению Г. Г. Слышкина: «Концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, т. к. он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [Слышкин, 2000, с. 9]. З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что «наличие в концепте образного компонента определяется самим нейролингвистическим характером универсального предметного кода: чувственный образ кодирует концепт, формируя единицу универсального предметного кода» [Попова, Стернин, 2007, с. 106].

В настоящее время появляется всё больше работ, посвящённых исследованию ключевых концептов в языковой картине мира народов России и зарубежья. Так, дано описание концептов «Мать» и «Отец» в бурятской, русской и китайской фразеологии [Дашиева, Алексеева, 2021]. Проанализированы концепты ДУША и МО́ / ДЕРЕВО в лингвокультуре эвенков [Варламов, 2022 ; Ушницкая, 2022]. Представлен комплексный сопоставительный анализ русского концепта ГОРДОСТЬ и его сербского аналога ПОНОС [Медведева, 2021]. Концептуализация пространственно-временных отношений также становилась предметом отдельного исследования. В частности, рассматривалась степень развёрнутости мифологического хронотопа в северных олонхо и сказаниях эвенков, эвенков, долган [Сатанар, 2021]. Изучалась оценочная семантика, формирующаяся на основе метафорических сравнений [Солодилова, 2022]. В эвеноведении ранее были рассмотрены некоторые образные признаки концептов времён года [Кузьмина, 2022 а, б]. Настоящее исследование является продолжением проделанной работы и нацелено на выявление образных концептуальных признаков летнего и зимнего сезонов.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Теоретической основой послужили работы, посвящённые исследованию образной структуры концептов в языковой картине мира [Карасик, 2009 ; Колесов, Пименова, 2016 ; Попова, Стернин, 2007 ; Слышкин, 2000]. В работе применялись описательный метод, концептуальный анализ, метод сплошной выборки и лингвокультурологический анализ, принятые в научной Санкт-Петербургско-Кемеровской школе под руководством М. В. Пименовой. М а т е р и а л о м исследования послужили сборники стихов: «Нургэнэк» В. Г. Белолобской (2019), «Воспеваю лето» (2011), «Херилбу, инилбу одялра! мэн дялди анидыну дёнтурбу» (2013) Е. Н. Боковой, «Радуга на сердце» (2001), «Дёнтуралби анирам» (2013) В. С. Кейметинова, «Песни Севера» А. В. Кривошапкина (1995), «Икэ эжин» (2009), «Родной край» (2004) В. Д. Лебедева. Также были привлечены прозаические произведения эвенов: роман «Бини – ач мудна хөвнэк» (2019) А. В. Кривошапкина, повесть «Моё детство» Н. С. Тарабукина (2009). Кроме того, использовались тексты фольклорного дискурса: эпосы «Мэунун» В. Д. Лебедева (1978) и «Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ» Е. А. Данилова (1991).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В эвенской лингвокультуре зима и лето, как части макроментального номинативного поля времён года, находят своё выражение в различных языковых средствах и используются в фольклоре и художественных произведениях, что позволяет увидеть образное восприятие мира носителями языка.

Концепты ЛЕТО и ЗИМА занимают важное место в мировоззрении народа. В национальной картине мира летний сезон с его жаркими днями и обилием солнечного тепла воспринимается прежде всего как ценность и источник жизни. Зима играет важную роль в культуре и языке эвенов, народа, который проживает на обширной территории Сибири и Севера. В северных районах зимний сезон длится около полугода, что находит отражение в языковом восприятии мира этноса. Образ зимы занимает важное место в художественном дискурсе эвенов и также является неотъемлемой частью языковой картины мира эвенов. В русской языковой картине мира, как считают Е. А. Грушко и Ю. М. Медведев, зима – это время года, которое, подобно представлениям других народов, всегда было одушевлённым [Грушко, Медведев, 1995, с. 113].

В эвенском языке для обозначения лета используются две лексемы – *дюгани* и *ирэли* ~ *ирулду*. Анализ литературных произведений позволил выделить три о б р а з н ы х к о н ц е п т у а л ь н ы х п р и з н а к а л е т а, которые можно назвать ключевыми: витальные, качественные, температурные. При образной концептуализации летнего сезона в авторской картине мира эвенских поэтов встречаются также предметные и зооморфные признаки.

Витальные признаки. Эти признаки вербализованы с помощью глаголов со значениями бытия, начала, продолжения и т. п. Витальные признаки демонстрируют следующие контексты: ...*дюгани*, *Гору бидэй эмынри?!...* [Бокова, 2011, с. 14] – '...лето, Долго ли ты *будешь?*' (букв.)¹; *Дюгани дагымалран...* [Там же, с. 20] – 'Лето *приближается...*' (букв.); ...*Дюганикан илчалан...* [Там же, с. 28] – 'Когда *настало* лето...'; *Дагамран дюгани...* [Кейметинов, 2001, с. 21] – 'Лето *приближается...*'; *Дюгани айдин...* [Кривошапкин, 2019, с. 149] – 'Лето *поможет...*'.

Качественные признаки. Эти признаки вербализованы с помощью качественных прилагательных в основном положительной семантики, а также цветообозначений.

¹ Здесь и далее буквальный перевод мой – Р. К.

Квалитативные признаки демонстрируют следующие контексты: *Як-нян нодыс, дюгани, Адит хани бисэнри...* [Бокова, 2011, с. 14] – 'Какое (ты), красивое лето, Правда ты нарядное...' (букв.); *Нодыке-лу дюгани, Як-асин-а өрусэн...* [Там же, с. 28] – 'Какое же красивое лето, Как радостно...' (букв.); *Эрэгэр хани дюганив...* [Лебедев, 2009, с. 72] – 'Всегда нарядное лето...' (букв.). Выделенные прилагательные-эпитеты создают радующий глаз образ красивой нарядной девушки, что можно считать своего рода антропоморфной метафорой.

Предметные признаки объективированы в поэтическом дискурсе через признаки *ой* 'одежда': *Дюгани чулбаня оилкан...* [Ламутский, 2009, с. 62] – 'У лета зелёная одежда' (букв.).

Температурные признаки. Эти признаки вербализованы с помощью качественных прилагательных *хөкси* 'горячий, жаркий', *нямси* 'тёплый': Примеры контекстов с реализацией образных температурных признаков отмечены в поэтическом дискурсе: ... *Дулси, хөкси дюгани...* [Бокова, 2011, с. 14] – '...Согревающее, жаркое лето' (букв.); *Нямси, хөкси дюгани...* [Бокова, 2013, с. 76] – 'Тёплое, жаркое лето'.

Зооморфные признаки. В культуре эвенов короткий летний сезон сравнивается с птичьим клювом. В сравнительной конструкции используется лексема *дин*, употребляющаяся в говорах со значением 'равный, подобный'. Примеры контекстов, актуализирующих зооморфные признаки встретились в поэтическом дискурсе: *Дюгани чукачан оуатан дин...* [Кейметинов, 2013, с. 47]. 'Лето подобно клюву птицы'.

В эвенском языке для обозначения зимы имеется одна лексема – *тугэни*. Анализ литературных произведений позволил выделить шесть образных концептуальных признаков зимы, которые можно назвать ключевыми: витальные, ментальные, температурные, квалитативные, перцептивные и зооморфные.

Витальные признаки концепта ЗИМА аналогичны тем, которые характеризовали концепт ЛЕТО. Их вербализация тоже аналогична. Витальные признаки в поэтической картине мира демонстрируют следующие контексты: *Тугэни эмэддэн...* [Белолобская, 2019, с. 13] – 'Зима наступает...'; *Тугэни айдимканны...* [Кривошапкин, 2019, с. 171] – 'Наступил разгар зимы...'; *Тугэни эмриди, Хин мявмус туңкэлрэн...* [Лебедев, 2004, с. 3] – 'Зима наступив, Твоё сердце заставило стучать...!'

В индивидуально-авторской картине мира лексема *тугэни* 'зима' может использоваться с формантом субъективной оценки *-кэн* с оттенком ласкательности: *Тугэниүкэнтэ дагамран...* [Тарабукин, 2009, с. 24] 'Зимушка наша приближается'.

Признаки характера. В авторской картине мира В. Д. Лебедева (поэтический дискурс...) в описании зимы установлен признак характера: *Хиратандяв тугэнив...* [Лебедев, 2009, с. 72] – 'Суровую (злую) зиму...!'

Температурные признаки. Эти признаки вербализованы с помощью адъективных лексем *хялта* 'морозный' и глагола *хялтадай* 'морозить, холодить'. Примеры контекстов с реализацией образных температурных признаков отмечены в поэтическом дискурсе: *Хялта тугэни елтэнин...* [Кривошапкин, 2019, с. 168] – 'Холодная зима прошла...!'; *Хялта тугэни хитэлрэн, идялкан эдэн-дэ хивкэнни...* [Там же, с. 168] – 'Морозная зима прошла и холодный ветер поутих...!'; *Тугэни эмчэлэн хялтанни...* [Кейметинов, 2013, с. 23] – 'Когда зима пришла, похолодало'.

Квалитативные признаки. В поэтическом и художественном дискурсах эти признаки вербализованы с помощью качественных прилагательных и глагольных лексем с негативной семантикой, характеризующих ассоциации короткого светового дня зимой на Севере с темнотой: *Иүнь төрлэ, Хатар тугэни...* [Кривошапкин, 1995, с. 232] – 'На холодной земле, Тёмная зима...!'; *Инэни помпоти. Эдлэс-тэ нулгэснэ укал дэрбэллөттэн. Ургэ нян үлэм төрөлбү нулгэ бэй үэринду елтэндэй ок-та мандуттан...* [Кривошапкин, 2018, с. 72] – 'Дни стали короткими. Не успеваешь даже тронуться в путь, уже начинает темнеть...!'

Перцептивные признаки. Эти признаки в поэтическом дискурсе вербализованы с помощью адъективной лексемы *ичэн* 'зоркий': *Тугэни хингэчин хо ичэн...* [Лебедев, 2004, с. 3] – 'Зима, как ты **очень зоркая...**'. Здесь имеет место обращение к зрительному восприятию.

Зооморфные признаки выявлены в поэтическом дискурсе, где зима сравнивается с благородным животным – *белым оленем*: *Тугэни эмэддэн, нодамран, Гилталды оруачин тусаддан...* [Белолобская, 2019, с. 13] – 'Зима идёт, красиво стало, Как белый олень скачет...'.
 В фольклорной картине мира эвенков весьма интересным является формула, отражающая определение сезонов года эпическим героем, находящимся в пути. Например, герои в нимканах (эпических сказаниях) по намерзанию инея на ресницах узнают о наступлении зимы, а по таянию инея на ресницах – о наступлении лета. Компонент инея в данном случае выступает как основной признак зимнего сезона: *Мэунун һэтыкындыдыдыннин мэддыкын тээрин иаһылын авыльча, оһытын-да өһульчэ. «Эрэк иадук ньэкрын»-гөөникэн тэмийныкын ньууритын һиинуриды бөһкы ооча. Дьубыниду һэтыкыннидыур тубыни оодыунан эчэл һаар. Тарав ньууритылкакэнь оһыһыньчэ* [Лебедев, 1978, с. 124] – 'Мэнгун бежала, бежала и на бегу заметила, что оба глаза у неё распухли и из носа кровь пошла. «Отчего это случилось?» – подумала она и пощупала свои волосы, а они все покрылись инеем /от её дыхания на морозе/ и обратились в лёд. Побежали они летом и на бегу не заметили, как наступила зима. Обледенелый комок вместе с волосами выдернула Мэунун' [Там же, с. 140]; *Иркэнмэл нгэннэн-дэ-нгэннэн, нгэннэн-дэ-нгэннэн, хо:в гору нгэннэн. Хоривкаи хингурилин тугэни о:диван ха:н, хоривкаи у:нилин д'угани о:диван һа:н. Тачикан гору, тачикан тэгэм нгэннэн* [Данилов, 1991, с. 37] – 'Иркэнмэл идёт и идёт, идёт и идёт, очень долго шёл. По намерзанию инея на ресницах о наступлении зимы узнаёт, по таянию инея на ресницах о становлении лета узнаёт. Так долго, так далеко идёт' [Там же, с. 15].

Параллели экспликации подобной эпической формулы, объективирующей концепт ВРЕМЕНА ГОДА встречается и в фольклорной картине мира якутов [Категория образности..., 2019, с. 98]:

Кыһын бөҕөнү	Зимние времена года
Кырыатынан билэн,	По морозу различал,
Сайын бөҕөнү	Летние времена года
Самыырынан билэн,	По дождю распознавал....

3. Заключение [Conclusion]

Итак, целью проведённого исследования было определение образных характеристик темпоральных концептов ЛЕТО и ЗИМА в языковой картине мира эвенков. Изучение эвенских прозаических и поэтических текстов, а также образцов эвенского фольклора, выполненное в русле антропологической парадигмы методами концептуального и лингвокультурологического анализа, позволило получить следующие результаты. Было выявлено пять основных (доминирующих) образных признаков концепта ЛЕТО и шесть – концепта ЗИМА. Доминирующими для концепта ЛЕТО оказались витальные, качественные, температурные, предметные и зооморфные признаки. Эти же признаки, кроме предметных, характеризуют концепт ЗИМА. Витальные признаки были вербализованы схожим образом, а проявление трёх других признаков носило противоположный характер. Помимо четырёх общих с концептом ЛЕТО признаков было выявлено два признака, специфичных для концепта ЗИМА: признаки характера и перцептивные. В художественной картине мира при образной концептуализации зимнего сезона выделены образные признаки, демонстрирующие негативное отношение к зиме. К причинам

такого отношения к зиме следует отнести климатические условия проживания эвенков – холод, короткий световой день, большую продолжительность зимнего сезона.

Исследования национальной концептосферы и отдельных структурных концептуальных признаков важны для описания национальной картины мира, и они весьма далеки от завершения, особенно для лингвокультур исчезающих этносов. Перспектива исследования состоит в последующем описании структур лингвокультурных концептов, а также в дальнейшем лингвокультурологическом анализе образных сравнений и метафор, в том числе «стёртых» метафор, с целью реконструкции единой картины мира этноса.

Библиографический список

- Белолобская, 2019 – Белолобская В. Г. Нургэнэк: стихи. Якутск : Изд-во Бичик, 2019. 80 с.
- Бокова, 2011 – Бокова Е. Н. Воспеваю лето: стихи. Якутск : Изд-во Бичик, 2011. 96 с.
- Бокова, 2013 – Бокова Е. Н. Херилбу, инилбу одялра! : мэн дялди анидыну дэнтурбу [Берегите друг друга]. Якутск : Изд-во Бичик, 2013. 96 с.
- Варламов, 2022 – Варламов А. Н. Концепт ДУША в языке и мировоззренческих традициях эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 3. С. 31–45. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_31
- Грушко, Медведев, 1995 – Грушко Е. А., Медведев Е. А. Словарь славянской мифологии. Нижний Новгород : «Русский купец», «Братья славяне», 1995. 368 с.
- Данилов, 1991 – Данилов Е. А. Иркэнмэл, Ойинде, Мэтэлэ. (На русском и эвенском языках). Якутск : «Розовая чайка», 1991. 48 с.
- Дашиева, Алексеева, 2021 – Дашиева С. Д., Алексеева И. Д. Концепты «мать» и «отец» в призме бурятской, русской и китайской фразеологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 39–46. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46
- Карасик, 2009 – Карасик И. В. Языковые ключи. М. : Гнозис, 2009. 406 с.
- Категория образности..., 2019 – Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками) / отв. ред. С. М. Прокопьева. Якутск : Изд. дом СВФУ, 2019. 196 с.
- Кейметинов, 2001 – Кейметинов В. С. Радуга на сердце. Якутск : Изд-во Бичик, 2001. 96 с.
- Кейметинов, 2013 – Кейметинов В. С. Дэнтуралби анирам: дэнтурал [Дарю вам стихи: стихи]. Якутск : Изд-во Бичик, 2013. 64 с.
- Колесов, Пименова, 2016 – Колесов В. В., Пименова М. В. Введение в концептологию : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Флинта : Наука, 2016. 248 с.
- Кривошапкин, 1995 – Кривошапкин А. В. Песни Севера. Стихи. Якутск : Изд-во Бичик, 1995. 256 с.
- Кривошапкин, 2018 – Кривошапкин А. В. Тормита буюсэмнэ [Охотник Тормита]. Якутск: Изд-во Бичик, 2018. 208 с.
- Кривошапкин, 2019 – Кривошапкин А. В. Бини – ач мудна хөвнэк [Жизнь – бесконечный перевал]. Якутск : Изд-во Бичик, 2019. 256 с.
- Кузьмина, 2022 а – Кузьмина Р. П. Способы репрезентации образных и оценочных признаков концептов ВЬЮГА, ЛЁД в языковом сознании эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 82–89. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_82
- Кузьмина, 2022 б – Кузьмина Р. П. Образное содержание в структуре концепта ВЕСНА в эвенской лингвокультуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, Вып. 8. С. 2527–2530. <https://doi.org/10.30853/phil20220453>
- Лебедев, 1978 – Лебедев В. Д. Язык эвенков Якутии. Л. : Наука, 1978. 207 с.
- Лебедев, 2009 – Лебедев В. Д. Икэ энин [Сила песни]: стихи. Якутск : Изд-во Бичик, 2009. 128 с.
- Лебедев, 2004 – Лебедев В. Д. Родной край. Якутск : Изд-во Бичик, 2004. 80 с.
- Медведева, 2021 – Медведева Д. И. Концептуализация гордости в русской и сербской лингвокультурах (на материале лексических и фразеологических единиц) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 133–143. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_133_143

- Попова, Стернин, 2007 – Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ Восток-Запад, 2007. 314 с.
- Сатанар, 2021 – Сатанар М. Т. Мифологический хронотоп в эпических сказаниях // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2021. № 4 (26). С. 81–94.
- Слышкин, 2000 – Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов. М. : Academia, 2000. 141 с.
- Солодилова, 2022 – Солодилова И. А. Образное сравнение как источник оценочного смыслообразования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 165–177.
- Степанов-Ламутский, 2009 – Степанов-Ламутский П. А. Нэлкэрэп мучит [Весенняя хвоя]: стихи и пьеса: для детей среднего и старшего школьного возраста. Якутск : Изд-во Бичик, 2009. 96 с.
- Тарабукин, 2009 – Тарабукин Н. С. Мое детство. Якутск : Изд-во Бичик, 2009. 64 с.
- Ушницкая, 2022 – Ушницкая Н. Ю. Вербализация концепта МӖ / ДЕРЕВО в лингвокультуре эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 3. С. 160–169. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_160

References

- Belolyubskaya, V. G. (2019). *Nurgenek: poems*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Bokova, E. N. (2011). *Vospelayu leto [Glorifying summer]: poems*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Bokova, E. N. (2013). *Kherilbu, inilbu odyalra!: men dyaldi anidyуu denturбу [Take care of each other]*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Varlamov, A. N. (2022). Kontsept DUSHA v yazyke i mirovozzrencheskikh traditsiyakh evenkov [The concept SOUL in the language and worldview of the Evenki]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8(3), 31–45. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_31
- Grushko, E. A., & Medvedev, E. A. (1995). *Slovar' slavyanskoj mifologii [Slavonic mythology dictionary]*. Nizhniy Novgorod : Russkiy kupets Press, Brat'ya slavyane Press. (In Russ.).
- Danilov, E. A. (1991). *Irkenmel, Oyinde, Metele*. Yakutsk : Rozovaya chayka Press. (In Russ. and Even).
- Dashieva, S. Ts. D., Alekseeva, I. D. (2021). Kontsepty “mat” i “otets” v prizme buryatskoj, russkoj i kitayskoj frazeologii [Concepts “mother” and “father” in the prism of Buryat, Russian and Chinese phraseology]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7(4), 39–46. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_39_46
- Karasik, I. V. (2009). *Yazykovye klyuchi [Language keys]*. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Prokop'eva, S. M. (Ed.). (2019). *Kategoriya obraznosti v yazyke (na materiale sopostavleniya yakutskogo yazyka s kazakhskim, kirgizskim, altayskim i mongol'skim yazykami) [The category of simile in language: Comparing the Yakut, Kirgiz, Altai and Mongolian languages]*. Yakutsk : SVFU Press. (In Russ.).
- Keymetinov, V. S. (2001). *Raduga na serdtse [The rainbow in the heart]*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Keymetinov, V. S. (2013). *Denturalbi aniram: dentural [I give you poems]*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Kolesov, V. V., & Pimenova, M. V. (2016). *Vvedenie v kontseptologiyu [Introducing concept studies] : A coursebook. 2nd edn., stereotypical*. Moscow : Flinta Press : Nauka Press. (In Russ.).
- Krivoshapkin, A. V. (1995). *Pesni Severa [Songs of the North]. Poems*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Krivoshapkin, A. V. (2018). *Tormita buyusemhe [Hunter Tormita]*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Krivoshapkin, A. V. (2019). *Bini –achmudna khovnek [Life is an endless pass]*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Kuzmina, R. P. (2022 a). Sposoby reprezentatsii obraznykh i otsenochnykh priznakov kontseptov V"YuGA i LED v yazykovom soznanii evenov [Methods of representation of imagery and evaluative features of the concepts of BLIZZARD and ICE in the linguistic consciousness of Evens]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied linguistics]*, 8(2), 82–89. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_82

- Kuzmina, R. P. (2022 b). Obraznoe sodержanie v strukture kontsepta VESNA v evenskoj lingvokul'ture [Figurative content in the structure of the SPRING concept in the Evenk linguoculture]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 15 (8), 2527–2530. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20220453>
- Lebedev, V. D. (1978). *Yazyk evenov Yakutii [The language of the Evens of Yakutiya]*. Leningrad : Nauka Press. (In Even and Russ.).
- Lebedev, V. D. (2009). *Ike eyin [The power of song]: poems*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Lebedev, V. D. (2004). *Rodnoy kray [Motherland]*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Medvedeva, D. I. (2021). Kontseptualizatsiya gordosti v russkoy i serbskoy lingvokul'turakh (na materiale leksicheskikh i frazeologicheskikh edinit) [Conceptualizing of pride in Russian and Serbian linguocultures (Based on lexical and phraseological units)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (1), 133–143. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_1_133_143
- Popova, Z. D., & Sternin, I. A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]*. Moscow : AST Vostok -Zapad Press.
- Satanar, M. T. (2021). Mifologicheskiy khronotop v epicheskikh skazaniyakh [Mythological chronotope in the epic legends of the arctic peoples: In comparative aspect]. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki [Arctic XXI century. Humanitarian sciences]*, 4 (26), 81–94. (In Russ.).
- Slyshkin, G. G. (2000). *Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov [Linguocultural concepts in precedent texts]*. Moscow : Academia Press.
- Solodilova, I. A. (2022). Obraznoe sravnenie kak istochnik otsenochno go smysloobrazovaniya [Figurative comparison as a source of evaluative meaning making]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (1), 165–177. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_165
- Stepanov-Lamutskiy, P. A. (2009). *Nelkerep muchit [Spring needles]: poems and drama: For middle school and higher school pupils*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even).
- Tarabukin, N. S. (2009). *Moe detstvo [My childhood]*. Yakutsk : Bichik Press. (In Even and Russ).
- Ushnitskaya N. Yu. (2022). Verbalizatsiya kontsepta MŌ / DEREVO v lingvokul'ture evenkov [Verbalization of the concept MŌ / TREE in the linguistic culture of the Evenks]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (3), 160–169. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_160

Статья поступила в редакцию 06.11.2023; одобрена после рецензирования 31.06.2024; принята к публикации 06.08.2024.

The article was submitted 06.11.2023; approved after reviewing 31.06.2024; accepted for publication 06.08.2024.

Ли Вэньгэ✉, Ван Люно, Чжи Лицян
Харбинский политехнический университет
г. Харбин, Китайская Народная Республика
yuqilihit@126.com

Приёмы перевода речевого оборота фэйбай в романе «Сон в красном тереме» на английский и русский языки

Аннотация

Цель настоящего исследования – определить универсальное и специфическое в приёмах перевода фигуры речи под названием фэйбай на английский и русский языки в отдельно взятом литературном произведении. Материалом послужили первые 80 глав относящегося к жанру семейной хроники популярнейшего романа «Сон в красном тереме», объединённых названием «Записки о камне» и их четыре перевода: два – на английский язык и два – на русский. Всего переводческому анализу подверглись 21 фэйбай и 84 варианта их перевода (42 на русский язык и 42 – на английский). В результате было установлено, что, наряду с универсальными (общими) тенденциями, существуют значительные различия в способах перевода данной китайской фигуры речи. Эти отличия продиктованы, во-первых, самими типами фэйбай (иероглифические, фонетические и семантические), а во-вторых, родной лингвокультурой переводчика (русской и английской в британском варианте). Общими для перевода на русский и английский языки были высокая частотность вольного перевода, одинаковое количество использования опущений, схожее количество случаев пословного перевода, использование одинакового количества комбинаций приёмов. Количество приёмов и их комбинаций, использованных в переводах на английский язык, оказалось больше по сравнению с переводами на русский язык. В английских переводах использовались приёмы амплификации и адаптации, не встретившиеся в русских переводах. Комбинации приёмов также оказались разными. Эта разница обусловлена как культурными различиями, так и личностями переводчиков, а также временными рамками, в которых выполнялись переводы.

Ключевые слова: классический китайский роман, речевой оборот фэйбай, стратегия перевода, переводческий приём, распределение переводческих приёмов

© Ли В., Ван Л., Чжи Л. 2024

Для цитирования: Ли В., Ван Л., Чжи Л. Приёмы перевода речевого оборота фэйбай в романе «Сон в красном тереме» на английский и русский языки // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 58–71. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-58>

Li Wenge✉, Wang Liunuo, Zhi Liqiang
Harbin Institute of Technology, Harbin, China
yuqilihit@126.com

The translation techniques for the feibai stylistic trope in “A Dream of Red Mansions”

Abstract

This paper aims to reveal common and specific patterns to translate the feibai stylistic trope into Russian and English in a particular literary work. The material for the study included the first 80 chapters united under the title “The Story of the Stone” of the most popular Chinese classical novel “A Dream of Red Mansions” written in the genre of family chronicals and their four translations: two – into English and another two – into Russian. The total of 21 feibai and 84 variants of their translation (42 Russian and 42 English) were analyzed. As a result,

along with common patterns, considerable differences were found. The differences were determined by, firstly, the type of feibai (character-based, pronunciation-based or meaning-based), secondly, by the native linguoculture of each translator. Common patterns for Russian and English translations were high frequency of dynamic equivalence translation technique, the same number of omissions, similar number of literal translation technique, the same number of combinations of techniques. However, in English translations, the total number of techniques and combinations used exceeded the ones in Russian translations. Amplification and adaptation were not found in Russian translations. Also, combinations turned out different. These differences are determined by linguocultural differences, each translator's personality and the differences in the time when the translations were performed.

Keywords: Chinese classical novel, feibai as a stylistic trope, translation strategy, translation technique, translation techniques distribution

© Li W., Wang L., Zhi L. 2024

For citation: Li, W., Wang L., & Zhi L. (2024). Priemy perevoda rechevogo oborota feybay v romane «Son v krasnom tereme» na angliyskiy i russkiy yazyki [The translation techniques for the feibai stylistic trope in “A Dream of Red Mansions”]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 58–71. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-58>

1. Введение [Introduction]

В условиях повышенного внимания к китайской языковой картине мира и китайской лингвокультуре во всём мире, и в частности – в России, предметом исследования часто становятся китайские и русские варианты разных концептов и особенности вербализации соответствующих концептуальных признаков (ДОБРОТА, ЛИЦО, ЗНАНИЕ, ЦЕННОСТИ, ПРИСТРАСТИЯ) [Цуй, 2018; Ши, 2022; Стародубцева, 2023; Насталовская, 2024], авто- и гетеростереотипы, изученные посредством ассоциативных экспериментов с носителями и неносителями соответствующих лингвокультур а) гендерные [Чэнь, Ерофеева, 2021 ; Чэнь, 2022], б) связанные с тем, что и кого любят русские и китайцы [Насталовская, 2024], проблемы и особенности научно-технического перевода [Сюй, Чжэн, 2023] и художественного перевода [Кирпикова, 2023], лингвистические особенности знаковых философских и литературных произведений. На основе выполненных переводов отмечается, что особую сложность представляет собой передача на языке-реципиенте эпитетов, образных сравнений и метафор, устойчивых оборотов (фразеологизмов и чэнь-юй) и паремий [Арекеева, 2022, 2023 ; Цзинь, 2022 ; Кирпикова, 2023 ; У, Ли, 2023 ; Ли, Сун, 2023 ; Бай, 2024]. Нельзя не отметить анализ использования наименований мифических животных, реальных животных и растений в названиях известных китайских брендов, производящих автомобили, велосипеды, продукты питания, промышленные товары и т. п. [Заболотнева, Циберная, 2021]. Выявленный авторами символизм позволяет глубже изучить языковую картину мира китайцев в её коммерческом сегменте.

Предметом отдельного лингвистического исследования становились те или иные классы слов в китайском языке в том числе в сопоставительном аспекте (напр., в сравнении с русским языком), а также более крупные языковые единицы. Изучались прилагательные, вербализующие концепт ДОБРОТА в китайском и русском языках [Цуй, 2018], частицы современного китайского языка [Береза, 2019], фонетические особенности некоторых служебных слов, употреблённых в своей основной функции и в качестве так называемых слов-паразитов [Ли, Андросова, 2019]; рассматривались особенности функционирования и частотность некоторых китайских предлогов и омонимичных им союзов в художественной и публицистической литературе по сравнению со спонтанной речью [Чередниченко, Андросова, 2023]; описывались лексико-фразеологические группы, образно сравнивающие человека с растением в китайском и русском языках [Пак,

Цзян, 2023]. В центре внимания настоящей статьи находится один из китайских ранее не рассмотренных в российской (советской) и западной лингвистической литературе языковых феноменов под названием фэйбай.

Фэйбай представляет собой специфический оборот речи – своего рода стилистический троп (飞白修辞 – fēi bái xiū cí), – который строится на намеренно неправильном использовании написания иероглифа, искажении его фонетической формы (звучания) или семантики [Ни, 1994 ; Чэн, 1997 ; Чэнь, 1997].

Фэйбай имеет долгую историю использования в Китае. Уже в династиях Цинь и Хань существовали исторические документы, в которых использовался фэйбай. Так, Сыма Цянь, известный историк династии Западная Хань, использовал фэйбай в своём труде «Исторические записки. Биография канцлера Чжана (Чжан Чэнсян Лецюань)». Примером может служить фэйбай в словах Чжоу Чана, соратника и верноподданного первого императора династии Хань Лю Бана, записанных Сыма Цянем – 期期 qī qī. Это похоже на оноματοпею, используемую для выражения звука, издаваемого человеком, когда он заикается. Позже эти два иероглифа вошли в состав выражения 期期艾艾 qī qī ài ài, которое использовалось для описания заикающегося человека.

Использование фэйбай помогает не только ярко и образно выразить характеристики литературных персонажей и их личностей, но и продемонстрировать остроумие, выразить юмор и даже сарказм, чтобы читатели в полной мере почувствовали богатый смысл литературного произведения.

Цель настоящей исследования заключалась в определении универсального и специфического в приёмах перевода фэйбай на английский и русский языки в отдельно взятом литературном произведении.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили первые 80 глав относящегося к жанру семейной хроники романа «Сон в красном тереме», объединённых названием «Записки о камне» и их четыре перевода: два – на английский язык и два – на русский [Цао, 1958, 1995 ; Сао, 1973/1977/1980 ; Сао, 1978]. Наш выбор был обусловлен огромной популярностью именно этого из известных четырёх китайских классических романов. Важным обстоятельством стало и то, что в романе (в диалогах героев) был использован разговорный китайский язык на основе пекинского диалекта, который затем стал основой для формирования стандарта, известного как путунхуа [https://znanierussia.ru/articles/%D0%A1%D0%BE%D0%BD_%D0%B2_%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD_%D0%BE%D0%BC_%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5].

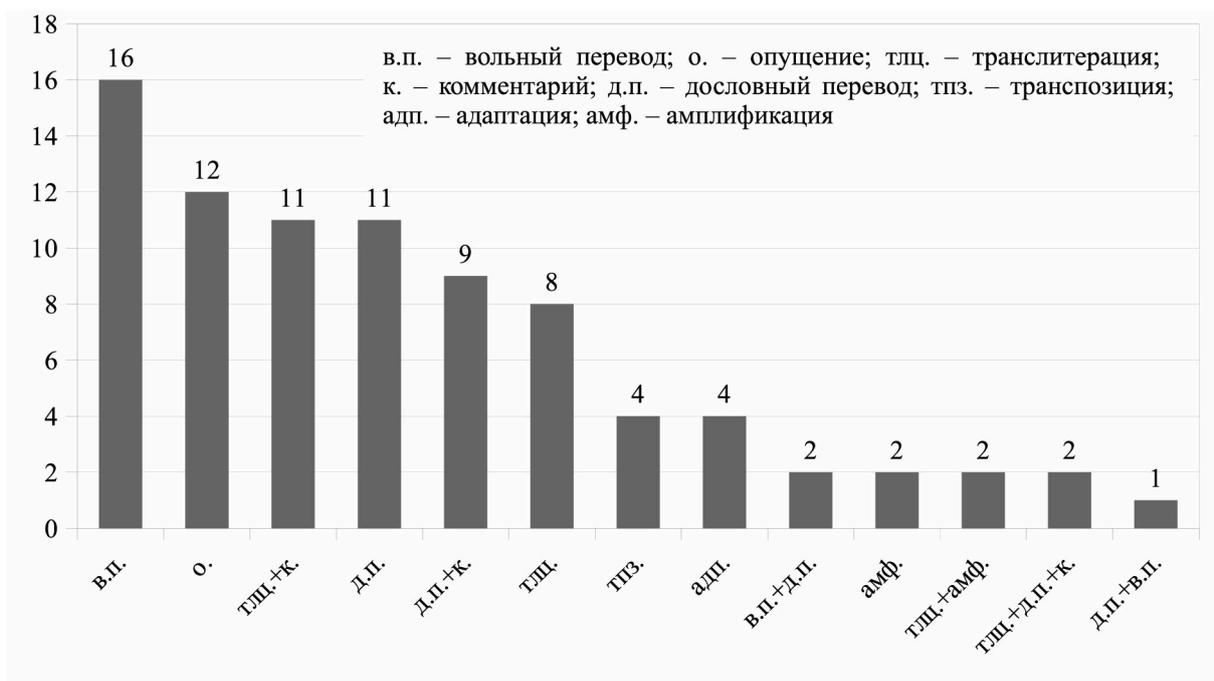
Два русских перевода были выполнены одним российским (советским) переводчиком, В. А. Панасюком в разные годы (1958 г. и 1995 г.). Два английских перевода были выполнены разными переводчиками: 1) британским синологом и переводчиком Дэвидом Хоуксом, 2) известным китайским переводчиком Ян Сяньи и его супругой британской национальности Глэдис Ян (оба супруга родились и прожили жизнь в Китае).

Методом сплошной выборки из оригинального романа был собран в общей сложности 21 фэйбай, среди них 2 иероглифических, 12 фонетических и 7 семантических. Для каждого фэйбай в четырёх переводах (двух английских и двух русских) были найдены соответствия. Далее были проведены переводческий анализ, в ходе которого в каждом из 84 случаев был идентифицирован приём передачи фэйбай на языке-реципиенте с опорой на общепринятую классификацию приёмов перевода, действующих различные лексические и грамматические трансформации (см., напр., [Комиссаров, 1990, с. 172–186]), и обработка данных с помощью описательной статистики (простой количественный подсчёт).

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Общая статистика по переводческим приёмам [General statistics on the translation techniques]

В результате переводческого анализа было выявлено 13 приёмов перевода: семь одиночных, четыре комбинации из двух приёмов и две комбинации из трёх приёмов. Анализ показал, что, несмотря на наличие общих моментов, переводчики работали с фэйбай по-разному. На рисунке 1 в абсолютных единицах представлена общая картина распределения приёмов перевода. В целом, вольный перевод фэйбай оказался самым частотным и составил около 19% (16 употреблений) от всех используемых приёмов. Причина видится в том, что в оригинальном романе много культурных аллюзий, которые китайцы понимают с первого взгляда. Если же переводчик-иностранец станет в таких случаях использовать пословный (буквальный) перевод, то понять и передать замысел романа окажется невозможно. А значит необходимо, чтобы переводчик воссоздал на языке перевода ситуацию, в которой читатели переводного текста поняли бы, что хотел выразить автор исходного языка. При таком переводе, во-первых, оказывается очень заметной субъективность переводчика, а во-вторых, переводной текст несёт на себе явные «следы» лингвокультуры переводящего языка из-за использования стратегии доместификации. Так происходит с русским переводом фэйбай 一字师 (失) – 'одним иероглифом всё исправила'.

Р и с у н о к 1. Общее распределение приёмов перевода фэйбай
[Figure 1. General distribution of feibai translation techniques]

Метод опущения используется чуть реже, чем метод вольного перевода – около 14% (12 употреблений). В основе фэйбай лежит то, что китайский язык использует иероглифическую (идеографическую) письменность. Между тем русский и английский языки используют фонетическую систему письма, и это заставляет переводчика периодически прибегать к методу опущения, когда фэйбай представляется непереводаемым. При этом может теряться эффект остроумия, юмора, сарказма или иронии, выраженный в китайском оригинале, а коллизии между персонажами и сюжетами могут стать менее острыми, в результате чего читатели получают меньше удовольствия от переводной вер-

сии романа. Высокий процент опущений – явный индикатор сложности перевода фэйбай. Признаем, что при определённых обстоятельствах опущение оправдано, но высокий процент таких случаев следует расценивать как беспомощность переводчика.

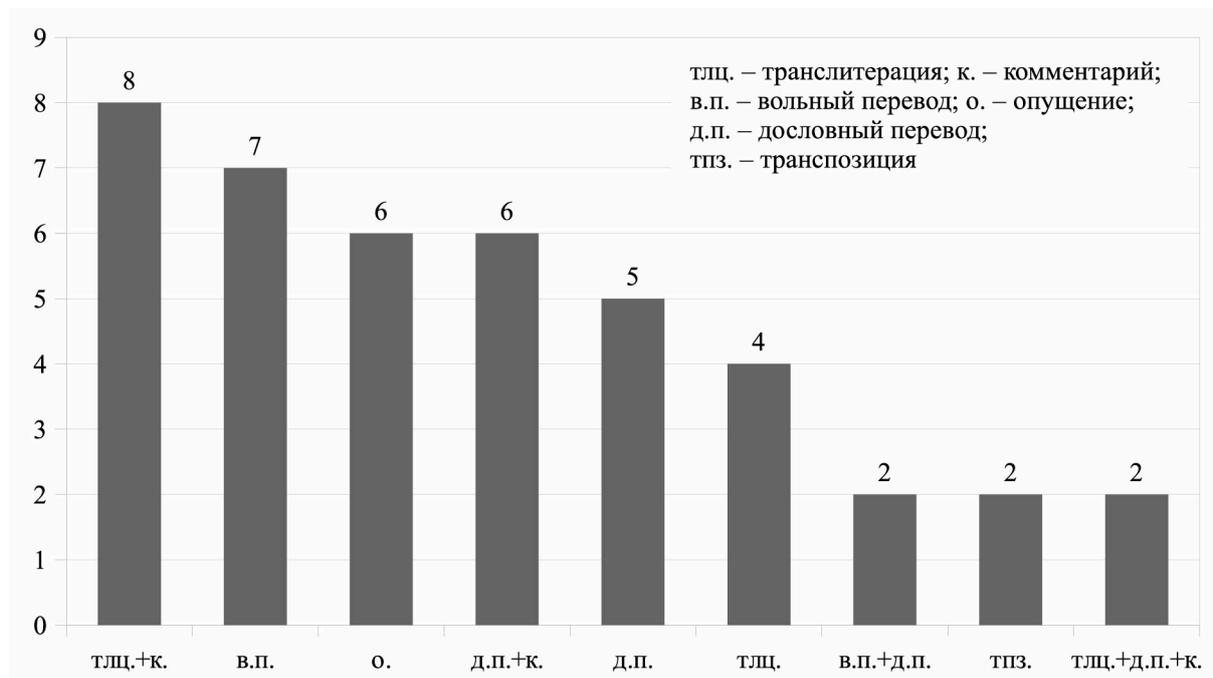
Другими частотными приёмами перевода были транслитерация, транслитерация + переводческий комментарий (далее – комментарий), дословный перевод и дословный перевод + комментарий. Передача фонетической формы фэйбай посредством транслитерации позволяет максимально сохранить черты оригинального текста, а если транслитерация сопровождается комментарием, то смысловые потери в переводном тексте могут быть полностью компенсированы. Примером может служить комментарий (3) к английскому переводу (2) одного из фрагментов оригинального текста (1), предложенная Ян Сяньи и Глэдис Ян: (薛蟠笑道：“你提画儿，我才想起来了。昨儿我看人家一张春宫，画得着实好。上面还有许多的字，我也没细看，只看落的款，是‘庚黄’画的。真真好得了不得！”宝玉听说，心下猜疑道：“古今字画也都见过些，哪里有个‘庚黄’？”想了半天，不觉笑将起来，命人取过笔来，在手心里写了两个字，又问薛蟠道：“你看真了是‘庚黄’？”薛蟠道：“怎么看不真！”宝玉将手一撒，与他看道：“别是这两字罢？其实与‘庚黄’相去不远。”众人都看时，原来是“唐寅”两个字，都笑道：“想必是这两字，大爷一时眼花了也未可知”。 (2) “Talking of painting,” put in Hsueh Pan with a grin, “reminds me of an erotic picture I saw in someone's house the other day. Really superb it was. I didn't read all the inscriptions carefully, just noticed the artist's name: *Keng Huang*. The picture was marvellous.” Pao-yu was puzzled. He knew the work of many calligraphers and painters past and present, but had never heard of an artist called Keng Huang. After a little thought he burst out laughing. He called for a brush and wrote two characters on the palm of his left hand. Are you sure the name was *Keng Huang*?” he asked Hsueh Pan. “Of course.” Pao-yu held out his hand. “It wasn't these two characters? They're not very different.” When they saw he had written *Tang Yin*, they declared, laughing, “That must be it. Mr. Hsueh's eyes may have been blurred at the time.” Hsueh Pan grinned sheepishly; (3) The Chinese characters for *Keng Huang* (庚黄) and *Tang Yin* (唐寅) look somewhat alike. Примечания могут представлять собой подстрочные или концевые сноски, которые призваны дать читателю понять игривость или иронию, которую хотел передать автор языка оригинала.

Анализ четырёх переводов показывает, что в случае сложных предложений переводчик мог решить, что в первой половине предложения пословный перевод может полностью выразить внутреннее очарование оригинального сегмента, однако во второй половине применить вольный перевод, чтобы показать настроение, соответствующее первой половине предложения, или раскрыть ситуацию. Этим и объясняется использование транспозиции, адаптации, дословного перевода в сочетании с вольным переводом либо другие сочетания переводческих приёмов. Например, В. А. Панасюк использует особенности самого русского языка, намеренно заменяя букву «р» на букву «л» (*блатец, сестлица, плехала, блосили, калтавий, котолого, тли*), что очень соответствует косноязычию персонажа.

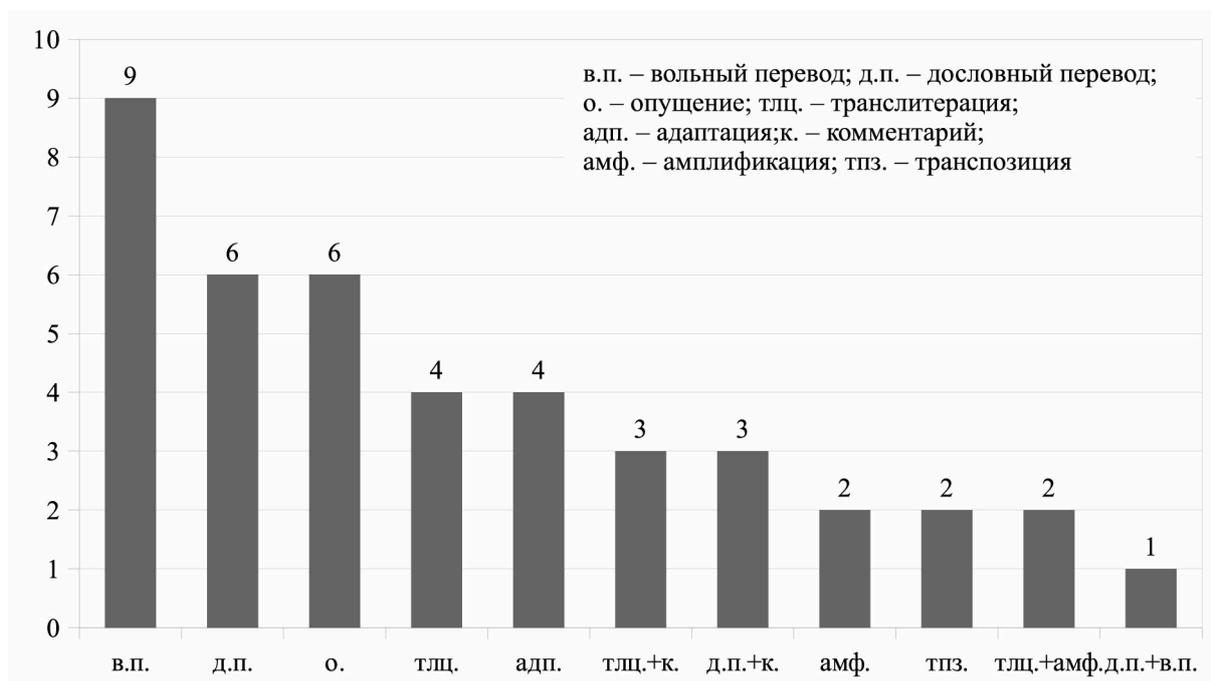
Считается, что, переводя цельное художественное произведение, переводчик принимает либо стратегию доместикации, либо форенизации. Однако на самом деле при переводе произведения или даже предложения вполне возможно сочетание этих стратегий [Фэн, 2019, с. 5–13]. Сразу отметим, что мы не приравниваем пословный перевод и форенизацию, вольный перевод и доместификацию, но осознаём, что у них имеются точки пересечения [Лю, Ян, 2002, с. 22–26].

2.2.2. Сопоставление приёмов в русском и английском переводах [Comparing Russian and English translations]

На рисунках 2–3 представлены статистические данные по переводу фэйбай на русский и английский языки соответственно.

Р и с у н о к 2. Распределение приёмов перевода фэйбай в русском переводе
[F i g u r e 2. Distribution of techniques in Russian translation]

Р и с у н о к 3. Распределение приёмов перевода фэйбай в английском переводе
[F i g u r e 3. Distribution of techniques in English translation]

Сравнивая гистограммы, можно увидеть разное количество приёмов в русском и английском переводах. В русском использовано 9 способов, а в английском – 11, что на 22% больше, чем в русском переводе. Медиана количества приёмов в русском переводе составляет 5, а в английском – 3. Это показывает, что приёмы в русском переводе более концентрированы, в то время как переводы в английском – более рассеяны. Вероятная причина в том,

что русский перевод выполнялся в разные годы со значительным перерывом (1958 г. и 1995 г.), но одним и тем же переводчиком, а английский – разными, но в один временной период (1973–1980 гг.). При этом автор первого английского перевода (Дэвид Хоукс) – носитель англоязычной (британской лингвокультуры), а авторы второго английского перевода (Ян Сяньи и Глэдис Ян) – носители разных лингвокультур (китайской и британской), что и обусловило большее количество приёмов и их больший разброс.

Наиболее частым способом перевода в русском переводе (рис. 2) является комбинация транслитерации и комментария. Это означает, что при переводе на русский язык переводчик пытался найти баланс между сохранением формы оригинального фэйбай и обеспечением понимания читателем смысла сегмента текста, содержащего фэйбай. Наиболее частым способом перевода фэйбай на английский язык (рис. 3) оказался вольный перевод. Это означает, что переводчики большее внимание уделили передаче глубинного смысла, «пожертвовав» оригинальным китайским колоритом.

Частота приёма опущения в русском и английском переводах одинакова, что свидетельствует о том, что при определённых обстоятельствах переводчикам на оба языка пришлось отказаться от идеи реконструкции фэйбай, а также отражает относительную неперебиваемость данного лингвокультурного феномена.

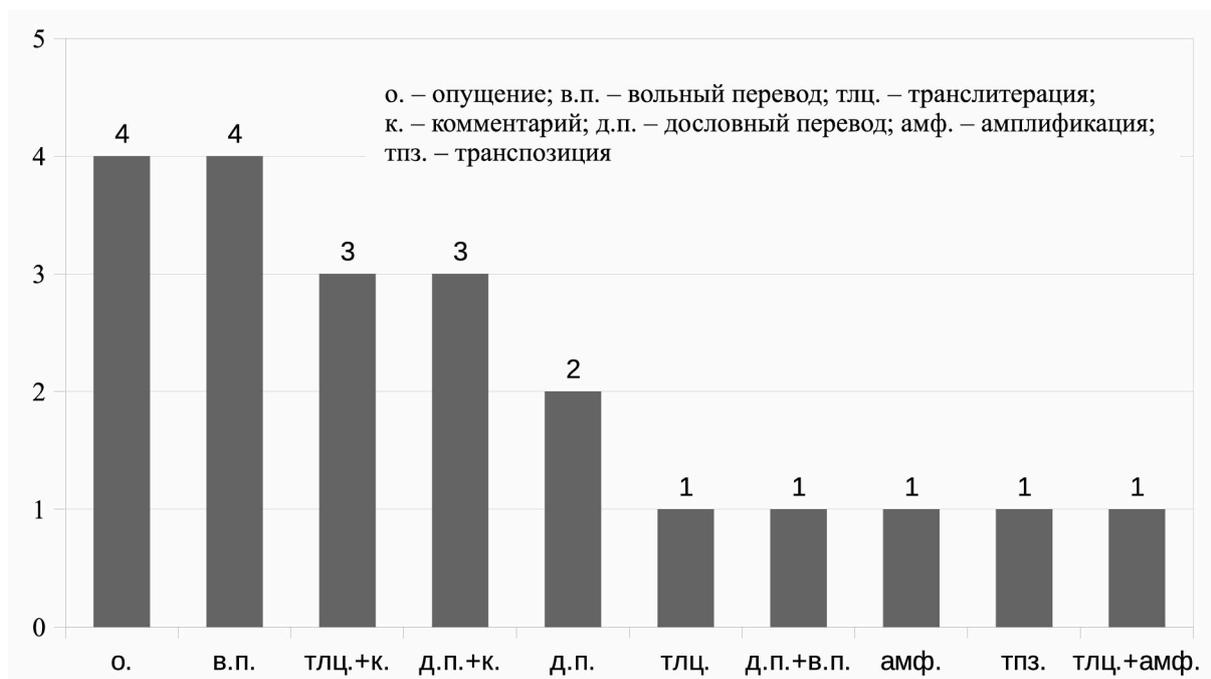
Набор приёмов в русском и английском переводах оказался неодинаковым. Так, адаптация и амплификация не используются в русских переводах, но применяются в английских для усиления фонетической красоты переводимого языка и часто встречаются в переводах поэтических форм. Примером может послужить перевод фразы 老刘, 老刘, 食量大似牛, 吃一个老母猪不抬头, выполненный Ян Сяньи и Глэдис Ян – 'Old woman Liu, I vow, Eats more than any cow, And down she settles now To gobble an enormous sow'. Здесь адаптация фэйбай 刘 – 牛 выполнена в стиле традиционного английского лимерика, близкого каждому английскому читателю. Вместе с тем и в русских, и в английских переводах использовано одинаковое количество комбинаций приёмов – по четыре.

Таким образом, русский перевод был нацелен на максимально точное отражение фактической составляющей и поэтому более приближен к содержанию оригинала, в то время как английский перевод был призван дать читателю возможность глубже понять роман за счёт адаптации к английской лингвокультуре, что привело в целом ряде случаев к отказу от формы и игнорированию лексического значения.

2.2.3. Сопоставление приёмов в двух английских переводах [Comparing two English translations]

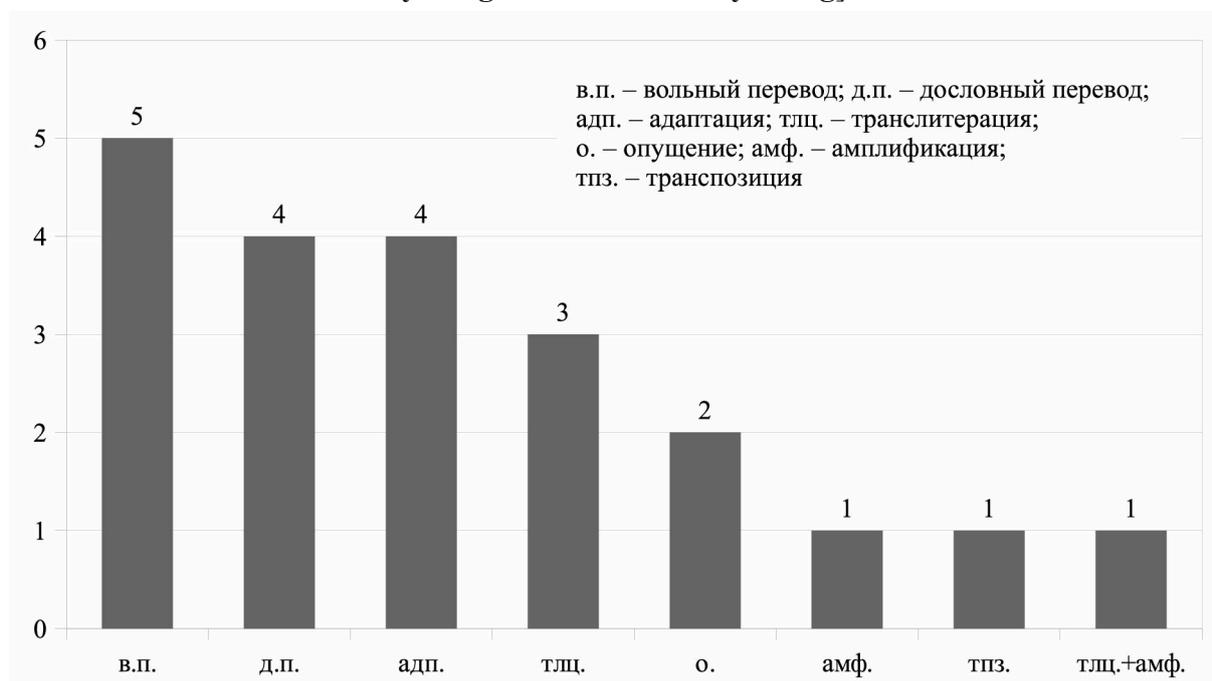
Нельзя не отметить, что два английских перевода отличаются по используемым приёмам (рис. 4–5) как по их количеству, так и по их составу. В переводе Ян Сяньи и Глэдис Ян (рис. 4) задействовано 10 приёмов, наибольшая доля которых приходится на опущения и вольный перевод (их частота встречаемости была одинаковой), адаптацию переводчики не использовали, но использовали четыре комбинации приёмов. В переводе Дэвида Хоукса задействовано 8 приёмов, самыми частотными оказались вольный и дословный перевод, к опущению переводчик прибег только дважды, комбинацию приёмов использовал только одну. В то же время, три последних позиции в обоих переводах одинаковы.

Из сказанного можно сделать вывод, что между стилями перевода на английский язык Яна Сяньи и Глэдис Ян, с одной стороны, и Дэвида Хоукса, с другой стороны, прослеживается значительная разница. Первые действуют более пассивно, а второй – более активно, порой творчески перерабатывая само содержание оригинала, что отражает разные убеждения переводчиков о том, какую стратегию следует принять как основную, а какую – как сопутствующую, и в какой пропорции их реализовывать.

Р и с у н о к 4. Распределение приёмов перевода фэйбай в переводе Ян Сяньи и Глэдис Ян

[F i g u r e 4. Distribution of techniques in translation performed by Yang Hsien-Yi & Gladys Yang]

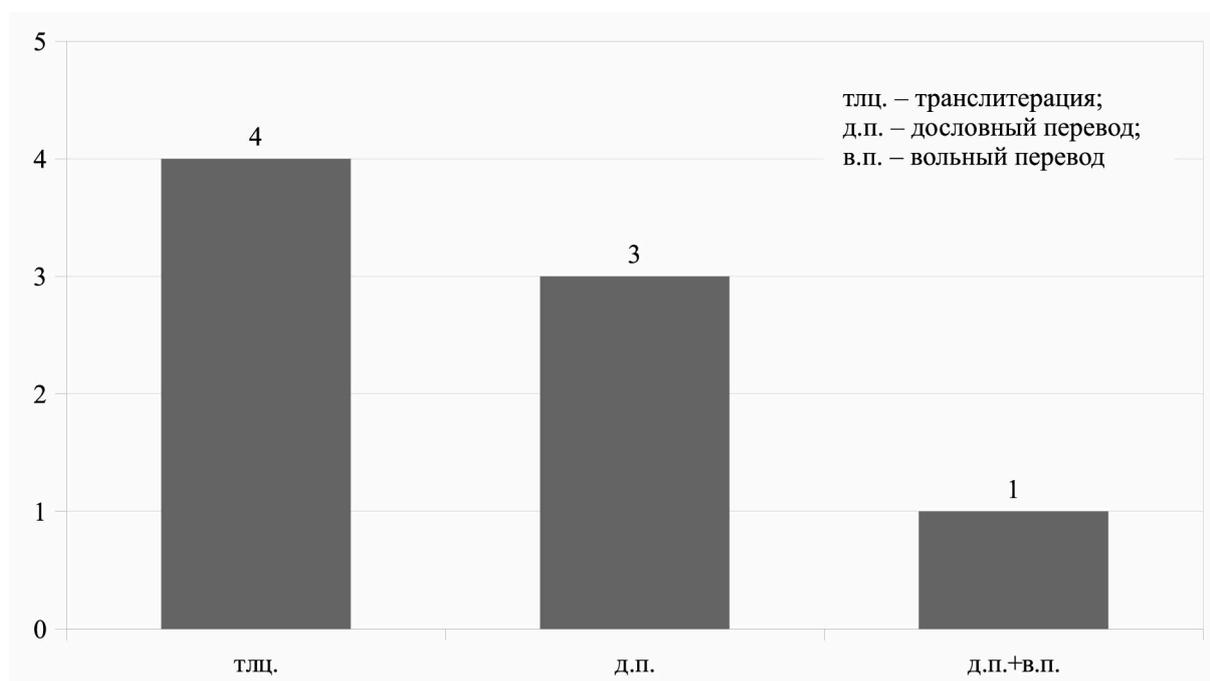
Р и с у н о к 5. Распределение приёмов перевода фэйбай в переводе Дэвида Хоукса

[F i g u r e 5. Distribution of techniques in translation performed by David Hawkes]

2.2.4. Сравнение приёмов перевода трёх типов фэйбай [Comparing translation techniques for the three types of feibai]

Как ранее говорилось, иероглифический фэйбай оказался самым редким – всего два случая употребления. Напомним, что китайские иероглифы – это идеограммы, со-

стоящие из штрихов (черт), которые по форме представления кардинально отличаются от букв, будь то латинский алфавит или кириллический, поэтому теоретически иероглифический фэйбай является «непереводимым» типом фэйбай. Из общего количества представленных переводов (8) половина приходится на транслитерацию, три – на пословный перевод и только в одном случае используется комбинация пословного и вольного переводов (рис. 6). Таким образом, в подавляющем большинстве случаев (за исключением упомянутой комбинации) переводчикам приходится отказываться от внутренней связи между глифами китайских иероглифов. Так, из-за невозможности подобрать эквивалент к иероглифическому фэйбай 庚黃——唐寅 - 'Geng Huang – Tang Yin' читатели переводной версии романа знают только то, какой приблизительно должна быть фонетическая форма этих похожих сочетаний иероглифов, но не знают, почему она именно такая.

Р и с у н о к 6. Распределение приёмов перевода иероглифических фэйбай
[F i g u r e 6. Distribution of techniques in translating character-based feibai]

Вопреки ожиданиям, при переводе самых частотных фонетических фэйбай переводчики чаще всего прибегали к опущению (рис. 7), хотя языковая игра с использованием звуков языка – это распространённый стилистический приём и в русском, и в английском языках. Видимо, ни в русском, ни в английском не нашлось подходящих сочетаний звуков и значений. И всё же, чаще всего перевод данного типа фэйбай был выполнен (в 35 случаях, не считая одиночного приёма транслитерации, из них 29 – с попытками передать глубинный смысл при использовании вольного перевода, сопровождающего комментария, адаптации и амплификации). В 10 случаях переводчики отказывались от транслитерации, хотя данный тип фэйбай основан именно на фонетической форме, и это, на наш взгляд, приводило к утрате атмосферы оригинального романа.

Особого внимания заслуживают примеры удачного применения приёмов адаптации и амплификации. Так, фонетический фэйбай 耶律雄奴——野驴子, представленный в английском переводе Дэвида Хоукса как 'Yelu Hunni – Yellow Honey, Yellow Belly' не только делает перевод более верным, но и более литературным; не только позволяет переводчику передать семантику предложения на поверхностном уровне, но и на глубинном. Оригинал насмешливо называет диким ослом вспыльчивого импульсивного че-

ловека с упрямым характером, не желающего признавать свои ошибки), перевод также указывает на характер человека (предположительно, трусость и агрессию).

Рисунок 7. Распределение приёмов перевода фонетических фэйбай
[Figure 7. Distribution of techniques in translating pronunciation-based feibai]

Семантические фэйбай встретились почти в два раза реже фонетические и лишь однажды к такому фэйбай был применён приём опущения (рис. 8).

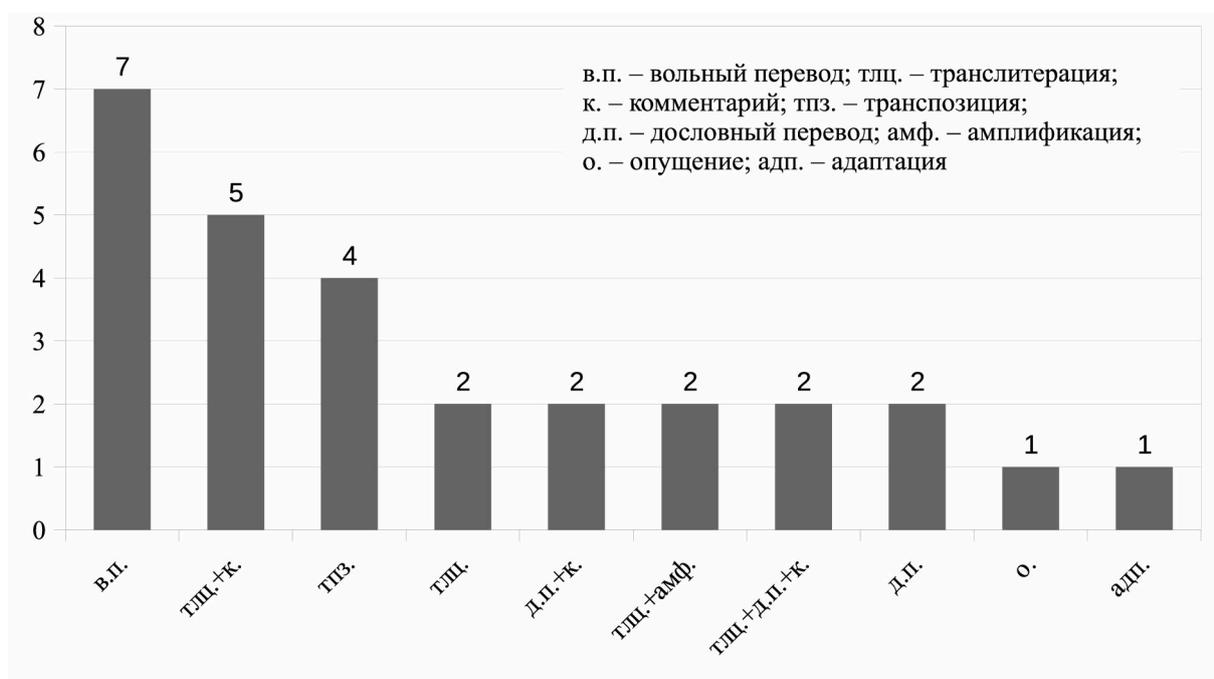

Рисунок 8. Распределение приёмов перевода семантических фэйбай
[Figure 8. Distribution of techniques in translating meaning-based feibai]

Эти фэйбай оказались проще для перевода по сравнению с двумя другими типами. Чаще всего использовался приём вольного перевода. Большинство таких фэйбай происходят от имён персонажей романа, поэтому доля транслитераций также очень велика. Однако транслитерация без сопровождения другого приёма использовалась лишь дважды, что говорит об успешных попытках переводчиков передать смысл, что и было необходимо для данного типа фэйбай. Поскольку имена людей встречаются в романе часто, изменить перевод непросто и нецелесообразно, поэтому для облегчения понимания часто добавлялся комментарий.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, в данной статье была предпринята попытка определения универсального и специфического в приёмах перевода стилистического тропа фэйбай на английский и русский языки в «Записках о камне» – части известнейшего классического китайского романа «Сон в красном тереме», относящегося к жанру семейной хроники.

В результате анализа четырёх переводов на два языка – русский и английский – было установлено, что, наряду с универсальными (общими) тенденциями, существуют значительные различия в способах перевода китайской фигуры речи под названием фэйбай. Эти отличия продиктованы, во-первых, самими типами фэйбай, а во-вторых, родной лингвокультурой переводчика (русской и английской). При обработке иероглифических фэйбай использовались практически только транслитерация и пословный перевод. Из-за огромных различий в китайской культуре, с одной стороны, и английской и русской – с другой стороны, в большинстве случаев просто невозможно было подобрать соответствующий художественный приём с риторическим эффектом, сопоставимым с оригиналом. Поэтому переводчикам приходится отказываться от передачи внутренней связи глифов китайских иероглифов, что приводило к потерям смысла. При обработке фонетических фэйбай чаще всего использовался приём опущения, однако значительно более эффективными были приёмы и их сочетания, способствующие передаче глубинного смысла а в совокупности эти приёмы составили большинство. Для семантических фэйбай чаще всего использовался приём вольного перевода, что позволяло успешно передать близкие к оригиналу значения в контексте.

В русских переводах (1958 и 1995 гг.) чаще всего использовалась комбинация «транслитерация + переводческий комментарий»; вольный перевод, дословный перевод и опущения были также довольно частотными. В обоих английских переводах самым частотным был вольный перевод. Общими для перевода на русский и китайский языки были высокая частотность вольного перевода (либо первый, либо второй из самых частотных), одинаковое количество использования опущений, схожее количество случаев пословного перевода, использование одинакового количества комбинаций приёмов.

В русских и английских переводах зафиксировано одинаковое количество комбинаций приёмов. Количество приёмов и их комбинаций, использованных в переводах на английский язык, оказалось больше по сравнению с переводами на русский. В английских переводах использовались приёмы амплификации и адаптации, которые не встретились в русских переводах. Комбинации приёмов также оказались разными. Эта разница обусловлена как культурными различиями, так и личностями переводчиков, а также временными рамками, в которых выполнялись переводы. Несомненно то, что, несмотря на чрезвычайную сложность понимания и перевода фэйбай для носителя индоевропейской лингвокультуры, все переводчики были вдохновлены романом и приложили всяческие усилия, чтобы данное китайское классическое произведение стало одной из жемчужин мировой художественной литературы.

Источники материала

- Цао, 1958 – Цао С. Ц. Сон в красном тереме. В 2-х т. / пер. с китайского В. А. Панасюка. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1958.
- Цао, 1995 – Цао С. Ц. Сон в красном тереме В 2-х т. / пер. с китайского В. А. Панасюка. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1995.
- Cao, 1973/1977/1980 – Cao X. *The Story of the Stone* (Translated by David Hawkes). London : Penguin Group, 1973/1977/1980.
- Cao, 1978 – Cao X. Q. A (Translated by Yang Hsien-Yi & Gladys Yang). Beijing : Foreign Languages Press, 1978.

Библиографический список

- Арекеева, 2022 – Арекеева Ю. Е. Актуализация оппозиции «свой – чужой» в паремиях (на материалах китайского политического медиадискурса) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 5–16. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5
- Арекеева, 2023 – Арекеева Ю. Т. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в китайском художественном дискурсе (на материале чэньюй) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 21–35. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21
- Бай, 2024 – Бай Л. Когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ в оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в китайских чэньюй // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 33–43.
- Береза, 2019 – Береза Е. В. Грамматическая классификация частиц современного китайского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 24–40. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_24_40
- Заболотнева, Циберная, 2021 – Заболотнева О. А., Циберная О. Ф. Лингвокультурологическая составляющая «природа» наименований брендов в китайском рекламном дискурсе // Вестник ЮУрГУ. 2021. Т. 18, № 3. С. 17–21.
- Кирпикова, 2023 – Кирпикова В. В. Особенности передачи метафор и фразеологизмов при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 43–52.
- Ли, Сун, 2023 – Ли В., Сун Ц. К проблеме машинного перевода: на примере некоторых паремий в паре языков русский↔китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 84–93.
- Насталовская И. Г. Концепт ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира носителей русской и китайской культур // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 118–130. https://doi.org/10.22250/24107190_2024_10_3_118
- Пак, Цзян, 2023 – Пак И. Я., Цзян Ц. Образный потенциал семантического поля «РАСТЕНИЕ» (на материале русского и китайского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 131–142.
- Стародубцева, 2023 – Стародубцева Н. С. Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодёжи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 143–151.
- Сюй, Чжэн, 2023 – Сюй Х., Чжэн Ц. Языковые сложности перевода научно технических текстов с русского языка на китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 132–143.
- У, Ли, 2023 – У М., Ли В. Принципы перевода образных сравнений: межкультурный аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 154–164.
- Цзинь, 2022 – Цзинь Я. Образ героя в русской и китайской лингвокультурах (на материале китайско- и русскоязычных пословиц и поговорок) // Вестник ЮУрГУ. 2022. Т. 19, № 4. С. 85–95.
- Цуй, 2018. – Цуй Я. Лексико-семантическая группа прилагательных «КАЧЕСТВО ДОБРОТЫ (О ЧЕЛОВЕКЕ)» в русском и китайском языках как отражение языковой картины мира // Вестник ЮУрГУ. 2021. Т. 15, № 2. С. 81–87.
- Чередниченко, Андросова, 2023 – Чередниченко О. А., Андросова С. В. Особенности функционирования служебных слов 因为, 由于 в текстах разных жанров // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 164–175.
- Чэнь, 2022 – Чэнь Я. Представления о характере у китайских женщин и мужчин: кросс групповое исследование // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 186–201. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_186

- Чэнь, Ерофеева, 2021 – Чэнь Я., Ерофеева Е. В. Авто и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 204–219. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219
- Ши, 2022 – Ши М. История, современная ситуация и особенности исследований концепции Ван Янмина в России (на материале анализа концепта ЗНАНИЕ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 172–180. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_172
- Фэн, 2019 – 冯全功. 试论归化和异化的生成动因与三个层面[J].中国翻译, 2019, (4): 5-13 [Фэн Ц. Возникновение доместикации и форенизации и их три структурных уровня // Перевод в Китае. 2019. № 4. С. 5–13].
- Лю, Ян, 2002 – 刘艳丽、杨自俭. 也谈“归化”与“异化” [J].中国翻译, 2002, (6): 22-26 [Лю Я., Ян Ц. О «доместикации» и «форенизации» // Перевод в Китае. 2002. № 6. С. 22–26].
- Ни, 1994 – 倪宝元. 大学修辞[M].上海: 上海教育出版社.1994 [Ни Б. Университетская стилистика. Шанхай : Шанхайское образовательное изд-во, 1994]. 596 с.
- Чэн, 1997 – 程希岚. 修辞学新编[M]. 长春: 吉林人民出版社.1997 [Чэн С. Новая риторика. Чанчунь : Цилиньское народное изд-во, 1997]. 387 с.
- Чэнь, 1997 – 陈望道. 修辞学发凡[M]. 上海: 上海教育出版社.1997 [Чэнь В. Основы стилистики. Шанхай : Шанхайское образовательное изд-во, 1997]. 302 с.

References

- Arekeeva, Iu. E. (2022). Aktualizatsiya oppozitsii «svoe – chuzho» v paremiyakh (na materialakh kitayskogo politicheskogo mediadiskursa) [Actualization of the opposition “friend – foe” in paroemias (Based on Chinese political media discourse)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (4), 5–16. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5
- Arekeeva, Iu. E. (2023). Binarnaya oppozitsiya «svoe – chuzho» v kitayskom khudozhestvennom diskurse (na materiale chen'yuy) [Binary opposition «friend – foe» in Chinese fiction (Based on chengyu)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 21–35. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21
- Bai, L. (2024). Kognitivnyy priznak OTNOSHENIE v oppozitsii «SCHAST'IE – NESCHAST'IE» v kitayskikh chen'yuy [Cognitive Features of the Concept “ATTITUDE” in the opposition “HAPPINESS – UNHAPPINESS” in Chinese idioms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 33–43. (In Russ.).
- Bereza, E. V. Grammaticheskaya klassifikatsiya chastits sovremennogo kitayskogo yazyka [Grammatical classification of particles in modern Chinese]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (3), 24–40. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_24_40
- Zabolotneva O. A., & Tsybernaya O.F. (2021). Lingvokul'turologicheskaya sostavlyayushchaya “priroda” naimenovaniy brendov v kitayskom reklamnom diskurse [Linguocultural component “nature” of brand names in Chinese advertising discourse]. *Vestnik YurGU [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 18 (3), 17–21. (In Russ.).
- Kirpikova, V. V. (2023). Osobennosti peredachi metafor i frazeologizmov pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Features of the transfer of metaphors and phraseological units while translating fiction from Chinese into Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 43–52. (In Russ.).
- Li, W., & Song, Z. (2023). K probleme mashinnogo perevoda: na primere nekotorykh paremiy v pare yazykov russkiy↔kitayskiy [Concerning machine translation: Based on some paroemiae in the Russian↔Chinese pair of languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (4), 84–93. (In Russ.).
- Nastalovskaia I. G. (2024). Kontsept TSENNOSTI I PRISTRASTIYA v yazykovoy kartine mira nositeley russkoy i kitayskoy kultur [The concept VALUES AND PREFERENCES in Russian and Chinese linguistic picture of the world]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 118–130. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2024_10_3_118
- Pak, I. Ya., & Jiang, J. (2023). Obraznyy potentsial semanticheskogo polya «RASTENIE» (na materiale russkogo i kitayskogo yazykov) [Figurative potential of the semantic field “PLANT” (Based on

- Russian and Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 131–142. (In Russ.).
- Starodubtseva, N. S. (2023). Kontsept LITSO v yazykovoy kartine mira kitayskoy molodezhi [The concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 143–151. (In Russ.).
- Xu, H., & Zheng, J. (2023). Yazykovye slozhnosti perevoda nauchno tekhnicheskikh tekstov s russkogo yazyka na kitayskiy [Language challenges in translating scientific and technological texts from Russian into Chinese]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 132–143. (In Russ.).
- Wu, M., & Li, W. (2023). Printsipy perevoda obraznykh sravneniy: mezhkul'turnyy aspekt [Principles of translating similes: Intercultural aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 154–164. (In Russ.).
- Jing, Y. (2022). Obraz geroya v russkoy i kitayskoy lingvokulturakh (na materiale kitaysko- i russkoyazichnykh poslovits i pogovorok) [Image of a hero in Russian and Chinese linguocultures (Based on Chinese and Russian proverbs and sayings)]. *Vestnik YurGU [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 19 (4), 85–95. (In Russ.).
- Cui, Y. (2018). Leksiko-semanticheskaya gruppa prilagatelnykh “KACHESTVO DOBROTY (O CHELOVEKE)” v russkom i kitaiskom yazykakh kak otrazhenie yazykovoy kartiny mira [Lexical semantic group of adjectives “kindness” in the Russian and Chinese languages as the reflection of the linguistic worldview]. *Vestnik YUrGU [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 15 (2), 81–87. (In Russ.).
- Cherednichenko, O. A., & Androsova, S. V. (2023). Osobennosti funkcionirovaniya sluzhebnykh slov 因为, 由于 v tekstakh raznykh zhanrov [Functioning patterns of grammatical words 因为, 由于 in texts of different genres]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 164–175. (In Russ.).
- Chen, Y. (2022). Predstavleniya o kharaktere u kitayskikh zhenshchin i muzhchin: kross gruppovoe issledovanie [Perceptions of Chinese women and men character: A cross group study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (1), 186–201. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_186
- Chen, Y., & Erofeeva, E. V. Avto i geterostereotipy kitayskikh muzhchin i zhenshchin [Auto and heterostereotypes of Chinese women and men: Appearance]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (3), 204–219. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219
- Shi, M. (2022). Istoriya, sovremennaya situatsiya i osobennosti issledovaniy kontseptsii Van Yanmina v Rossii (na materiale analiza kontsepta ZNANIE) [History, current situation and specifics of Yangming studies in Russia (Based on the concept KNOWLEDGE)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (2), 172–180. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_172
- Feng, Q. (2019). Shi lun gui hua he yi hua de sheng cheng dong yin yu san ge ceng mian [The Origination of the Twin Concepts Domestication/Foreignization and the interplay among their three structural levels]. *Zhong guo fan yi [Translation in China]*, 4, 5–13. (In Chinese).
- Liu, Y., & Yang, Z. (2002). Ye tan “gui hua” yu “yi hua” [On “domestication” and “foreignization”]. *Zhong guo fan yi [Translation in China]*, 6, 22–26. (In Chinese).
- Ni, B. (1994). *Da xue xiu ci [University rhetoric]*. Shanghai jiaoyu Press. (In Chinese).
- Cheng, X. (1997). *Xiu ci xue xin bian [New rhetoric]*. Changchun : Jilin renmin Press. (In Chinese).
- Chen, W. (1997). *Xiu ci xue fa fan [The basics of stylistics]*. Shanghai jiaoyu Press. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 16.07.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 16.07.2024.

Ли Цзе^{1✉}, Ван Вэньвэнь², Фэн Лянчжу³

¹Юго-восточный университет, ²Сианьский университет иностранных языков,

³Вэйнаньский педагогический университет

¹Нанкин, ²Сиань, ³Вэйнань, Китайская Народная Республика

18710975022@163.com

Обучение русскому языку и переводческая деятельность студентов и выпускников университета им. Сунь Ятсена в Москве в период демократической революции

Аннотация

Цель статьи в том, чтобы 1) продемонстрировать роль Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (университета Чжуншань), функционировавшего в Москве с 1925 по 1930 гг., в становлении китайской переводческой школы революционной направленности; 2) описать основные особенности подхода данной школы к обучению русскому языку и переводу; 3) очертить вклад известных переводчиков – выпускников университета Чжуншань в распространение теории и идеологии марксизма-ленинизма в Китае. Материалом для исследования послужили архивы университета Чжуншань за весь период его функционирования. Анализ документов, методических материалов и переводческих работ выпускников показал, что университет был колыбелью для передовой интеллигенции и рабочих, подготовил немало кадров и переводчиков для Коммунистической партии Китая (КПК). Обучение русскому языку велось по интенсивной программе, включавшей чтение газеты «Правда», чтение русской прозы и изучение русской грамматики. Использовалось сочетание частеречного и дискурсивного подходов с акцентом на средствах связности. Применение пяти типов связности – референциальной, альтернативной, эллиптической, союзной и лексической – рассмотрено на примерах отрывков из переводов, выполненных Бо Гу. Описаны основные достижения трёх известных переводчиков – У Сюцюаня, Чжан Вэньтяня и Бо Гу, – которые перевели значительное количество классических произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, И. В. Сталина, Г. В. Плеханова, сделав их доступными для китайского читателя, что внесло значительный вклад в дело КПК.

Ключевые слова: китайские переводчики революционной эпохи, частеречный подход, дискурсивный подход, средства связности, перевод марксистско-ленинистских работ

© Ли Ц., Ван В., Фэн Л. 2024

Для цитирования: Ли Ц., Ван В., Фэн Л. Обучение русскому языку и переводческая деятельность студентов и выпускников университета им. Сунь Ятсена в Москве в период демократической революции // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 72–84. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-72>

Li Jie^{1✉}, Wang Wenwen², Feng Liangzhu³

¹Southeast University, ²Xi'an International Studies University, ³Weinan Normal University

¹Nanjing, ²Xi'an, ³Weinan, China

18710975022@163.com

Russian language study and interpreter activities of Sun Yat-sen University students in Moscow during the Democratic Revolution

Abstract

This paper aims (i) to demonstrate the role of Sun Yat-sen University functioning in Moscow from 1925 to 1930 in forming the Chinese Interpreters School of the Revolution Epoch, (ii) to describe the major features of the

School's approach to teaching Russian and (iii) to outline the contribution of famous interpreters – Sun Yat-sen University graduates – into spreading the Marxist-Leninist theory and ideology in China. The material for the study was selected from Sun Yat-sen University archives for the whole period of its functioning. The analysis of documents, teaching guides and materials, translations performed by the University graduates showed the following. Sun Yat-sen University was the cradle for pioneer intellectuals and advanced workers having prepared a considerable number of cadres and interpreters for the Communist Party of China (CPC). The University taught the intensive program of Russian including three courses: Reading the newspaper “Pravda”, Reading Russian prose and Russian grammar. They applied the combination of the parts-of-speech approach and discursive approach with the focus on the means to express cohesion. The use of five types of cohesion – reference, substitution, ellipsis, conjunction and lexical cohesion – was exemplified by extracts from Bogu's translations. Finally, the paper outlines the achievements of three famous interpreters – Wu Xiuquan, Zhang Wentian and Bo Gu – who translated a considerable number of classical works by K. Marx and F. Engels, I. V. Stalin, G. V. Plekhanov making them available for the Chinese reader, and that made a significant contribution into the CPC's dominance and its mission.

Keywords: Chinese interpreters of the revolutionary epoch, parts-of-speech approach discursive approach, means to express cohesion, translation of Marxist-Leninist works

© Li J., Wang W., Feng L. 2024

For citation: Li, J., Wang, W., & Feng, L. (2024). Obuchenie russkomu yazyku i perevodcheskaya deyatelnost' studentov i vypusnikov universiteta im. Sun' Yatsena v Moskve v period demokraticeskoy revolyutsii [Russian language study and interpreter activities of Sun Yat-sen University students in Moscow during the Democratic Revolution] *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 72–84. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-72>

1. Введение [Introduction]

Ц е л ь ю настоящей статьи было продемонстрировать роль Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (университета Чжуншань) в становлении китайской переводческой школы революционной направленности, выявить основные особенности её подхода к обучению русскому языку и переводу и очертить вклад трёх известных переводчиков – выпускников университета Чжуншань в распространение теории и идеологии марксизма-ленинизма. Впервые к деятельности данного университета обратился его выпускник 1928 года Шэн Юэ, однако в своей книге он лишь упомянул об обучении русскому языку и переводу [Шэн, 2009]¹. Данная статья призвана восполнить этот пробел.

Итак, Московский Восточный университет (далее – Восточный университет), университет Чжуншань, Московский международный институт имени Ленина и Военная академия имени Фрунзе (все эти университеты находились в Москве) были революционными учреждениями, готовившими первые кадры для Коммунистической партии Китая (далее – КПК). Из них Восточный университет и университет Чжуншань были наиболее влиятельными в то время и подготовили наибольшее количество кадров.

В 1921 году был создан Восточный университет, который стал высшим образовательным учреждением для подготовки революционных лидеров. В 1925 году СССР и Коминтерн создали Университет Чжуншань для подготовки кадров для китайской революции, а в 1928 году китайский класс Восточного университета был объединён с университетом Чжуншань. Из-за особых отношений КПК с СССР и Коминтерном в период демократической революции информация об учёбе, жизни и работе студентов, находившихся в Восточном университете и университете Чжуншань, долгое время была засекречена, и только в последние годы эти архивы стали открываться один за другим, а сейчас информация находится в полузакрытом доступе. Тем не менее, частичное снятие

¹ Первое издание вышло на английском языке в 1971 году в США.

ограничений открывает новые возможности для получения данных об учёбе китайских студентов, находившихся в СССР в период 1921–1930 гг. в Восточном университете и Университете Чжуншань. Материалом для исследования послужили архивы университета Чжуншань с 1925 по 1930 гг. – документы, методические материалы и переводческие работы выпускников.

Исследования китайских кадров, оставшихся в Советском Союзе в Восточном университете и Университете Чжуншань в период демократической революции 1921–1930 гг. можно разделить на исследования по собственно переводу и методике преподавания перевода. В исследованиях практики и теории перевода рассматривается переводческая деятельность известного китайского переводчика Чжан Чжунши во время его пребывания в Советском Союзе [Чжан Ц., Чжан Ч., 2023]; уделяется внимание достижениям Чжан Вэньтяня – ещё одного известного китайского специалиста в области устного и письменного перевода – и его вкладу как переводчика-практика и руководителя переводческой работы в распространении раннего марксизма, международного коммунистического движения и Новой демократической революции [Фэй, 2019].

В исследованиях, посвящённых преподаванию русского языка как иностранного студентам – носителям китайского языка, рассматривается модель преподавания русского языка в университете Чжуншань и её значение для современной модели преподавания русского языка [Хэ, 2014]. Это новаторские исследования, посвящённые влиянию теории дискурса на развитие переводческой школы КНР. В статье рассматриваются архивы университета Чжуншань в Российском государственном архиве социально-политической истории с 1925 по 1930 годы, обсуждаются особенности и достижения университета Чжуншань в преподавании русского языка на основе теории перевода частей речи и обучение переводу на основе дискурсивного подхода с акцентом на адекватную передачу средств связности. В таком ракурсе рассматривается подготовка первого поколения кадров КПК, оставшихся в СССР – как с точки зрения их способностей освоения русского языка, так и становления революционных идеалов через знакомство с трудами по марксистско-ленинской теории и идеологии при выполнении их перевода, а также то, как переводческая деятельность способствовала укреплению и совершенствованию революционного духа, что имеет большое значение для изучения пути КПК после её основания.

2. Дискурсивный подход к переводу [Discursive approach to translation]

Под дискурсом китайские лингвисты понимают единицу смысла, а не единицу формы [Ян, 2003]. Устные или письменные фрагменты, которые могут составлять семантическое целое, являются дискурсом [Ли, 2012]. Его отличительными чертами являются связность и цельность [van Dijk, 1976; Хуан, 1988, с. 7]. Связность и цельность отражают коммуникативное намерение дискурса и в то же время являются важной частью содержательного компонента дискурса, что весьма существенно для переводческой деятельности [Чжао Я., 2002]. В переводоведении изучение исходного и переводного текстов распространяется на уровень дискурса, при рассмотрении его как динамичного межкультурного коммуникативного процесса [Волкова, 2019]. С тех пор многие учёные рассматривают дискурс как объект и основную единицу перевода [Natim, Mason, 2001, p. 180; ; Си, 2001; Урубкова, 2003; Лю, 2004]. Поэтому перевод должен отвечать общим потребностям дискурса и ограничиваться им [Чжао Я., 2002].

Интеграция концепции части речи в обучение переводу требует от учащихся следовать своим обычным привычкам чтения в процессе декодирования, определять потенциальные классы слов и принадлежность к конкретному классу слов (в другой терминологии – к части речи) в контексте, при необходимости используя переводческие стратегии для адекватной передачи смысла, чтобы в итоге реализовать «дискурсивное со-

ответствие» между переводным и оригинальным текстом [Ян, 2003]. В процессе преподавания русского языка в университете Чжуншань большое внимание уделяется развитию у студентов дискурсивного мышления и умения формировать дискурс в процессе перевода. Выбор теории дискурса в данной работе обусловлен высокой степенью совместимости модели преподавания русского языка в аудитории университета Чжуншань и обучения переводу. При обучении переводу как дискурсивному процессу особое внимание уделяется единице дискурса, а также стратегиям перевода, направленным на достижение связности и цельности [van Dijk, 1976]. При этом цельность дискурса существует на глубинном уровне дискурса, который представляет собой невидимую сеть, а связность воплощается на поверхностном уровне дискурса, представляющем собой сеть осозаемую [Фан, 2002, с. 326], и обе они являются необходимыми условиями для производства дискурса. Будучи формальным признаком семантической цельности, связность также является эффективным средством применения дискурс-анализа в переводе [Лю, Чжао, 2009]. В системно-функциональной грамматике выделяют пять видов связности: референциальную, альтернативную, эллиптическую, союзную и лексическую [Halliday, Hasan, 2001, p. 6]. Эта теория имеет большое практическое значение, и многие учёные анализировали перевод с точки зрения связности [Ху и др., 2012 ; Ли, 1998, с. 200 ; Лю, Чжао, 2009].

3. Модель преподавания русского языка в Университете Чжуншань им. Сунь Ятсена [The model of teaching Russian in Sun Yat-sen University]

Под влиянием трёх основных направлений политики первого президента Китайской Республики Сунь Ятсена – объединение страны, объединение КПК, поддержка сельского хозяйства и промышленности, – а также идеи обратиться к России как к учителю в контексте растущих потребностей в подготовке вооружённых марксистской теорией руководящих кадров высокого уровня для Китайской демократической революции, университет Чжуншань должен был в кратчайшие сроки подготовить группу специалистов, готовых к распространению марксистской теории в Китае. На этом фоне занятия по русскому языку в университете Чжуншань были уникальными. В первую очередь студенты были разделены на группы в зависимости от своего уровня владения иностранным языком. Те, кто получил образование во Франции и Германии, были распределены во французские и немецкие группы, те, кто в совершенстве владел английским языком, попали в английские группы, а те, у кого не было базовых знаний иностранных языков, стали студентами китайских групп, также известных как полурусские, где преподавание велось на русском языке с участием советских преподавателей в сопровождении переводчиков [Сунь, 1996, с. 69]. В первые годы существования университета Чжуншань из-за нехватки переводчиков Пань Цзячэн и Чжоу Давэнь, хорошо владевшие русским языком, были переведены из Восточного университета, чтобы работать в качестве переводчиков при проведении занятий в таких группах [Сунь, 1996, с. 69]. Позже была создана русская группа для непосредственного обучения русскому языку с целью быстрой подготовки переводчиков для удовлетворения потребностей быстро растущего студенческого контингента университета Чжуншань.

Что касается методики обучения, русский язык изучался с применением метода интенсивного обучения, включающего три курса: чтение русских газет, чтение русской прозы и русская грамматика. Занятия проводились ежедневно по четыре часа в день, шесть дней в неделю. На занятиях по чтению русских газет преподаватели акцентировали внимание и на развитии навыков разговорной речи на русском языке, призывая студентов смело выражать свои мысли по-русски [Сунь, 1996, с. 74]. Материалом для курса послужили статьи газеты «Правда». На занятиях учитель вслух читал газету классу, а студенты слушали, стараясь понять содержание текста. На уроках русской грамматики,

помимо материалов газеты «Правда» использовались документы ЦК Коммунистического Интернационала и КПК. На уроках грамматики особое внимание уделяется принципам соединения слов в предложения и служебным словам как средствам связности, роли знаков препинания, прямой и косвенной речи, активному и страдательному залогу, повелительному наклонению, типам морфем (префиксам, корням, суффиксам) и т. д.

Содержание учебников по курсам чтения русских газет и русской прозы было связано с революционной деятельностью, и обучающиеся в ходе занятий упражнялись в понимании и производстве текстов политической тематики, развивали дискурсивное мышление, используя культурный и ситуативный контексты в процессе перевода, принимая решения о семантических трансформациях дискурса как единицы [Ян, 2003, с. 61–66], интерпретируя компоненты дискурса с их скрытыми смыслами и имплицитными отношениями [Хуан, 1988, с. 10–17]. Перевод начинается с анализа дискурса, а параметры дискурса являются важной основой для анализа [Чжан, Хуан, 2002]. В революционном политическом дискурсе студентов обучали выявлять такие параметры, как социальные взаимоотношения между источником и получателем дискурса (цель дискурса), стиль дискурса, а также объём дискурса (область дискурса) [Чжан, Хуан, 2002]. Курс русской грамматики начинался с изучения грамматической системы и правил соединения лексических единиц в предложения с использованием средств связности и необходимых дискурсивных маркеров [Хуан, 1988, с. 10–17]. Затем учащиеся упражнялись в применении всего этого в ходе дискурсивного анализа и конструирования речевых образцов. При использовании средств связности отправной точкой был дискурс на языке оригинала [Ли, 1998, с. 200], и переводчик старался следовать намерениям автора исходного текста и логике дискурса исходного языка, т. е. структуре дискурса оригинала [Лю, 2004], а не просто подбирать соответствия словам. Только принимая дискурс за единицу перевода, что требует учитывать культурный и ситуативный контексты и обладать фоновыми знаниями, переводчик может понять коммуникативное намерение автора, а затем передать замысел оригинального произведения так, чтобы вызвать у читателей переводной версии те же ассоциации, чувства и эмоции, что и у читателей оригинального текста [Чжао Г., 2002, с. 211–212].

4. Передача типов связности в переводах Бо Гу [Expressing types of cohesion in Bo Gu's translations]

Культурные различия могут вызывать отклонения в толковании слов и выражений между общающимися на исходном и целевом языках. Тем не менее существует консенсус относительно понимания типа и структуры дискурса. Когда отдельные слова и даже предложения сложно интерпретировать на традиционных лексическом и синтаксическом уровнях, их необходимо рассматривать в контексте, с использованием дискурсивного мышления. Поэтому применение теории дискурса к переводу неизбежно [Лю, Чжао, 2009]. А связность как формальный признак семантической цельности является наиболее эффективным средством применения дискурс-анализа к переводу [Newmark, 1982, p. 69], что может максимально увеличить эквивалентность исходного и переводного текстов по смыслу и форме.

Одним из студентов университета Чжуншань, занимавшихся переводом марксистско-ленинских работ с русского на китайский язык, был Бо Гу (博古 Bó Gǔ), настоящее имя которого было Цинь Бансянь (秦邦宪 Qín Bāngxiàn)². Его результаты были доложены на VI съезде КПК о международном положении и задачах Коммунистического интернационала «Борьба против империалистической войны и задачи коммунистов».

² https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://ru.wikipedia.org/wiki/%25D0%2591%25D0%25BE_%25D0%2593%25D1%2583&ved=2ahUKEwjooM6a44iIAxVjHRAIHVbHD4YQFnoECDYQAQ&usg=AOvVaw2oYqdSASkmcimnW96u335f

Материалы были впервые обнародованы Государственным архивом социально-политической истории России. В нижеследующем разделе рассмотрим примеры применения дискурсивного метода обучения переводу в университете Чжуншань с точки зрения реализации референциальной, альтернативной, эллиптической, союзной и лексической связности в переводах Бо Гу.

(1)

Оригинальный текст: *Через 10 лет после мировой войны империалистские великие державы подписывают пакт о незаконности войны, они говорят о разоружении, они стараются при поддержке вождей международной социал-демократии внушить рабочим и трудящимся, что господство монополистического капитала обеспечивает будто бы мир во всём мире.*

Перевод: в *世界大战* 过去了十年的现在, 帝国主义列强签订了宣布战争非法的协定。他们口说要解除武装, 且努力想在国际社会民主派领袖的帮助之下, 骗哄工人和劳动群众, 使他们以为现在垄断资本的统治似乎可以保证全世界的和平。

В оригинальном тексте местоимение *они*, с помощью которого достигается референциальная связь, встречается дважды. В переводе первая часть русского сложного предложения передана как самостоятельное предложение; первое употребление местоимения передано с помощью эквивалентного местоимения 他们 *tā mén* 'они'. Важно отметить, что это китайское местоимение, в отличие от русского *они*, применимо только к людям. Второе употребление было передано нулевой формой – местоимение было опущено. Для китайского языка такое действие типично в случае повторяющихся местоимений, поскольку опущение не влияет на понимание читателем референциальных отношений. Фактически, в китайском языке опущение во избежание повторения не имеет грамматических ограничений и намного более распространено, чем в русском языке. В последней части предложения местоимение, наоборот, добавлено. Без включения данного местоимения китайский читатель может неверно понять фразу *«господство монополистического капитала обеспечивает будто бы мир во всем мире»* как констатацию факта, но на самом деле речь идёт о результате достигнутой договорённости великих держав. Данное местоимение устраняет двусмысленность и правильно передаёт связь между предшествующей и последующей частями сложного предложения.

(2)

Оригинальный текст: *Вся болтовня буржуазии и её социал-демократических и мелкобуржуазных пацифистских приспешников о разоружении, о безопасности, об арбитраже, об объявлении вне закона войны, как средства национальной политики, – всё это акты величайшего лицемерия.*

Перевод: 一切资产阶级及其走狗社会民主党和小资产阶级和平主义者所高唱的一切解除军队, 什么避免危险, 什么仲裁, 什么宣布战争为民族政策的非法工具, ——这些都是一种最大的虚伪空谈。

Альтернативная связность (substitution по терминологии Халлидея и Хасан) реализована заменой одного или нескольких слов соответствующим компонентом. Эта замена может включать в себя подстановку существительного, изменение глагола и замену целого предложения [Halliday, Hasan, 2001 ; Ху, 1994]. Использование альтернативной связности позволяет избежать дублирования и сделать текст более компактным. В то же время контекст дополняет друг друга и в полной мере реализует функцию связности. В оригинальном тексте сочетание местоимений *всё это* указывает на однородные дополнения в предложном падеже в предыдущей части предложения и устраняет необходимость повторения. Кроме того, использование тире дополнительно указывает на обобщающую роль последующей части для предыдущей и является вспомогательным средством связности, которое нельзя игнорировать [Су, 2010]. В переводе произведена замена на местоимение 这些 *zhèxiē* 'это'.

(3)

Оригинальный текст: *Но свержение капитализма невозможно без насилия, без вооруженного восстания и войн пролетариата против буржуазии.*

Перевод: *但是要推翻资本主义如果不用暴力, 不用武装暴动, 不用无产阶级反对资产阶级的战争, 那又是不可能的。*

Оригинальное предложение осложнено однородными дополнениями в родительном падеже в первом случае с бессоюзной связью, во втором – с помощью сочинительного соединительного союза *и*. Подлежащее и составное именное сказуемое (с опущенным глаголом-связкой и кратким прилагательным среднего рода) расположены в начале. При переводе, во-первых, произошло изменение порядка слов в предложении: смысловая часть оригинала, представляющая условие, смещена вперёд, а сказуемое перемещено в конец. Это связано с различиями в правилах построения русского и китайского предложения. В переводе союз опущен – связь только бессоюзная. В этом можно усмотреть действие принципа экономии речевых усилий [Мартине, 1955, с. 141–146] – опущение и более эффективная для языка-реципиента реорганизация³. Опущение слов и более крупных единиц относится к эллиптической связности или так называемой нулевой альтернативе (*ellipsis* или *substitution by zero* по терминологии Халлидея и Хасан [Halliday, Hasan, 2001]). Ещё один пример данного типа связности мы наблюдали в (1) при опущении местоимения 他们 *tā mén* 'они'.

(4)

Оригинальный текст: *В этой борьбе с пацифизмом коммунисты должны тщательно различать между буржуазным пацифизмом и ошибками широких народных масс, которые охвачены настроением против войны, которые готовы бороться против нее, но еще не видят единственно правильного революционного пути и потому являются жертвами пацифистских обманщиков, – этих обманщиков, представляющих различные пацифистские течения.*

Перевод: *共产党人在这些与和平主义的争斗中应该小心地把资产阶级的和平主义与广大民众的错误分析清楚, 这些群众有反对战争的情绪, 且准备反对战争, 但是他们还没有看到唯一真理的革命道路, 因此变成了和平主义骗子的牺牲品, ——这些骗子就是各派和平主义的代表者。*

В оригинальном предложении представлена союзная связность с разнообразными союзами – подчинительными и сочинительными, тремя простыми и одним составным. Сочинительный противительный союз *но* и подчинительный причинный *потому* из оригинального текста в переводе переданы эквивалентными союзами *但是* *dànshì* 'но' и *因此* *yīncǐ* 'поэтому', которые так же, как и русские союзы, выражают контрастную и причинную связность соответственно. Следует отметить, что одиночные соединительные союзы в оригинальном тексте не используются, но в переводе добавлен союз *且* *qiě* 'и'. Это связано с тем, что в оригинальном тексте появляются два определительных придаточных предложения с союзом *которые*, и оба они служат определениями к части *широких народных масс*. Союз делает соединительную связь между ними более выраженной для китайского читателя.

(5)

Оригинальный текст: *Антивоенная работа в деревне не может вестись только в форме отдельных случайных кампаний, устройства парадных манифестаций и т. д. Нужна планомерная и систематическая работа, увязанная с непосредственными требованиями трудящегося крестьянства.*

Перевод: *乡村中反对战争的工作, 是不能仅在一种临时的偶然形势之下进行的 (如巡行庆祝会等)。必需要有计划的有系统的工作, 并使这种工作与农民的直接要求连贯一气。*

³ Вслед за Л. А. Становой, мы связываем этот закон с повышением эффективности, которая может предполагать как опущение элементов, так и их добавление, а также способы, не связанные ни с опущением, ни с добавлением [Становая, 2016].

Лексическая связность обеспечивается знаменательными (полнозначными) словами и предполагает использование повторений, обобщения или, наоборот, детализации (в результате чего мы имеем дело со словами-гипонимами или гиперонимами), а также коллокаций [Halliday, Hasan, 2001 ; Ху, 1994]. В оригинальном тексте страдательное причастие *увязанная* согласуется с определяемым существительным *работа* по роду, числу и падежу в соответствии с флективным характером русского языка. Учитывая невозможность такого согласования в изолирующем аналитическом китайском языке, для выражения связности использован повтор существительного 工作 *gōngzuò* 'работа'.

Как видно из приведённых и проанализированных примеров, Бо Гу не ограничился пословным переводом, а относился к переводу как дискурсивному процессу и имел в своём арсенале переводчика все пять типов связности и особенности её выражения в двух языках, с которыми он работал. Поэтому ему удалось создать переводные произведения по революционной тематике борьбы с империализмом очень высокого качества при полном соблюдении семантической эквивалентности и хорошем балансе эквивалентности формы и содержания. В работе Бо Гу нашли отражение принципы подготовки переводчиков в университете Чжуншань, где во главу угла ставилась необходимость обращения к пониманию и воссозданию культурного и ситуационного контекста на пути от оригинального произведения к его переводной версии.

5. Известные китайские переводчики трудов по марксизму-ленинизму [Famous Chinese translators of works promoting Marxism-Leninism]

Бо Гу был не единственным успешным переводчиком революционной эпохи, подготовленным университетом Чжуншань для дела Революции. Это высшее учебное заведение выпустило немало переводчиков, специализировавшихся в революционной тематике с уклоном в марксизм-ленинизм, среди которых были Ван Цзясян Чжан Вэньтянь, Ю Сюсун, Дон Исян, Уланьфу, У Сюцюань, У Лянпин, Шэнь Чжюань, Сунь Ефан и др. [Сунь, 1996]. Они постоянно выступали в роли переводчиков для школьных программ, филиалов и партийных собраний. В то же время они перевели значительное количество классических произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, И. В. Сталина, Г. В. Плеханова, впервые представив их китайскому читателю, что способствовало распространению данной идеологии в Китае. По возвращении домой они присоединились к революционному движению, став убеждёнными коммунистами и заняв важные посты в Центральном комитете КПК. Таким образом, они укрепляли ряды КПК, служили костяком китайской революции. В этом разделе кратко описана переводческая деятельность У Сюцюаня, Чжан Вэньтяня и Бо Гу во время их учебы в университете Чжуншань и после возвращения домой, в Китай.

У Сюцюань является выдающимся представителем первой группы студентов университета Чжуншань. В 1925 году У Сюцюань был выбран для учёбы в университете Чжуншань. Делясь своим опытом изучения русского языка, он подчеркнул, что «глупые птицы летают первыми», имея ввиду что сначала необходимо усердно учиться, не боясь отстать, и только подготовившись достаточно – действовать (например, выполнять перевод). В дополнение к совершенствованию своих навыков русской грамматики и расширению словарного запаса, он также использовал любую возможность для тренировки навыков перевода. В частности, он уделял особое внимание главному смыслу (центральной идее) речи оппонента, а не механически придерживался слов оригинала, что позволило ему чётко выражать мысли говорящего при переводе. Это свидетельствует о том, что его владение русским языком уже вышло за рамки механического соединения слов по схемам предложения, а поднялось на уровень, когда русский язык стал полноценным средством коммуникации, направленной на реализацию

целей общения. Использованный дискурсивный подход стал прочным основанием для последующей переводческой деятельности.

Когда Чжан Вэньтянь поступил в университет Чжуншань, он уже овладел русским языком и находился под сильным влиянием дискурсивного подхода к переводу. Он накопил ценный опыт устного перевода для первых красных революционеров КПК. Помимо работы переводчиком на занятиях в университете, Чжан Вэньтянь также занимался переводом конференций. Кроме того, Чжан Вэньтянь перевёл большое количество работ: «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Основные вопросы марксизма» Г. В. Плеханова, «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса, «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса и др. [Чжан, 2010, с. 67]. Перевод этих книг на китайский язык в значительной степени содействовал процессу китайской революции. Вместе с тем, данная переводческая деятельность способствовала повышению уровня знаний Чжан Вэньтяня в области марксизма-ленинизма и заложила прочные основы для его становления как пролетарского теоретика и революционера.

Бо Гу является выдающимся представителем второй группы студентов университета Чжуншань. В 1926 году Бо Гу поступил учиться в университет Чжуншань и, благодаря своему усердию, его переводческие умения и навыки за весьма короткий промежуток времени достигли очень высокого уровня. С 1941 года Бо Гу перевёл и переработал большое количество классических марксистско-ленинских работ, в том числе труды И. В. Сталина, такие как «Краткий курс истории ВКП(б)», «О диалектическом и историческом материализме» и др. [Цзя, 2021]. Выполненные им переводы сыграли важную роль в пропаганде марксистской теории, в становлении зрелого революционного мышления, в формировании уверенности в победе революции, укреплении патриотических чувств и чувства ответственности, чтобы, не боясь трудностей, с полной решимостью бороться за дело китайской революции на протяжении всей жизни.

Во время создания университета Чжуншань с 1925 по 1930 гг. распространение марксизма-ленинизма в Китае было систематическим и обширным. Университет Чжуншань стал колыбелью для привлечения передовых интеллектуалов и рабочих. Талантливые переводчики революционной эпохи, которых подготовил университет, и их переводческая деятельность способствовали постепенному росту партии, формированию революционных идей и революционного духа. У Сюцюань, Чжан Вэньтянь, Бо Гу и другие талантливые переводчики прошли крещение революцией и внесли значительный вклад в дело КПК.

6. Заключение [Conclusion]

Итак, данное исследование ставило комплексную цель 1) продемонстрировать роль Университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена (университета Чжуншань), функционировавшего в Москве с 1925 по 1930 гг., в становлении китайской переводческой школы революционной направленности; 2) описать основные особенности подхода данной школы к обучению русскому языку и переводу; 3) очертить вклад известных переводчиков революционной эпохи – выпускников университета Чжуншань – в распространение теории и идеологии марксизма-ленинизма в Китае. Для анализа были использованы материалы архивов университета Чжуншань за весь период его функционирования (1925–1930 гг.): документы, методические материалы и переводческие работы выпускников университета.

В результате было выявлено, что, во-первых, Университет Чжуншань можно по праву назвать колыбелью передовой интеллигенции и рабочих, учитывая большое количество кадров и переводчиков, которых он подготовил для Коммунистической партии Китая (КПК). Во-вторых, обучение русскому языку велось по интенсивной программе,

включавшей три курса: чтение газеты «Правда», чтение русской прозы и изучение русской грамматики. В преподавании русского языка и теории и практики перевода успешно использовалось сочетание частеречного и дискурсивного подходов с акцентом на средствах связности, позже классифицированных и описанных М. А. К. Халлидеем и Р. Хасан. Применение пяти типов связности – референциальной, альтернативной, эллиптической, союзной и лексической – было проиллюстрировано примерами из переводов, выполненных Бо Гу. В переводческих работах Бо Гу нашли отражение принципы подготовки переводчиков с русского языка на китайский в университете Чжуншань, где во главу угла ставилось понимание и адекватное отражение культурного и ситуационного контекстов при создании переводной версии оригинального произведения.

В-третьих, описаны основные достижения трёх известных переводчиков – У Сюцюаня, Чжан Вэньтяня и Бо Гу. Эти и другие переводчики обеспечивали эффективное обучение на курсах русского языка в китайских (полурусских) группах, сопровождали освоение марксистско-ленинской теории и идеологии на партийных собраниях и конференциях, перевели значительное количество классических произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Г. В. Плеханова, сделав их массово доступными для китайского читателя. Всё это внесло весомый вклад в победу революционных идей и в дело КПК.

Благодарности [Acknowledgments]

Настоящая статья была подготовлена в рамках научно-исследовательского инновационного проекта в провинции Цзянсу (KYCX24_0355), проекта по формированию команды преподавателей-выпускников по физическому воспитанию в провинции Шэньси (SGH23Q0316), проекта по разработке модели производительности для высококлассных футбольных выступлений (23JK0442) и проекта создания системы обучения и оценки талантов в области физического воспитания в колледжах и университетах (JG202340).

Библиографический список

- Волкова, 2019 – Волкова Т. А. Экспериментальная апробация дискурсивно-коммуникативной модели перевода в письменном переводе: пилотное исследование // Вестник Томского гос. ун-та. 2019. № 444. С. 27–37. <https://doi.org/10.17223/15617793/444/3>
- Становая, 2016 – Становая Л. А. Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Вып. 2, № 4. С. 50–75. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2016_2_4_50_75
- Урубкова, 2003 – Урубкова Л. М. Межкультурная коммуникация: перевод и дискурс // Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова. 2003. № 1–2. С. 193–200.
- Шэн, 2009 – Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / пер. с англ. Л. И. Головачёвой, В. Ц. Головачёва. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2009, 320 с. (1-е изд. 1971 г.)
- Halliday, Hasan, 2001 – Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2001. 337 p.
- Natim, Mason, 2001 – Natim B., Mason I. Discourse and the translator. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2001. 272 p.
- Martinet, 1955 – Martinet A. Economic des changements phonétiques. Berne, 1955. 396 p.
- Newmark, 1982 – Newmark P. Approaches to translation. London: Pergamon Press Ltd., 1982. 214 p.
- van Dijk, 1976 – van Dijk T. A. Narrative macrostructures: Cognitive and logical foundations. PTL 1, 1976. P. 547–568.
- Ли, 1998 – 李运兴, 英汉语篇翻译/ 北京. 清华大学出版社出版. 1998 年 [Ли Ю. Англо-китайский перевод. Пекин: Изд-во ун-та Цинхуа, 1998. 372 с.]

- Ли, 2012 – 李静, 语篇连贯与翻译策略/ 上海翻译出版. 2012年. 39–42页 [Ли Ц. Когерентность и стратегии перевода // Перевод в Шанхае. 2012. № 4. С. 39–42].
- Лю, 2004 – 刘庆元, 语篇翻译中的衔接与连贯/ 山东外语教学出版. 2004年. 95–99页 [Лю Ц. Связность и цельность при переводе части речи // Обучение иностранному языку в Шаньдуне. 2004. № 3. С. 95–99].
- Лю, Чжао, 2009 – 刘嫦, 赵友斌, 功能翻译理论给文学翻译批评的启示/ 外语学刊出版. 2009年. 108–111页 [Лю Ч., Чжао Ю. Теория функционального перевода для критики литературного перевода // Журнал иностранных языков. 2009. № 2. С. 108–111].
- Си, 2001 – 司显柱, 论语篇为翻译的基本单位/ 中国翻译出版. 2001年. 14–17页 [Си С. Аналекты Конфуция – основная единица перевода // Перевод в Китае. 2001. № 3. С. 59–76].
- Су, 2010 – 苏培成, 标点符号实用手册/ 北京. 外语教学与研究出版社出版. 2010年 [Су П. Практический справочник по пунктуации. Пекин: Учебно-научное изд-во иностр. яз., 2010. 158 с.].
- Сунь, 1996 – 孙耀文, 风雨五载莫斯科中山大学始末/ 北京. 中央编译出版社出版. 1996年 [Сунь Я. Пять лет бурь и борьбы: начало и конец Московского университета имени Сунь Ятсена. Пекин: Центральное издательство компиляций и переводов, 1996. 450 с.].
- Фан, 2002 – 方梦之, 翻译新论与实践/ 青岛. 青岛出版社出版. 2002年. [Фан М. Новая теория и практика перевода. Циндао: Изд-во Циндао, 2002. 349 с.].
- Фэй, 2019 – 费小平, 口笔译双料翻译家张闻天/ 亚太跨学科翻译研究出版. 2019年. 170–182 [Фэй С. Переводчик Чжан Вэньтянь // Азиатско-Тихоокеанские междисциплинарные исследования перевода. 2019. № 1. С. 170–182].
- Ху, 1994 – 胡壮麟. 语篇的衔接与连贯/ 上海. 上海外语教育出版社出版. 1994年 [Ху Ч. Связность и цельность частей речи. Шанхай: Шанхайское учеб. изд-во иностр. яз., 1994. 235 с.].
- Ху и др., 2012 – 胡峰笙, 荆博, 李欣, 语篇衔接理论在政治文献翻译中的应用——以《2010年政府工作报告》为例/ 外语学刊出版. 2012年. 89–91页 [Ху Ф., Цзин Б., Ли С. Применение теории связности дискурса при переводе политической литературы – на примере отчета о работе правительства за 2010 год // Журнал иностранных языков. 2012. № 2. С. 89–91].
- Хуан, 2014 – 黄国文. 语篇分析概要/ 长沙. 湖南教育出版社出版. 1988年 [Хуан Г. Краткое изложение анализа дискурса. Чанша: Изд-во Hunan Education Press., 1988. 221 с.].
- Хэ, 2014 – 何冰琦. 莫斯科中山大学俄语课堂教学模式的借鉴意义/ 中国俄语教学出版. 2014年. 84–87页 [Хэ Б. Значение модели преподавания русского языка в аудитории Чжуншаньского университета в Москве // Преподавание русского языка в Китае. 2014. Т. 33, № 3. С. 84–87].
- Цзя, 2021 – 贾天宇. 博古与马列著作译校/ 百年潮. 2021年. 82–87页 [Цзя Т. Бо Гу и марксистско-ленинские сочинения // Волна столетия. 2021. № 4. С. 82–87].
- Чжан, Хуан, 2002 – 张美芳, 黄国文. 语篇语言学与翻译研究/ 中国翻译出版, 2002年. 5–9页 [Чжан М., Хуан Г. Исследования по дискурсивной лингвистике и переводу // Перевод в Китае. 2002. № 3. С. 5–9].
- Чжан Ц., Чжан Ч., 2023 – 张积玉, 张仲实, 留苏期间的翻译活动及其一生传播马克思主义的历史阶段考论/ 西部学刊出版. 2023年. 14–21 [Чжан Ц., Чжан Ч. Исследование деятельности переводчиков во время их пребывания в Советском Союзе и их роли в распространении марксизма на протяжении всей их карьеры // Журнал западных исследований. 2023. № 11. С. 14–21].
- Чжан, 2016 – 张培森. 张闻天年谱 (修订本) 上卷 (1900–1941). 北京. 中共党史出版社. 2016年 [Чжан П. Хронология Чжан Вэньтяня (пересмотренное издание). Т. 1 (1900–1941). Пекин: Изд-во истории партии Коммунистической партии Китая, 2016. 443 с.].
- Чжао Г., 2002 – 赵桂华. 翻译理论与技巧/ 哈尔滨. 哈尔滨工业大学出版社出版. 2002年 [Чжао Г. Теория и техника перевода. Харбин: Изд-во Харбинского технол. ин-та., 2002. 368 с.].
- Чжао Я., 2002 – 赵彦春, 翻译中衔接-连贯的映现/ 外语与外语教学出版. 2002年. 23–27页 [Чжао Я. Конвергенция и согласованность в переводе // Иностранные языки и преподавание иностранных языков. 2002. № 7. С. 23–27].
- Ян, 2003 – 杨雪燕, “语篇”概念与翻译教学/ 中国翻译出版. 2003年. 61–66页 [Ян С. Понятие “дискурс” и обучение переводу // Перевод в Китае. 2003. № 5. С. 61–66].

References

- Volkova, T. A. (2019). Eksperimentalnaya aprobatsiya diskursivno-kommunikativnoy modeli perevoda v pismennom perevode: pilotnoe issledovanie [Testing a discourse and communication translation model: A pilot translation experiment]. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta [Tomsk State University Journal]*, 444, 27–37. <https://doi.org/10.17223/15617793/444/3> (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (2016). Eshche raz k voprosu o printsipe yazykovoy ekonomii [Addressing the principle of linguistic economy again]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and applied linguistics]*, 2 (4), 50–75. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2016_2_4_50_75
- Ouroubkova, L. M. (2003). Mezhekulturnaya kommunikatsiya: perevod i diskurs [Intercultural communication: Translation and discourse]. *Rossiyskiy mediko-biologicheskii vestnik imeni akademika I. P. Pavlova [I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald]*, 1–2, 193–200. (In Russ.).
- Sheng, Y. *Universitet imeni Sun' Yatsena v Moskve i kitayskaya revolyutsiya. Vospominaniya [Sun Yat-sen University in Moscow and the Chinese Revolution: A personal account]*. Translated from English by L. I. Golovacheva, V. Ts. Golovachev. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS Press. (First published in 1971).
- Halliday, M. A. K., Hasan, R. (2001). *Cohesion in English*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press.
- Hatim, B., & Mason, I. (2001). *Discourse and the translator*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
- Martinet, A. (1955). *Economic des changements phonetiques*. Berne.
- Newmark, P. (1982). *Approaches to Translation*. London: Pergamon Press.
- van Dijk, T. A. (1976). Narrative macro-structures: Cognitive and logical foundations. *PTL: A Journal for Descriptive Poetics and Theory of Literature*, 1, 547–568.
- Li, Y. (1998). *Ying han yu pian fan yi [English-Chinese translation]*. Beijing: Tsinghua University Press. (In Chinese).
- Li, J. (2012). Yu pian lian guan yu fan yi ce lue [Coherence and translation strategies]. *Shang hai fan yi chu ban [Translation in Shanghai]* 4, 39–42. (In Chinese).
- Liu, Q. (2004). Yu pian fan yi zhong de xian jie yu lian guan [Cohesion and coherence in the translation of a part of speech]. *Shan dong wai yu jiao xue chu ban [Shandong Foreign Language Teaching]*, 3, 95–9. (In Chinese).
- Liu, Ch., Zhao, Y. (2009). Gong neng fan yi li lun gei wen xue fan yi pi ping de qi shi [The theory of functional translation for the criticism of literary translation]. *Wai yu xue kan chu ban [Journal of Foreign Languages]*, 2, 108–111. (In Chinese).
- Si X. (2001). Lun yu pian wei fan yi de ji ben dan wei [The Analects of Confucius is the basic unit of translation]. *Zhong guo fan yi chu ban [Translation in China]*, 3, 14–17. (In Chinese).
- Su, P. (2010). *Biao dian fu hao shi yong shou ce [A practical guide to punctuation]*. Beijing: Educational and Scientific Publishing House of Foreign Languages. (In Chinese).
- Sun, Y. (1996). *Feng yu wu zai mo si ke zhong shan da xue shi mo [Five years of storms and struggle: The beginning and the end of Sun Yat-sen Moscow University]*. Beijing: Central Publishing House of Compilations and Translations. (In Chinese).
- Fang, M. (2002). *Fan yi xin lun yu shi jian [New theory and practice of translation]*. Qingdao: Qingdao Publishing House]. (In Chinese).
- Fei, X. (2019). Kou bi yi shuang liao fan yi jia zhang wen tian [Zhang Wentian, a translator of both interpretation and translation]. *Ya tai kuà xué kē fān yì yán jiū chū bǎn [Asia-Pacific Interdisciplinary Translation Research]*, 1, 170–182. (In Chinese).
- Hu, Ch. (1994). *Yu pian de xian jie yu lian guan [Cohesion and coherence of parts of speech]*. Shanghai: Shanghai Educational Publishing House of Foreign Languages. (In Chinese).
- Hu, F., Jing, B., Li, X. (2012). Yu pian xian jie li lun zai zheng zhi wen xian fan yi zhong de ying yong — yǐ 《2010 nián zhèng fǔ gōng zuò bào gào》 wèi lì [The application of the theory of cohesion of discourse in the translation of political literature (Based on the report on the work of the government for 2010)]. *Wai yu xue kan chu ban [Journal of Foreign Languages]*, 2, 89–91. (In Chinese).

- Huang, G. (1988). *Yǔ piān fēn xī gài yào [The outline of discourse analysis]*. Changsha: Hunan Education Press. (In Chinese).
- He, B. (2014). Mò sī kē zhōng shān dà xué é yǔ kè táng jiào xué mó shì de jiè jiàn yì yì [The importance of the model of teaching Russian in the classroom of Zhongshan University in Moscow]. *Zhōng guó é yǔ jiào xué chū bǎn [Russian Language Teaching in China]*, 33 (3), 84–87. (In Chinese).
- Jia, T. (2021). Bó gǔ yǔ mǎ liè zhǔ zuò yì xiào [Bo Gu and Marxist-Leninist writings]. *Bǎi nián cháo [The Wave of the Century]*, 4, 82–87. (In Chinese).
- Zhang, M., Huang, G. (2002). Yǔ piān yǔ yán xué yǔ fān yì yán jiū [Research on Discourse Linguistics and Translation]. *Zhōng guó fān yì chū bǎn [Translation in China]*, 3, 5–9. (In Chinese).
- Zhang, J., Zhang, Zh. (2023). Liú sū qī jiān de fān yì huó dòng jí qí yī shēng chuán bō mǎ kè sī zhǔ yì de lì shǐ jiē duàn kǎo lùn [The study of interpreters' activities during their stay in the Soviet Union and their role in promoting Marxism throughout their careers]. *Xī bù xué kān chū bǎn [Journal of Western Studies]*, 11, 14–21. (In Chinese).
- Zhang, P. (2016). *Zhāng wén tiān nián pǔ (xiū dìng běn) shàng juǎn (1900–1941) [Zhang Wentian's chronology (Revised edition). Vol. 1 (1900–1941)]*. Beijing: Communist Party of China History Press]. (In Chinese).
- Zhao, G. (2002). *Fān yì lǐ lùn yǔ jì qiǎo [Translation theory and techniques]*. Harbin: Harbin Institute of Technology Press. (In Chinese).
- Zhao, Y. (2002). Fān yì zhōng xián jiē - lián guān de yìng xiàn [Convergence-coherent reflection in translation]. *Wài yǔ yǔ wài yǔ jiào xué chū bǎn [Foreign Languages and Foreign Language Teaching]*, 7, 23–27. (In Chinese).
- Yang, X. (2003). “Yǔ piān” gài niàn yǔ fān yì jiào xué [The concept of “discourse” and translation teaching]. *Zhōng guó fān yì chū bǎn [Translation in China]*, 5, 61–66. (In Chinese).

Статья поступила в редакцию 06.12.2023; одобрена после рецензирования 23.08.2024; принята к публикации 26.08.2024.
The article was submitted 06.12.2023; approved after reviewing 23.08.2024; accepted for publication 26.08.2024.

Лю Хун

Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация

478912641@qq.com

Взаимодействие компонентов интонации при различной эмоциональной нагрузке в китайском футбольном комментарии

Аннотация

В настоящей статье представлен второй этап исследования, целью которого было определение характера взаимодействия трёх просодических компонентов – мелодики (основного тона), интенсивности и длительности – на эмоциональных участках речи футбольных комментаторов и сравнение с особенностями их взаимодействия на эмоционально нейтральных участках. Материалом послужили речевые образцы пяти китайских футбольных комментаторов, записанные в 2006 и 2022 годах во время матчей Кубка Мира по футболу. Размер выборки составил 50 эмоциональных и 50 неэмоциональных фраз, в которых в общей сложности было реализовано 1014 слогов. Анализ параметров интенсивности, слоговой длительности и сравнение с ранее полученными данными по параметрам основного тона показало устойчивую тенденцию к повышению основного тона и интенсивности и сокращению длительности слогов на эмоциональных фразах по сравнению с неэмоциональными. Междикторская вариантность состояла в более последовательном взаимодействии этих компонентов интонации в речи трёх дикторов из пяти. По сравнению с просодией эмоциональных фраз русского и британского футбольного комментария, поведение длительности оказалось специфичной чертой, а поведение основного тона и интенсивности носило универсальный характер.

Ключевые слова: эмоциональная нагруженность, компонент интонации, интенсивность, длительность, основной тон

© Лю Х. 2024

Для цитирования: Лю Х. Взаимодействие компонентов интонации при различной эмоциональной нагрузке в китайском футбольном комментарии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 85–97. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-85>

Liu Hong

Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

478912641@qq.com

Interaction of prosodic cues of emotionality in football commentaries (Based on Chinese)

Abstract

This paper presents the second stage of the research aimed at identifying the interaction patterns of three intonation components – pitch, intensity and duration – on emotional phrases compared to emotionally neutral phrases in the speech of football commentators. The material was obtained from 5 Chinese football commentators recorded during Football World Cup matches of 2006 and 2022. The total of 50 emotional and 50 emotionally neutral phrases containing 1014 syllables were investigated. The analysis of intensity and syllable duration parameters compared to previously examined patterns of pitch parameters showed a consistent tendency to increase pitch and intensity values and to decrease syllable duration values on emotional phrases compared to emotionally neutral phrases. As

for inter-speaker variation, three of the five speakers displayed a more efficient use of the three intonation components. Compared to previously investigated Russian and British football commentaries, duration pattern was specific for Chinese while pitch and intensity patterns turned out universal for the three languages.

Keywords: emotional load, intonation component, intensity, duration, pitch

© Liu H. 2024

For citation: Liu, H. (2024). Vzaimodeystvie komponentov intonatsii pri razlichnoy emotsional'noy nagruzke v kitayskom futbol'nom kommentarii [Interaction of prosodic cues of emotionality in football commentaries (Based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 85–97. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-85>

1. Введение [Introduction]

Эмоциональность – это то, что принципиально отличает естественную устную речь от синтезированной. В нашей речи происходит чередование участков с разной эмоциональной нагрузкой – эмоционально нейтральных и эмоционально нагруженных. Нейтральные участки являются более монотонными, а на эмоциональных участках эта монотонность нарушается. Эмоциональность обеспечивается особым поведением компонентов интонации, или просодических компонентов. Распознавание и имитация этого поведения для повышения естественности синтезированной речи является актуальной задачей лингвистического обеспечения искусственного интеллекта (для китайского языка см. [Wang, Guo, 2023]). В этом плане футбольный комментарий представляет собой благодатное поле для исследований поскольку, будучи самым популярным видом зрелищного спорта в мире, он обладает очень высокой степенью эмоциональности, которая прослеживается как в реакции зрителей на происходящие на футбольном поле события, так и в речи комментаторов, которые ведут репортаж и во многом создают эту эмоциональность [Гутцайт, 2011].

Настоящая статья продолжает серию работ по просодическому выражению эмоциональной нагрузки в китайском футбольном комментарии. Целью данного – второго – этапа исследования было определение характера взаимодействия трёх просодических компонентов – мелодики (основного тона – ОТ), интенсивности и длительности на эмоциональных участках речи комментаторов и сравнение с особенностями их взаимодействия на эмоционально нейтральных участках.

Ранее была выявлена прямая корреляция значений частоты основного тона (далее – ЧОТ) и степени эмоциональности, которая проявлялась в стабильном повышении общего мелодического уровня, мелодического пика и мелодического диапазона на эмоциональных фразах по сравнению с неэмоциональными [Лю, Андросова, 2024]. В задачи второго этапа исследования входили:

- 1) замеры параметров интенсивности и длительности;
- 2) статистическая обработка полученных значений параметров;
- 3) сравнение данных по интенсивности и длительности на эмоциональных и неэмоциональных участках;
- 4) сравнение поведения интенсивности и длительности с выявленным ранее поведением ОТ;
- 5) сопоставление с аналогичными данными по русскому и британскому футбольному комментарию.

Выбор трёх просодических компонентов для сравнения обусловлен тем, что именно они чаще всего используются говорящим при выражении не только смысловой, но и эмоциональной нагрузки [Пиотровская, 2015 а, б]. Два из этих компонентов – ОТ и

интенсивность – были использованы для разработки автоматической модели по классификации эмоций [Yoon et al., 2018], что говорит об особой роли их взаимодействия в китайском языке – языке слогового строя.

Согласно гипотезе данного этапа исследования, на эмоциональных фразах по сравнению с неэмоциональными ожидалось повышение значений интенсивности и длительности, а при сравнении трёх параметров ожидалась наименьшая роль интенсивности. Основой для такой гипотезы послужили ранее полученные данные: 1) о повышении значений интенсивности и длительности на эмоциональных участках речи британских и русских футбольных комментаторов по сравнению с таковым на неэмоциональных участках [Корыткин, Андросова, 2016]; 2) об увеличении диапазона и повышении регистра ОТ в эмоциональных рамочных высказываниях по сравнению с нейтральными, выявленные китайскими коллегами по материалам корпуса [Yoon et al., 2018]; 3) о тенденции к увеличению значений ОТ, интенсивности и длительности в результате повышения информационной нагрузки в китайской рекламе, но о менее последовательном поведении интенсивности по сравнению с ОТ и длительностью [Андросова и др., 2023 ; Чжан, Андросова, 2022 ; Androsova et al., 2022 a, b]. Аналогичное поведение параметров ожидалось при повышении эмоциональной нагрузки. Вместе с тем нельзя было не учитывать, что распределение информационной и эмоциональной нагрузки относится к разным функциям интонации: первое – к лингвистическим, второе – к экстралингвистическим [Торсуева, 2009]. Ожидалось, что данный факт внесёт определённые коррективы во взаимодействие параметров.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве материала исследования было выбрано два совместных квалификационных матча Кубка мира по футболу, прокомментированных на китайском языке:

1) Италия-Франция 2006 г., проведённый на территории Германии, длительность матча – 1 час 20 минут;

2) Китай-Мальдивы 2022 г., проведённый на территории КНР, длительность матча – 1 час 36 минут.

Выбор был обусловлен, во-первых, высоким статусом матчей (Кубок Мира). Во-вторых, в обоих матчах ожидалась высокая эмоциональность, поскольку первый матч был финальным (такие матчи всегда характеризуются высочайшей эмоциональной нагрузкой независимо от того, какие страны представляют соревнующиеся команды), а во втором участвовала команда КНР, и сам матч проходил на территории Китая, что не могло не вызвать повышенный эмоциональный отклик у комментаторов-китайцев.

Для анализа была взята речь пяти китайских комментаторов: двух, комментировавших матч 2006 года (один профессиональный комментатор и один – игрок в футбол в прошлом), и трёх, комментировавших матч 2022 года (один профессиональный комментатор и два игрока в футбол в прошлом). Подробнее о карьере и статусе этих комментаторов см. [Лю, Андросова, 2024].

Материал был получен из источников открытого доступа: Tencent Video (<https://v.qq.com/x/cover/mzc002007c3un7e/x0038ukkrpz.html>) и Youku (https://v.youku.com/v_show/id_XNDY1MTE2ODQyOA==.html). Комментированные матчи были загружены в видеоформате и конвертированы в формат wav с помощью встроенной функции VLC-плеера. Подобная конвертация проходит без потери качества записи, что делает её пригодной для акустического, в частности просодического анализа.

В исследовании применялся комплекс методов. В качестве специальных лингвистических методов использовались:

1. Слуховой и акустический анализ, которые осуществлялись с помощью программы Praat [Boersma, Weenink, 2016]). В данной программе была произведена сегментация на фразы и слоги. Сегментация на отдельные звуки не производилась, поскольку китайский язык относится к языкам слогового строя и слог (=первичное слово) является минимальной и базовой значимой звуковой единицей китайского языка. Таким образом, в ходе сегментации было выполнено трёхуровневое аннотирование: уровень «Фраза», уровень «Слог» и уровень «Тон». Сегменты на уровне «Фраза» были переданы иероглифической записью, сегменты на уровне «Слог» были переданы с помощью пиньинь. На уровне «Тон» для каждого слога с помощью арабских цифр был указан этимологический тон с учётом правил подстройки в речи.

Из речи каждого комментатора было выбрано по 10 эмоциональных и 10 неэмоциональных фраз, среди которых были как односинтагменные фразы, так и неодносинтагменные фразы. Под синтагмой, вслед за представителями Щербовской школы, в настоящей статье понимается цепочка связанных по смыслу слов (единое смысловое целое), объединённых общим интонационным рисунком (мелодикой), отграниченных акустическими либо психологическими паузами [Щерба, 1953 (1937); Гордина, 1973; Вольская, Степанова, 2005], последние трактуются как мелодический перелом и/или изменение интенсивности, и/или скорости артикулирования (темпа) [Ворон и др., 2016]. Эти три критерия – единство смысла, мелодического оформления, паузация – и легли в основу деления на фразы при полном осознании специфики спонтанной и квазиспонтанной речи, а именно – наличия «разорванных синтагм». Классификация конкретного участка производилась с помощью бинарной оппозиции двух признаков: «эмоциональный» / «неэмоциональный». Маркировку производили: носитель китайского языка, изучающий просодию и её роль в выражении эмоций (автор настоящего исследования), и эксперт-фонетист, имеющий степень доктора наук и публикации международного уровня по китайской просодии. Экспертиза проводилась на основании слуховых впечатлений. Общий размер выборки составил 100 фраз: 50 эмоциональных и 50 неэмоциональных. Среди эмоциональных фраз было 43 повествовательных, 4 побудительных и 3 вопросительных. При этом минимум 15 фраз носили явный восклицательный характер. Приведём примеры.

(1) 加图索两次都抢下齐达内的球。 Jiā Tú Suǒ zhè liǎng cì dōu qiǎng xià Qí Dá Nèi de qiú – 'Таттузо дважды отбивал мяч у Зидана' (эмоциональная повествовательная фраза, выраженная эмоция – восхищение).

(2) 再传! zài chuán! – Сделайте ещё одну передачу! (эмоциональная побудительная восклицательная фраза).

(3) 他在这次世界杯还没上, 没上过吧? Tā zài zhè cì shì jiè bēi hái méi shàng, méi shàng guò ba? – 'Он не был на этом чемпионате мира, не так ли?' (вопросительная фраза, выраженная эмоция – удивление).

(4) 球进啦! 马特拉齐! Qiú jìn la! Mǎ Tè Lā Qí! – 'Мяч забит! Матерацци!' (две идущие подряд повествовательные восклицательные односинтагменные фразы, выраженная эмоция – восторг).

Среди неэмоциональных фраз встретились только повествовательные невосклицательные фразы, например:

(5) 国歌奏唱完毕 guó gē zòu chàng wán bì – 'Гимн кончился' (неэмоциональная повествовательная фраза – констатация факта при комментировании стандартной процедуры начала игры).

Общее количество реализованных слогов составило 1014: 472 – в эмоциональных фразах и 542 – в неэмоциональных фразах. Таким образом, при сбалансированном количестве эмоциональных и неэмоциональных фраз отмечается небольшой дисбаланс в количестве слогов, который объясняется естественными причинами речепроизводства, а именно – особенностями распределения дикторами эмоциональной нагрузки.

Разметка границ слогов позволила для каждого слога задействовать автоматическое определение значений интенсивности и длительности. Как и на первом этапе исследования, здесь была использована идея интонационных дифференторов, разработанная в [Торсуева, 2009]. На данном этапе исследования в качестве дифференторов были взяты усреднённые средние значения и квартили. Это позволило учесть разброс данных, который в потоке естественной речи может быть довольно большим.

Значения по каждому слогу были занесены в табличный процессор Microsoft Excel. Слоги, относящиеся к одной фразе, были объединены в блоки для дальнейшей статистической обработки. По каждой отобранной фразе были получены следующие показатели описательной статистики: среднее значение и пять квартилей (Q0–Q5), включающих минимальные и максимальные значения, медиану, 25% значений в начале ряда данных и 25% значений в конце ряда данных, выстроенного по возрастанию. Вычисления производились для эмоциональных и неэмоциональных фраз отдельно и затем усреднялись по всем эмоциональным и неэмоциональным фразам для каждого комментатора.

Следует отметить, что при анализе взаимодействия основного тона с интенсивностью и длительностью нельзя не учитывать взаимодействие лексических тонов и интонации и характер самих лексических тонов [Шэнь, 1994 ; Цао, 2002 ; Линь, 2004 ; Цзян, 2010 ; Li et al., 2011 ; Li, 2015], разный контур которых не может не сказаться на статистической обработке. В связи с этим отметим, что распределение лексических тонов на эмоциональных и неэмоциональных фразах оказалось схожим, что позволило пренебречь их различиями по контуру при подсчётах [Лю, Андросова, 2024].

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В Таблицах 1–5 представлены результаты статистической обработки данных по дифференторам интенсивности по пяти комментаторам. Анализ таблиц показывает, что по пяти дикторам и по каждому диктору отдельно интенсивность выказывает устойчивую тенденцию к повышению. Это в целом соответствует ранее выявленной модели поведения ОТ [Лю, Андросова, 2024]. Однако для интенсивности отмечена немного более высокая междикторская вариантность. Если для ОТ исключения составили только минимальные показатели по нулевому квартилю, то для интенсивности исключений в целом отмечено больше (см. цифры, выделенные серой заливкой, в табл. 1–5).

Т а б л и ц а 1. Параметры интенсивности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Huáng Jiànxiáng) (SpComProf01 – 2006 г.)
[T a b l e 1. Intensity parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Huáng Jiànxiáng) (SpComProf01 – 2006)]

Статистика по интенсивности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	73	62	80	79	66	84
Медиана Quart2	73	62	80	79	67	84
Минимум (Quart0)	70	59	78	77	54	82
Максимум (Quart4)	75	64	82	81	72	86
Quart1	72	61	79	78	65	84
Quart3	74	64	80	80	68	85

Т а б л и ц а 2. Параметры интенсивности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Zhāng Lù) (SpComPI01 – 2006 г.)
[T a b l e 2. Intensity parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Zhāng Lù) (SpComPI01 – 2006)]

Статистика по интенсивности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	71	61	78	77	64	82
Медиана (Quart2)	71	62	78	77	64	82
Минимум (Quart0)	69	58	76	73	58	80
Максимум (Quart4)	73	63	80	80	69	84
Quart1	70	59	77	75	62	82
Quart3	73	62	79	78	67	84

Т а б л и ц а 3. Параметры интенсивности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Lǐ Jiāchéng) (SpComProf02 – 2022 г.)
[T a b l e 3. Intensity parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Lǐ Jiāchéng) (SpComProf02 – 2006)]

Статистика по интенсивности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	72	63	78	75	67	80
Медиана (Quart2)	73	63	78	75	67	80
Минимум (Quart0)	71	58	77	73	63	78
Максимум (Quart4)	74	67	79	78	70	84
Quart1	72	61	78	74	66	78
Quart3	73	65	79	75	69	81

Т а б л и ц а 4. Параметры интенсивности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Wáng Xīnxīn) (SpComPI02 – 2022 г.)
[T a b l e 4. Intensity parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Wáng Xīnxīn) (SpComPI02 – 2006)]

Статистика по интенсивности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	73	62	79	74	64	80
Медиана (Quart2)	74	62	80	75	64	79
Минимум (Quart0)	69	56	73	72	58	78
Максимум (Quart4)	75	67	82	77	67	83
Quart1	73	59	78	73	62	78
Quart3	74	65	80	75	66	81

Т а б л и ц а 5. Параметры интенсивности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Dù Wēi) (SpComP103 – 2022 г.)
[T a b l e 5. Intensity parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Dù Wēi) (SpComP103 – 2006)]

Статистика по интенсивности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	72	62	77	76	66	81
Медиана (Quart2)	72	62	77	73	59	79
Минимум (Quart0)	71	55	76	78	70	84
Максимум (Quart4)	72	68	78	74	63	80
Quart1	71	60	77	76	66	81
Quart3	72	63	78	77	68	82

Наиболее последовательно повышение интенсивности было реализовано в речи комментаторов SpComProf01, SpComP101, SpComProf02. Для этих трёх комментаторов, как и в случае с ОТ, исключение составили только минимумы по нулевому квартилю (табл. 1–3). Комментатор SpComP103 почти так же последовательно манипулировал параметром интенсивности. В его речи отмечено только два исключения – минимумы по второму и четвертому квартилям были выше на неэмоциональных фразах (табл. 5). Исключения составили: для первого комментатора минимум по нулевому квартилю выше на неэмоциональном участке, у второго комментатора этот же показатель одинаковый на обоих типах участков, у третьего комментатора максимумы по первому квартилю равны, у пятого комментатора минимум по четвертому квартилю выше на неэмоциональном участке. Четвёртый комментатор – SpComP102 – отличается от остальных тем, что менее последовательно использует интенсивность – у него больше всего исключений: равны минимумы по четвертому квартилю, средние и максимумы по первому квартилю, а максимум по медиане выше на неэмоциональных участках по сравнению с эмоциональными (табл. 4).

В таблицах 6–10 представлены результаты статистической обработки данных по дифференциаторам длительности. Поведение параметров длительности кардинально отличается и от поведения интенсивности и от ранее выявленного поведения ОТ. Вопреки ожиданиям, длительность демонстрирует стабильное уменьшение большинства усреднённых показателей по каждому из пяти дикторов на эмоциональных фразах в отличие от неэмоциональных. В речи SpComProf01 исключений не обнаружено (табл. 6). В речи SpComP101 и SpComProf02 имеются исключения (выделены серой заливкой) по нулевому квартилю, а у SpComProf02 ещё и по четвертому квартилю (табл. 7–8), но эти комментаторы используют длительность очень последовательно. Та же тенденция реализуется в речи двух других комментаторов. Вместе с тем нельзя не заметить, что устойчивое исключение здесь составляют минимумы по среднему значению и всем пяти квартилям, которые на эмоциональных участках, вопреки выявленной общей тенденции к понижению, оказались выше (табл. 9–10). Причина может состоять в том, что речь обоих этих комментаторов, во-первых, представляет более современный срез (2022 год), во-вторых, оба они – бывшие игроки в футбол. Другой причиной исключений может быть и то, что в нашем исследовании, в отличие от исследования Э. В. Лихачева на материале немецкого футбольного комментария [Лихачёв, 2017], изначально не было проведено деление на участки роста напряжения и кульминации. Похоже, исключения в виде повышения значений длительности, означающего замедление темпа, свойственны именно кульминации.

Т а б л и ц а 6. Параметры длительности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Huáng Jiànxiáng) (SpComProf01 – 2006 г.)
[T a b l e 6. Duration parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Huáng Jiànxiáng) (SpComProf01 – 2006)]

Статистика по длительности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	137	104	202	122	85	169
Медиана Quart2	126	94	178	109	90	137
Минимум (Quart0)	70	51	101	61	44	83
Максимум (Quart4)	251	153	433	247	129	335
Quart1	101	72	142	82	61	123
Quart3	160	118	235	147	103	213

Т а б л и ц а 7. Параметры длительности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Zhāng Lù) (SpComPI01 – 2006 г.)
[T a b l e 7. Duration parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Zhāng Lù) (SpComPI01 – 2006)]

Статистика по длительности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	130	100	186	118	70	142
Медиана (Quart2)	123	97	206	110	62	131
Минимум (Quart0)	60	35	81	59	36	93
Максимум (Quart4)	261	133	576	220	112	351
Quart1	92	62	134	87	49	115
Quart3	149	122	240	141	92	181

Т а б л и ц а 8. Параметры длительности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Lǐ Jiāchéng) (SpComProf02 – 2022 г.)
[T a b l e 8. Duration parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Lǐ Jiāchéng) (SpComProf02 – 2006)]

Статистика по длительности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	156	114	244	152	99	213
Медиана (Quart2)	148	87	233	126	70	212
Минимум (Quart0)	87	44	168	85	50	112
Максимум (Quart4)	274	165	389	286	156	523
Quart1	123	80	215	107	61	154
Quart3	176	119	279	170	108	274

Т а б л и ц а 9. Параметры длительности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Wáng Xīnxīn) (SpComPI02 – 2022 г.)
[T a b l e 9. Duration parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Wáng Xīnxīn) (SpComPI02 – 2006)]

Статистика по длительности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	125	80	199	114	90	140
Медиана (Quart2)	117	65	195	104	84	140
Минимум (Quart0)	64	33	86	67	50	83
Максимум (Quart4)	213	134	407	202	144	310
Quart1	97	56	167	89	74	112
Quart3	150	91	235	128	103	171

Т а б л и ц а 10. Параметры длительности на неэмоциональных и эмоциональных фразах (Dù Wēi) (SpComPI03 – 2022 г.)
[T a b l e 10. Duration parameters on emotional and emotionally neutral phrases (Dù Wēi) (SpComPI03 – 2006)]

Статистика по длительности	Неэмоциональные фразы			Эмоциональные фразы		
	Среднее	Минимум	Максимум	Среднее	Минимум	Максимум
Среднее (Average)	134	87	223	127	94	146
Медиана (Quart2)	127	79	233	122	95	143
Минимум (Quart0)	78	48	157	72	55	119
Максимум (Quart4)	241	130	502	204	123	310
Quart1	100	57	189	98	66	124
Quart3	133	84	223	149	111	167

Сравнение параметров мелодики, интенсивности и длительности показали, что три комментатора из пяти очень последовательно использовали все три просодических компонента для маркирования эмоциональных фраз, повышая ЧОТ и интенсивность, но сокращая длительность. Такое взаимодействие можно назвать максимально эффективным. Два других комментатора тоже следовали данной тенденции, но в их речи взаимодействие параметров было менее последовательным, а значит – менее эффективным.

3. Заключение [Conclusion]

Исследование особенностей взаимодействия ОТ как интонационного компонента при схожем распределении лексических тонов на эмоциональных и неэмоциональных фразах с интенсивностью и длительностью, согласно ожиданиям, показало тенденцию к повышению ЧОТ и интенсивности при повышении эмоциональной нагрузки. При этом выявленная ранее прямая корреляция для основного тона оказалась более устойчивой и менее подверженной междикторской вариантности, чем прямая корреляция по интенсивности, что полностью соответствовало ожиданиям. В отличие от основного тона и

интенсивности и вопреки ожиданиям, для длительности отмечена обратная корреляция, а именно сокращение длительности слогов на эмоциональных фразах по сравнению с неэмоциональными, что говорит об устойчивом ускорении темпа на первых. Таким образом, стратегия к повышению основного тона и интенсивности при сокращении длительности представляется общей для изученной речи пяти китайских футбольных комментаторов 2006 и 2022 годов.

Главным отличием от ранее полученных данных на материале британского и русского футбольного комментария можно считать именно поведение длительности, которая стремилась к увеличению, а не к сокращению. Частным отличием при сохранении универсальной для трёх языков тенденции к повышению можно считать более последовательное использование интенсивности в китайских эмоциональных фразах по сравнению с русскими и британскими эмоциональными фразами, что, возможно, связано с более тесным взаимодействием основного тона и интенсивности в китайском языке как языке слогового строя.

Полученные результаты позволили наметить несколько перспектив исследования. Во-первых, в связи с явным ускорением темпа на эмоциональных фразах, есть необходимость изучить возможность увеличения количества слабых форм слогов и образование слогов-омофонов в результате естественных модификаций инициалей и финалей, поскольку такая тенденция была ранее выявлена на материале китайской спонтанной речи [Ли, Андросова, 2022 ; Li, Androsova, 2023]. Во-вторых, поскольку выявлены замены этимологических тонов, связанные с некоторыми эмоциями, в изолированных слогах, произнесённых с разными эмоциями [Li et al., 2011 ; Li, 2015], логично изучить такую возможность для эмоциональных фраз китайского футбольного комментария. В-третьих, необходим перцептивный эксперимент по определению видов эмоций и оценке носителями китайского языка степени эмоциональности фраз. Хотя в исследовании фонетического выражения эмоций в китайской речи имеется заметный прогресс [Гао и др., 2004 ; Wang, Guo, 2023], данных пока явно недостаточно. Соотнесение таких данных с особенностями взаимодействия трёх компонентов интонации на акустическом уровне даст более полную картину просодических маркеров эмоциональности китайского футбольного комментария.

Библиографический список

- Андросова и др., 2023 – Андросова С. В., Караваева В. Г., Чжан Ц. Длительность китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2023. Т. 22, № 4 : Востоковедение. С. 127–139. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-127-139>
- Вольская, Степанова, 2005 – Вольская Н. Б., Степанова С. Б. О некоторых проблемах синтагматического членения спонтанного текста // XXXIV Междунар. филол. конф. Вып. 10. СПб., 2005. С. 16–24.
- Гордина, 1973 – Гордина М. В. Фонетика французского языка. Л. : Изд-во ЛГУ, 1973. 208 с.
- Гутцайт, 2011 – Гутцайт Р. Л. Эмотивность и оценочность телевизионного футбольного комментария // Медиаскоп. 2011. Вып. 4. URL : <http://www.mediascope.ru/node/951>
- Корыткин, Андросова, 2016 – Корыткин Ю. А., Андросова С. В. Просодические средства выражения эмоциональной составляющей в английском и русском футбольном комментарии // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. 2016. № 2 (741). С. 62–74.
- Ли, Андросова, 2022 – Ли И., Андросова С. В. Слабые формы китайских слогов и их комбинаций: акустический аспект // Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты / науч. ред. Г. В. Файзиева. Пермь : АНО ДПО «ПИЭФ», 2022. С. 5–49.
- Лихачев, 2017 – Лихачев Э. В. Вариативность просодических комплексов актуализации футбольного комментария (на материале немецкого языка): 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2017. 23 с.

- Лю, Андросова, 2024 – Лю Х., Андросова С. В. Просодические корреляты эмоциональности футбольного комментария: основной тон (на материале китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, Вып. 1. С. 147–153. <https://doi.org/10.30853/phil20240022>
- Пиотровская, 2015 а – Пиотровская Л. А. Интонация текста и речевая деятельность: психолингвистический анализ // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 4. С. 52–63.
- Пиотровская, 2015 б – Пиотровская Л. А. Монотонная vs выразительная устная речь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 4. С. 64–75
- Торсуева, 2009 – Торсуева И. Г. Интонация и смысл высказывания. М. : URSS, 2009. 112 с.
- Чжан, Андросова, – Чжан Ц., Андросова С. В. Акустические характеристики рекламного дискурса: информационный подход к анализу просодии // Дискурсивные практики: жанровые и фонетические аспекты / науч. ред. Г. В. Файзиева. Пермь : АНО ДПО «ПИЭФ», 2022. С. 50–90.
- Щерба, 1953 (1937) – Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Очерк французского произношения в сравнении с русским : пособие для студентов факультетов иностранных языков. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1953 (1937). 257 с.
- Androsova et al., 2022 а – Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Z. Intensity Patterns for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads) // Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEHGIP 2022a. Lecture Notes in Networks and Systems. 2022. Vol. 499. P. 516–524. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11435-9_56
- Androsova et al., 2022 b – Androsova S. V., Karavaeva V. G., Zhang Z. Pitch Variation for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads) // Foreign Language Teaching. 2022. Vol. 49, Iss. 5. P. 440–450. <https://doi.org/10.53656/for22.512pitc>
- Boersma, Weenink, 2016 – Boersma P., Weenink D. Praat: Doing phonetics by computer (Praat For Mac 6.0.16) [Computer Program]. URL : <https://www.fon.hum.uva.nl/praat>. (дата обращения : 07.06.2016).
- Li, 2015 – Li A. Emotional intonation and its boundary tones in Chinese // Encoding and Decoding of Emotional Speech. Prosody, Phonology and Phonetics. Berlin, Heidelberg : Springer, 2015. P. 133–164. https://doi.org/10.1007/978-3-662-47691-8_5
- Li et al., 2011 – Li A., Fang Q., Dang J. Emotional intonation in a tone language: Experimental evidence from Chinese // ICPhS XVII, Hong Kong, 17-21 August 2011. City University of Hong Kong, 2011. P. 1198–1201.
- Li, Androsova, 2023 – Li Y., Androsova S. V. A perceptual study of weak forms in Chinese: The case of phonetic homophony // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Vol. 9, Iss. 4. P. 47–62. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-3>
- Wang, Guo, 2023 – Wang Z., Guo X. Research on Mandarin Chinese in speech emotion recognition // MLNLP '22: Proc. of the 2022 5th International Conference on Machine Learning and Natural Language Processing (December 2022, Sanya, China). NY: Association for Computing Machinery, 2023. P. 99–103. <https://doi.org/10.1145/3578741.3578761>
- Yoon et al. – Yoon S., Byun S., Jung K. Multimodal speech emotion recognition using audio and text // 2018 IEEE Spoken Language Technology Workshop (SLT). Athens, 2018. P. 112–118. <https://doi.org/10.1109/SLT.2018.8639583>
- Цао, 2002 – 曹剑芬. 汉语声调与语调的关系[J]. 中国语文 [Цао Ц. Связь между китайским тоном и интонацией // Китайская филология]. 2002. № 3. С. 195–202.
- Гао и др., 2004 – 高慧, 苏广川, 陈善广. 情绪化语音特征分析与识别的研究进展[J]. 航天医学与医学工程 [Гао Х, Су Г, Чэнь Ш. Прогресс исследований в области анализа и идентификации эмоциональных голосовых характеристик // Космическая медицина и медицинская инженерия]. 2004. № 19. С. 386–390.
- Цзян, 2015 – 江海燕. 语速对语句内部音高变化的影响. 首都师范大学学报: 社会科学版. [Цзян Х. Влияние скорости речи на изменение высоты звука во фразах // Журнал Столичного педагогического университета. Сер. Социальные науки]. 2015. № 3. С. 103–107.
- Линь, 2004 – 林茂灿. 汉语语调与声调[J]. 语言文字应用 [Линь М. Китайские интонация и тон // Прикладные исследования языка]. 2004. № 3. С. 57–67.
- Шэнь, 1994 – 沈炯. 汉语语调构造和语调类型[J]. 方言 [Шэнь Д. Интонационный компонент и тип интонации китайского языка // Диалект]. 1994. № 3. С. 221–228.

References

- Androsova, S. V., Karavaeva, V. G., & Zhang, J. (2023). Dlitel'nost' kitayskikh slogov v kommercheskom i sotsial'nom reklamnom diskurse [Duration Patterns of Chinese Syllables in Commercial and Social Oral Advertisements]. *Vestnik NGU. Ser.: Istoriya, filologiya [Vestnik NSU. Series: History and Philology]*, 22(4): Vostokovedenie, 127–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2023-22-4-127-139>
- Volskaya, N. B., & Stepanova, S. B. (2005). O nekotorykh problemakh sintagmicheskogo chleneniya spontannogo teksta [On some challenges of syntagmatic segmentation of spontaneous text]. *XXXIV Mezhdunar. Filol. Konf. [The XXXIV International Philological Conference]* (pp. 16–24). St Petersburg. (In Russ.).
- Gordina, M. V. (1973). *Fonetika frantsuzskogo yazyka [French Phonetics]*. Leningrad : Leningrad State University Press. (In Russ.).
- Guttsayt, R. L. (2011). Emotivnost' i otsenochnost' televizionnogo futbol'nogo kommentariya [Emotiveness and evaluation of television football commentary]. *Mediaskop [Mediascope]*, 4. (In Russ.). <http://www.mediascope.ru/node/951>
- Korytkin, Yu. A., & Androsova, S. V. (2016). Prosodicheskie sredstva vyrazheniya emotsional'noy sostavlyayushchey v angliyskom i russkom futbol'nom kommentarii [Prosodic means of expressing emotions in English and Russian football commentary]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Vestnik of Moscow State Linguistic University]*, 2(741), 62–74. (In Russ.).
- Li, Y., & Androsova, S. V. (2022). Slabye formy kitayskikh slogov i ikh kombinatsiy: akusticheskiy aspekt [Weak forms of Chinese syllables and their combinations: Acoustic study]. In G. V. Fayzieva (Ed.), *Diskursivnye praktiki: zhanrovye i foneticheskie aspekty [Discursive practices: Genre and phonetic aspects]* (pp. 5–49). Perm : ANO DPO «PIEF» Press. (In Russ.).
- Likhachev, E. V. (2017). *Variativnost' prosodicheskikh kompleksov aktualizatsii futbol'nogo kommentariya (na materiale nemetskogo yazyka) [Variation of prosodic complexes actualizing football commentary (Based on German)]*: Author's abstract of PhD in Philological sci. Diss. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Liu, H., & Androsova, S. V. (2024). Prosodicheskie korrelyaty emotsional'nosti futbol'nogo kommentariya: osnovnoy ton (na materiale kitayskogo yazyka) [Prosodic cues of emotionality in football commentaries: Pitch (Based on Chinese)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 17(1), 147–153. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20240022>
- Piotrovskaya, L. A. (2015 a). Intonatsiya teksta i rechevaya deyatel'nost': psikholingvisticheskiy analiz [Text intonation and language behaviour: The psycholinguistic analysis]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1(4), 52–63. (In Russ.).
- Piotrovskaya, L. A. (2015 b). Monotonnaya vs vyrazitel'naya ustnaya rech' [Monotonous vs expressive oral speech]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1(4), 64–75. (In Russ.).
- Torsueva, I. G. (2009). *Intonatsiya i smysl vyskazyvaniya [Intonation and utterance meaning]*. Moscow : LIBROKOM Press. (In Russ.).
- Zhang, J., & Androsova, S. V. Akusticheskie kharakteristiki reklamnogo diskursa: informatsionnyy podkhod k analizu prosodii [Acoustic features of advertizing discourse: Informational approach to prosodic analysis]. In G. V. Fayzieva (Ed.), *Diskursivnye praktiki: zhanrovye i foneticheskie aspekty [Discursive practices: Genre and phonetic aspects]* (pp. 50–90). Perm : ANO DPO «PIEF» Press. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1953 (1937)). *Fonetika frantsuzskogo yazyka. Ocherk frantsuzskogo yazyka v sravnenii s russkim [The outline of French Phonetics. A comparative study of French and Russian]*. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press. (In Russ.).
- Androsova, S. V., Karavaeva, V. G., & Zhang, Z. (2022 a). Intensity Patterns for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads). *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEHGIP 2022 a. Lecture Notes in Networks and Systems*, 499, 516–524. https://doi.org/10.1007/978-3-031-11435-9_56

- Androsova, S. V., Karavaeva, V. G., & Zhang, Z. (2022 b). Pitch Variation for Chinese Syllables of Different Information Load (Based on Commercial and Social Radio Ads). *Foreign Language Teaching*, 49 (5), 440–450. <https://doi.org/10.53656/for22.512pitt>
- Boersma, P., & Weenink, D. (2016). Praat: Doing phonetics by computer (Praat For Mac 6.0.16) [Computer Program]. <https://www.fon.hum.uva.nl/praat>
- Li, A. (2015). Emotional intonation and its boundary tones in Chinese. *Encoding and Decoding of Emotional Speech. Prosody, Phonology and Phonetics* (pp. 133–164). Berlin, Heidelberg : Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-662-47691-8_5
- Li, A., Fang, Q., & Dang, J. (2011). Emotional intonation in a tone language: Experimental evidence from Chinese. *ICPhS XVII, Hong Kong, 17-21 August 2011* (pp. 1198–1201). City University of Hong Kong.
- Li, Y., & Androsova, S. V. (2023). A perceptual study of weak forms in Chinese: The case of phonetic homophony. *Nauchnyy rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (4), 47–62. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-3>
- Wang, Z., & Guo, X. (2023). Research on Mandarin Chinese in speech emotion recognition. *MLNLP '22: Proc. of the 2022 5th International Conference on Machine Learning and Natural Language Processing (December 2022, Sanya, China)* (pp. 99–103). NY: Association for Computing Machinery. <https://doi.org/10.1145/3578741.3578761>
- Yoon, S., Byun, S., & Jung, K. (2018). Multimodal speech emotion recognition using audio and text. *2018 IEEE Spoken Language Technology Workshop (SLT)* (pp. 112–118). Athens. <https://doi.org/10.1109/SLT.2018.8639583>
- Cao, J. (2002). Hàn yǔ shēng diào yǔ yǔ diào de guān xì [The Relationship between Chinese Tone and Intonation]. *Zhōng guó yǔ wén [Chinese Language]*, 3, 195–202 (In Chinese).
- Gao, H., Su, G., & Chen, Sh. (2004). Qíng xù huà yǔ yīn tè zhēng fēn xī yǔ shí bié de yán jiū jìn zhǎn [Research progress on emotional speech feature analysis and recognition]. *Háng tiān yī xué yǔ yī xué gōng chéng [Aerospace Medicine and Medical Engineering]*, 19, 386–390 (In Chinese).
- Jiang, H. (2015). Yǔ sù duì yǔ jù nèi bù yīn gāo biàn huà de yǐng xiǎng [The Influence of Speech Speed on Pitch Changes within Sentences]. *Shǒu dū shī fàn dà xué xué bào: shè huì kē xué bǎn [Journal of Capital Pedagogical University. Series : Social Sciences]*, 3, 103–107. (In Chinese).
- Lin, M. (2004). Hàn yǔ yǔ diào yǔ shēng diào [Chinese Intonation and Tone]. *Yǔ yán wén zì yīng yòng [Language and Text Applied Studies]*, 3, 57–67. (In Chinese).
- Shen, J. (1994). Hàn yǔ yǔ diào gòu zào hé yǔ diào lèi xíng [Chinese intonation structure and intonation types]. *Fāng yán [Dialects]*, 3, 221–228 (In Chinese).

Макарова Елена Александровна✉, Рыжкова Татьяна Сергеевна
Иркутский национальный исследовательский технический университет
г. Иркутск, Российская Федерация
helenmak@yandex.ru

Этимология имён *среда* и *опыт* в английском и немецком языках (холистический подход)

Аннотация

Статья посвящена проблеме языкового осмысления абстрактной лексики в диахроническом аспекте. Опираясь на современные концепции экологической лингвистики, авторы исследуют категории «среда» и «опыт» в их взаимосвязи. Осуществляется холистический подход к анализу формирования системы «человек-язык-среда». Мы анализируем происхождение слов *среда* и *опыт* в сопоставлении в английском и немецком языках, рассматриваем понятийные компоненты, эксплицирующие причинно-следственные связи и отношения между человеком-Наблюдателем и окружающей его средой. Исходные толкования слов изучаются с использованием приёмов компонентного анализа и методов семантической интерпретации на материале словарных статей, представленных в этимологических и толковых словарях. Результаты показали, что понятие «среда» формировалось в направлении от объективного окружающего мира к миру, с которым индивид находится в постоянном взаимодействии и описывает его как опыт, благодаря своей способности к языку. Используя сопряжённую категорию «опыт» для рубрикации категории «среда», мы установили, что среда Наблюдателя осмысливается как деятельностная и событийная, контролируемая и неконтролируемая. Среда воспринимается Наблюдателем через контролируемые действия и случайную вовлечённость, вызванную реальным или потенциальным вредом, риском, а также через перцептивно-когнитивно-аффективные состояния – эмоции, чувства, эмпирическое знание и их модификации, описываемые в терминах научения, изучения, узнавания. Таким образом, холистический подход позволил эксплицировать смысловые аспекты абстрактного имени *опыт*, необходимые для понимания среды взаимодействий индивида.

Ключевые слова: система «человек-язык-среда», холистический подход, широкозначная категория, формирование абстрактных слов

© Макарова Е. А., Рыжкова Т. С. 2024

Для цитирования: Макарова Е. А., Рыжкова Т. С. Этимология имён *среда* и *опыт* в английском и немецком языках (холистический подход) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 98–107. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-98>

Elena A. Makarova✉, Tatyana S. Ryzhkova
Irkutsk National Research Technical University
Irkutsk, Russian Federation
helenmak@yandex.ru

Etymology of words *environment* and *experience* in English and German (Holistic approach)

Abstract

The paper considers the meaning development of abstract words in the diachronic aspect. Based on modern concepts of ecological linguistics, we study the categories “environment” and “experience” in their interrelationship. A holistic approach to the analysis of the “human-language-environment” system is adopted. We analyze the origin of the words *environment*, *experience* and *Umwelt*, *Erfahrung*, *Erlebnis* in comparison in

English and German to identify the conceptual components that explicate causal relationships between humans, as Observers and their environment. The original meanings of the words are studied using component analysis and methods of semantic interpretation of the dictionary entries presented in etymological and explanatory dictionaries. The results showed that understanding the environment evolved from an objective surrounding world to the world where the Observer is in continuous interactions that are verbalized as experience due to language ability. Using the related category “experience”, we found that the Observer perceives the surrounding environment through controlled actions and involvements caused by real or potential harm, risk, as well as through perceptual-cognitive-affective states: emotions, feelings, empirical knowledge and their modifications described in terms of learning, studying, recognizing. Thus, the holistic approach to the analysis revealed the semantic components of the abstract lexemes *experience*, *Erfahrung*, *Erlebnis* that are necessary for understanding the environment of the Observer’s interactions.

Keywords: “human-language-environment” system, holistic approach, eurysemic lexeme, abstract words formation

© Makarova E. A., Ryzhkova T. S. 2024

For citation: Makarova, E. A., Ryzhkova, T. S. (2024). Etimologiya imen *sreda* i *opyt* v angliyskom i nemetskom yazykakh (kholisticheskiy podkhod) [Etymology of words *environment* and *experience* in English and German (Holistic approach)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 98–107. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-98>

1. Введение [Introduction]

Обращение к историческому прошлому слова представляется чрезвычайно полезным, поскольку некоторые изначальные смыслы были сохранены в человеческой памяти и, проявляясь в современных контекстах и словоупотреблениях, отражают исходный «стержень» значения слова. Изменение значений слова, трансформация смыслов свидетельствуют о подведении под форму того же знака более сложного концептуального содержания и отражают эволюцию человеческого сознания и мировоззрения. Изучение происхождения абстрактных слов имеет важность поскольку «их выделение и опознание отражают, несомненно, степень познания мира, более высокую по сравнению с той, что отражает познание наблюдаемых в телесном опыте (*bodily experience*) сущностей / объектов» [Кубрякова, 2006, с. 6]. Очевидно, что этап познания мира, отражаемый в абстрактных именах, связан с выводными знаниями, умозаключениями о природе связей и отношений между фрагментами мира, с постижением причинно-следственных зависимостей и т. п.

Философски значимые категории, к числу которых относится «опыт», с античных времён являются объектом изучения, однако относятся к числу наименее ясных понятий [Горелов, Горелова, 2015]. Лингвистическое осмысление «среды» и «опыта» также сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, категории «среда» и «опыт» характеризуются особой широтой и абстрактностью, обладая весьма неопределённой сферой референции. Они охватывают широкий круг эмпирических факторов – восприятие, мышление, эмоции, моторную деятельность, социальные структуры, ситуации и т. п. Их лексическое значение характеризуется расплывчатостью и размытостью содержания [Макарова, 2013, 2020]. При этом изучение составляющих значения по отдельности не даёт представления о взаимосвязях и отношениях между ними. Во-вторых, их конкретное содержание уточняется в реальных словосочетаниях и контекстах, т. е. является личностно и ситуативно-обусловленным. В-третьих, в отличие от широкозначных единиц, которым свойственна высокая частотность в языке [Никитин, 2005], области и частота употребления слов *sreda* и *opyt* в обыденном понимании довольно ограничены.

Исследователи, рассматривающие язык с позиции его биологической и экологической сущности, постулируют, что анализ любого «факта» языка должен учитывать взаимосвязи и отношения между говорящим человеком, как Наблюдателем, и его физическим, социальным и культурным окружением, в ходе которых этот «факт» языка возникает [Clark, 1997; Кравченко, 2021]. Это мнение разделяют психологи, сторонники идеи воплощённого сознания. Они отмечают, что смысл и усвоение абстрактных слов связаны с сенсомоторной деятельностью индивида, его эмоциональным и языковым опытом, социально-культурным контекстом и ситуацией [Mazzuca et al., 2021; Borghi et al., 2022; Reggin et al., 2021]. Другими словами, в результате объединения эмоционального и языкового опыта индивида с его социокультурным контекстом в ситуации, осуществляемой сенсомоторной деятельностью, возникает значение. Исследовать появление слова, выявить элементы его первоначального значения, проследить этапы изменения лексической единицы становится возможным, прибегнув к этимологическим и толковым словарям. Их особая роль в изучении истории развития формы и содержания слова бесспорна, поскольку они документируют состояние лексики на определённом этапе истории языка с опорой на достижения своего времени [Крипак, 2022]. Цель настоящего исследования – ответить на вопрос о том, как формировалось представление о связях и отношениях между Наблюдателем и его перцептуальным пространством, которое было зафиксировано в словарных толкованиях имён *среда* и *опыт* в английском и немецком языках. Предлагается холистический подход к рассмотрению категорий «среда» и «опыт», их взаимосвязей в составе системы «человек-язык-среда», а также привлечение категории «опыт» к рубрикации категории «среда» в процессе дефиниционного анализа и семантической интерпретации вербализующих их лексем.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

Объектом данного исследования является абстрактная лексика, а именно английские существительные *environment* и *experience* и немецкие существительные *Umwelt*, *Erfahrung* и *Erlebnis*. В работе также рассматривается английский глагол *experience*, который в результате безаффиксальной транспозиции, с одной стороны, сохранил в семантической структуре значения мотивирующего его существительного, а с другой стороны, приобрёл новые значения, обусловленные его частеречной принадлежностью.

Источником материала послужили этимологические словари английского языка: Online Etymology dictionary (Etymonline), An Etymological Dictionary of the English Language (EDEL), The Concise Oxford Dictionary of English Etymology (CODEE); толковые словари современного английского языка: The American Heritage Dictionary of the English Language (AHD), Merriam-Webster's Online Dictionary (MWOD), Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby (OALDCE); цифровой словарь немецкого языка основанный, в частности, на словарях современного немецкого языка, этимологическом словаре немецкого языка Вольфганга Пфайфера, немецком словаре Якоба Гримма и Вильгельма Гримма: Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS); толковый словарь современного немецкого языка Duden „Deutsches Universalwörterbuch“ (Duden). Экспликация «исторического прошлого» осуществляется посредством этимологического и дефиниционного анализа слов. Общий объём проанализированного материала составил свыше 250 словарных дефиниций.

Для выявления сходств и различий в историческом развитии и семантических изменениях слов проводится их сопоставительный анализ в английском и немецком языках, принадлежащих одной языковой группе. Анализ формальной и семантической эволюции категорий «среда» и «опыт» осуществляется посредством холистического подхода. В выборе подхода мы исходили из современных исследований языка экологи-

ческой направленности, в которых человек, язык и среда изучаются как части целостного единства, системы [Суховерхов, 2014]. Среда не является пассивным окружением человека, но представляет собой активную часть системы «организм-среда», ведущую к определённым поведенческим результатам [Järvillehto, 2009]. Она формирует человека как индивида, познающего мир и себя в этом мире. С другой стороны, характер и вид происходящих внутри среды изменений в целом зависит от когнитивных способностей индивидов, осуществляющих языковую деятельность в социуме [Kravchenko, 2016]. По мнению сторонников распределённого познания, язык возникает в результате объединения нейронных и телесных ресурсов (мотиваций, предвосхищений и аффективных состояний), а также ресурсов окружающей среды в реальном времени. Язык – это не синхронная «система», а способ организации, функционирующий путём связывания людей друг с другом, с внешними ресурсами и культурными традициями [Cowley, 2019; Steffensen, Cowley, 2021]. В свете такого подхода человеческий опыт предстаёт как система отношений между человеком-Наблюдателем и его объективированным в языке окружением, в ходе которых генерируется новое знание [Макарова, 2013]. Благодаря языковой способности чувственно воспринимаемая Наблюдателем окружающая среда осмысливается как активная и динамичная, воздействующая и вовлекающая, модифицирующая внутренние состояния, ориентирующая на выбор объектов, взаимодействие с которыми способствует адаптации к ней. Будучи осмысленной и вербализованной, среда становится частью опыта, который, в свою очередь, формирует лингвосоциокультурное окружение человека. Эта система с круговой организацией постоянно изменяется. Исследование среды в контексте её неразрывной связи с опытом Наблюдателя необходимо для более глубокого понимания среды, в которой протекает жизненный процесс индивида.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

В ходе этимологического анализа выявлено, что существительное *environment* было зафиксировано в ранненовоанглийском языке в XVI в. [Etymonline]. Оно произошло от среднеанглийского глагола XIV в. *environ*, заимствованного из старофранцузского языка (форма *environer*) в значении «to surround, encircle, encompass / захватить, окружить, охватить» [CODEE]. Из толкования ключевого слова *surround* «to be all around someone or something on every side» [AHD] следует, что *environ* обозначает состояние, которое дословно можно охарактеризовать как «быть всем и всюду». Окружение, выраженное словом *all*, представлено недискретно и обозначает всё сущее как единство. Форма старофранцузского глагола образована от наречия *environ* – «round about / вокруг, со всех сторон» путём сложения префикса *en-* латинского происхождения («in / в, внутри»), и существительного *viron* – «a circle, circuit / круг, окружность». Существительное *viron* произошло от старофранцузского глагола *virer*, зафиксированного в XII в. в значении «to turn», где *turn* – «to cause to move around an axis or a center / привести к движению вокруг оси или центра» [MWOD]. Данный семантический признак во внутренней форме слова указывает на то, что окружающее сущее мыслилось как подвижное, динамичное. Суффикс *-ment* латинского происхождения путём добавления к глаголу *environ* подчеркнул значение: «результат / продукт действия окружать, охватывать». К XVI в. *environment* приобрело следующие значения: «1. state of being environed / быть окружённым 2. the aggregate of the conditions in which a person or thing lives / совокупность условий, в которых живёт человек», где *aggregate* – «number of persons, things, etc., regarded as a unit / количество людей, вещей и т. п., рассматриваемых как целое» [Etymonline]. Фокус внимания при концептуализации среды сместился с недискретного единства на то, что окружается, находится внутри него. Сдвиг фокуса внимания при концептуализации реальной ситуации обусловлен когнитивной метонимией, под которой, вслед за

Е. В. Падучевой, мы понимаем изменение соотношения между фигурой и фоном, частью и целым [Падучева, 2004]. Толкования слова *environment* позволяют заключить, что среда как единство состоит из людей, вещей и т. п., среди которых осуществляется жизнедеятельность. В современных толкованиях *environment* / среда представляет собой активный фрагмент перцептуального поля Наблюдателя, включая в себя социальные и культурные факторы, влияющие на развитие личности. Ср.: *environment* – «the conditions that affect the behavior and development of sb/mth. as work conditions, home situation etc.» [OALDCE]; «the social and cultural forces that shape the life of a person or the population» [AHD].

В немецком языке существительное *Umwelt* этимологически восходит к существительному *Welt* / мир, которое впервые было зафиксировано в VIII в. в древневерхне-немецком *weralt* в значении «Erde, Universum, gesamte Realität / земля, вселенная, вся реальность», и выражает недискретный, объективный, несвязанный с индивидом мир. Начиная с XII в. в средневерхне-немецком семантический объём слова *weralt* значительно увеличивается, ср.: «Zeitalter, die gesamte Schöpfung, Erde als Wohnsitz der Menschen und als Gegensatz zum Meer, Menschheit / эпоха, всё творение, земля как обитель людей и как противоположность морю, человечество». Происходит рубрикация реальности с выделением в ней объектов и субъектов. В XIV в. естественнонаучный подход разделяет существительное *Welt* на две области актуализации значений: «Makrokosmos, Universum / макрокосмос, Вселенная» и «Mikrokosmos, die kleine Welt des Menschen / микрокосмос, маленький мир человека» [DWDS], эксплицируя взаимосвязь между познающим и познаваемой средой. Существительное *Umwelt* впервые встречается в начале XIX в. в стихотворении датчанина Баггесена (1800 г.), далее у Гёте (1816 г.) в значении «Umgebung des Menschen (Land, Leute) / окружающая среда человека (страна, люди)» [DWDS]. В фокус внимания выносятся воздействие, влияние среды на человека ср.: *Umwelt* – «die für ein Lebewesen existierende und auf seine Lebensbedingungen einwirkende Umgebung / окружающая среда, существующая для живого существа и влияющая на его условия жизни» [Uexküll, 1909]; «auf ein Lebewesen einwirkende, seine Lebensbedingungen beeinflussende Umgebung / окружающая среда, воздействующая на живое существо» [Duden]. Я. фон Икскуль, изучавший единство организма и среды, закрепил за словом *Umwelt* значение «субъективный мир организма, значимая среда, которую образуют две сферы, – перцептуальный мир и операциональный мир» [Uexküll, 1909]. Проанализировав исходные толкования и формы слов *environment* и *Umwelt*, мы установили, что среда как реальность распознаётся человеком через его отношения с непосредственным окружением, восприятие реальности, активную деятельность. Соответственно, дальнейшая рубрикация категории «среда» видится в обращении к категории «опыт». Мы проанализировали этимологию слов *experience*, *Erfahrung*, *Erlebnis*, вербализующих опыт как отношения между индивидом и его субъективной реальностью.

Существительное *experience* впервые было зафиксировано в среднеанглийском языке примерно в то же время, что и глагол *environ* в XIV в. в форме *experience* [CODEE]. Предполагается, что оно было заимствовано из старофранцузского языка, форма которого *expérence* восходит к латинскому *experientia* – «act of trying / попытка» [CODEE]. Латинская именная форма образована от глагольной формы Present Participle *experient-*, *experiens* глагола *experiri* – «to try thoroughly / хорошо стараться» [EDEL], где *try* – «make an attempt; aim at / осуществлять попытку; нацелиться» [OALDCE]. Из толкований следует, что *experientia* обозначает «намеренное, целенаправленное действие, которое человек осуществляет, прилагая усилия». Форма глагола *experiri* образована прибавлением префикса *ex-* «out of» / из, извне» к форме глагола * *periri* – «to go through / пройти через; пережить» [EDEL]. Толкования ключевого словосочетания *go through* – «take part in; undergo; suffer» [OALDCE] характеризуют взаимодействие человека с воздействующим на него объектом как осознанные, намерен-

ные «take part in / принимать участие», так и как вынужденные, под воздействием чего-либо «to suffer / страдать, терпеть»; «to undergo» является нейтральным в отношении характеристики взаимодействий со средой. Следовательно, во внутренней форме глагола *experiri* и произошедшего от него существительного *experientia*, содержится указание как на целенаправленные, так и на незапланированные взаимодействия человека с объектами среды. В XIV в. слово *experience* приобрело значение «1. observation of facts / наблюдение фактов 2. condition or event by which one is affected / воздействующее положение дел или событие» [CODEE].

Перцептивные взаимодействия со средой, равно как и событие, невозможно охарактеризовать как полностью контролируемые или неконтролируемые. Вслед за Н. Д. Арутюновой событие мы понимаем в узком смысле как член ряда онтологических сущностей типа «процесс», «ситуация», «состояние», «действие». События характеризуются спонтанностью и независимостью от воли человека, имеют место в реальном пространстве и затрагивают личную сферу человека [Арутюнова, 1999]. В XV в. фиксируются значения «1. knowledge resulting from observation / знание как результат наблюдения 2. state of having been occupied in some way / состояние занятости» [CODEE]. Они возникли в ходе семантического развития по «результативной» линии, что обусловлено причинно-следственной смежностью компонентов такого сложного понятия, как «опыт». Благодаря языковой способности человек осмысливает и наделяет значением физические и культурные объекты среды, данные в его восприятии в ситуации «здесь и сейчас». Как Наблюдатель, он переходит от прямого созерцания окружающего его мира к осмыслению внутреннего наблюдаемого мира. Он представлен физиологическими, аффективными, рефлексивно-ментальными, интеллектуальными состояниями Наблюдателя [Верхотурова, 2008, с. 170]. Глагол *experience* произошёл от существительного *experiment* – «test, trial; action undertaken to discover or test something / тест, испытание; действия, предпринятые для обнаружения или испытания чего-либо» [CODEE], впервые зафиксированного в английском языке в XIV в. Форма существительного возникла от латинской приставки *ex-* «out of / из, извне», французского существительного латинского происхождения – *péril* от латинского *perīc(u)lum* – «1. an attempt / усилие 2. risk / риск 3. danger / опасность» [CODEE] и французского суффикса *-ent* «with / с». Приведённые данные могут быть обобщены в виде значений: «исходя из сопровождавших усилий», «исходя из сопровождавшего риска», «исходя из сопровождавшей опасности». Во внутренней форме *experiment* имплицировано указание на причину деятельности, которую оно обозначает, а именно целенаправленные усилия, риск или опасность. Под целенаправленными усилиями понимаются физические или ментальные состояния, инициирующие действие: *attempt* – «effort» – «the use of physical or mental energy to do something» [AHD]; под риском – потенциально или реально опасное внешнее положение дел или вызванное им тревожное внутреннее состояние, ср.: *risk* – «1. possibility of meeting danger or injury, suffering, loss etc. 2. an instance of this» [OALDCE]. Опасность мыслится как нечто нежелательное, воздействующее извне: *danger* – «1. exposure or vulnerability to harm or risk; 2. a source or an instance of risk or peril» [AHD]. В толкованиях глагола прослеживаются именные компоненты значения, а именно «осмысленное, намеренное взаимодействие человека с миром с познавательной целью» и «вынужденная внешними обстоятельствами вовлечённость». Значение глагола в XV в. – «to ascertain, test; make an experiment / проверить, протестировать; провести эксперимент» [CODEE], где *ascertain* – «find out, discover / обнаружить, открыть» [OALDCE]. Он выражал «познавательную деятельность», результат которой не всегда был известен заранее, о чём свидетельствуют толкования ключевых лексем: *find out* – «get something for the first time / обнаружить в первый раз» [OALDCE]; *discover* – «get knowledge of something that existed before but which was unknown / узнать о том, что существовало, но

было неизвестно». В процессе семантического развития первоначальное значение «познавательная деятельность с непредсказуемым результатом» было редуцировано с компенсацией по результативной линии в виде значений: «to go through something that happens to someone, and from which one may learn something / переживать происходящее, из которого можно что-то узнать»; «to learn by experience / узнать из опыта»; «to feel / чувствовать».

В отличие от английского языка, где «деятельностный» и «событийный» аспекты опыта закреплены за одним словом *experience*, в немецком языке они выражаются двумя словами – *Erfahrung* и *Erlebnis*. Существительное *Erfahrung* своими корнями восходит к древневерхненемецкому приставочному глаголу *irfaran*, впервые зафиксированному в письменных источниках около 800 г. [DWDS]. Данный глагол означал передвижение человека, обусловленное активностью его сознания и определённой интенцией, инициирующей совершение действия, ср.: «reisen, durchfahren, erreichen, einholen / путешествовать, проезжать, добираться, догонять» [DWDS]. Уже в поздний период древневерхненемецкого языка у глагола *irfaran* развиваются новые значения «kennenlernen, erforschen, erkunden / узнавать, исследовать, изучать» [DWDS]. Очевидно, что когнитивный механизм метонимии обусловил замещение семантического признака «передвигаться» на семантический признак «получать опытное знание». Передвижение в физическом пространстве было спроецировано в когнитивное пространство, то есть переосмыслено Наблюдателем в преодолении жизненного отрезка с приобретением и последующим накоплением опыта в процессе взаимодействия человека с окружающей его средой.

Существительное *Erfahrung* впервые фиксируется в XII–XIII вв. *ervarunge* с двумя основными семантическими составляющими «Durchwanderung / странствование» и «Erforschung / исследование» [Duden]. На современном этапе развития языка лексема *Erfahrung*, полностью утратив семантический признак передвижения в физическом пространстве, означает опыт как знания, полученные во время практического освоения действительности, ср.: «bei praktischer Arbeit gewonnene Kenntnis» [Duden]. Следуя теории Я. Иксюля, такого рода опыт осмысливается как активные взаимодействия между организмом и его непосредственным окружением в операциональной сфере субъективного мира организма [Uexküll, 1909]. Существительное *Erlebnis* впервые фиксируется в языке в первой половине XIX в. и является отражением другого аспекта опыта, получаемого в процессе внутренних переживаний на основе чувственного восприятия событий, ср.: «miterlebtes Geschehnis, Ereignis von nachhaltiger Wirkung / пережитое событие, событие с устойчивым воздействием» [DWDS]. Отметим, что *Erlebnis* восходит к приставочному глаголу *erleben* / пережить, который в свою очередь происходит от глагола *leben* / жить. Глагол *leben* впервые упоминается в VIII в. в значении *lebēn* – «leben, wohnen, überleben / жить, выживать», этимологически связан с готским глаголом *liban*, который означал «жить, оставаться, упорствовать». Глагол впервые фиксируется в языке в XV в. и означает «bis zu einer bestimmten Zeit leben, etw. erfahren, von etw. betroffen werden / жить до определённого времени, что-то переживать, быть тронутым». Такого рода «молчаливый» опыт, вынужденное взаимодействие, возникающее посредством созерцания, ощущения и восприятия, Я. Иксюль относит к перцептуальной сфере субъективного мира организма [Uexküll, 1909].

3. Заключение [Conclusion]

Итак, проведённый анализ происхождения слов *среда* и *опыт*, их семантических изменений на разных исторических этапах в сопоставлении двух языков позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в английском и немецком языках формирование значений слова *среда* обусловлено механизмом когнитивной метонимии. На разных этапах истории языка в словарях фиксировался сдвиг фокуса внимания при концептуализации ре-

альной ситуации с недискретного единства, вселенной, с последующей рубрикацией реальности с выделением в ней объектов и субъектов, на факторы, оказывающие непосредственное воздействие на развитие личности человека-Наблюдателя. Во-вторых, становление формы и значений слов осуществлялось в разные периоды в английском и немецком языках. Главным образом оно было обусловлено в немецком языке влиянием естественнонаучного подхода, в английском языке – заимствованиями из латинского и французского языков. В-третьих, привлечение к анализу категории «опыт», вербализующей отношения человека-Наблюдателя с его непосредственным окружением, позволило эксплицировать как в английском, так и в немецком языках, ключевые признаки субъективной реальности: деятельностная (практическая, контролируемая) и событийная (вынужденная вовлечённость, неконтролируемая). В отличие от английского языка, где эти аспекты закреплены за одним словом, в немецком языке они выражаются двумя словами. Исходными формами именных категорий в обоих языках были глаголы и / или глагольные формы. Когнитивная метонимия обусловила также семантическое развитие лексем *experience*, *Erfahrung* и *Erlebnis*. Перенос фокуса внимания осуществлялся с внешних воздействующих факторов среды на внутренние ощущения и состояния Наблюдателя. Было установлено, что частью субъективной реальности являются физические и ментальные состояния, описываемые в терминах знаний и чувств; модификации состояний, характеризующиеся как узнавание, изучение, научение. Результаты исследования вносят вклад не только в изучение проблем языкового осмысления абстрактных слов, анализа их формальной и семантической эволюции, но и затрагивают одну из важнейших проблем в лингвистике – роль языка в познании мира.

Словари

- Etymonline. Online Etymology dictionary. URL : <https://www.etymonline.com/>
 The American Heritage Dictionary of the English Language (AHD). 4th edn. Boston, 2000. 2074 p.
 Merriam-Webster's Online Dictionary (MWOD). URL : <https://www.merriam-webster.com/>
 Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby (OALDCE). Oxford, 1987. 1041 p.
 Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). URL : <https://www.dwds.de/>
 Duden „Deutsches Universalwörterbuch“ (Duden). Mannheim : Bibliographisches Institut, 1983. 1504 p.
 The Concise Oxford Dictionary of English Etymology (CODEE). Oxford, 2003. 552 p.
 An Etymological Dictionary of the English Language (EDEL). Oxford, 1910. 780 p.

Библиографический список

- Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
 Верхотурова, 2008 – Верхотурова Т. Л. Фактор Наблюдателя в языке науки. Иркутск : ИГЛУ, 2008. 289 с.
 Горелов, Горелова, 2015 – Горелов А. А., Горелова Т. А. Опыт как эволюционный процесс // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 18–28.
 Кравченко, 2021 – Кравченко А. В. Открывая язык заново: От нереалистичной лингвистики к реальной науке о языке. От структурализма и когнитивизма – к экологическому реализму. (Новая повестка дня в языкознании). М. : НЕНАНД, 2021. 432 с.
 Крипак, 2022 – Крипак А. В. Исторические словари английского языка, как средство для изучения истории языка // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 2 (30). С. 1–6. <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.17>
 Кубрякова, 2006 – Кубрякова Е. С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 5–14.

- Макарова, 2013 – Макарова Е. А. Лингвистические аспекты взаимосвязи категорий ОПЫТ и ЗНАНИЕ // *Studia linguistica cognitiva. Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях*. Вып. 3 / отв. ред. А. В. Кравченко. М. : Флинта : Наука, 2013. С. 115–130.
- Макарова, 2020 – Макарова Е. А. Понятие «среда» в биокогнитивной концепции языка (лингвофилософский анализ) // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2020. № 4. С. 116–125.
- Матурана, Варела 2001 – Матурана У., Варела Ф. *Древо познания*. М. : Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
- Никитин, 2005 – Никитин М. В. Полисемия на пределе (широкозначность) // *Концептуальное пространство языка* / отв. ред. Н. Л. Потанина, А. Л. Шарандин. Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 101–111.
- Падучева, 2004 – Падучева Е. В. Метафора и ее родственники // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура* : сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой / отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2004. С. 187–209.
- Суховерхов, 2014 – Суховерхов А. В. Современные тенденции в развитии эколлингвистики // *Язык и культура*. 2014. № 3 (27). С. 166–175.
- Borghi et al., 2022 – Borghi A., Shaki S., Fischer M. Abstract concepts: External influences, internal constraints, and methodological issues // *Psychological Research*. 2022. Vol. 86. P. 2370–2388. <https://doi.org/10.1007/s00426-022-01698-4>
- Clark, 1997 – Clark A. *Being there: Putting brain, body, and world together again*. Cambridge, MA. : The MIT Press, 1997. 269 p.
- Cowley, 2019 – Cowley S. J. The return of languaging: Toward a new ecolinguistics // *Chinese Semiotic Studies*. 2019. Vol. 15, Iss. 4. P. 483–512. <https://doi.org/10.1515/css-2019-0027>
- Järvilehto, 2009 – Järvilehto T. The theory of the organism-environment system as a basis of experimental work in psychology // *Ecological Psychology*. 2009. Vol. 21, Iss. 2. P. 112–120. <https://doi.org/10.1080/10407410902877066>
- Kravchenko, 2016 – Kravchenko A. V. Two views on language ecology and ecolinguistics // *Language Sciences*. 2016. Vol. 54. P. 102–113. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2015.12.002>
- Maturana, 1988 – Maturana H. R. *Ontology of observing. The biological foundations of self consciousness and the physical domain of existence* // *Texts in Cybernetics*. American Society for Cybernetics conference. Felton, CA, 1988. P. 1–28.
- Mazzuca et al., 2021 – From affordances to abstract words: The flexibility of sensorimotor grounding / C. Mazzuca, Ch. Fini, A.-H. Michalland, I. Falcinelli, F. Rold, L. Tummolini, A. Borghi // *Brain Sciences*. 2021. N 11 (10), 1304. <https://doi.org/10.3390/brainsci11101304>
- Reggin et al., 2021 – Reggin L., Muraki E., Pexman P. Development of abstract word knowledge // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. P. 1–11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.686478>
- Steffensen, Cowley, 2021 – Steffensen S. V., Cowley S. J. Thinking on behalf of the world: Radical embodied ecolinguistics // *The Routledge handbook of cognitive linguistics* / Ed. by X. Wen, J. R. Taylor. Routledge, 2021. P. 723–736. <https://doi.org/10.4324/9781351034708-47>
- Uexküll, 1909 – Uexküll J. *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin : Springer, 1909. 259 p.

References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka [Language and the world of a human]*. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Verkhoturva, T. L. (2008). *Faktor nablyudatelya v yazyke nauki [The Observer factor in the language of science]*. Irkutsk : ISLU Press. (In Russ.).
- Gorelov, A. A., & Gorelova, N. A. (2015). Opyt kak evolyutsionnyy protsess [Experience as an evolutionary process]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*, 1, 18–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.1.2>
- Kravchenko, A. V. (2021). *Otkryvaya yazyk zanovo: Ot nerealistichnoy lingvistiki k real'noy nauke o yazyke. Ot strukturalizma i kognitivizma – k ekologicheskomu realizmu. (Novaya povestka dnya v*

- yazykoznanii) [*Rediscovering the language: From structuralism and cognitivism to ecological realism (New agenda in linguistics)*]. Moscow : LENAND Press. (In Russ.).
- Kripak, A. V. (2022). Istoricheskie slovari angliyskogo yazyka, kak sredstvo dlya izucheniya istorii yazyka [Historical dictionaries of the English language as a means to learn the language history]. *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (30). (In Russ.). <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.17>
- Kubryakova, E. S. (2006). V genezise yazyka, ili razmyshleniya ob abstraktnykh imenakh [In genesis of language, or reflection on nomina abstracta]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 3 (009), 5–14. (In Russ.).
- Makarova, E. A. (2013). Lingvisticheskie aspekty vzaimosvyazi kategoriy OPYT i ZNANIE [Linguistic aspects of the relationship between the categories of EXPERIENCE and KNOWLEDGE]. In A. V. Kravchenko (Ed.), *Studia linguistica cognitiva* (Vol 3, pp. 115–130). Moscow : Flinta Press ; Nauka Press. (In Russ.).
- Makarova, E. A. (2020). Ponyatie «sreda» v biokognitivnoy kontseptsii yazyka (lingvofilosofskiy analiz) [Views on environment in biocognitive studies of language (Linguo-philosophical analysis)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics]*, 4, 116–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-4-116-125>
- Maturana, H. R., & Varela, F. J. (2001). *Drevo poznaniya [The tree of knowledge]*. Moscow : Progress-Traditsiya Press. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2004). Metafora i ee rodstvenniki [Metaphors and the like]. In Yu. D. Apresyan (Ed.), *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura [Concealed meanings: Word. Text. Culture]* (pp. 187–209). Moscow : Yaziky slavyanskoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Sukhoverkhov, A. V. (2014). Sovremennye tendentsii v razvitii ekolingvistiki [Current trends and developments in ecolinguistics]. *Yazyk i kul'tura [Language and Culture]*, 3 (27), 166–175. (In Russ.).
- Borghi, A., Shaki, S., & Fischer, M. (2022). Abstract concepts: external influences, internal constraints, and methodological issues. *Psychological Research*, 86, 2370–2388. <https://doi.org/10.1007/s00426-022-01698-4>
- Clark, A. (1997). *Being there: Putting brain, body, and world together again*. Cambridge, MA : The MIT Press.
- Cowley, S. J. (2019). The Return of Languaging. *Chinese Semiotic Studies*, 1, 483–512. <https://doi.org/10.1515/css-2019-0027>
- Järvilehto, T. (2009). The theory of the organism-environment system as a basis of experimental work in psychology. *Ecological Psychology*, 21, 112–120. <https://doi.org/10.1080/10407410902877066>
- Kravchenko, A. V. (2016). Two views on language ecology and ecolinguistics. *Language Sciences*, 54, 102–113. <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2015.12.002>
- Maturana, H. R. (1988). Ontology of observing. The biological foundations of self consciousness and the physical domain of existence. *Texts in Cybernetics*, 1–28.
- Mazzuca, C., Fini, Ch., Michalland, A.-H., Falcinelli, I., Rold, F., Tummolini, L., & Borghi, A. (2021). From Affordances to Abstract Words: The Flexibility of Sensorimotor Grounding. *Brain Sciences*, 11 (10), 1304. <https://doi.org/10.3390/brainsci11101304>
- Reggin, L., Muraki, E., & Pexman, P. (2021). Development of Abstract Word Knowledge. *Frontiers in Psychology*, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.686478>
- Steffens, S. V., & Cowley, S. J. (2021). Thinking on Behalf of the World: Radical Embodied Ecolinguistics. In F. X. Wen, J. R. Taylor (Eds.). *The Routledge Handbook of Cognitive Linguistics* (pp. 723–736). <https://doi.org/10.4324/9781351034708>
- Uexküll, J. (1909). *Umwelt und Innenwelt der Tiere*. Berlin : Springer.

Маремукова Эллеонора Владимировна
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Российская Федерация
elleonora16@mail.ru

Лингвистическая объективация возраста в этнокультурном преломлении (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)

Аннотация

Статья ставит целью выявление особенностей лингвистической манифестации концепта ВОЗРАСТ в разноструктурных кабардино-черкесском, русском и английском языках. Материалом для исследования послужили лексические единицы и поговорки, найденные методом сплошной выборки в различных лексикографических и литературных источниках. Материал был обработан с использованием методов лингвокультурного, компонентного и контекстуального анализа, а также сравнения, обобщения и интерпретации. В результате выявлено, что, во-первых, в кабардино-черкесской и русской лингвокультурах ключевыми значениями лексем *ныбжь* / *возраст* являются количество прожитых лет и период жизни, а английского *age* – указание на старение. При этом ряд выражений транслируют положительное отношение, указывая на мудрость, совершенствование, готовность к принятию решений и ответственности. В манифестации английского варианта концепта проявляется индивидуализм. В русском языке лексема *возраст* имеет положительную культурно-стереотипную коннотацию увеличения (возрастания), достойного уважения. Вместе с тем присутствует значение немощи. Во-вторых, большинство кабардино-черкесских и русских поговорок вербализуют необходимость или желательность гармонизации отношений старости и молодости, соединения сильных черт обоих возрастов и двустороннюю компенсацию недостатков одних за счёт достоинств других. В английских поговорках вербализован конфликт старого и молодого. В-третьих, кабардино-черкесская лингвокультура проявляет безусловное почитание старших в соответствии с кодексом чести «Адыгэ хабзэ», русская – сдержанность и искреннее внимание к представителям старшего поколения, а английская – сравнительно большую обеспокоенность потерей визуальной привлекательности.

Ключевые слова: лингвокультура, концепт, вербализация, лексема, поговорка, ключевое значение, коннотация

© Маремукова Э. В. 2024

Для цитирования: Маремукова Э. В. Лингвистическая объективация возраста в этнокультурном преломлении (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 108–117. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-108>

Elleonora V. Maremukova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
Nalchik, Russian Federation
elleonora16@mail.ru

Linguistic objectification of age in ethnocultural refraction (Based on Kabardian-Circassian, Russian and English)

Abstract

The article aims at comparing language manifestation patterns of the concept AGE in three languages of different sub-families: Kabardian-Circassian, Russian and English. The material for the study comprised lexical units and

paroemiae selected by continuous sampling from dictionaries and literature. The material was processed using linguocultural, component and contextual analysis, comparison, generalization and interpretation. As a result, it was found that, first, the key meaning of the terms *nybzh'* / *vozrast* 'age' in Kabardian-Circassian and Russian linguocultures are the number of years from birth and a life period while in English the term age points to aging. Certain expressions containing the corresponding lexemes are positively directed pointing to wisdom, improvement, readiness for decision making and taking responsibility. Manifestations of the English variant of the concept are marked by individualism. The Russian term *vozrast* is culturally marked as a positive stereotype with the meanings of increasing and deserving respect. However, the meaning of weakness is also present. Second, Kabardian-Circassian and Russian paroemiae verbalize the necessity or desire to harmonize the relations between the old and the young, benefiting from the advantages of both ages and making a two-way street to compensate for the disadvantages. However, English paroemiae verbalize a conflict between the old and the young. Third, Kabardian-Circassian linguoculture displayed total respect to the elderly according to the Code of Honor “*Adyge khabze*”, Russian linguoculture displayed tolerance and sincere concern about the elderly, English linguoculture showed more worries about the loss of visual attractiveness as a consequence of aging.

Keywords: linguoculture, concept, verbalization, lexeme, paroemia, key meaning, connotation

© Maremukova E. V. 2024

For citation: Maremukova, E. V. (2024). Lingvisticheskaya ob'ektivatsiya vozrasta v etnokul'turnom prelomlenii (na materiale kabardino-cherkesskogo, russkogo i angliyskogo yazykov) [Linguistic objectification of age in ethnocultural refraction (Based on Kabardian-Circassian, Russian and English)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 108–117. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-108>

1. Введение [Introduction]

Взаимосвязь языка и культуры становится объектом изучения многих исследовательских работ последних десятилетий, результаты которых раскрывают различные стороны уникальной для каждой культуры картины мира. Как известно, язык как культурный код нации выступает предметом изучения лингвокультурологии, что сопряжено с определением взаимосвязи языка и культуры, выявлением особенностей концептуализации и категоризации окружающей действительности представителями различных культур [Телия 1993 ; Арутюнова, 1999 ; Тер-Минасова, 2000 ; Вежицкая, 2003 ; Карасик, 2005 ; Маслова, 2007 ; Степанов, 2007 и др.].

Концепт считается базисной единицей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В. И. Карасик определяет концепт как многомерное ментальное образование, имеющее образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны [Карасик, 2005, с. 29]. Концептосфера, состоящая из отдельных концептов, связана с языковой картиной мира. Языковая картина мира, в свою очередь, представляет собой способ концептуализации действительности языковыми средствами. Универсальность языковой картины мира обусловлена едиными объективными процессами мозговой деятельности человека.

Согласно Н. Ф. Алефиренко, специфическая форма языкового сознания, являющаяся выражением значения языкового знака и его семиотической природы, фиксирует культурно-исторический опыт народа. При этом язык – это не внешний атрибут, а объективированное сознание, обладающее способностью к «опережающему отражению закономерно ожидаемых изменений в окружающем мире» [Алефиренко, 2010]. Взаимовлияние языка и этнокультуры, взаимообусловленность языка и мышления определяют этническую детерминированность языкового сознания. Язык становится транслятором этнической культуры, формируя этноязыковое сознание.

Сопоставительный анализ языкового материала разноструктурных языков выявляет специфику работы национального мышления при объективации окружающего ми-

ра, проецирующего не только уникальный культурный опыт отдельного народа, но и общечеловеческий. Целью данного исследования было выявление особенностей лингвистической манифестации фрагмента окружающей действительности – концепта ВОЗРАСТ – в разноструктурных кабардино-черкесском, русском и английском языках.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Материалом для исследования послужили как данные разговорной речи, полученные посредством общения в среде носителей разноструктурных кабардино-черкесского, русского и английского языков, так и лексические единицы и устойчивые обороты (паремии), найденные методом сплошной выборки в различных лексикографических и литературных источниках (толковых словарях, сборниках пословиц и поговорок, произведениях писателей и поэтов). Материал насчитывает более 300 контекстов, вербально репрезентирующих этнокультурные представления о возрасте в трёх неблизкородственных кабардино-черкесском, русском и английском языках (более 100 контекстов для каждого языка).

Анализ лингвистического материала произведён с применением методов лингвокультурного, компонентного и контекстуального анализа, сравнения, обобщения и интерпретации, с помощью которых изучена работа национального мышления в языковой объективации деталей окружающей действительности в трёх изучаемых разноструктурных языках. Перевод материала кабардино-черкесского и английского языков на русский язык выполнен автором настоящего исследования.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Кабардино-черкесская лингвокультура понятие *возраст* выражает словом *ныбжь*, имеющим четыре значения: 1) возраст (*кызыэралъхурэ зэрыхъу зманыр, илъэс бжыгъэр – 'время* или *количество лет* с момента рождения'); 2) жизнь, век (*гъащлэм къиубыд зман – 'период* существования кого-либо'); 3) сверстник, ровесник (*къагъэщла зманкIэ зэхуэдиз, зэтехуэ – 'равный/ая по количеству* прожитого *времени* (лет)); 4) тень (*нэхум зэрыпэщлэтым къыхэкIу пкъыгъуэм идз жъауэ, кIыфIыгъэ – 'темнота*, формируемая объектом, находящимся перед светом) [Словарь кабардино-черкесского языка, 2023].

Слово *ныбжь* в кабардино-черкесской лингвокультуре этимологически восходит к *ны* (*нэрыбгэ – 'человек* в значении единицы счёта людей' (менее употребительное по сравнению с *цIыху* 'человек') + *б* как показатель эргативного падежа (*а-бы* от *а-р* – он/она/оно в эргативном падеже) + *жь* (*жьы* 'старый', которое также используется в значениях 'рано', 'ветер', 'воздух') [Апажэ, КIуэкIуэ, 2008].

1. Возраст: *Абы и ныбжьыр илъэс пщыкIутху мэхур – 'Ему пятнадцать лет* (букв. Его *возраст* составляет (есть) пятнадцать лет), *И ныбжь ирикъуакъым абы анхуэдэ Iуэху зэрихуэну – 'Он не достиг того возраста* (определённой зрелости, в том числе и совершеннолетия), чтобы заниматься подобными делами' (при этом пожелание *Уи ныбжь ирикъуну сынохъуэхъу!* имеет значение 'Желаю долгих *лет* жизни!').

2. Жизнь, век (*период* существования кого-либо): *Абы и ныбжьым куэд илъэгъуащ – 'Он повидал многое на своём веку'*.

3. Сверстник, ровесник: *Мы тIур зэныбжьыц – 'Эти двое ровесники* (одного возраста)'.

4. Тень, силуэт: *Си ныбжьыр гъуэгум тредзэ – 'Моя тень* падает на дорогу'.

В русской лингвокультуре понятие *возраст* включает два значения: 1) период, ступень в развитии, росте кого-нибудь или чего-нибудь; 2) количество прожитого времени, лет [Толковый словарь русского языка, 2023]. В русском языке слово *возраст* имеет

культурно-стереотипную коннотацию **возрастания** (увеличения) количества времени (положительная семантика): *возрос* ('достиг определённого (желаемого) **уровня**'); растёт ('увеличивается в **размерах**'); вырос в моих глазах ('совершил поступок, который вызвал моё **уважение**'); вырос на моих глазах ('я видел/а (наблюдал/а) его/её **взросление**' ('период с детства до совершеннолетия')); совершеннолетние – 'достигшие совершенно (точного, необходимого) возраста, с которого человек официально считается взрослым'); **возрастные люди** – 'старые люди (включая людей пожилых, преклонного возраста, ранней и поздней старости, старческого возраста, долгожителей)'.

С учётом этнокультурной специфики английского языка существительное *age* имеет четыре значения: 1) возраст ('количество **лет**, в течение которых кто-либо прожил или что-либо просуществовало'): What is his age? – 'Каков его возраст?'; Act your age! – 'Веди себя по возрасту!' (Не веди себя по-детски, не капризничай, будь рациональным); 2) период истории (**эпоха**): The Victorian age 'Викторианская эпоха'; 3) качество **старости**: Her personality hasn't change with age! – 'Её характер с возрастом не изменился!'; 4) во множественном числе *ages* в разговорной речи обозначает очень **долгое время**: I waited for **ages** – 'Я ждал целую **вечность**' или *It's been ages since I've seen you* – 'Прошло **много лет** с тех пор, как я видел/а тебя' [Cambridge Dictionary, 2023].

В английском языке для обозначения возраста какого-либо лица или периода существования от возникновения до настоящего времени используется выражение «числительное + *years old*», коннотацией которого является указание на старение, часто ассоциируемое с достижением определённого возраста, связанного с обретением мудрости, совершенствованием с течением времени (независимо от количества лет, месяцев или дней). К примеру, *The baby is three days old* – 'Ребёнку три дня' (букв. 'Ребёнок три дня **стар**'). Другими словами, *старение – возраст* в значении не численного показателя (независимо от числа) продолжительности существования на определённом этапе развития, а именно достижения определённой зрелости и обретения со временем необходимых характеристик выступает конечной целью, по направлению к которой производится отсчёт. Примером могут послужить такие выражения, как *old enough* 'достаточно взрослый/зрелый', *come of age* 'достичь возраста, когда человек официально считается взрослым (совершеннолетним)' [Cambridge Dictionary, 2023]: *Is he old enough to take that position?* – 'Достиг ли он **достаточного / необходимого возраста**, чтобы занять эту должность?'; *When he comes of age, he will get the full responsibility of his actions* – 'Когда он будет в **необходимом возрасте** (официально станет взрослым, совершеннолетним), он будет нести полную ответственность за свои поступки'. В английском языке иногда встречается субституция *old* 'старый' на *young* 'молодой': *I am 65 years young*. Данное выражение используется в юмористических целях. В подобных случаях исходный ориентир английской лингвокультуры намеренно искажается.

В рассматриваемых языковых картинах мира ключевым понятием концепта ВОЗРАСТ выступает значение 'определённый период жизни кого-либо', а основными его физическими признаками – витальность и старость, которые находят выражение в таких словосочетаниях в русском языке, как *осень жизни, венец жизни, обочина жизни* и другие.

Тематическая область понятийного ядра концепта ВОЗРАСТ включает в себя: *старый, пожилой, преклонный – жьы, тӀорысэ, хэӀуэ́та – old, elderly; протяжённость жизни, период времени с рождения (молодой возраст, сколько тебе лет?) – ныбжъ, къызэралъхурэ зэман дэӀар, илъэс бжыгъэ зэрыхъур – и ныбжъыр илъэс плъыцӀ ирикъуащ* ('ему исполнилось **сорок лет**, его возраст достиг **сорока лет**, он достиг **сорокалетнего возраста**') – *age, number of years* ('возраст, количество лет') – *What is your age? How old are you?* ('Сколько тебе **лет**' – букв. 'Насколько ты **стар/а**'); *древний, античный – ижъ (ижъ зэман – 'древнее время') – ancient (ancient (old) time); высшая степень зрелости (перезрелый, переспелый, старый, лучший период которого прошёл) – гъ-*

эужь – *overripe* (*too ripe, past its best, old*) – *нацэ гъэужь* – *перезрелый* *огурец* – *overripe cucumber* – *хъуца* (*хъарбыз хъуца 'перезрелый арбуз'*) – *тЫгъуа* (*кхъужь тЫгъуа 'переспелая груша'*); *истинный* (*реальный, настоящий*) – *истинный* (*старый, настоящий*) *друг* – *ныбжьээгъужь* (*ныбжьээгъу нэс (нэж)*) – *old (true) friend*.

В русской языковой картине мира ядро концепта ВОЗРАСТ – это определённый период жизни человека, животного, предмета и т. д. К периферийным слоям можно отнести выражения *возраст грудной, младенческий* (*младенчество*), *детский* (*детство*); *дошкольный, школьный, отроческий* (*отрочество*); *подростковый, переходный, юношеский* (*юность*); *призывной, молодой* (*молодость*), *средний, бальзаковский, зрелый* (*зрелость*), *старый* (*старость*), *предельный, преклонный, почтенный* и другие.

И. С. Блинова связывает активный интерес учёных к феномену старости с увеличением средней продолжительности жизни людей, социальным и культурным статусом пожилых людей, их включённостью в философские категории времени и пространства, а также проблемой переживания ими своего бытия в мире. Исследователь отмечает эмоционально-оценочное отношение русской лингвокультуры к понятию «старость» [Блинова, 2009]. Русскую терминологию концептосферы СТАРОСТЬ связывают с такими характеристиками, как *слабость, немоцность, угасание, длительность существования* [Крючкова, 2006]. При этом отмечается соотнесённость старости и опытности (*опытный, бывалый*). Положительное отношение к старению в русской лингвокультуре вербализуется такими единицами, как *старый волк, старый воробей, старожил* в русском языке и *old-timer 'старожил', old salt 'старый морской волк'* в значении 'бывалый, опытный' – в английском. Негативная оценка эксплицируется корреляцией с «угасанием человека» (*старый хрыч, старикан, старушеница*). В это же время в языке имеется целый ряд гендерно маркированных наименований пожилого человека с положительной коннотацией: *старичок, дедуля, дедулюшка, старушка, бабуля, бабулечка* и другие. Компаративные исследования паремииологических фондов сравниваемых языков подтвердили бóльшую оптимистичность и философичность русской лингвокультуры [Листраткина, 2012], где внешняя грубость компенсируется скрыто-ласковым отношением к людям пожилого возраста.

Специфика английской лингвокультуры проявляется в индивидуализме культуры, передаваемой такими выражениями, как *Parents love their children more than do children their parents* – 'Родители любят своих детей больше, чем дети своих родителей'; *The old cow thinks she was never a calf* – '*Старая корова* думает, что она никогда не была *телёнком*', а также в эстетизме и сожалении об утрате привлекательности, репрезентированных в таких выражениях, как *Old age will bring its wrinkles to the brow* – '*Старость* придёт с морщинами на лбу'; *Old people can dye their hair, but they can't change their backs* – '*Старики* могут покрасить свои волосы, но они не могут поменять свою старческую спину' [Листраткина, 2012; Бирюкова, 2020].

Сравнительный анализ концептосферы СТАРОСТЬ в разноструктурных языках выявил, что негативное отношение к данному явлению в большинстве своём связано с «раздражительностью» людей данного возраста [Бирюкова, 2020].

В исследуемых разноструктурных языках концепт ВОЗРАСТ часто транслируется в построенных на основе бинарной оппозиции *молодой* – *старый* идиоматических сочетаниях. В кабардино-черкесском языке: *Жьы зэрымьсым нэмыс илькьым, ицэ зэрымьсым насын илькьым* – 'Там (в семье), где нет *пожилых* людей, нет уважения (порядка), там, где нет *молодых*, нет счастья'; *Жьым и гъаццэр флэмаццэц, ицэм иццэр флэкуэдиц* – '*Старому* жизнь кажется короткой, *молодому* сделанное кажется многим'; *Нэхьыжьбым жьэ ет, нэхьыццэм гъуэгу ет* – '*Старшему* предоставь слово, *младшему* – дорогу' [Адыгские пословицы и поговорки, 2016] и другие. В русском языке: *Старик, да лучше семерых молодых; Молодой – на битву, старый – на думу; Молодой на службу, старый на совет; Молодому ошибка – улыбка, старому – горькая слеза; Молодость ушла – не простилась, старость*

пришла – не поздоровалась; Сам **стар**, да душа **молода**; Голова **седая**, да душа **молодая**; Кто учится **смолоду**, не знает на **старости** голоду; **Молодость** не воротить, а **старости** не избыть; Что в **молодости** посеешь, то в **старости** пожнёшь; **Ребёнку** дорог пряник, а **старцу** покой; У **молодого** сила, у **старого** – ум; У **молодых** – дерзанье, у **стариков** – опыт; Хорошая **старость** лучше, чем плохая **молодость**; Всякий **бык теленком** был; Два **века** не проживёшь, две **молодости** не перейдёшь [Даль, 1991] и другие. В английском языке: *Youth and age will never agree* – '**Молодость** и **старость** никогда не найдут общий язык'; *Young people don't know what age is, and old people forget what youth was* – '**Молодые** люди не знают что такое **возраст**, а **старые** забывают что такое **молодость**' и другие. Из приведённых примеров видно, что большинство кабардино-черкесских и русских пословиц указывают на гармонизацию отношений старости и молодости, на то, что сильные черты есть у обоих возрастов и их сочетание эффективно. В то же время в английских поговорках видится более острый конфликт старого и молодого.

Формирование личности в молодом возрасте и нецелесообразность стремлений исправить устоявшиеся качества пожилых людей репрезентированы в кабардино-черкесских и русских идиоматических выражениях, проявляющих универсальные этнокультурные черты: *Чы щыкIэ кыуымыгъэшар бжэзгъу хъумэ, кыпхуэгъэшыжыркъым* – 'Кого не согнул, когда он/а был/а молодой **веточкой**, не согнёшь, когда станет **колом**'; *Гни дерево, пока молодо, Щалэр ягъэлуц ихъэкIэ, нэхъыжъ яуцийркъым* – 'Пусть **молодого** и наставляют, **старого** не поучают'.

Молодость в языковой картине мира в сравниваемых языках эксплицирована, главным образом, в положительных качествах, транслирующих преимущества молодости перед старостью, чем обусловлено желание длительного сохранения состояния молодости: *Джэд нэхърэ джэдыкIэ нэхъ Луциц* – '**Яйцо** мудрее **курицы**'; *Жьым щытхъуи щIэр къащтэ* – 'Похвали **старое**, бери (выбирай) **молодое (новое)**' [Адыгские пословицы и поговорки, 2016]; *Из всех богатств на свете самое большое богатство – молодость*; *Чем старше, тем правее, а чем моложе, тем дороже* [Даль, 2020]; *To get back to youth I would do anything in the world, except take exercise, get up early, or be respectable* [Wilde, 1890] – 'Чтобы вернуть свою молодость, я сделал бы всё на свете, кроме занятий спортом, раннего подъёма и ведения респектабельного образа жизни' (в значении 'Молодость – это хорошо, но она не стоит того, чтобы менять привычный образ жизни, чтобы её продлить/вернуть') и другие.

При этом в кабардино-черкесском и русском языках лингвистически зафиксирована неопытность и неуверенность молодёжи по сравнению с мудростью и богатым жизненным опытом пожилых людей: *Щалэ гъаклуи клэлыкIуэж* – 'Отправь **молодого**, да сам за ним следуй' (в значении 'молодой не справится с задачей, придётся самому её выполнять'); *ЩIэр зозауэри жьыр зочэнджэц* – '**Молодые** борются друг с другом, **старые** – советуются'; *Молодой старому* не верит; *Молодость* больше открывает, а *старость* – изучает и другие.

В русской и английской лингвокультурах выявлена манифестация мимолётности времени и осознания бренности бытия: *Что пройдёт, то будет мило* [Пушкин, 1825], *The golden age never was the present age* – 'Золотой **век** никогда не был настоящим', *Young people don't know what age is, and old people forget what youth was* – '**Молодые** люди не знают, что такое **возраст**, а **старые** забывают, что такое **молодость**', *If youth knew what age would crave, it would both get and save* – 'Если бы **молодёжь** знала, чего будет жаждать **возраст**, она бы это достала и сохранила' и другие.

Кабардино-черкесская лингвокультура обращает внимание на значение своевременности и приемлемости: *ЗызыгъэщIалэ лыжыр щIэнэклалэц* – '**Молодящийся старик** – предмет насмешек', *Зи чзур дахэц* – 'Красиво то, что **своевременно**'.

Проанализированный лингвистический материал разнотипных языков свидетельствует о том, что в языковой картине кабардино-черкесского, русского и английского

языков возраст выступает величиной постоянной и как явление подчиняет себе человека, а не наоборот: *Старое под новое не подкрасишь, Что в молодости посеешь, то в старости пожнёшь, Старость нужно заслужить* [Даль, 2020]; *Щэр жьы мэхури, жьыр цлэ хь-ужьыркъым – 'Молодое стареет, старое не молодеет', Жьыгэм зыри лэцлэмыкI, жьыги цлэхуи ирецлэмыкI* [Гъубж, 2020] – 'Никто не в силах избежать старости, она сгибает (валит) и человека, и дерево', *The tragedy of old age is not that one is old, but that one is young* [Wilde, 1890] – 'Трагедия *старости* не в том, что человек *стар*, а в том он *молод*' и другие.

При этом представители старшего поколения пользуются авторитетом у молодёжи, в первую очередь, благодаря накопленному ими опыту и обретенной жизненной мудрости, что наиболее отчётливо отражается в паремилогическом фонде кабардино-черкесского и русского языков по сравнению с английским: *Старость и мудрость за руку ходят; Старый волк знает толк; Как старые запевают, так молодые подпевают; Зи нэхьыжэ едалуэ и луэху мэклуатэ* – 'У того, кто слушает своего *старшего*, дело продвигается'; *Зи нэхьыжэ зымылътэм и цхьэ илътэркъым* – 'Тот, кто не ценит своего *старшего*, не ценит себя', *Нэхьыжыр бгьэлъанлэмэ, уи цхьэр лъанлэ хьуни* – 'Если будешь почитать *старшего*, ты сам будешь почитаемым' и другие.

Кабардино-черкесская лингвокультура проявляет абсолютную почтительность к людям старшего поколения в соответствии с кодексом чести «Адыгэ хабзэ» по сравнению с русской и английской лингвокультурами, в которых старость не является показателем безусловной мудрости, в связи с чем в русском и английском языках отношение к старости может быть репрезентировано как в положительном, так и в отрицательном свете: *Не годами старость красна, делами; Старость не радость; When bees are old they yield no honey* – 'Когда пчёлы *старые*, они не дают мёда'; *Where old age is evil, youth can learn no good* – 'Там, где *старость* – зло, *молодёжь* не может научиться добру'; *Old age doesn't protect from folly* – '*Старость* не защищает от глупости'; *Нэхьыжырым жьантлэр ейц* – '*Старшему* принадлежит почётное место'; *Нэхьыжэ кьыкIэлъыджэркъым* – *кIэлъоклуэ* – 'Старшего не окликают, а догоняют его'; *Кьоджэ нэхьыжыц* – 'Тот, кто тебя окликает, тот *старше*' (к обратившемуся к тебе с вопросом необходимо отнестись с тем же уважением и вниманием, как к *старшему*).

3. Заключение [Conclusion]

Проведённый компаративный анализ языкового материала трёх разноструктурных языков показал этноспецифичность объективации понятия «возраст» в неблизкородственных кабардино-черкесском, русском и английском языках, а также особенности ментально-лингвального комплекса носителей этих языков.

Во-первых, кабардино-черкесская этноспецифичность концепта ВОЗРАСТ проявляется в проекции нескольких культурно обусловленных коннотаций, демонстрирующих особенности ментально-лингвальной системы носителей кабардино-черкесского языка. Эти коннотации связаны в основном с движением и развитием.

Во-вторых, этнокультурная детерминированность лингвистической экспликации понятия «возраст» в русском языке заключена в культурно-стереотипной положительной коннотации возрастания. Лексическая единица *возраст* проявляет широкие деривационные возможности, участвуя в образовании целого ряда слов и их сочетаний в рамках своей концептосферы.

В-третьих, своеобразие английской лингвокультуры транслируется в выборе языковых средств при построении речевых конструкций с участием понятия «возраст», выражаемого словом *age*. В отличие от русской и кабардино-черкесской лингвокультур, имеющих в качестве ключевого значения количество прожитых лет, период жизни, английская лингвокультура содержит указание на старение.

Сравнение паремий в трёх языках показало, что большинство кабардино-черкесских и русских пословиц вербализуют необходимость или желательность гармонизации отношений старости и молодости, соединения сильных черт обоих возрастов и двустороннюю компенсацию недостатков одних за счёт достоинств других. В английских паремиях вербализован конфликт старого и молодого.

Полученные результаты могут оказаться полезными в учебной и научно-исследовательской деятельности по направлениям «Лингвокультурология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Двуязычие», «Освоение второго языка», «Обучение иностранным языкам» и т. п.

Библиографический список

- Адыгские пословицы и поговорки, 2016 – Адыгские пословицы и поговорки (с их толкованиями). Антологический свод адыгского фольклора / сост. Л. А. Гугова. Нальчик : Изд/ отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2016. 364 с.
- Алефиренко, 2010 – Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2010. 282 с.
- Апажэ, КӀуэӀуэ, 2008 – Апажэ М. Л., КӀуэӀуэ Ж. Н. Адыгэ-урыс псалъалъэ [Кабардино-Черкесский словарь]. Налшык : Эльбрус, 2008. 704 с.
- Арутюнова, 1999 – Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Бирюкова, 2020 – Бирюкова В. П. Этнокультурная специфика концепта «старость» // Вестник Российского нового ун-та. Сер. Человек в современном мире. 2020. Вып. 3. С. 41–47. <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.03.P.041>
- Блинова, 2009 – Блинова И. С. Концепт «старость» в русской и немецкой лингвокультурах : дис... канд. филол. наук : 10.02.20. Волгоград, 2009. 210 с.
- Гъубж, 2020 – Гъубж М. Жъым фымьщӀ и жагъуэ [Старых (пожилых) не обижайте] // Адыгэ псалъэ [Адыгское слово]. 17 апреля 2020. URL : <https://apkbr.ru/node1213> (дата обращения : 22.11.2023).
- Даль, 2020 – Даль В. И. Пословицы русского народа. Полное издание в одном томе / под ред. Е. Г. Басовой. М. : Альфа-книга, 2020. 984 с.
- Даль, 1991 – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М. : Русский язык, 1991. 574 с.
- Карасик, 2005 – Карасик В. И. Этноспецифичные концепты // Иная ментальность. М. : Гнозис, 2005. С. 8–100.
- Крючкова, 2006 – Крючкова Н. В. Специфика проявления концептуальных признаков в лексической системе языка и в ассоциативных связях (на материале концепта «старость» в русском языке) // Вестник ТГПУ. 2006. Вып. 5 (56). Сер. : Гуманитарные науки (филология). С. 75–79.
- Листраткина, 2012 – Листраткина К. А. Репрезентация концепта «старость» в паремиологическом фонде русского и английского языков // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. 2012. № 8 (72). С. 50–53.
- Маслова, 2007 – Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М. : Издательский центр «Академия», 2007. 208 с.
- Пословицы. Поговорки. Загадки, 1986 – Пословицы. Поговорки. Загадки / сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М. : Современник, 1986. 378 с.
- Пушкин, 1825 – Пушкин А. «Если жизнь тебя обманет...» (1825 г) // Интернет библиотека Алексея Комарова. URL : <https://ilibrary.ru/text/560/p.1/index.html?ysclid=lp6qitjqta205122932> (дата обращения : 20.11.2023).
- Словарь кабардино-черкесского языка, 2023 – Словарь кабардино-черкесского языка. URL : https://kabard_cherk.academic.ru/17191/%D0%BD%D1%8B%D0%B1%D0%B6%D1%8C (дата обращения : 17.11.2023).
- Степанов, 2007 – Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянских культур, 2007. 248 с.

- Телия, 1993 – Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М. : Наука, 1993. С. 302–314.
- Тер-Минасова, 2000 – Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово / Slovo, 2000. 624 с.
- Толковый словарь русского языка, 2023 – Толковый словарь русского языка // Текстология.ру. URL : <https://ozhegov.textologia.ru/definit/vozrast/?q=742&n=167119&ysclid=lp2oqofm1i85600942> (дата обращения: 17.11.2023).
- Cambridge Dictionary, 2023 – Cambridge Dictionary. URL : <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/age> (дата обращения : 17.11.2023).
- Wierzbicka, 2003 – Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. 2nd edn. Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.
- Wilde, 1890 – Wilde O. The picture of Dorian Gray (1890). URL : https://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/The_Picture_of_Dorian_Gray_T.pdf (дата обращения : 22.11.2023).

References

- Gutova, L. A. (Ed.). (2016). *Adygskie poslovitsy i pogovorki (s ikh tolkovaniyami). Antologicheskiy svod adygsкого fol'klora [Adyghe proverbs and sayings (With their interpretations). Anthological collection of Adyghe folklore]*. Nalchik : IGI KBNTS RAS Press. (In Kabardian.)
- Alefirenko, N. F. (2010). *Lingvokul'turologiya: tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: [Linguocultural studies: The value-semantic space of language]: A coursebook*. Moscow : Flinta Pres : Nauka Press. (In Russ.).
- Apazhe, M. 'L., Kiueklue, Zh. N. (2008). *Adyge-urys psal'al'e [Kabardino-Circassian Dictionary]*. Nalchik : Elbrus Press. (In Kabardian).
- Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world]*. 2nd end., revised. Moscow : Yazyki russkoy kul'tury Press. (In Russ.).
- Biryukova, V. P. (2020). Etnokul'turnaya spetsifika kontsepta «starost'» [Ethnocultural specificity of the concept of “old age”]. *Vestnik Rossiyskogo novogo universiteta. Seriya “Chelovek v sovremennom mire” [Bulletin of the Russian New University. Series “Human in the Modern World”]*, 3, 41– 47. (In Russ.). <https://doi.org/10.25586/RNU.V925X.20.03.P041>
- Blinova, I. S. (2009). *Kontsept «starost'» v russkoy i nemetskoy lingvokul'turakh [The concept of “old age” in Russian and German linguistic cultures]*: PhD in Philological sci. diss. Volgograd. (In Russ.).
- Dahl, V. I. (1991). *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. IV*. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Basova, E. G. (Ed.) (2020). Vladimir Dahl: Poslovitsy I pogovorki russkogo naroda [Vladimir Dahl: Proverbs and sayings of the Russian people]. Complete edn. in one vol. Moscow : Alfa-kniga Press. (In Russ.).
- Gieubzh, M. (2020, April 17). Zh'ym fymyshchl I zhagieue [Do not offend the old]. *Adyge psaliee [Adyghe word]*. Retrieved November, 2023 from <<https://apkbr.ru/node1213>>.
- Karasik, V. I. (2005). *Etnospetsifichnye kontsepty [Ethnic-specific concepts]. Inaya mental'nost' [Different mentality]* (pp. 8–100). Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Kryuchkova, N. V. (2006). Kryuchkova N. V. Spetsifika proyavleniya kontseptual'nykh priznakov v leksicheskoy sisteme yazyka i v assotsiativnykh svyazyakh (na materiale kontsepta «starost'» v russkom yazyke) [The peculiarities of concept SIGNS MANIFESTATION in the lexical system of the language and in associations (On the material of the concept “Old Age” in Russian)]. *Vestnik TGPU [TSPU Bulletin]. Series : Humanities (philology)*, 5 (56), 75–79. (In Russ.).
- Listratkina, K. A. (2012). Reprezentatsiya kontsepta «starost'» v paremiologicheskom fonde russkogo i angliyskogo yazykov [Representation of the concept “old age” in the paremiological fund of the Russian and the English languages]. *Izvestiya Volgogradskogo gos. ped. un-ta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*, 8 (72), 50–53. (In Russ.).

- Maslova, V. A. (1986). *Lingvokul'turologiya [Linguocultural studies]: A coursebook*. 3d edn., revised. Moscow : Akademiya Press. (In Russ.).
- Martynova, A. N., Mitrofanova, V. V. (Eds). (1986). *Poslovitsy. Pogovorki. Zagadki [Proverbs. Sayings. Riddles]*. Moscow : Sovremennik Press. (In Russ.).
- Pushkin, A. (1825). Pushkin A. Esli zhizn' tebya obmanet... [If life deceives you...]. *Internet biblioteka Alekseya Komarova [Aleksey Komarov's Internet library]*. Retrieved November 20, 2023 from <<https://ilibrary.ru/text/560/p.1/index.html?ysclid=lp6qitjqta205122932>>. (In Russ.).
- Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka. (2023). *Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka. [Dictionary of the Kabardian-Circassian language]*. Retrieved November 17, 2023 from <https://kabard_cherk.academic.ru/17191/%D0%BD%D1%8B%D0%B1%D0%B6%D1%8C>. (In Kabardian).
- Stepanov, Yu. S. (2007). *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii [Concepts. The mist of civilization]*. Moscow : Yazyki slavyanskikh kul'tur Press. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1993). Kul'turno-natsional'nye konnotatsii frazeologizmov (ot mirovideniya k miroponimaniyu) [Cultural and national connotations of phraseological units: From seeing the world to understanding the world]. *Slavyanskoe yazykoznanie [Slavonic language studies]: Proc. XI International Congress of Slavists*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Ter-Minasova, S. G. (2020). *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Language and intercultural communication]: A coursebook*. Moscow : Slovo Press. (In Russ.).
- Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (n. d.) [Explanatory dictionary of the Russian language]. Retrieved 17 November, 2023 from <<https://ozhegov.textologia.ru/definit/vozrast/?q=742&n=167119&ysclid=lp2oqofm1i85600942>>. (In Russ.).
- Cambridge Dictionary (n. d.). Retrieved November 17, 2023 from <<https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/age>>.
- Wierzbicka, A. (2003). *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction*. 2nd edn. Berlin : Mouton de Gruyter.
- Wilde, O. (1890). *The picture of Dorian Gray*. Retrieved 22 November, 2023 from <https://www.planetpublish.com/wp-content/uploads/2011/11/The_Picture_of_Dorian_Gray_T.pdf>.

Насталовская Инна Геннадьевна
Южно-Уральский государственный университет
г. Челябинск, Российская Федерация
nastalovskaiaig@susu.ru

Концепт ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира носителей русской и китайской культур

Аннотация

Целью настоящей статьи является рассмотрение ассоциативной составляющей концепта ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира представителей русской и китайской культур. Материал был получен посредством ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 103 русских и китайских студента (женщины и мужчины). Испытуемые должны были ответить на вопрос: «Русские / Китайцы любят (Что? Кого?)». Всего в ходе анкетирования было собрано 1159 реакций, которые были классифицированы по четырём тематическим группам: 1) гастрономические пристрастия, 2) любимые виды деятельности, 3) персоналии и одушевлённые существа, 4) реалии и символы. Далее был выполнен простой количественный подсчёт для каждой группы. Полученные результаты выявили авто- и гетеростереотипы в рамках изучаемого концепта, характеризующиеся определённым сходством и рядом различий. Среди русских авто- и гетеростереотипов наибольшее количество совпадений было обнаружено в первой и третьей группах, наименьшее – в четвёртой. В группе 2 также оказалось много совпадений, но количество вариантов русских респондентов более чем в два раза превышало количество вариантов китайских респондентов. Среди китайских авто- и гетеростереотипов больше всего совпадений обнаружено в группе 2, а также в группе 1. В остальных двух группах совпадений было меньше. Результаты показали, что ценности и пристрастия представителей обоих этносов носят в большей степени положительный характер, однако китайцы оказались менее критично настроенными как к себе, так и к русским.

Ключевые слова: концепт, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, автостереотип, гетеростереотип

© Насталовская И. Г. 2024

Для цитирования: Насталовская И. Г. Концепт ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира носителей русской и китайской культур // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 118–130. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-118>

Inna G. Nastalovskaia
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
nastalovskaiaig@susu.ru

The concept VALUES AND PREFERENCES in Russian and Chinese linguistic picture of the world

Abstract

The article aims to consider the concept VALUES AND PREFERENCES in its associative field in Russian and Chinese linguistic picture of the world. Associative experiment was used to collect the material from 103 Russian and Chinese subjects (students, female and male). The subjects were to answer the question “Russians / Chinese love (What? Who?)”. The total of 1159 responses were obtained during the questionnaire performance. Further data processing enabled to thematically group the responses: 1) gastronomic preferences, 2) preferable activity

types, 3) personalities and animated beings, 4) realities and symbols. Quantitative analysis was performed for each group. The obtained results enabled to reveal auto- and heterostereotypes within the framework of the concept being characterized by a number of similarities and differences. Among Russian auto- and heterostereotypes, group 1 and group 3 displayed the largest amount of similarities while group 4 showed the smallest amount. There were many similarities in group 2 as well, although the amount of stereotypes given by Russians was twice bigger than that of Chinese. Among Chinese auto- and heterostereotypes, more similarities were found in group 2 and also in group 1. The other two groups displayed less similarities. Values and preferences of the subjects representing both ethnoses were found to be mostly positive which was, however, better expressed in Chinese subjects who turned out less self-critical and less critical to Russians.

Keywords: concept, linguistic picture of the world, associative experiment, associative field, autostereotype, heterostereotype

© Nastalovskaia I. G. 2024

For citation: Nastalovskaia, I. G. (2024). Kontsept TSENNOSTI I PRISTRASTIYA v yazykovoy kartine mira nositeley russkoy i kitayskoy kul'tur [The concept VALUES AND PREFERENCES in Russian and Chinese linguistic picture of the world]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 118–130. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-118>

1. Введение [Introduction]

В настоящее время одним из вопросов лингвистики, которому уделяется пристальное внимание, является изучение особенностей различных этносов, самосознания наций, языковой картины мира. Понятие «языковая картина мира» находит своё применение в различных научных областях. Вслед за Е. С. Яковлевой под языковой картиной мира мы понимаем схему восприятия действительности, которая зафиксирована в языке и является специфичной для данного коллектива [Яковлева, 1994], при этом «каждый язык по-своему членит мир, то есть имеет свой способ его концептуализации» [Маслова, 2001, с. 25.]. Таким образом, каждый язык определяется особой картиной мира, которая, в свою очередь, обуславливает коммуникативное поведение языковой личности, а также восприятие и понимание внешнего и внутреннего мира человека.

В современной лингвистике много работ посвящено и изучению понятия «концепт», однако абстрактный характер данного явления объясняет отсутствие в научной среде единства в его трактовке. Имеющиеся разночтения делают необходимым анализ интерпретаций термина «концепт», предложенных разными авторами.

Е. С. Кубрякова предлагает рассматривать концепт в качестве «зонтичного» термина, который способен охватить предметные области различных научных направлений [Кубрякова, 2004, с. 7]. Д. С. Лихачев рассматривает концепт как культурно-ментально-языковой комплекс, основная задача которого – «отражать национальное языковое сознание» [Лихачев, 1993, с. 5]. Ю. С. Степанов под концептом понимает «сгусток культуры в сознании человека: то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов, 1998, с. 779]. С. Г. Воркачев подчёркивает, что концепт является ведущим понятием для обращения к национальному менталитету и обуславливает специфическое отношение к миру его носителя [Воркачев, 2004, с. 49]. По мнению И. Т. Вепревой, благодаря такому понятию как концепт, исследователи имеют возможность изучать материальную и духовную идентичность различных этносов [Вепрева, 2005, с. 197]. М. В. Пименова трактует термин «концепт» как «некое представление о фрагменте картины мира или части такого фрагмента, имеющей сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными образами и

средствами. Концепт отражает категориальные и ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта отображаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [Пименова, 2004, с. 10]. Именно эта трактовка концепта взята в качестве методологической основы для настоящего исследования. Нельзя не учесть и то, что формирование концептов – это длительный процесс, а сам концепт постоянно развивается (подробнее о концептуализации и развитии концептов см. [Филясова, 2024]). Целью данной статьи было рассмотрение ассоциативной составляющей концепта ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира представителей русской и китайской культур.

Тематика, связанная с изучением языковой картины мира китайцев как носителей культуры и языка, во многом отличающихся от индоевропейских, и с сопоставлением языковой картины мира русских и китайцев, является чрезвычайно востребованной в свете активно развивающихся в настоящее время связей между двумя странами. В центр внимания многократно попадали проблемы перевода в паре языков «русский ↔ китайский», для решения которых необходимо обращение к языковым картинам мира обоих этносов: приёмы перевода метафор и фразеологизмов с китайского на русский в отдельно взятом художественном произведении [Кирпикова, 2023]; особенности перевода с русского языка на китайский образных сравнений в некоторых произведениях русских классиков [У, Ли, 2023]; преодоление терминологической и грамматической омонимии, несовпадений морфологических и синтаксических способов вербализации информации при научно-техническом переводе посредством различных трансформаций [Сюй, Чжэн, 2023]; решение проблемы машинного перевода (с китайского на русский и с русского на китайский) неологизмов и паремий посредством пополняемого автоматического словаря таких единиц [Ли, Сун, 2023] и др.. Предметом отдельного исследования становились: особенности актуализации универсальной оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» через базовую когнитивную категорию ОТНОШЕНИЕ (чаще позитивное, реже негативное) в китайских чэньюй [Бай, 2024]; асемантические модули, представляющие оппозицию СВОЙ – ЧУЖОЙ в китайских чэньюй в том числе в политическом дискурсе [Арекеева, 2022, 2023]; лингвокультурологическая составляющая «ПРИРОДА» наименований брендов в китайском рекламном дискурсе [Заболотнева, Циберная, 2021]; лексико-семантическая группа прилагательных «КАЧЕСТВО ДОБРОТЫ (О ЧЕЛОВЕКЕ)» в русском и китайском языках как отражение языковой картины мира [Цуй, 2018]; образ героя в русской и китайской лингвокультурах (на материале китайско- и русскоязычных пословиц и поговорок) [Цзинь, 2022]; авто- и гетеростереотипы о китайских мужчинах и женщинах в целом и их характере (по результатам анкетирования 60 китайских информантов) [Чэнь, Ерофеева, 2021; Чэнь, 2022], китайские фразеологические обороты, вербализующие концепт ЛИЦО [Стародубцева, 2023], концепт ЗНАНИЕ в философских трудах Ван Янмина в интерпретации русских философов [Ши, 2022] и др. К концепту ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира русских и китайцев исследователи ранее не обращались. Для достижения поставленной цели был проведён ассоциативный эксперимент.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Изучение концепта ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира носителей русской и китайской культур было организовано в рамках направленного ассоциативного эксперимента, который прошёл на базе Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск) в 2022 году. От участников эксперимента требовалось ответить на вопрос-стимул «Русские / Китайцы любят (Что? Кого?)» первым пришедшим на ум словом. Формулируя вопрос-стимул, мы опирались на список вопросов-стимулов,

которые были использованы О. А. Леонтович [Леонтович, 2002] в ходе изучения стереотипов о русских и американцах.

Участниками эксперимента стали русские (71 человек) и китайские (32 человека) студенты, проходящие обучение на кафедре лингвистики и перевода Южно-Уральского государственного университета по специальности 45.03.03 «Фундаментальная и прикладная лингвистика». Общее число участников эксперимента составило 103 человека, что можно считать достаточным для обеспечения достоверности результатов опроса (не менее 100 человек) [Черкасова, 2005, с. 244]. Вместе с тем по двум параметрам отмечался дисбаланс (табл. 1): во-первых, количество русских информантов более чем в два раза превышало количество китайских информантов (68,9% и 31,1% соответственно), во-вторых, количество женщин многократно превышало количество мужчин (61,1% vs 7,8% среди русских информантов и 28,2% vs 2,9% среди китайских информантов, в целом – 89,3% и 10,7% соответственно). Это связано с естественными непреодолимыми на тот момент причинами состава групп обучаемых: 1) иностранных студентов меньше, чем отечественных; 2) женщины выбирают лингвистику своей профессией намного чаще, чем мужчины.

Т а б л и ц а 1. Количественный и гендерный состав русских и китайских участников эксперимента

[T a b l e 1. Russian and Chinese participants' number and gender distribution]

Пол	Представители русской культуры		Представители китайской культуры		Итого	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Мужчины	8	7,8	3	2,9	11	10,7
Женщины	63	61,1	29	28,2	92	89,3
Всего	71	68,9	32	31,1	103	100

Средний возраст участников эксперимента составил 19 лет. Выбор возрастной категории участников проведённого нами направленного ассоциативного эксперимента также является не случайным. В этом вопросе мы опираемся на точку зрения В. И. Карасика о том, что к этому возрасту заканчивается формирование языковой личности, а языковые способности человека достигают того уровня развития, на котором они остаются постоянными на протяжении всей жизни человека, что даёт возможность прогнозировать особенности массового сознания представителей изучаемых культур на несколько десятилетий вперёд [Карасик, 1999, с. 192–193].

В ходе анкетирования было получено 1159 ответов (реакций) испытуемых: 450 – от китайских студентов и 709 – от русских. При дальнейших подсчётах и интерпретации данных было использовано установленное в университете деление обучаемых на группы. Испытуемые таким образом были организованы в шесть экспериментальных групп смешанного характера по национальному / этническому и гендерному признакам.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Остановимся более подробно на интерпретации данных анкетирования. В ходе анализа реакции респондентов были распределены в четыре тематические группы, которые составили ассоциативное поле «ценности и пристрастия»:

1) гастрономические пристрастия (предпочтения в еде, блюда национальной кухни, привычки питания);

2) любимые виды деятельности (деятельность, процесс, состояние, чувства);

3) персоналии / одушевлённые существа;

4) реалии и символы.

Была поставлена задача изучить отношение представителей русской и китайской культур к своей нации и к нации второго участника эксперимента, иными словами, авто- и гетеростереотипы.

2.2.1. Авто- и гетеростереотипы о русской культуре [Auto- and heterostereotypes about Russian culture]

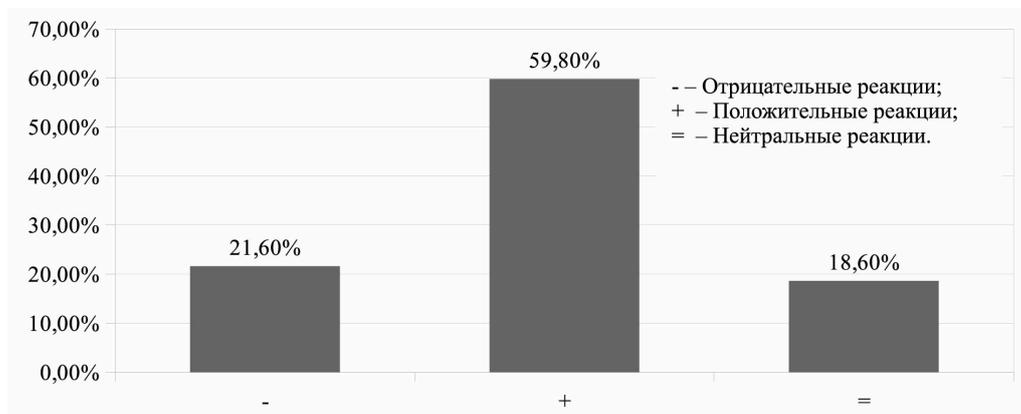
Автостереотипы. В тематической группе «гастрономические пристрастия» наиболее частотной реакцией представителей русской культуры является ассоциат *водка*. Подтверждение широко распространённого стереотипа о пристрастии русских к выпивке мы находим также в реакции *алкоголь*, которая оказалась второй по частотности. Кроме того, анкетирование показало, что русские любят еду вообще, выделяя при этом среди любимых блюд *борщи, пельмени, мясо, шашлык, картошку, хлеб*. В тематической группе «виды деятельности» в числе любимых видов деятельности представители русской культуры назвали *поесть, покушать, есть, вкусно поесть, выпить, пить*, затем *спать*, а потом *работать*. Нередко в ответах фигурировала реакция *очень любят отдыхать*. Кроме того, по мнению представителей русской культуры, русские любят *веселиться, петь или петь песни, драться и бездельничать*, при этом особенно выделяется любовь к праздникам: русские любят *гулять, развлекаться и отмечать праздники*. Наконец, согласно полученному автостереотипу, русские любят *материться и жаловаться*.

В тематической группе «персоналии / одушевлённые существа, реалии» к любимым персоналиям был отнесён антропоним *В. В. Путин*. Такая реакция неслучайна, поскольку информация о проблемах и событиях текущей жизни общества занимает заметное место в ассоциативно-вербальной сети респондентов, при этом данная информация не является постоянной и зависит от конъюнктуры, складывающейся в разных областях жизни в момент анкетного опроса [Караулов, 2000, с. 196]. Опираясь на данные проведённого автором настоящего исследования направленного ассоциативного эксперимента, можно сделать вывод о том, что события, которые происходили в политической и экономической жизни страны и освещались в средствах массовой информации на момент проведения опроса, повлияли на реакции респондентов на вопрос-стимул.

Русские респонденты сходятся во мнении, что русские любят *людей, народ, не только себя, но и близких, и родителей, а также красивых девушек*. Нельзя не отметить ассоциат *медведь*, который часто встречается в числе реакций респондентов на вопрос-стимул. Как известно, *медведь* является культурным символом, с которым представители других культур ассоциируют русских. По результатам эксперимента, сами русские поддерживают данный стереотип при описании своего этнического образа. В Русском ассоциативном словаре Ю. Н. Караулова встречается около полутора сотен представителей фауны, употребляемых в основном в переносном значении (90%). В числе этих животных есть и медведь. Это животное упоминается в 15% случаев [Караулов, 1994, с. 202]. Таким образом, медведь не только является культурным символом России, с которым наша страна и её представители ассоциируются у других этносов, но и выступает ассоциатом в ассоциативно-вербальной сети самих русских.

Анализ реакций представителей русской культуры показал, что русским присуще такое качество как патриотичность, о чём можно судить по реакциям (любят) *Родину, Россию, свою страну*. Респонденты единодушны в том, что представители русской культуры любят *семью, праздники, веселье, баню, природу*. В числе ценностей представителей русской культуры находим ещё один культурный символ – балалайка. Можно предположить, что суровый климат России актуализировал реакцию *любят зиму и мороз*. Кроме того, респонденты выделяют *спорт, быструю езду, отдых, халяву, застолья*,

жизнь, общение, свободу, традиции. Наконец, русские, согласно автостереотипам, любят свой дом, деревню, песни, рыбалку, справедливость. В ассоциативном поле русских респондентов (рис. 1) реакции с отрицательной оценочностью составляют 21,6% (*водку, алкоголь, выпить, драться, материться, бездельничать, жаловаться*), большинство реакций оказались положительными (чуть менее 60%), нейтральных реакций было немного меньше отрицательных (около 20%).

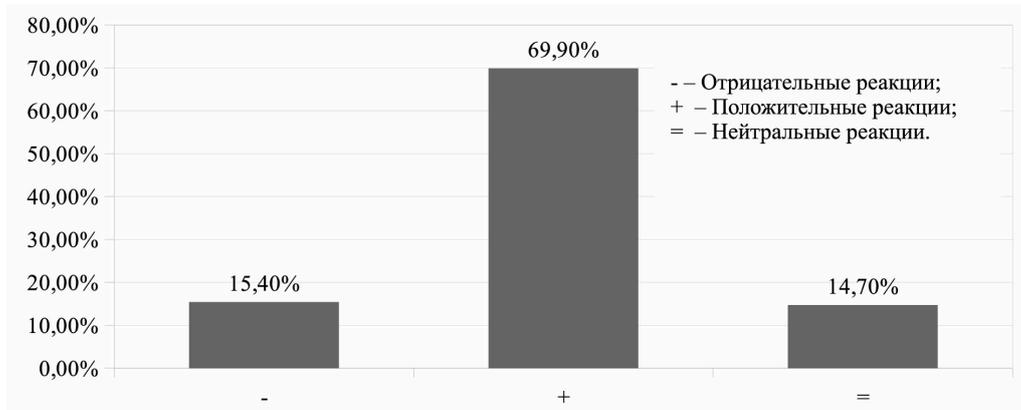

Р и с у н о к 1. Соотношение отрицательных и положительных / нейтральных русских автостереотипов

[F i g u r e 1. Distribution of negative and positive / neutral Russian autostereotypes]

Гетеростереотипы. По мнению китайских респондентов, любимыми видами деятельности русских являются те, что связаны с едой: *поесть, есть, покушать*. Особенно выделяются такие гастрономические пристрастия, как *борщ, пельмени, блины, картофель, мясо, шаурма*. Представители китайской культуры в числе любимых видов деятельности представителей русской культуры называют сначала *отдых и веселье* (реакции: *веселиться, отдыхать, гулять, праздники*), а потом – *работу*. К числу любимых одушевлённых существ, персоналий и реалий русских, по мнению большинства китайских респондентов, относятся *матрёшка, медведь, В. В. Путин и животные*. Китайские респонденты подчёркивают эгоизм представителей русского этноса реакцией *себя*. В то же время представители китайской культуры убеждены, что русские любят *близких и природу*.

Распределение отрицательных, положительных и нейтральных реакций китайских респондентов оказалось схожим с русскими респондентами, но количество отрицательных реакций снизилось до 15,4% (рис. 2): (*выпить, пить, отдыхать, гулять*), а количество положительных возросло почти до 70%.

Р и с у н о к 2. Соотношение отрицательных и положительных / нейтральных русских гетеростереотипов

[F i g u r e 2. Distribution of negative and positive / neutral Russian heterostereotypes]

Наиболее частотные реакции носителей русской и китайской культур представлены в таблице 2. Данные представлены по убыванию частотности предложенных респондентами реакций на вопрос-стимул.

Т а б л и ц а 2. **Наиболее частотные реакции участников эксперимента на вопрос-стимул «Русские любят (Что? Кого?)»**

[Table 2. **Most frequent participants' reaction to the question “Russians love (What? Who?)”**]

№	Тематическая группа АП	Частотные реакции российских респондентов (автостереотипы) (71 чел.)	Частотные реакции китайских респондентов (гетеростереотипы) (32 чел.)
1	гастрономические пристрастия	водку, борщ, еду, алкоголь, пельмени, картошку, мясо, хлеб, шашлыки	борщ, пельмени, блины, картошку, мясо, хлеб, шаурму, кефир
2	любимые виды деятельности	отдыхать, есть (кушать), (вы)пить, отдыхать, гулять, работать, петь, веселиться, принимать гостей, вкусно поесть, лениться, бездельничать, спать, развлекаться, драться, отмечать праздники, поговорить, материться, жаловаться, драться, пить алкоголь	есть (кушать), веселиться, отдыхать, говорить, гулять, ходить в гости, работать, выпить
3	персоналии/одушевленные существа	себя, близких, В. В. Путина, (красивых) девушек, медведей, всех людей, родителей, семью	медведей, Путина, себя, животных, близких, родителей, детей
4	реалии и символы	природу, праздники, баню, (свою) страну, (свою) Родину, спорт, быструю езду, веселье, халяву, зиму, балалайку, отдых, деньги, застолья, жизнь, Россию, общение, свободу, традиции, мороз, ничего, деньги, дом, деревню, песни, рыбалку, справедливость	матрёшек, природу

2.2.2. Авто- и гетеростереотипы о китайской культуре [Auto- and heterostereotypes about Chinese culture]

Автостереотипы. В тематической группе «гастрономические пристрастия», по мнению китайских респондентов, *рис* является любимым национальным блюдом. На втором месте по популярности реакций находятся ассоциаты *китайская лапша* и *лапша*. Третье место в числе наиболее частотных реакций представителей китайской культуры занимает *чай*. Представители китайской культуры в число своих любимых блюд также включили *курицу* и *овощи*.

По группе «любимые виды деятельности» анализируемые реакции указывают на схожесть мнений русских и китайских респондентов. Так, представители обоих этносов согласны друг с другом в том, что китайцы любят *есть / кушать, разговаривать, пить чай, участвовать в чайных церемониях, учиться, работать*. Китайские респонденты в число любимых видов деятельности собственного этноса включают также *земледелие, занятие спортом, походы в гости*.

В тематической группе «персоналии / одушевленные существа» реакция Конфуций является наиболее частотной. Между тем, для китайских респондентов, очевидно, судя по ассоциатам *Мао Цзэдун, Дэн Сяопин*, большую роль в их жизни играют знаковые политические фигуры – великий революционер-основатель КНР и один из легендарных «восьми бессмертных» Коммунистической партии КНР.

Гетеростереотипы. В тематической группе «гастрономические пристрастия» российские респонденты называют *рис, китайскую лапшу* и *лапшу* любимыми блюдами китайского этноса. В числе наиболее частотных реакций представителей русской культуры находим также *чай*. Кроме того, русские участники эксперимента, считают, что китайцы любят *национальную еду, острое, специи, соевый соус, утку по-пекински*.

В группе «любимые виды деятельности» помимо приёма пищи и чайных церемоний вошли занятия боевыми искусствами и выращивание риса. К тому же, по мнению русских участников эксперимента, китайцы любят *есть / кушать, разговаривать, пить чай, участвовать в чайных церемониях, учиться, работать*. В группе «персоналии / одушевленные существа» фигурируют имена известных актёров и специалистов в зрелищных китайских единоборствах – *Джеки Чан, Брюс Ли*, – что вполне ожидаемо, поскольку именно с этими персоналиями русская аудитория знакома по фильмам. Наиболее частотной реакцией тематической подгруппы «реалии и символы» российских респондентов является ассоциат *иероглифы*, затем следует ассоциат *китайские палочки*. Кроме того, в ответах русских респондентов встречаются реакции *Великая китайская стена, китайский новый год, восточные единоборства, красный фонарик*. Обращает на себя внимание отсутствие частотных отрицательных реакций среди китайских авто- и гетеростереотипов. Весь перечень частотных реакций представлен в таблице 3.

Т а б л и ц а 3. Наиболее частотные реакции участников эксперимента на вопрос-стимул «Китайцы любят (Что? Кого?)»

[Table 3. Most frequent participants' reaction to the question "The Chinese love (What? Who?)"]

№	Тематическая группа АП	Частотные реакции российских респондентов (гетеростереотипы) (71 чел.)	Частотные реакции китайских респондентов (автостереотипы) (32 чел.)
1	гастрономические пристрастия	национальную еду, рис, острое, чай, китайскую лапшу, специи, утка по-пекински, соевый соус	рис, курица, лапша, овощи, соус, чай
2	любимые виды деятельности	кушать, боевые искусства, выращивать рис, разговаривать, пить чай, учиться, работать	чайная церемония, работать, земледелие, есть (кушать), заниматься спортом, говорить, ходить в гости, учиться
3	персоналии/одушевленные существа	Джеки Чан, Брюс Ли, Конфуций	Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, Конфуций, семья.
4	реалии и символы	иероглифы, Великая китайская стена, китайские палочки, китайский новый год, восточные единоборства, красный фонарик	китайский дракон, палочки, веер, иероглиф, Пекин, жемчуг, Запретный город

Сравнивая стереотипы относительно ценностей и пристрастий русских и китайцев (табл. 2 и табл. 3), можно отметить следующее. В группе «гастрономические пристрастия» русские совпадающие авто- и гетеростереотипы включали *борщ, пельмени, картошку, шашлык*. К несовпадающим автостереотипам были отнесены *еда* и *шашлык*, а гетеростереотипам – *шаурма* и *кефир*. Совпадающие китайские авто- и гетеростереотипы включали *рис* и *чай*, а *утка по-пекински* оказалась несовпадающим гетеростереотипом. В группе «виды деятельности» русские совпадающие авто- и гетеростереотипы включали *отдых, приём пищи, встречи с друзьями*. Несовпадающими оказались автостереотип *использование в речи нецензурной лексики* и гетеростереотип *ходить в гости*. Китайский автостереотип представлен чайными церемониями, гетеростереотип – выращиванием риса. В группе «персоналии и одушевленные существа» русские совпадающие авто- и гетеростереотипы включали *себя, семью, родных, медведя, президента страны*, несовпадающим автостереотипом был ассоциат *красивые девушки*. *Конфуций* оказался единственным китайским совпадающим авто- и гетеростереотипом. Несовпадающими были политические деятели как автостереотипы и знаменитые актёры как гетеростереотипы. Обращает на себя внимание тот факт, что и у русских, и у китайцев

подобралось только по три ассоциата в данной группе (табл. 3). В группе «реалии и символы» в русские совпадающие авто- и гетеростереотипы вошёл только один ассоциат – *природа*. Остальные оказались несовпадающими, при этом русские респонденты предложили 27 ассоциатов, подходящих для данной группы, а китайцы – только два. В китайские совпадающие авто- и гетеростереотипы вошли *иероглиф* и *палочки*. Несовпадающими автостереотипами оказались *китайский дракон*, *веер*, *Пекин*, *Запретный город* и жемчуг, а гетеростереотипами – *Великая китайская стена*, *китайский новый год*, *восточные единоборства*, *красный фонарик*. Следует также отметить, что частотность совпадающих ассоциатов была неодинаковой. Так, в группе 2 ассоциат *выпить* как русский автостереотип является одним из самых частотных, а как гетеростереотип – самым нечастотным. В этой же группе ассоциат *работать* как китайский автостереотип является вторым по частотности, а как гетеростереотип – последним и т. п. В целом русскими было предложено больше ассоциатов, чем китайцами, что в определённой степени может объясняться дисбалансом групп респондентов по количеству.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, целью исследования было рассмотрение ассоциативной составляющей концепта ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира представителей русской и китайской культур. Анализ 1159 реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, позволил классифицировать их по четырём тематическим группам: 1) гастрономические пристрастия, 2) любимые виды деятельности, 3) персоналии и одушевлённые существа, 4) реалии и символы. Эти четыре группы сформировали ассоциативное поле изучаемого концепта. Для каждой группы полученные результаты выявили авто- и гетеростереотипы, характеризующиеся определённым сходством и рядом различий. Среди русских авто- и гетеростереотипов наибольшее количество совпадений было обнаружено в первой и третьей группах, наименьшее – в четвёртой. В группе 2 также оказалось много совпадений, однако количество вариантов русских респондентов более чем в два раза превышало количество вариантов китайских респондентов. Среди китайских авто- и гетеростереотипов больше всего совпадений обнаружено в группе 2, а также в группе 1. В остальных двух группах совпадений было меньше.

Данные анкетирования позволяют сделать вывод о том, что у представителей русского и китайского этносов преобладают реакции с положительной коннотацией. Представители обеих культур стараются трепетно относиться к своим традициям и культурным ценностям, стремятся бережно относиться к национальному языку, сохраняют традиционные виды деятельности, что несомненно, способствует укреплению национальной идентичности. Результаты также показали, что представители обеих этносов положительно и дружелюбно относятся друг к другу. Об этом свидетельствует низкий процент отрицательных реакций представителей русской и китайской культур на вопрос-стимул «Русские / Китайцы любят (Что? Кого?)». Вместе с тем, китайские участники эксперимента оказались менее критично настроенными как к своему этносу, так и к русскому, о чём свидетельствует более низкий процент отрицательных реакций, чем у русских участников эксперимента.

Полученные результаты могут найти применение в курсах по лингвострановедению и межкультурной коммуникации, а собранную информацию о стереотипах можно использовать для улучшения взаимопонимания между русской и китайской культурами, повышения эффективности межкультурного общения, а также для профилактики потенциальной межнациональной напряжённости.

Библиографический список

- Арекеева, 2022 – Арекеева Ю. Е. Актуализация оппозиции «свой – чужой» в паремиях (на материалах китайского политического медиадискурса) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С. 5–16. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5
- Арекеева, 2023 – Арекеева Ю. Т. Бинарная оппозиция «свой – чужой» в китайском художественном дискурсе (на материале чэньюй) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 21–35. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21
- Бай, 2024 – Бай Л. Когнитивный признак ОТНОШЕНИЕ в оппозиции «СЧАСТЬЕ – НЕСЧАСТЬЕ» в китайских чэньюй // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 1. С. 33–43.
- Вепрева, 2005 – Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
- Воркачев, 2004 – Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис, 2004. 192 с.
- Заболотнева, Циберная, 2021 – Заболотнева О. А., Циберная О. Ф. Лингвокультурологическая составляющая «природа» наименований брендов в китайском рекламном дискурсе // Вестник ЮУрГУ. 2021. Т. 18, № 3. С. 17–21.
- Карасик, 1999 – Карасик В. И. Языковая личность: аспекты лингвистики и лингводидактики : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 1999. 196 с.
- Караулов, 2000 – Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 191–206.
- Караулов, 1994 – Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. 1. / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. М. : Помовский и партнеры, 1994. С. 190–218.
- Кирпикова, 2023 – Кирпикова В. В. Особенности передачи метафор и фразеологизмов при переводе художественного текста с китайского языка на русский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 43–52.
- Кубрякова, 2004 – Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 6–17.
- Леонтович, 2002 – Леонтович О. А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20. Волгоград : ВГПУ, 2002. 502 с.
- Ли, Сун, 2023 – Ли В., Сун Ц. К проблеме машинного перевода: на примере некоторых паремий в паре языков русский↔китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 84–93.
- Лихачев, 1993 – Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.
- Маслова, 2001 – Маслова В. А. Лингвокультурология. М. : Академия, 2001. 208 с.
- Пименова, 2004 – Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово : ИПК «Графика», 2004. 386 с.
- Стародубцева, 2023 – Стародубцева Н. С. Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодёжи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 143–151.
- Степанов, 1998 – Степанов Ю. С. Язык и метод // К современной философии языка. М. : Языки русской культуры, 1998. 784 с.
- Сюй, Чжэн, 2023 – Сюй Х., Чжэн Ц. Языковые сложности перевода научно-технических текстов с русского языка на китайский // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 132–143.
- У, Ли, 2023 – У М., Ли В. Принципы перевода образных сравнений: межкультурный аспект // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 154–164.

- Уфимцева, 2003 – Уфимцева Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1 (1). С. 102–109.
- Филясова, 2024 – Филясова Ю. А. Концептуализация и категория концепта в когнитивной теории Р. Лангакера и Л. Талми: интеграция когнитивных и языковых структур // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 173–190.
- Цзинь, 2022 – Цзинь Я. Образ героя в русской и китайской лингвокультурах (на материале китайско- и русскоязычных пословиц и поговорок) // Вестник ЮУрГУ. 2022. Т. 19, № 4. С. 85–95.
- Цуй, 2018. – Цуй Я. Лексико-семантическая группа прилагательных «КАЧЕСТВО ДОБРОТЫ (О ЧЕЛОВЕКЕ)» в русском и китайском языках как отражение языковой картины мира // Вестник ЮУрГУ. 2021. Т. 15, № 2. С. 81–87.
- Чэнь, 2022 – Чэнь Я. Представления о характере у китайских женщин и мужчин: кросс групповое исследование // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 186–201. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_186
- Чэнь, Ерофеева, 2021 – Чэнь Я., Ерофеева Е. В. Авто и гетеростереотипы китайских мужчин и женщин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 3. С. 204–219. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219
- Черкасова, 2005 – Черкасова Г. А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Общественное сознание. Межкультурная коммуникация: сб. ст. Калуга: КПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. С. 227–244.
- Ши, 2022 – Ши М. История, современная ситуация и особенности исследований концепции Ван Янмина в России (на материале анализа концепта ЗНАНИЕ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 2. С. 172–180. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_172
- Яковлева, 1994 – Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

- Arekeeva, Iu. E. (2022). Aktualizatsiya oppozitsii «svoy – chuzhoy» v paremiyakh (na materialakh kitayskogo politicheskogo mediadiskursa) [Actualization of the opposition “friend – foe” in proverbs (Based on Chinese political media discourse)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (4), 5–16. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_5
- Arekeeva, Iu. E. (2023). Binarnaya oppozitsiya «svoy – chuzhoy» v kitayskom khudozhestvennom diskurse (na materiale chen'yuy) [Binary opposition «friend – foe» in Chinese fiction (Based on chengyu)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 21–35. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_21
- Bai, L. (2024). Kognitivnyy priznak OTNOSHENIE v oppozitsii «SCHAST'IE – NESCHAST'IE» v kitayskikh chen'yuy [Cognitive Features of the Concept “ATTITUDE” in the opposition “HAPPINESS – UNHAPPINESS” in Chinese idioms]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (1), 33–43. (In Russ.).
- Vepreva, I. T. (2005). *Yazykovaya refleksiya v postsovetsskuyu epokhu [Linguistic reflection in Post-Soviet epoch]*. Moscow: OLMA-PRESS. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2004). *Shchastye kak lingvokulturnyy aspekt [Happiness as a linguocultural aspect]*. Moscow: Gnozis Press. (In Russ.).
- Zabolotneva O. A., Tsybernaya O.F. (2021). Lingvokul'turologicheskaya sostavlyayushchaya “priroda” naimenovaniy brendov v kitayskom reklamnom diskurse [Linguocultural component “nature” of brand names in Chinese advertising discourse]. *Vestnik YurGU [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 18 (3), 17–21. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (1999). *Yazykovaya lichnost': aspekt lingvistiki i lingvodidaktiki [Linguistic personality: Linguistics and linguodidactics]*. Volgograd: Peremena Press. (In Russ.).
- Karaulov, Yu. N. (2000). Pokazateli natsional'nogo mentaliteta v assotsiativno-verbal'noy seti [Indicators of national mentality in associative-verbal network]. In N. V. Ufimtseva (Ed.), *Yazykovoye soznanie i obraz mira [Language consciousness and the picture of the world]* (pp. 191–206). Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences Press. (In Russ.).

- Karaulov, Yu. N. (1994). Russkiy assotsiativniy slovar' kak novyy lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoy sposobnosti [Russian associative dictionary as a new linguistic source and instrument to analyze language ability]. In Yu. N. Karaulov, Yu. A. Sorokin, E. F. Tarasov, N. V. Ufimtseva, G. A. Cherkasova, *Russkiy assotsiativniy slovar' [Russian associative dictionary]*. Book 1. *Pryamoy slovar': ot stimula k reaktsii: Assotsiativnyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka [Direct dictionary: From stimulus to reaction. Associative thesaurus of modern Russian]* (Part 1, pp. 190–218). Moscow : Pomovskiy i partnery Press. (In Russ.).
- Kirpikova, V. V. (2023). Osobennosti peredachi metafor i frazeologizmov pri perevode khudozhestvennogo teksta s kitayskogo yazyka na russkiy [Features of the transfer of metaphors and phraseological units while translating fiction from Chinese into Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 43–52. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (2004). Ob ustanovkakh kognitivnoy nauki i aktual'nykh problemakh kognitivnoy lingvistiki [Of cognitive science guidelines and vital problems of cognitive linguistics]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 1, 6–17. (In Russ.).
- Leontovich, O. A. (2002). *Sistemno-dinamicheskaya model' mezhkul'turnoy kommunikatsii mezhdu russkimi i amerikantsami [Systematic-dynamic model of cross-cultural communication between Russians and Americans]: Doctoral in Philological sci. diss.* Volgograd : Volgograd State Pedagogical University Press. (In Russ.).
- Li, W., Song, Z. (2023). K probleme mashinnogo perevoda: na primere nekotorykh paremiy v pare yazykov russkiy↔kitayskiy [Concerning machine translation: Based on some paroemiae in the Russian↔Chinese pair of languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (4), 84–93.
- Likhachev, D. S. (1993). Kontseptosfera russkogo yazyka [The concept sphere of the Russian language]. *Izvestiya RAN. Ser. literaturny i yazyka [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]*, 52 (1), 3–9. (In Russ.).
- Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya [Linguoculturology]*. Moscow : Academia Press. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2004). *Dusha i dukh: osobennosti kontseptualizatsii [Soul and spirit: Peculiarities of conceptualization]*. Kemerovo : Grafika Press. (In Russ.).
- Starodubtseva, N. S. (2023). Kontsept LITSO v yazykovoy kartine mira kitayskoy molodezhi [The concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 143–151. (In Russ.).
- Stepanov, Y. S. (1998). Yazyk i metod [Language and Method]. *K sovremennoy filosofii yazyka [Modern philosophy of language]*. Moscow : Yazyki russkoy kultury Press. (In Russ.).
- Xu, H., Zheng, J. (2023). Yazykovye slozhnosti perevoda nauchno tekhnicheskikh tekstov s russkogo yazyka na kitayskiy [Language challenges in translating scientific and technological texts from Russian into Chinese]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 132–143. (In Russ.).
- Wu, M., Li, W. (2023). Printsipy perevoda obraznykh sravneniy: mezhkul'turnyy aspekt [Principles of translating similes: Intercultural aspect]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 154–164. (In Russ.).
- Ufimtseva, N. V. (2003). Yazykovoye soznaniye kak otobrazhenie etnosotsiokul'turnoy real'nosti [Language consciousness as a representation of ethnosociocultural reality]. *Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]*, 1 (1), 102–109. (In Russ.).
- Filyasova, Yu. A. (2024). Kontseptualizatsiya i kategoriya kontsepta v kognitivnoy teorii R. Langakera i L. Talmi: integratsiya kognitivnykh i yazykovykh struktur [Conceptualization and the category of concept in R. Langacker's and L. Talmy's cognitive theory: Integration of cognitive and linguistic structures]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (2), 173–190. (In Russ.).
- Jing, Y. (2022). Obraz geroya v russkoy i kitayskoy lingvokulturakh (na materiale kitaysko- i russkoyazichnykh poslovits i pogovorok) [Image of a hero in Russian and Chinese linguocultures (Based on Chinese and Russian proverbs and sayings)]. *Vestnik YurGU [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 19 (4), 85–95. (In Russ.).

- Cui, Y. (2018). Leksiko-semanticheskaya gruppa prilagatelnykh “KACHESTVO DOBROTY (O CHELOVEKE)” v russkom i kitaiskom yazikakh kak otrazhenie yazikovoy kartiny mira [Lexical semantic group of adjectives “kindness” in the Russian and Chinese languages as the reflection of the linguistic worldview]. *Vestnik YUrGU [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 15 (2), 81–87. (In Russ.).
- Chen, Y. (2022). Predstavleniya o kharaktere u kitayskikh zhenshchin i muzhchin: kross gruppovoe issledovanie [Perceptions of Chinese women and men character: A cross group study]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (1), 186–201. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_1_186
- Chen, Y., Erofeeva, E. V. (2021). Avto i geterostereotipy kitayskikh muzhchin i zhenshin [Auto and heterostereotypes of Chinese women and men: Appearance]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (3), 204–219. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_3_204_219
- Cherkasova, G. A. (2005). Kvantitativnye issledovaniya assotsiativnykh slovarey [Quantitative research of associative dictionaries]. *Obshchenie. Soznanie. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Communication. Consciousness. Cross-cultural communication]* (pp. 227–244). Kaluga : Kaluga State University Press. (In Russ.).
- Shi, M. (2022). Istoriya, sovremennaya situatsiya i osobennosti issledovaniy kontseptsii Van Yanmina v Rossii (na materiale analiza kontsepta ZNANIE) [History, current situation and specifics of Yangming studies in Russia (Based on the concept KNOWLEDGE)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (2), 172–180. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_172
- Yakovleva, E. S. (1994). *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya) [Glimpses of the Russian linguistic picture of the world (Space, time and perception models)]*. Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 05.08.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 05.08.2024.

Парина Ирина Сергеевна^{1✉}, Салаев Павел Владимирович²

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, ²Гарда Технологии, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

parina@fsn.unn.ru

Чат-бот для создания двуязычных глоссариев в паре языков английский-русский для обучающихся переводу

Аннотация

В статье предлагается сервис для автоматизации составления двуязычных глоссариев студентами переводческих специальностей. Представлена тестовая версия разработанного нами сервиса в формате чат-бота, рассмотрены результаты его оценивания студентами и преподавателями переводческого факультета лингвистического вуза, произведены доработки по результатам тестирования. Анализ литературы по теме показал, что в настоящее время существуют программы для составления двуязычных глоссариев или для извлечения терминов из текста, однако они либо дают неудовлетворительный результат для русского языка, либо выполняют свои функции без ограничений только в платной версии. Целью проекта по созданию сервиса было облегчить работу с текстами и лексикографическими источниками, сохранив обучающую составляющую при подготовке глоссария так, чтобы студенты самостоятельно принимали решения при подборе двуязычных эквивалентов. В версии сервиса, предложенной для тестирования, пользователь направлял чат-боту файл с текстом и получал в ответном сообщении список ключевых слов (имён нарицательных с фрагментами контекста, а также прецизионной лексики) в виде гиперссылок на страницу двуязычного контекстного словаря или, для имён собственных, на результаты поиска по соответствующему запросу в Интернете. Таким образом, автоматизировался поиск лексических единиц в словаре, однако эквивалент в переводящем языке пользователь выбирал сам на основании текста оригинала и предложенных в контекстном словаре соответствий и контекстов с переводом. По результатам тестирования в формат запроса были внесены изменения: в обновлённой версии пользователи не отправляют файл, а копируют текст в онлайн-форму. Изменён и формат ответа чат-бота: в новой версии это файл с текстом, где ключевые слова преобразованы в гиперссылки. Опрос участников тестирования показал, что студенты рассматривают сервис преимущественно как инструмент для ускорения предварительного анализа лексического состава текста.

Ключевые слова: чат-бот, глоссарий, специальный перевод, извлечение терминов

© Парина И. С., Салаев П. В. 2024

Для цитирования: Парина И. С., Салаев П. В. Чат-бот для создания двуязычных глоссариев в паре языков английский-русский для обучающихся переводу // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 131–143. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-131>

Irina S. Parina^{1✉}, Pavel V. Salaev²

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ²Garda Technologies
Nizhny Novgorod, Russian Federation

parina@fsn.unn.ru

Chatbot for creating bilingual glossaries in the English-Russian language pair for students of translation and interpreting

Abstract

In the article, we propose a chatbot for automating the process of compiling bilingual glossaries for students of translation and interpreting. A preliminary literature overview showed that the programs for compiling glossaries

available provide unsatisfactory results for the Russian language or function without restrictions only in the paid version. The project aims at making it easier for students to work with texts and lexicographic sources, and, at the same time, to let them make their own decisions when selecting bilingual equivalents. In the version of the service tested, the user sent a file with the text to the chatbot and received a message in response, containing a list of keywords (common nouns with context, as well as precision words) in the form of hyperlinks to the page of a bilingual contextual dictionary or, in case of proper names, to search engine results for a corresponding query. Thus, the search for lexical units in the dictionary was automated, but the users chose the equivalent in the target language by themselves. After the testing, the request format was updated, so that in the current version the users copy the source text into an online form. The format of the chatbot response was changed as well: in the new version it is a file with the text where the keywords are supplied with hyperlinks. The user survey showed that students view the service primarily as a tool for speeding up the preliminary analysis of the lexical composition of a text.

Keywords: chatbot, glossary, special translation, term extraction

© Parina I. S., Salaev P. V. 2024

For citation: Parina, I. S., & Salaev, P. V. (2024). Chat-bot dlya sozdaniya dvuyazychnykh glossariev v pare yazykov angliyskiy-russkiy dlya obuchayushchikhsya perevodu [Chatbot for Creating Bilingual Glossaries in the English-Russian Language Pair for Students of Translation and Interpreting]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 131–143. https://doi.org/10.22250/24107190_2024_10_3_131

1. Введение [Introduction]

Согласно «Словарю лингвистических терминов» Т. В. Жеребило, термином «гlossарий» обозначают либо составленное на основе конкретного текста собрание непонятных слов или выражений с толкованием или переводом на другой язык, либо словарь малоупотребительных слов с толкованием [Жеребило, 2010, с. 75]. В. В. Дубичинский определяет glossарий как «словарь gloss (непонятных, устаревших, диалектных слов)», «относительно короткий перечень лексических единиц с минимальной информацией о них» или «краткий словарь специальной лексики» [Дубичинский, 2008, с. 383–384]. Отличительные особенности glossария состоят, таким образом, в меньшем объёме и в отборе лексики по тем или иным принципам, которые определяются его предназначением. В настоящей статье будут рассматриваться glossарии, которые составляются на основе конкретных текстов.

Glossарии играют важную роль в работе как устного, так и письменного переводчика. Так, на необходимость разработки glossариев при подготовке к синхронному переводу указывал ещё в 1978 году Г. В. Чернов [Чернов, 1978, с. 149]. Glossарий упоминается в числе предметов, необходимых устному переводчику на мероприятии, в практических рекомендациях, подготовленных Союзом переводчиков России [Синхронный и последовательный перевод, 2015, с. 24]. О положительном влиянии подготовленного заранее glossария на качество синхронного перевода пишут К. Фантинуоли [Fantinuoli, 2017] и К. Штолль [Stoll, 2009].

Glossарий рассматривается как важный инструмент обеспечения и повышения качества перевода и в статье В. Ю. Еолян и Э. Д. Муратовой, где речь идёт о письменном переводе научно-технической документации [Еолян, Муратова, 2017, с. 83]. Е. О. Лешканова и А. С. Бубнова, говоря о переводе специальных текстов, отмечают, что glossарий позволяет переводчику сохранять единство терминологии и избегать ошибок и неточностей [Лешканова, Бубнова, 2018, с. 223].

В настоящее время работа с glossариями может осуществляться с помощью технических средств. Так, некоторые программы позволяют хранить и систематизировать лексику, которую переводчик вносит через интерфейс самой программы (например, Flashterm [Flashterm]) или импортирует в виде текстового файла (например, Interplex

Glossary Software for Interpreters and Translators [Interplex]). Отбор единиц для глоссария в этом случае осуществляется самим переводчиком в ручном режиме. Как правило, переводческие глоссарии включают в себя лексические единицы, имеющие однозначные соответствия в рамках определённого проекта, текстов определённой тематики или области знаний в целом, – в первую очередь термины.

Существуют приложения для автоматического извлечения терминологии из текста – к бесплатным относятся, в частности, Word Tabulator 2.2.3 [Word Tabulator 2.2.3] и Concordancer for Windows 3.0 [Concordancer for Windows 3.0]. Как показал проведённый нами анализ, текст на русском языке указанные программы обрабатывают некорректно, так что списки извлечённых с их помощью терминов полностью или частично представляют собой нечитаемый набор символов (подробнее результаты описаны в [Парина, Салаев, 2022]). Ещё одна программа для автоматического составления глоссариев – InterpretBank [InterpretBank] – предназначена для самостоятельной подготовки синхронных переводчиков и обладает широким набором функций. Она позволяет извлекать термины из документа, с веб-страницы по заданному адресу, из результатов поиска по заданной теме в Интернете (для этого достаточно указать одно или несколько ключевых слов), а также автоматически подбирать для термина соответствие в переводящем языке. Описывая возможности системы InterpretBank, её создатель К. Фантинуоли [Fantinuoli, 2017] сообщает, что поиск соответствий производится по терминологической базе IATE [IATE] и двуязычным словарям – таким, как Beolinguus [Beolinguus], LEO [LEO], Dict.cc [Dict.cc]. Кроме того, в систему можно загружать пары текстов в оригинале и переводе и составлять двуязычный глоссарий на их основе. Помимо этого, система снабжена функцией добавления глосс в документ: импортировав в программу текст, можно автоматически «надписать» над всеми словами и словосочетаниями, которые уже зафиксированы в двуязычном глоссарии, их соответствия на переводящем языке. Программа работает с большим количеством языков, однако для русского языка функции автоматического извлечения терминологии из импортированного текста и подбора соответствий на основе загруженных в систему параллельных текстов недоступны. InterpretBank является платной программой, хотя у неё есть и пробная 14-дневная версия.

Обзор систем для автоматизации составления глоссариев для письменного перевода представлен на сайте переводческого агентства Primavista [Девятов, 2018]. Автор обзора положительно отзывается о сервисе Tilde Terminology, который поддерживает русский язык, достаточно точно извлекает из текста термины, в том числе двухсловные, и позволяет в автоматическом режиме подбирать соответствия.

В настоящее время Tilde [Tilde] представляет собой комплекс из систем машинного перевода, автоматического субтитрирования, управления терминологией и других. Доступ к ним предоставляется в платном и бесплатном режиме. В бесплатной версии допускается одновременная работа только с одним проектом, состоящим из файлов общим объемом не более 2 Мбайт.

Положительную оценку в обзоре М. Девятова [Девятов, 2018] получает и система SynchroTerm от канадской компании LogiTerm, которая также поддерживает русский язык [SynchroTerm]. Однако эта программа – самая дорогостоящая из всех рассмотренных. Наиболее эффективной автор обзора называет бесплатную программу Prospector [Prospector] от компании Logrus Global. Но и у неё есть недостаток: программа поддерживает только один язык – английский.

В обзоре [Девятов, 2018] также рассматриваются возможности по извлечению терминологии с помощью CAT-системы MemoQ [MemoQ] в версии MemoQ 8.2 и программы SDL MultiTerm Extract [SDL MultiTerm Extract] от компании-разработчика системы памяти переводов Trados в версии 2017 года. М. Девятов приходит к выводу, что использование этих систем для извлечения терминологии в автоматическом режиме нецелесообразно,

поскольку в сформированные ими списки попадает достаточно большое количество единиц, не являющихся терминами, и не попадают некоторые термины.

Функция извлечения терминов из текста есть и у облачной платформы для организации и выполнения переводов Memsource (в 2021 году объединилась с платформой Phrase) [Phrase]. Однако, как показал анализ, представленный в [Бухаров и др., 2021, с. 68–69], её использование едва ли сократит время работы переводчика над глоссарием: система, фактически, выстраивает в список все словоформы, из которых состоит текст.

Задачу составления глоссария на основе предложенного текста выполняют и основанные на генеративных предобученных моделях чат-боты, возможности которых в последнее время стремительно расширяются. Видеообзор официально недоступного в России, но наиболее известного из подобных чат-ботов – ChatGPT, – представленный профессиональным переводчиком Э. Гамшириком под ником Germling [Germling], позволяет убедиться, что бот быстро составляет двуязычный глоссарий на основе параллельных текстов (в частности, статей многоязычной электронной энциклопедии). Однако автор обзора отмечает, что для ряда терминов предпочтительно использовать не то соответствие, которое вошло в глоссарий. Иными словами, пользователь ChatGPT получает «готовое» решение, требующее проверки и постредактирования.

Проведённое нами тестирование российского аналога – чат-бота YandexGPT [YandexGPT API] – позволило убедиться, что к предъявляемым текстам и на русском, и английском языке сервис создаёт глоссарий, представляющий собой подробный русскоязычный список терминов с дефинициями. Использование только русского языка как языка выдачи YandexGPT подтверждают и представители компании «Яндекс» [Патрушева, Овчинникова, 2023]. Соответственно, чат-бот не выполняет задачу формирования двуязычного глоссария. Создаваемые им одноязычные глоссарии, бесспорно, могут использоваться переводчиком как полезное дополнение.

Таким образом, большинство рассмотренных средств автоматизированного формирования глоссариев не предоставляют удовлетворительного результата для русского языка, не формируют двуязычного глоссария или недоступны в бесплатной версии. Безусловно, настоящий обзор нельзя назвать исчерпывающим, и постоянно появляются новые приложения для работы с глоссариями. Однако тематические публикации свидетельствуют о том, что и устные, и письменные переводчики при составлении глоссариев часто ограничиваются использованием программ Word и Excel [Девятов, 2018 ; Fantinuoli, 2017 ; Techforword, 2023].

В настоящей статье нами предлагается средство автоматизации процесса составления двуязычных глоссариев для студентов переводческих специальностей. В отличие от профессионального переводчика, студенты в процессе обучения реже получают «рекомендации от заказчика», касающиеся перевода тех или иных терминов, и чаще ищут соответствия сами на основе словарей и параллельных текстов. Кроме того, они реже работают над масштабными проектами и чаще переводят тексты, небольшие по объёму, но разнообразной тематики. В рамках занятий студенты получают доступ к некоторым системам помощи переводчику, но речь, как правило, идёт о системах переводческой памяти, в которых пользователь пополняет глоссарий в ручном режиме. Студенты могут не располагать средствами для самостоятельного приобретения рассмотренных выше специализированных программ. Однако они проявляют бесспорный интерес к развитию информационных технологий и ищут способы оптимизировать свою работу – что нередко приводит к использованию ими общеизвестных систем машинного перевода. Недостаток этих систем состоит в том, что они предлагают «готовый» текст на переводящем языке, не оставляя пользователю возможности принимать решения и учиться.

В связи с этим представляется актуальной задача разработки общедоступного и несложного в использовании сервиса для автоматического извлечения терминологии из

специального (нехудожественного) текста и составления глоссариев, который может применяться студентами в процессе обучения.

Ц е л ь настоящей работы состоит в том, чтобы представить тестовую версию разработанного нами сервиса для формирования двуязычных глоссариев, результаты его оценивания студентами и преподавателями переводческого факультета лингвистического вуза и доработки по результатам тестирования. З а д а ч и проекта – с одной стороны, ускорить и облегчить работу студентов с текстами и лексикографическими источниками. С другой стороны – предложить альтернативу системам машинного перевода, так, чтобы обучающая составляющая при подготовке глоссария сохранялась, студенты обращались к словарям и самостоятельно выбирали из нескольких возможных соответствий эквивалент лексической единицы в переводящем языке на основании контекста.

2. Описание сервиса [Description of the service]

Нами был разработан сервис для формирования глоссариев на основе текстов на русском и английском языке. Он дорабатывался с учётом пожеланий пользователей и сейчас доведён до состояния минимально жизнеспособного продукта (MVP).

Разработка представляет собой чат-бот в мессенджере Telegram [Telegram]. Такая форма была выбрана по нескольким причинам: во-первых, приложение Telegram позволяет принимать запросы от пользователя, анализировать их и отдавать результат напрямую пользователю. Во-вторых, в Telegram есть возможность подключаться к сторонним приложениям с помощью технологии API. Кроме того, при использовании приложения не требуется получать от пользователя согласие на сбор персональных данных: пользователь идентифицируется по номеру Telegram ID, представляющему собой набор цифр, по которому невозможно сделать выводы о других персональных данных. Приложение может использоваться и на смартфоне, и на компьютере, и получило широкое распространение, так что у многих потенциальных пользователей сервиса оно уже установлено. Формат чат-бота также уже известен многим пользователям. Чат-бот написан на языке программирования Python с использованием библиотек NLTK, SpaCy и PyMorphy2.

Основной принцип работы сервиса заключается в том, что он извлекает из полученного от пользователя текста ключевые слова по методике, предложенной А. Килгаррифом [Kilgarriff, 2009]. Ключевые слова в данном случае, – слова, частотность которых в рассматриваемом тексте выше, чем частотность слов в корпусе, с которым осуществляется сравнение (референсном корпусе). При выявлении ключевых слов в текстах на русском языке основанием для сравнения послужил Национальный корпус русского языка, а данные о частотности слов в нём были получены из Частотного словаря современного русского языка [Ляшевская, Шаров, 2009]. Для подсчёта частотности слов в предъявляемых текстах и для обращения к указанному словарю использовались возможности библиотеки NLTK. На материале английского языка основанием для сравнения послужил Брауновский корпус (Brown corpus), встроенный в пакет корпусов библиотеки NLTK [NLTK].

В первоначальной версии разработанного сервиса, предложенной пользователям для тестирования, для того, чтобы получить глоссарий к тексту, необходимо было отправить чат-боту сообщение, прикрепив к нему текст в виде файла в формате TXT. Впоследствии формат отправки пользователями запроса был изменён (внесённые изменения рассмотрены подробнее в разделе 4 настоящей статьи).

После отправки текста пользователь получал от чат-бота запрос, в котором предлагалось выбрать соотношение количества единиц глоссария и их точности по шкале от 1 до 5, где под точностью понимается сфокусированность результатов автоматического отбора лексем на единицах, являющихся ключевыми для анализируемого текста. Ины-

ми словами, выбор параметра «1» позволяет получить в результатах обработки большее количество лексических единиц, а выбор параметра «5» – меньшее количество единиц, но именно единицы, встречающиеся в рассматриваемом тексте существенно чаще, чем в корпусе, который служит основанием для сравнения.

Затем чат-бот высылал пользователю результат обработки текста (в протестированной пользователями версии – в виде текстового сообщения Telegram). Ответ от чат-бота представлял собой список лексических единиц, разделённых на две категории: «термины» (имена нарицательные) и «именованные сущности» (прецизионные слова).

Наименование «термины» в данном случае используется условно для обозначения имён нарицательных, частотность которых в рассматриваемом тексте выше, чем в референсном корпусе. С помощью этих слов в тексте передается основная когнитивная информация. Поскольку сервис предназначен для обработки нехудожественных текстов, предполагалось, что ключевыми в первую очередь будут слова для точного обозначения специальных предметов и понятий. Как показал анализ сформированных сервисом глоссариев, из текстов извлекаются не только собственно термины, но и слова, принадлежащие к общеупотребительной лексике – например, из статьи о велосипедах, не только *derailleur*; *wheelbase*, *cantilever*, но и *bicycle*, *bike*. Однако и извлечённые общеупотребительные слова в большинстве случаев являются ключевыми для понимания и передачи смысла текста. В переводе для них необходимо подобрать точное соответствие (в то время как использование приемов описательного перевода или опущения может привести к информационным потерям), и в этом плане они близки к терминам, даже если принадлежат к общеупотребительной лексике, изучаемой студентами на начальных этапах.

В сообщении от чат-бота, содержащем список лексики к тексту, лексемы приводились к исходной форме (лемме) и были представлены в виде гиперссылок. «Термины» сопровождалась контекстом – фрагментом из текста оригинала.

Гиперссылки от «терминов» позволяли перейти к статьям, описывающим соответствующие лексемы, на сайте контекстного словаря Glosbe [Glosbe] для пары языков английский-русский. Контекстный словарь в качестве лексикографического источника был выбран потому, что в нём пользователю, помимо собственно эквивалентов, предлагается большое количество текстовых фрагментов, содержащих исходную единицу, с переводами. Благодаря этому, пользователь имеет возможность оценить решения, ранее принятые переводчиками при передаче искомой лексической единицы, и изучить контексты, в которых лексическая единица переводится тем или иным образом. Выбор в пользу словаря Glosbe [Glosbe] был сделан благодаря наличию в нём статей для пары языков английский-русский и технической возможности настроить его взаимодействие с чат-ботом. При переходе по ссылке от «именованной сущности» пользователь попадал на страницу с результатами поиска по соответствующему запросу в поисковой системе Google [Google], что позволяло ему при необходимости получить дополнительную информацию, связанную с прецизионными словами.

Таким образом, извлечение ключевых слов из текста и поиск словарных статей или справочной информации чат-ботом осуществлялись автоматически, а решение о выборе соответствия пользователь принимал сам.

3. Результаты тестирования сервиса пользователями [Results of user testing]

В тестировании чат-бота приняли участие 11 студентов бакалавриата профиля «Перевод и переводоведение», изучавших английский язык в течение пяти и более лет, и три преподавателя иностранных языков, устного и письменного перевода, изучавших английский язык более 10 лет. Пользователи проанализировали с помощью чат-бота 16

текстов на английском языке объёмом от 457 до 2259 слов (в среднем объём текстов составил примерно 890 слов) и два текста на русском языке объёмом 278 и 374 слова. По результатам тестирования студенты и преподаватели заполняли анкету: оценивали работу сервиса, высказывали замечания и предложения. Пользователи не были ограничены в выборе тематики текстов. Студенты отправляли чат-боту тексты на английском языке на такие темы, как спорт, кино, техника, политика, путешествия, законодательство, наука, финансы. Четверо студентов отметили в анкете, что тестировали глоссарий на текстах домашнего задания по иностранному языку, устному или письменному переводу, а семь респондентов подбирали текст специально для тестирования. Преподаватели загрузили тексты на английском языке научной и технической тематики, на русском языке – тексты, посвящённые политике и общественной жизни. В анкете они указали, что используют эти материалы на занятиях по иностранному языку и переводу.

В большинстве случаев респонденты не испытывали технических трудностей при использовании чат-бота. У одного обучающегося текст в после сохранения файла в формате TXT превратился в нечитаемый набор символов, но проблема была связана с кодировкой самого текста, а не с работой сервиса, и впоследствии была устранена. Также в комментариях один из пользователей высказал пожелание о добавлении формата DOC для текстов. В данном случае TXT как формат отправляемого чат-боту файла выбран по техническим причинам. Однако очевидно, что необходимость выполнять дополнительное действие по сохранению текста в файле формата TXT могла отпугнуть потенциальных пользователей.

Кроме того, в трёх случаях сервис выдал ошибку: «В тексте так много терминов, что они не убираются в сообщении Телеграма». Это объясняется тем, что в мессенджере Telegram существует ограничение, в соответствии с которым максимальная длина сообщения составляет не более 4096 символов. В указанных случаях список «терминов», фрагменты контекста к ним и список «именованных сущностей» на основе отправленного пользователем текста превышали по суммарному объёму максимально допустимое количество символов. В инструкции к сервису пользователям было рекомендовано загружать файлы объёмом от 500 до 3000 слов. Однако, как показало тестирование, проблема возникала с некоторыми текстами объёмом от 1200 слов. После того, как пользователи сократили эти тексты, сервис сформировал глоссарий к ним.

При заполнении анкеты пользователи также анализировали содержание глоссариев, сформированных сервисом. Так, необходимо было оценить, вошла ли в глоссарий вся лексика, необходимая пользователю, по шкале от одного до пяти, где 1 означает «скорее нет», а 5 – «скорее да». Среди студентов два респондента выставили по 3 балла, пятеро – по 4, четверо – по 5. Все преподаватели выставили по 3 балла.

В комментариях четыре пользователя из числа студентов и трое преподавателей указали лексические единицы, которые, на их взгляд, должны присутствовать в глоссарии, но не были выделены сервисом. Среди них преобладали составные термины, например: *climate change, animal fossil, polar desert, environmental DNA, bell curve, battery capacity, dental care; региональная площадка, субъект экономической деятельности*. Встречались также однословные лексемы: *awareness, literacy, конкурентоспособность, внешнеполитический, инновационный*.

Следующий вопрос анкеты касался того, содержал ли сформированный системой глоссарий не интересовавшие пользователя лексические единицы. По шкале от одного до пяти, где 1 означает «их было много», а 5 – «их совсем не было», двое пользователей-студентов выставили по 3 балла, шестеро – по 4 балла, трое – по 5 баллов. Среди преподавателей двое выставили по 2 балла, один – 4 балла. В комментарии пользователи приводили пример «лишних», на их взгляд, лексических единиц. Анализ комментариев показал, что причиной их попадания в список было несколько факторов:

– ошибки сервиса, возникшие по неясным пока причинам – например, попадание в список «терминов» глагольных форм *got, wouldn't*;

– влияние капитализации, орфографических ошибок или опечаток на результаты отбора лексики. Например, в глоссарий к тексту о выращивании огурцов попало слово *Tasty*, которое упоминалось в названиях сортов и дважды было написано в тексте с заглавной буквы. Из текста на русском языке в глоссарий попала единица *28-ми* (цитата: ... *форума, организованного, к тому же, на 28-ми региональных площадках*), написание которой не является корректным;

– неправильная обработка сервисом некоторых спецсимволов – в частности, дефиса, который классифицировался сервисом как разделитель слов. В результате такие термины, как *infra-red, Li-ion*, анализировались по частям, и эти части попадали в глоссарий в качестве «ключевых» слов к тексту;

– влияние тематики текста на результат. Так, один из пользователей указал на появление в списке «терминов» таких принадлежащих к базовой лексике слов, как *imaginable, iconic, boyfriend, lonely, romantic*. Исходный текст был сравнительно небольшим – объёмом 522 слова, был посвящён актёрской игре Николаса Кейджа в фильме «Ренфилд» и точных обозначений специальных предметов или понятий, то есть собственно терминов, не содержал.

На наш взгляд, наличие в глоссарии слов, уже известных пользователю (в отличие от слов с опечатками и ошибками) не является значительной проблемой, поскольку пользователь может игнорировать их, не переходя по гиперссылкам в двуязычный словарь.

Этап перехода по гиперссылкам не вызвал у студентов и преподавателей технических трудностей, но в одном из отзывов была указана проблема отсутствия в словаре Glosbe [Glosbe] статьи к спортивному термину *buildup play*. Один из преподавателей загрузил в сервис текст, содержащий сокращения (*product dimensions: L 123.4 mm, W 123.4 mm, H 132 mm*), и остался недоволен результатом: сокращение *H* в список извлечённой лексики не попало, *W* было распознано как «именованная сущность», а *L* – как «термин». Однако соответствующая статья в словаре Glosbe [Glosbe] не содержит эквивалента «длина», который следует использовать в переводе рассматриваемого контекста. На наш взгляд, перевод сокращений, ввиду их многозначности, требует особого внимания, и полностью полагаться на технические средства в этом вопросе не следует в любом случае.

Общая оценка применимости чат-бота пользователями была удовлетворительной. На вопрос, насколько часто они бы стали использовать чат-бот вместо двуязычного словаря по шкале от одного до пяти, где 1 означает «никогда», а 5 – «постоянно», двое пользователей-студентов выставили по 2 балла, пятеро – по 3, четверо – по 4. Преподаватели выставили 1, 2 и 3 балла. На вопрос, насколько часто чат-бот мог бы использоваться вместо систем машинного перевода, по шкале от одного до пяти, где 1 означает «никогда», а 5 – «постоянно», один студент выставил 1 балл, двое – по 2, шестеро – по 3, двое – по 4. Среди преподавателей двое выставили 1 балл, один – 3 балла.

Ещё один вопрос анкеты касался возможных целей применения сервиса. От студентов были получены следующие ответы (авторская орфография сохранена): «для предпереводческого анализа текста»; «в учебных целях, если возникнет необходимость быстро обработать/проанализировать текст»; «составление глоссария для коротких текстов, например, текстов на домашнее чтение»; «для будущей работы», «чтобы проверить, стоит ли читать текст большого объёма ради лексики. Если лексика знакомая, смысла в этом может не быть, т. е. бот экономит время»; «для перевода сложных текстов; для составления глоссария к дипломной или исследовательской работе»; «для предпереводческого анализа текста и работы над самим переводом»; «для составления глоссария по рассказу (книги и т. п.), который надо было прочитать, для последующего отсеивания терминов, которые мне уже известны»; «в процессе устного перевода, когда

нужно быстро найти информацию по определённому термину/имени или названию, а также в процессе письменного перевода текстов»; «для быстрого составления глоссариев на английском языке». Кроме того, один студент указал, что сервис позволяет значительно сократить время на поиск неизвестных слов. Таким образом, студенты рассматривают сервис в первую очередь как инструмент для ускорения предварительного анализа лексического состава текста.

По мнению преподавателей, тестировавших сервис, он может использоваться «для составления глоссариев для текстов различного применения, в том числе для перевода». Однако в комментариях преподаватели отметили, что студенты должны учиться самостоятельно находить и составлять глоссарии к текстам, а чат-бот скорее пригодился бы уже в практической деятельности для экономии времени переводчика. Постановщик задачи по разработке чат-бота и соавтор настоящей статьи, будучи также преподавателем иностранного языка и перевода, не соглашается с этой точкой зрения, поскольку считает, что опыт работы с различными техническими средствами даёт начинающим переводчикам преимущества на рынке труда, и осваивать их и в то же время узнавать границы их возможностей, необходимо уже в процессе обучения.

4. Доработка сервиса по результатам тестирования и перспективы [Improvement of the service based on testing results and work prospects]

По результатам тестирования глоссария пользователями в принципы работы сервиса были внесены некоторые изменения, направленные на то, чтобы сделать его более простым в использовании. Во-первых, был изменён формат получения запроса от пользователей. Загружая файлы в формате TXT, пользователи не замечали в них опечатки, однако их наличие приводило к искажениям в работе глоссария. Кроме того, как показал анализ загруженных материалов, если текст был предварительно скопирован из файла в формате PDF, в нём появлялись символы конца абзаца в тех местах, где в исходном тексте заканчивались строки, в том числе в середине предложений, а знак переноса мог превратиться в дефис в середине слова. Необходимость переводить файл в формат TXT и в целом создавала неудобства для пользователей. Потому в более позднюю версию сервиса была интегрирована функция отправки сообщения чат-боту через сервис для проведения опросов Yandex Forms [Yandex Forms]. В форму Yandex Forms копируется собственно текст, так что нет необходимости сохранять его в виде отдельного файла. Для русского языка в конструкторе форм Yandex Forms есть функция проверки орфографии.

Во-вторых, была изменена форма «ответа» от чат-бота пользователю. В новой версии чат-бот отправляет в качестве ответа пользователю файл с исходным текстом, в котором «термины» и «именованные сущности» выделены графически и представляют собой гиперссылки на статьи в двуязычном словаре Glosbe [Glosbe] и на результаты поиска в Google [Google], соответственно. Формат ответа в виде текста с «глоссами», на наш взгляд, более наглядный (так, в первоначальной версии контексты к «терминам» в ответном сообщении чат-бота представляли собой фрагменты предложений, и один из пользователей выразил пожелание, чтобы в качестве контекстов использовались только целые предложения). Переход к этому формату также позволил отказаться от использования в выдаваемом пользователю результате работы сервиса условных обозначений «термины» и «именованные сущности». Кроме того, отправка в качестве ответа пользователю текстового файла позволяет снять ограничения, касающиеся объёма анализируемых текстов. Объём файла, пересылаемого в Telegram в приложении к сообщению, может составлять до 2 Гб, что для текстового файла означает практически полное отсутствие ограничений по объёму.

5. Заключение [Conclusion]

Итак, в статье представлен разработанный нами сервис для формирования двуязычных глоссариев на основе специальных текстов на русском и английском языке, предназначенный для студентов переводческих специальностей. Потребность в этом сервисе связана с тем, что на рынке появляется всё больше программ для автоматизации тех или иных аспектов переводческой работы, однако рассмотренные программы для извлечения терминов из текста, доступные для использования без дорогостоящей подписки, предоставляют для русского языка неудовлетворительный результат.

Предлагаемый нами сервис представляет собой чат-бот в популярном мессенджере, который автоматизирует выявление в тексте лексических единиц, требующих обращения к словарю, и поиск их в двуязычном контекстном словаре. Тестирование показало, что сервис функционирует удовлетворительно. Выявленные ошибки в его работе преимущественно связаны с тем, что он чувствителен к нестандартной орфографии в загружаемых в него текстах.

В отличие от сервисов, рассмотренных в обзоре литературы, созданный нами чат-бот не предлагает пользователю однозначное соответствие, а позволяет выбрать из нескольких, указанных в двуязычном контекстном словаре. Такой формат не ускоряет работу переводчика, так что чат-бот может, на первый взгляд, представляться менее эффективным средством автоматизации составления глоссариев, чем сервисы из числа рассмотренных выше, корректно работающие с русским языком. Однако в ситуации обучения мы считаем этот формат более полезным, чем списки соответствий от рассмотренных сервисов, которые начинающему переводчику могут показаться готовыми к использованию, но зачастую требуют постредактирования.

Кроме того, предлагаемая в актуальной версии сервиса выдача результата в виде текста оригинала с глоссами-гиперссылками позволит студентам сконцентрироваться на контексте в большей степени, чем отдельные таблицы или карточки, содержащие только термин на исходном языке и соответствие в переводящем языке, которые создаются предназначенными для профессиональных переводчиков приложениями и удобны, в первую очередь, когда речь идёт о работе с большими объёмами текста одной тематики. В учебной ситуации тематики меняются чаще, чем в реальной практической деятельности переводчика. Как показал опрос пользователей, студенты рассматривают сервис в первую очередь как инструмент для быстрого предварительного анализа лексического состава текста, за которым последует более углубленная самостоятельная работа с текстом.

Хотя сервис, бесспорно, нуждается в дальнейших доработках, мы считаем выполненными основные задачи, поставленные перед ним: ускорить работу студентов с текстами и лексикографическими источниками и предложить альтернативу системам машинного перевода так, чтобы студенты выбирали переводческие соответствия самостоятельно.

В ходе дальнейшей работы планируется настроить функцию извлечения из текста неоднословных терминов, продолжить тестирование и расширить круг пользователей. Пользователями было высказано пожелание о том, чтобы сервис мог поддерживать другие иностранные языки, помимо английского, и их добавление также входит в перспективы работы. Кроме того, рассматривается вопрос о добавлении функции извлечения двуязычных соответствий из параллельных текстов. С одной стороны, она позволит составлять глоссарий с учётом «требований заказчика» и использовать эквиваленты, рекомендованные в рамках определённого проекта, как это принято в переводческой практике. С другой стороны, появление этой функции приведет к ещё большей автоматизации процесса составления глоссариев, которой, как показал опрос, опасаются преподаватели.

Библиографический список

- Бухаров и др., 2021 – Компьютерная лингвистика. Начальные сведения. Учебно-методические материалы / В. М. Бухаров, Ю. В. Балакина, И. С. Парина, М. Б. Чиков. Н. Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2021. 117 с.
- Девятов, 2018 – Девятов М. Средства для извлечения терминологии. Забава или экономия времени? // Prima Vista. 2018. URL : <https://www.primavista.ru/blog/2018/08/17/sredstva-dlya-izvlecheniya-terminologii?ysclid=lnxm77ady1483455647> (дата обращения : 21.10.2023).
- Дубичинский, 2008 – Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М. : Наука: Флинта, 2008. 432 с.
- Еолян, Муратова, 2017 – Еолян В. Ю., Муратова Э. Д. Глоссарий как инструмент повышения качества перевода // Международный научный журнал «Молодой ученый». 2017. № 31 (165). С. 83–85.
- Жеребило, 2010 – Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5–е, испр. и доп. Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
- Лешканова, Бубнова, 2018 – Лешканова Е. О., Бубнова А. С. К вопросу о составлении переводческого глоссария // Филологический аспект. 2018. № 4 (36). С. 223–229.
- Ляшевская, Шаров, 2009 – Ляшевская О. Н., Шаров С. А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М. : Азбуковник, 2009. 1087 с.
- Парина, Салаев, 2022 – Парина И. С., Салаев П. В. Инструменты создания автоматизированных глоссариев для подготовки устных переводчиков в специальных областях // Профессионально ориентированный перевод: реальность и перспективы : Сборник научных трудов / под редакцией Н. Н. Гавриленко. Выпуск 17. М. : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2022. С. 290–301.
- Патрушева, Овчинникова, 2023 – Патрушева А., Овчинникова П. Chat GPT по-русски: на что способна нейронка от Яндекса // Блог Яндекс Практикума. 2023. URL : <https://practicum.yandex.ru/blog/neyroset-yandexgpt-kak-polzovatsya/> (дата обращения : 08.06.2024).
- Синхронный и последовательный перевод, 2015 – Синхронный и последовательный перевод. Рекомендации практикующим переводчикам. Вторая редакция / сост. Н. К. Дулпенский. М. : Р. Валент, 2015. 64 с.
- Чернов, 1978 – Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М. : Междунар. отношения, 1978. 208 с.
- Beolinguus – Beolinguus. URL : <https://dict.tu-chemnitz.de/> (дата обращения : 20.10.2023).
- Concordancer for Windows 3.0 – Concordancer for Windows 3.0. URL : <https://www.englishhelp.ru/soft/soft-for-translator/95-concordancer-for-windows.html> (дата обращения : 21.10.2023).
- Dict.cc – Dict.cc. URL : <https://www.dict.cc/> (дата обращения : 20.10.2023).
- Fantinuoli, 2017 – Fantinuoli C. Computerlinguistik in der Dolmetschpraxis unter besonderer Berücksichtigung der Korpusanalyse // S. Hansen-Schirra, S. Neumann, O. Čulo (Hrsg.): Annotation, exploitation and evaluation of parallel corpora. Berlin : Language Science Press, 2017. S. 111–146.
- Flashterm – Flashterm. URL : <https://www.flashterm.eu/> (дата обращения : 21.10.2023).
- Germling. – Germling. Create a translation glossary using ChatGPT. URL : <https://www.youtube.com/watch?v=rIwX-lhPRgY> (дата обращения : 08.06.2024).
- Glosbe – Glosbe. URL : <https://glosbe.com/en/ru> (дата обращения : 25.10.2023).
- Google – Google. URL : <https://www.google.ru/> (дата обращения : 05.11.2023).
- IATE – IATE. URL : <https://iate.europa.eu/> (дата обращения : 20.10.2023).
- Interplex – Interplex Glossary Software for Interpreters and Translators URL : <http://www.fourwillows.com/interplex.html> (дата обращения : 21.10.2023).
- InterpretBank – InterpretBank. URL : <https://www.interpretebank.com/site/> (дата обращения : 20.10.2023).
- Kilgarriff, 2009 – Kilgarriff A. Simple maths for keywords // Proc. of the Corpus Linguistics Conference (CL2009) / M. Mahlberg, V. González-Díaz, C. Smith (eds.). Liverpool. 2009. URL : <https://www.sketchengine.eu/wp-content/uploads/2015/04/2009-Simple-maths-for-keywords.pdf> (дата обращения : 27.10.2023).

- LEO – LEO.org – Ihr Sprachangebot im Web. URL : <https://www.leo.org/englisch-deutsch/> (дата обращения : 20.10.2023).
- МемоQ – МемоQ. URL : <https://www.memoq.com/memoq-versions/memoq-8-2> (дата обращения : 21.10.2023).
- NLTK – NLTK. Documentation. Sample Usage for Corpus. URL : <https://www.nltk.org/howto/corpus.html> (дата обращения : 07.06.2024).
- Phrase – Phrase (Frm. Memsource): Localization and Translation Software. URL : <https://phrase.com/> (дата обращения : 21.10.2023).
- Prospector – Prospector. URL : <https://prospector.logrusglobal.com/> (дата обращения : 21.10.2023).
- SDL MultiTerm Extract – SDL MultiTerm Extract. URL : <https://tra-service.ru/multitermextract?ysclid=lo0j8whfa8578780139> (дата обращения : 21.10.2023).
- Stoll, 2009 – Stoll Chr. Jenseits simultanfähiger Terminologiesysteme. Trier : Wvt Wissenschaftlicher Verlag, 2009. 342 S.
- SynchroTerm – SynchroTerm. URL : <https://terminotix.com/index.asp?content=category&cat=6&lang=en> (дата обращения : 21.10.2023).
- Techforword, 2023 – Stop using Word and Excel for interpreting glossaries // Techforword. 2023. URL : <https://www.techforword.com/blog/stop-using-word-and-excel-for-interpreting-glossaries/> (дата обращения : 25.10.2023).
- Telegram – Telegram. URL : <https://web.telegram.org/a/> (дата обращения : 25.10.2023).
- Tilde – Tilde Terminology Services. URL : <https://tilde.com/> (дата обращения : 21.10.2023).
- Word Tabulator 2.2.3 – Word Tabulator 2.2.3. URL : <https://www.englishhelp.ru/topics/96.html> (дата обращения : 21.10.2023).
- Yandex Forms – Yandex Forms URL : <https://cloud.yandex.ru/docs/forms/> (дата обращения : 25.10.2023).
- YandexGPT API – YandexGPT API. URL : <https://yandex.cloud.ru/services/yandexgpt> (дата обращения : 07.06.2024).

References

- Bukharov, V. M., Balakina, Yu. V., Parina, I. S., & Chikov, M. B. (2021). *Komp'yuternaya lingvistika. Nachal'nye svedeniya. Uchebno-metodicheskie materialy [Computational linguistics. Initial information. Educational materials]*. N. Novgorod : Linguistics University of Nizhny Novgorod Press. (In Russ.).
- Devyatov, M. (2018). Sredstva dlya izvlecheniya terminologii. Zabava ili ekonomiya vremeni? [Terminology extraction tools. Fun or time saving?]. *Prima Vista*. Retrieved October 21, 2023 from <<https://www.primavista.ru/blog/2018/08/17/sredstva-dlya-izvlecheniya-terminologii?ysclid=lnxm77ady1483455647>>. (In Russ.).
- Dubichinskiy, V. V. (2008). *Leksikografiya russkogo yazyka: ucheb. posobie [Lexicography of the Russian language: a textbook]*. Moscow : Nauka Press : Flinta Press (In Russ.).
- Eolyan, V. Yu., & Muratova, E. D. (2017). Glossariy kak instrument povysheniya kachestva perevoda [Glossary as a tool for improving translation quality]. *Molodoy uchenyy [Young Scientist]*, 31 (165), 83–85. (In Russ.).
- Zherebilo, T. V. (2010). *Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms]*. 5th edn, revised and enlarged. Nazran : Piligrim OOO Press. (In Russ.).
- Leshkanova, E. O., & Bubnova, A. S. (2018). K voprosu o sostavlenii perevodcheskogo glossariya [To the issue of creating a translation glossary]. *Filologicheskiy aspekt [Philological Aspect]*, 4 (36), 223–229. (In Russ.).
- Lyashevskaya, O. N., & Sharov, S. A. (2009). *Chastotnyy slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka) [Frequency dictionary of contemporary Russian (Based on the Russian National Corpus)]*. Moscow : Azbukovnik Press. (In Russ.).
- Parina, I. S., & Salaev, P. V. (2022). Instrumenty sozdaniya avtomatizirovannykh glossariev dlya podgotovki ustnykh perevodchikov v spetsial'nykh oblastiakh [Automated glossary management tools for interpreters in special fields]. In N. N. Gavrilenko (Ed.), *Professional'no orientirovannyy perevod: real'nost' i perspektivy [Professionally oriented translation: Reality and prospects]: Collection of scientific papers* (Vol. 17, pp. 290–301); Moscow : RUDN University Press. (In Russ.).

- Patrusheva, A., & Ovchinnikova, P. (2023). Chat GPT po-russki: na chto sposobna neyronka ot Yandeksa [Chat GPT in Russian: what the neural network by Yandex is capable of]. *Yandex Practicum Blog*. Retrieved June 8, 2024 from <<https://practicum.yandex.ru/blog/neyroset-yandexgpt-kak-polzovatsya/>>. (In Russ.).
- Duplenskiy, N. K. (Ed.). (2015). *Sinkhronnyy i posledovatel'nyy perevod. Rekomendatsii praktikuyushchim perevodchikam [Simultaneous and consecutive interpreting. Recommendations for practicing interpreters]*. 2nd edn. Moscow : R. Valent Press. (In Russ.).
- Chernov, G. V. (1978). *Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous interpreting]*. Moscow : Mezhdunarodnye Otnosheniya Press. (In Russ.).
- Beolings (n. d.). Retrieved October 20, 2023 from <<https://dict.tu-chemnitz.de/>>.
- Concordancer for Windows 3.0 (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<https://www.englishhelp.ru/soft-soft-for-translator/95-concordancer-for-windows.html>>.
- Dict.cc (n. d.). Retrieved October 20, 2023 from <<https://www.dict.cc/>>.
- Fantinuoli, C. (2017). Computerlinguistik in der Dolmetschpraxis unter besonderer Berücksichtigung der Korpusanalyse. In S. Hansen-Schirra, S. Neumann, O. Čulo (Hrsg.), *Annotation, exploitation and evaluation of parallel corpora* (S. 111–146). Berlin : Language Science Press.
- Flashterm (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<https://www.flashterm.eu/>>.
- Germling (n. d.). Retrieved June 7, 2024 from <<https://www.youtube.com/watch?v=rIwX-lhPRgY>>.
- Glosbe (n. d.). Retrieved October 25, 2023 from <<https://glosbe.com/en/ru>>.
- Google (n. d.). Retrieved November 5, 2023 from <<https://www.google.ru/>>.
- IATE (n. d.). Retrieved October 20, 2023 from: <<https://iate.europa.eu/>>.
- Interplex Glossary Software for Interpreters and Translators (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<http://www.fourwillows.com/interplex.html>>.
- InterpretBank (n. d.) Retrieved October 21, 2023 from <<https://www.interpretbank.com/site/>>.
- Kilgarrieff, A. (2009). Simple maths for keywords. In M. Mahlberg, V. González-Díaz, C. Smith (Eds), *Proc. of the Corpus Linguistics Conference (CL2009)*. Liverpool. Retrieved October 27, 2023 from <<https://www.sketchengine.eu/wp-content/uploads/2015/04/2009-Simple-maths-for-keywords.pdf>>.
- LEO (n. d.). LEO.org – Ihr Sprachangebot im Web. Retrieved October 20, 2023 from <<https://www.leo.org/englisch-deutsch/>>.
- MemoQ (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<https://www.memoq.com/memoq-versions/memoq-8-2>>.
- NLTK (n. d.). Retrieved June 7, 2024 from <<https://www.nltk.org/howto/corpus.html>>.
- Phrase (n. d.). (Frm. Memsource): Localization and Translation Software. Retrieved October 21, 2023 from <<https://phrase.com/>>.
- Prospector (n. d.) Retrieved October 21, 2023 from <<https://prospector.logrusglobal.com/>>.
- SDL MultiTerm Extract (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<https://tra-service.ru/multitermextract?ysclid=lo0j8whfa8578780139>>.
- Stoll, Chr. (2009). *Jenseits simultanföhiger Terminologiesysteme*. Trier : Wvt Wissenschaftlicher Verlag, 2009.
- SynchroTerm (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<https://terminotix.com/index.asp?content=category&cat=6&lang=en>>.
- Techforword. Stop using Word and Excel for interpreting glossaries. (2023). Retrieved October 25, 2023 from <<https://www.techforword.com/blog/stop-using-word-and-excel-for-interpreting-glossaries/>>.
- Telegram (n. d.). Retrieved October 25, 2023 from <<https://web.telegram.org/a/>>.
- Tilde Terminology Services (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<https://tilde.com/>>.
- Word Tabulator 2.2.3 (n. d.). Retrieved October 21, 2023 from <<https://www.englishhelp.ru/topics/96.html>>.
- Yandex Forms (n. d.). Retrieved October 25, 2023 from <<https://cloud.yandex.ru/docs/forms/>>.
- NLTK (n. d.). Retrieved June 7, 2024 from URL : <<https://www.nltk.org/howto/corpus.html>>.

Становая Лидия Анатольевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

lida_stan@mail.ru

Специфика изучения диасистемной вариативности языка в исторической ретроспективе (на материале старофранцузского языка)

Аннотация

Цель настоящей статьи состоит в рассмотрении типов и видов диасистемной вариативности в исторической ретроспективе. На материале старофранцузского языка аргументируется необходимость различать и учитывать в диахроническом лингвистическом исследовании три вида диасистемной вариативности: реальную, предполагаемую и не диасистемную. Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями эволюции латинского языка в разных районах романского языкового ареала в период формирования романских языков и их диатопических вариантов (диалектов, или говоров). Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями общей эволюции французского языка, предположительно проходящей в старофранцузский период и вызывающей сосуществование диахронических и диатопических вариантных форм. Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обуславливает все диасистемные особенности французских скриптов, предполагаемая – только диатопические и только скрипт XII–XIV вв. Недиасистемная, сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного, рукописного узуса, характерная в целом для всех рукописных текстов и скриптов, отражает лишь нестабильность и неоднородность письменного узуса в целом в отсутствие единой орфографии.

Ключевые слова: вариативность, диасистема, историческая лингвистика, история французского языка, диалект, скрипта

© Становая Л. А. 2024

Для цитирования: Становая Л. А. Специфика изучения диасистемной вариативности языка в исторической ретроспективе (на материале старофранцузского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 144–167. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-144>

Lydia A. Stanovaïa

Herzen State Pedagogical University of Russia

St Petersburg, Russian Federation

lida_stan@mail.ru

Specificity of studying of diasystemic variability of language in historical retrospective (Based on Old French)

Abstract

The article aims to examine types and kinds of diasystemic variability of language in historical retrospective. Based on the material of the Old French language, the paper explains the need to distinguish and take into account three types of diasystemic variability in diachronic linguistic research: real, supposed and non-diasystemic. The real diasystemic variability of the Old French language is determined by the peculiarities of the evolution of the Latin language in different locations of the Romance language area during the formation of

Romance languages and their diatopic variants (dialects, or idioms). The supposed diasystemic variability of the Old French language is determined by the peculiarities of the general evolution of the French language, presumably taking place in the Old French period and causing the coexistence of diachronic and diatopic variant forms. The real diasystemic variability of the Old French language determines all the diasystemic features of the French scripta, the supposed ones are only diatopic and only for the scripta of the XII–XIV centuries. The non-diasystemic, purely graphical variability of the Old written French, handwritten usage, characteristic for all handwritten texts and scripta in general, reflects only the instability and heterogeneity of the written usage as a whole in the absence of unified orthography.

Keywords: variability, diasystem, historical linguistics, history of the French language, dialect, scripta

© Stanovaia L. A. 2024

For citation: Stanovaia, L. A. (2024). Spetsifika izucheniya diasistemnoy variativnosti yazyka v istoricheskoy restrospektive (na materiale starofrantsuzskogo yazyka) [Specificity of studying of diasystemic variability of language in historical retrospective (Based on Old French)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 144–167. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-144>

1. Введение [Introduction]

Любое диахроническое исследование является по сути исследованием вариативности языка и речи во времени и пространстве. Уже в начале XIX в. были предложены первые объяснения языковой вариативности – диалектное и диахроническое, которые на долгое время определили как методологию изучения истории языка, так и традицию интерпретации вариантных, или вариативных, форм.

Так, Г. Фалло [Fallot, 1839] объяснил вариативность графики французских рукописных текстов отсутствием единой орфографии и связал замеченные им вариативные формы глаголов, существительных, прилагательных, артиклей, местоимений и др., во-первых, с различиями между старофранцузскими диалектами, а во-вторых, с разным временем создания изученных текстов. Тем самым было положено начало исторической диалектологии французского языка. Одновременно с этим и сама история языка стала включать более или менее подробное описание региональной вариативности французского языка на разных этапах его формирования и эволюции.

Расширение понятия «диалект» – от региональной разновидности языка к социально-региональной (см., напр., [Жирмунский, 1936; Жирмунский, 1976, с. 254–255; Шишмарев, 1941, с. 188] и др.) – обусловило многолетние споры относительно выделения тех или иных французских диалектов и затруднило создание их непротиворечивой классификации. В результате, определение многих вариантных форм, описания самих диалектов и их особенностей, а также лингвистическая локализация рукописных текстов до сих пор вызывают бурные споры.

Понимание языка как диасистемы, т. е. как сосуществования нескольких вариативных систем, взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом, позволило уточнить причины и типы языковой вариативности следующим образом (подробнее см. [Лукина, 2014, 2020, 2022]): 1) диахроническая вариативность, обусловленная исторически, т. е. поэтапной эволюцией языка (современный язык, язык предшествующих эпох); 2) диатопическая, обусловленная территориально, т. е. региональной дифференциацией языка (национальный нормативный язык, диалекты, говоры и т. д.); 3) диафазическая, обусловленная функционально, т. е. функционально-стилистической дифференциацией языка (национальный нормативный язык, литературный по разным жанрам и стилям, разговорный, просторечно-фамильярный, публицистический, научный и т. д.); 4) диастратическая, обусловленная социально, т. е. социолингвистической дифференци-

ацией языка (национальный нормативный язык, социолекты, жаргоны, аргы и т. д.); 5) диамезическая, обусловленная системно, т. е. (диа-)системной дифференциацией языка (письменный язык, устный язык).

Применение диасистемного подхода, успешно используемого при изучении вариативности современных языков, к диахроническим исследованиям оказалось столь же продуктивным, однако выявило специфику изучения диасистемной вариативности языка в исторической ретроспективе. В результате исследования мы пришли к заключению о необходимости различать и учитывать в диахроническом лингвистическом исследовании три вида диасистемной вариативности языка: 1) реальную диасистемную вариативность; 2) предполагаемую диасистемную вариативность; 3) не диасистемную, сугубо графическую вариативность. Рассмотрение выделенных типов и видов диасистемной вариативности старофранцузского языка составляет *ц е л ь* настоящей статьи.

2. Теоретические и методологические основы исследования [Theoretical and methodological grounds for the study]

Изложенные в данном разделе теоретические и методологические основы исследования подробно описаны в различных наших работах (напр., [Скрелина, Становая, 2005; Становая, 1994, 2018; Stanovaia, 2003, 2021 a] и др).

1. Вариативность является имманентным свойством языка на любом этапе его существования. Мнение некоторых историков языка об отсутствии диалектов на ранних (IX–XI вв.) этапах эволюции французского языка представляется некорректным.

2. Исследование любого языкового явления в диахронии должно учитывать специфику рукописного, т. е. допечатного, периода. Соответственно, необходимо строго и последовательно различать диалекты и скрипты, тексты произведений и тексты рукописей. Мнение некоторых историков языка, что предложенный нами подход осложняет исследование диатопической и иной вариативности старофранцузского языка, представляется ненаучным.

3. Учитывая известные терминологические споры и разногласия в определении понятий «устный», «письменный» (*oral, écrit*), уточняем, что диалект и скрипта не соотносятся ни как диасистемные варианты языка (устный vs письменный), ни как разные формы речи (устная, звучащая vs письменная, графическая), но как два разных и нетождественных феномена: язык и письменность. Скрипта как диатопический вариант письменности представляет собой чрезвычайно сложное и неоднородное образование, включающее как объективные составляющие, обусловленные особенностями соответствующего базового диалекта, так и субъективные, обусловленные особенностями субъективной (прескриптивной) нормы. Строгое и последовательное разделение диалекта и скрипты необходимо для корректной и адекватной интерпретации выявленных фактов, поскольку не все из них действительно свидетельствуют о проходящих языковых изменениях.

4. Достоверным и репрезентативным материалом лингвистических диахронических исследований признаются только реально существующие и корректно локализованные во времени и пространстве тексты рукописей IX–XV вв., а не гипотетические тексты произведений, восстановленные филологами XIX–XXI вв. Принимая во внимание существенную хронологическую и лингвистическую дистанцию между произведением и его письменной фиксацией в виде сохранившегося, реально существующего рукописного текста (или текстов), строгое и последовательное разделение «текст рукописи» и «текст произведения» необходимо для корректной датировки проходящих в языке процессов и объективного описания языковых явлений.

5. Учитывая роль латинского языка как основного языка письменности во Франции вплоть до конца XII – начала XIII вв., обусловившую малочисленность первых тек-

стов, считаем, что только материал французских рукописных текстов XIII–XIV вв. позволяет в полной мере выявить и изучить диасистемную вариативность старофранцузского языка с учётом экстра- и интралингвистических критериев, систематизировать варианты форм, представленные на различных уровнях языка (фонетическом, грамматическом, лексическом), определить факторы, повлиявшие на их использование во французских рукописных текстах.

6. В отсутствие единого нормативного национального языка, рассматриваем все диасистемные варианты старофранцузского языка как равные. Считаем теоретически и методологически неверным использование современного нормативного французского языка как точки отсчёта для систематизации диасистемных особенностей старо- и среднефранцузского языка в виде шкалы более или менее региональных, литературных, просторечных и других вариативных форм. Не разделяем популярную в настоящее время теорию, что диалоги и монологи, содержащиеся в литературных произведениях, являются адекватным письменным отражением устной речи (*oral représenté*) и что их можно использовать для выявления диамезических особенностей старо- и среднефранцузского языка.

7. Для изучения вариативности старофранцузского узуса наиболее эффективными, хотя и наиболее трудоёмкими, являются предложенные нами «горизонтальный» и «вертикальный» методы исследования рукописных текстов. Разница нормативных установок скрипт и роль писцов наиболее отчётливо проявляется при «горизонтальном» изучении рукописных вариантов одного произведения; «вертикальное» изучение разных произведений, представленных в одной рукописи, позволяет уточнить общие и частные особенности той скрипты, в рамках которой выполнена изучаемая рукопись, большую или меньшую вариативность её графического узуса, степень однородности или гибридности её языкового узуса (соотношение форм базового диалекта и иных), роль писца (писцов), выполнившего (выполнивших) изучаемую рукопись, уровень его (их) профессионализма, личностные предпочтения.

8. Графические формы, зафиксированные в рукописных текстах, не идентичны ни фонетическим, ни грамматическим, ни лексическим формам. Для установления фонетических, грамматических, лексических вариантов необходимо использовать различные современные методы лингвистического анализа. Количественные и статистические подсчёты графических форм служат только для выявления особенностей графики тех или иных скрипт.

3. Виды диасистемной вариативности старофранцузского языка [Types of diasystemic variability of the Old French language]

Специфика исследований диасистемной вариативности старофранцузского языка как языка рукописного периода определяется отсутствием единой кодифицированной нормы, регламентирующей соотношение как между устным, разговорным языком и письменным, литературным, так и между устной и письменной формами речи. Отсутствие прямого доступа к исследованию устной речи того времени не позволяет эмпирически установить точное соответствие между устными, звучащими и письменными, графическими единицами. Это означает, что интерпретация вариативных форм, зафиксированных в рукописных текстах, может быть различной – как свидетельствующей о диасистемной вариативности старофранцузского языка, так и свидетельствующей лишь о тех или иных особенностях скрипт.

В результате проведённого исследования форм имени существительного и его детерминантов (прилагательных, причастий, артиклей, указательных и притяжательных местоимений), зафиксированных в англо-нормандских, бургундских, валлонских, лота-

рингских, нормандских, пикардских и центрально-французских (франсийских) рукописных текстах IX–XIV вв., мы заключили, что выявленная вариативность имеет разную природу. Несмотря на то, что все исследуемые вариативные формы обусловлены отсутствием единого нормативного языка, не все из них действительно свидетельствуют о том или ином типе диасистемной вариативности старофранцузского языка: одни из них связаны с реальной или предполагаемой диасистемной вариативностью старофранцузского языка, а другие – только с отсутствием единой орфографии, обуславливающим существенно графическую вариативность рукописного узуса.

3.1. Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка [The real diasystemic variability of the Old French language]

Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями эволюции латинского языка в разных районах романского языкового ареала в период формирования романских языков и их диатопических вариантов (диалектов, или говоров).

Диатопическая вариативность систем артиклей (*li, le, lo, lou, lu* и др.), указательных (*cil, chilh, cis, chis, cist* и др.) и притяжательных (*mon, men, mun, ton, ten, tun* и др.) местоимений отражает реальные различия французских диалектов, существующие уже в старофранцузский период, а варианты формы, представленные в рукописных текстах, свидетельствуют о диатопических, диахронических, диафазических, диастратических и диамезических особенностях французских скриптов.

3.1.1. Вариативность указательных местоимений: [tʃ] vs [ts] [Variability of demonstrative pronouns: [tʃ] vs [ts]]

Особенности палатализации [ke, ki > tʃe, tʃi] в северных (пикардском, валлонском, верхне-нормандском) диалектах или [ke, ki > tse, tsi] в центральных, западных, восточных (франсийский, нижне-нормандский, лотарингский, бургундский) обусловили диатопическую вариативность систем указательных местоимений на [tʃ] или на [ts] в старофранцузских диалектах и её отражение в виде вариантных графических форм с «ch», например: *chis, chilh, chest, chist, ches, che, ch', chu, che, chou* и др. или с «c», например: *cil, cist, cis, cel, cest, cel, celui, celui, ce* и др.

Диатопическая вариативность указательных местоимений современного французского языка на [ʃ] или на [s], обусловленная дальнейшим преобразованием старофранцузских аффрикат [tʃ > ʃ vs ts > s], подтверждена данными лингвистических Атласов Франции (см., напр., [ALF, карты 206–209]).

Однако указанная реальная диатопическая особенность старофранцузского языка по-разному отражена во французских рукописях: в пикардских, валлонских и нормандских рукописных текстах формы с «ch» чередуются с формами с «c», при этом в разных рукописях их количество варьирует от min 0% до max 65%.

Именно эта диамезическая разница между диалектом как устным вариантом языка, использовавшимся в устной коммуникации, и тем письменным языком, который опосредованно представлен в письменных, рукописных текстах, обусловила появление термина и понятия «скрипт» [Remacle, 1948], ставшего импульсом к переосмыслению многих исходных положений диахронических исследований.

Анализ показал, что большее или меньшее количество диатопических вариантных форм, употребленных в рукописных текстах, обусловлено рядом факторов. Так, результаты различных исследований, в том числе наших, показали, что административно-деловые тексты, хартии всегда содержат большее количество форм базового диалекта, чем литературные. Например, нет ни одной формы (0%) указатель-

ных местоимений с «ch» в пикардском рукописном тексте второй половины-конца XIII в. песни-сказки «Окассен и Николетта» (P., V.N., f.fr. 2168), нормандском рукописном тексте второй половины XIII в. «Романа о Тристане» Бероуля (P., V.N., f.fr. 2171), валлонском рукописном тексте начала XIII в. проповеди «Страшный Суд» (Oxford, Bibl.Bodl., Canonici Misc. 174), тогда как в других, например, в пикардском рукописном тексте XIII в. эпической поэмы «Айоль» (P., V.N., f.fr. 25516) встречаются единичные (3%) формы с «ch», а в третьих их количество может достигать max 37% в пикардских, 12% в валлонских и 3% в нормандских рукописных литературных текстах. В хартиях, напротив, количество форм с «ch» может достигать max: 65% – в пикардских, 51% – в валлонских, 22% – в нормандских.

Согласно данным Атласов французского языка XIII в. А. Дееса, количество форм с «ch» в пикардских литературных текстах – 49% (Сомма, Па-де-Кале), хартиях – 76%; валлонских литературных текстах – 10%, хартиях – 43%; нормандских литературных текстах – 2%, хартиях – 26% [Dees, 1980, p. 27 ; Dees, 1987, p. 4.]¹.

Столь существенная разница показателей позволяет говорить о несомненной диафазической вариативности как старофранцузского языка – литературный и административно-деловой языки, так и французских скрипт – литературные и административно-деловые.

Добавим, что именно наличие большего количества форм базового диалекта в административно-деловых текстах объясняет, почему исследования по исторической диалектологии и скриптологии выполнялись преимущественно или исключительно на материале хартий, а по истории языка в целом – преимущественно или исключительно на материале литературных произведений: задачи исследователей были разными, поскольку диалектологи и скриптологи стремились выявить особенности диалектов и скрипт, а историки языка – установить общую эволюцию языка. Это – сугубо методологическое решение, но никак не идеологическое, неправомерно (см., напр., [Становая, 2019]) приписываемое филологам XIX–XX вв.

Традиционно принято объяснять небольшое количество диалектных форм в литературных текстах формированием французского нейтрального, наддиалектного письменно-литературного языка. На самом деле, как видим, речь идёт о преимущественном употреблении одних диалектных форм вместо (0%) или вместе (max 65%) с другими диалектными формами. Наши исследования показали, что диалектные формы, которые употреблялись во французских рукописях вместо или вместе с формами базового диалекта, являются франсийскими (подробнее см. [Становая, 2019 ; Stanovaia, 2003, 2021 a, b]). Таким образом, формирование французского письменно-литературного языка связано не с созданием и употреблением неких нейтральных, наддиалектных, литературных языковых единиц, а с сознательным выбором франсийских диалектных форм.

Престиж франсийского диалекта, обусловивший наличие франсийских форм во всех французских рукописных текстах, объясняется особенностями формирования письменности во Франции, сначала на латинском, а затем и на французском языке. Так, с самого начала своего формирования французская письменность основывалась на латинской письменной традиции, появившейся в Галлии в период романизации и сохранившейся далее в первых монастырях как основных центрах хранения и производства рукописей, обучения письму и формирования скрибов (переписчиков).

Реформы латинского письма, проведённые по приказу Хильперика и Карла Великого, не сократили постоянно увеличивавшегося разрыва между письменным латинским языком и формирующимся устным французским языком, но способствовали унификации письменного узуса латинских рукописей, в том числе написания новых француз-

¹ Здесь и далее цифры округлены до единицы – Л. С.

ских звуков и слов. Уже в монастырский период (VI–XII вв.) в крупных центрах письменности средневековой Франции вырабатывались письменные нормы, которые преподавались в школах, в основном, монастырских и кафедральных, в форме правил, некоторые из которых сохранились в орфографических трактатах XIII–XV вв. (*Orthographia Gallica, Ars Minor, Tractatus orthographie gallicane, Donait françois* и др.).

Письменный узус скриптория аббатства Сен-Дени, находившегося недалеко от Парижа в центре Франции (*Francia, France*), послужил основой для формирования региональных норм как латинских, так и собственно французских скрипт. Естественно, что письменный узус Сен-Дени формировался под влиянием франсийского диалекта, что и определило престиж франсийского, или, в терминах эпохи, французского языка (*franceis, francois*). Стремление, или даже обязанность писцов следовать письменным нормам крупных центров письменности обеспечили наличие франсийских форм во французских рукописях, а, соответственно, и их языковое сходство именно с франсийским диалектом, ставшим впоследствии диалектной основой современного французского языка (подробнее см. [Скрелина, Становая, 2005, с. 87–93; Становая, 2019; Stanovaia, 2003, 2021 a, b]).

Диахроническая вариативность старофранцузского языка обусловлена постепенной эволюцией как всей языковой системы, так и её отдельных подсистем. Однако, учитывая объективную невозможность подобного исследования в связи с отсутствием достаточного количества рукописных текстов, выполненных во всех районах Франции в IX–XII вв., можно только отметить, что все формы указательных местоимений, употреблённые в первых французских рукописях, были франсийскими: *cels, czo, celle* («Кантилена о Св. Евлалии», возможно пикардская или валлонская рукопись Valenciennes, Bibl. Municipale, ms. 150, около 900 г.); *ciel, ciefert, cil, cel, cio, czo* и др. («Житие Св. Леодегария», возможно валлонская или бургундская рукопись Clermont-Ferrand 240, около 1000 г.); *cift* («Страсбургские Присяги», возможно пикардская, франсийская, лотарингская и др., рукопись P., V.N., lat. 9768, около 1000 г.) (о локализации первых французских рукописных текстов см. [Становая, 2019, 2021]).

В исследованных англо-нормандских рукописных текстах XII в. также зафиксированы только франсийские формы на «с»: *(i)cil, (i)cist, (i)cest, (i)cel, (i)cele, (i)ceste* и др. Отметим, что в некоторых из них («Мистерия об Адаме», рукопись Tours 927, 1 часть; «Псалтырь», рукопись Cambridge, Trinity College R.17.1, anc. 987) зафиксированы графические формы *chi*, которые являются формами относительно-вопросительного местоимения *qui*, отображаемого графически в этих и других англо-нормандских рукописях преимущественно как *ki* или *qui*. Такая же графическая форма *chi* в значении *qui* употреблена в «Кантилене о Св. Евлалии», что ещё раз подтверждает ориентацию английских сcribes на архаичный французский узус (об этом см. [Stanovaia, 2007]). В двух других французских рукописных текстах XII в., лотарингском («Диалог жалующейся души и утешающего разума», рукопись ms. Epinal 209) и туренском («Хроника Нормандских герцогов», рукопись Tours 903) тоже употреблены только формы на «с»: *ceo, ceus, cel* и др. Диатопические варианты указательных местоимений *chis, chilh, chest, chist, ches, che, ch', chu, che, chou* и др., появляются в пикардских, валлонских и нормандских рукописях только в XIII в.

Таким образом, ранние рукописи IX–XII вв. и поздние XIII–XIV вв. различаются по наличию / отсутствию диатопических вариантов указательных местоимений на «ch»/«с». Учитывая реальность рассматриваемой диатопической вариативности старофранцузского языка, можно заключить, что в данном случае речь идёт не о диахронической вариативности старофранцузского языка, но о диахронической вариативности французских скрипт: ранние скрипты IX–XII вв. vs поздние скрипты XIII–XIV вв.

Традиционно отсутствие диатопических вариантов в первых рукописных текстах объяснялось отсутствием различий между французскими диалектами в IX–XI вв., кото-

рые, по мнению, например, Р. А. Будагова [Будагов, 1967, с. 290], М. Дельбуя [Delbouille, 1962, p. 18–24], Г. Фалло [Fallot, 1839, p. 14–20] и др., формируются и развиваются в течение XII–XV вв. Однако процесс палатализации [ke, ki > tše, tši] или [ke, ki > tse, tsi] проходил в период формирования французского языка, приблизительно со II–III вв. по VI–VII вв. (см., напр., [Широкова, 1995, с. 225 ; Zink, 1999, p. 103]). Следовательно, диатопические варианты на [tš] или на [ts] уже присутствовали во французских диалектах, и их отсутствие во французских рукописных текстах IX–XII вв. свидетельствует не об отсутствии различий между диалектами старофранцузского языка на ранних этапах его существования. Речь идёт исключительно о диамезических особенностях всех французских скрипт IX–XIV вв., с одной стороны, и диахронических особенностях французских скрипт IX–XII вв. vs XIII–XIV вв. – с другой.

Мы связываем диахроническую вариативность ранних и поздних французских скрипт со спецификой монастырского и светского этапов письменности во Франции. Монастырский период (VI–XII вв.) был периодом тесных связей между монастырями, скрипториями и библиотеками Франции, Англии, Германии и других стран западной Европы. Учитывая исходную франсийскую основу письменных норм, использовавшихся в церковных скрипториях и школах, употребление франсийских форм в первых французских рукописных текстах, включая англо-нормандские, представляется естественным.

В конце XII – начале XIII вв. монополия церкви на производство рукописей и обучение письму начинает исчезать, монастырский период письменности сменяется светским: основывается первый французский университет, появляются первые светские городские школы, в которых обучали письму, первые светские мастерские по изготовлению рукописей. Это изменение оказало существенное влияние не только на многократно увеличившееся количество французских рукописных текстов (IX–XII вв. – 329834 рукописи, из них французских текстов – 6, большинство рукописных текстов XII в. на французском языке выполнено в Англии; XIII в. – 510828; XIV в. – 564624; XV в. – 1195783 [Buringh, van Zanden, 2009, p. 442]), но и на растущую вариативность французского письменного узуса.

Перемещение производства рукописей в города вызвало разобщение письменных традиций. Крупные скриптории и канцелярии продолжали традиционную ориентацию на графические нормы основных центров письменности, а значит, и на престижный франсийский письменный узус. Отсюда – минимум диалектизмов в одних рукописях XIII–XIV вв. Только появляющиеся светские мастерские, естественно, не обладали длительным опытом производства рукописей, а их писцы, занимаясь созданием рукописей преимущественно на французском языке, безусловно испытывали большое влияние разговорного узуса. Отсюда – большее количество диалектизмов в других рукописях XIII–XIV вв.

К тому же и сам корпус писцов перестал быть однородным. В производстве рукописей стали участвовать не только клирики, сформированные в русле многовековой латинской традиции и работавшие в скрипториях и крупных канцеляриях, но и лаики, светские переписчики, среди которых были как профессиональные, члены специальных корпораций, так и свободные, непрофессиональные, в том числе стажёры, студенты, ученики и т. д.

Таким образом, произошедшие существенные изменения практики производства рукописей обусловили большее или меньшее количество форм базового диалекта в разных рукописях XIII–XIV вв., которые, хотя и выполнены в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах, могут столь существенно отличаться друг от друга. Очевидно, что в данном случае речь идёт как о диахронической, так и о диастратической вариативности французских скрипт.

Важно подчеркнуть, что рассмотренные диамезические, диатопические и диафазические особенности французских скрипт соответствуют диамезическим, диатопиче-

ским и диафазическим характеристикам старофранцузского языка. Напротив, диахронические и диастратические особенности являются только особенностями ранних и поздних скрипт, обусловленными спецификой монастырского и светского этапов. Все указанные диамезические, диатопические, диахронические, диафазические и диастратические особенности французских скрипт прослеживаются в реальной диасистемной вариативности определённого артикля и притяжательных местоимений.

3.1.2. Вариативность определённого артикля и притяжательных местоимений [Variability of the definite article and possessive pronouns]

Особенности бифуркации латинского указательного местоимения *ILLE* (*ILLE* > *il, le*; *ILLI* > *il, li*; *ILLOS* > *ils, les*; *ILLA* > *ele, la*; *ILLAS* > *eles, les*) и латинских притяжательных местоимений (*MEUM* > *mien, mon*; *MEAM* > *ma, meie* и др.) обусловили диатопическую вариативность систем определённого артикля и притяжательных местоимений в старофранцузском языке. Состав вариантных форм определённого артикля, ударных и безударных форм притяжательных местоимений отличается фонетико-графическим разнообразием и в полной мере представляет диатопическую, диахроническую, диафазическую, диастратическую и диамезическую специфику французских скрипт точно так же, как описанная выше диасистемная вариативность системы указательных местоимений.

Таковы, например, диатопические варианты определённого артикля: франсийские, нормандские, англо-нормандские мужского рода единственного числа (далее – м. р. ед. ч.) *li, le, l'*, женского рода (далее – ж. р.) ед. ч. *la, l'*, множественного числа (далее мн. ч.) *li, les*; валлонские ж. р. *li, ly, le*; лотарингские м. р. *lo, lou, lu*, ж. р. ед. ч. *lai, le*, мн. ч. *les, lez, le, los*; бургундские м. р. *lou, lu*, ж.р. *la, li* и др.; диатопические варианты притяжательных местоимений: франсийские, бургундские м. р. *mon, ton, son*, ж. р. *ma, ta, sa, mon, ton, son, m', t', s'*; пикардские, валлонские, нормандские м. р. *men, ten, sen*, ж.р. *me, te, se*; англо-нормандские м. р. *tun, tun, sun*; лотарингские м. р. *meu, teu, tuu* и др. Употребление пикардских и валлонских форм определённого артикля ж. р. ед. ч. *li, le* может достигать max 90% в пикардских и 78% в валлонских хартиях, 35% в пикардских и 27% в валлонских рукописях литературных произведений. По данным Атласов А. Дееса: 99% в хартиях – Север, 55% – Валлония [Dees, 1980, p. 40], 39% в рукописях литературных произведений – Сомма, 24% – Валлония [Dees, 1987, p. 83]. Таким образом, в отличие от указательных местоимений на «ch», формы определённого артикля ж.р. могут служить чётким критерием для локализации пикардских и валлонских рукописных текстов.

Столь же чётким критерием для локализации англо-нормандских и пикардских рукописных текстов являются англо-нормандские формы притяжательных местоимений м. р. ед. ч. *tun/m, tun/m, sun/m*, количество которых может достигать max 68% в англо-нормандских рукописях литературных произведений; 74% – по данным А. Дееса [Dees, 1987, p. 34]; и пикардских форм ж. р. ед. ч. *me, te, se*, количество которых может достигать max 81% в пикардских хартиях, а по данным А. Дееса [Dees, 1980, p. 83] – max 98%, Север; max 21% в рукописях литературных произведений, а по данным А. Дееса [Dees, 1987, p. 35] – max 27%, Сомма.

Можно заключить, что реальность диасистемной вариативности старофранцузского языка обуславливает диамезические, диатопические, диахронические, диафазические и диастратические особенности французских скрипт. При этом диамезические, диатопические и диафазические вариантные формы свидетельствуют о диамезической, диатопической и диафазической вариативности старофранцузского языка. Напротив, диахронические и диастратические вариантные формы свидетельствуют только о диахронической и диастратической вариативности французских скрипт.

3.2. Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка [The supposed diasystemic variability of the Old French language]

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями общей эволюции французского языка, предположительно проходящей в старофранцузский период и вызывающей сосуществование диахронических и диатопических вариантных форм.

Диатопическая и диахроническая вариативность имени существительного и его детерминантов предположительно отражает прошедшие и/или проходящие в старофранцузский период языковые изменения и новые формирующиеся различия французских диалектов. К ним относятся:

- особенности вокализации [I > u] и последующей монофтонгизации комбинаторных дифтонгов и трифтонгов [au > o, eau > eo > o, eu > œ], обусловившие сосуществование различных слитных форм артикля (*du, del, dou, deu, delle* и др.), указательных местоимений (*ceulx, cheauz, cheas, cius, ciaux, ceauls* и др.);

- этапы и особенности морфологической реструктуризации форм притяжательных местоимений (*suen* → *sien*, *soue* → *seie*, *soie* → *sienne* и др.), эволюции системы указательных местоимений;

- функционирование или отсутствие старофранцузского именного склонения.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловила многочисленность разнообразных вариантных форм, составляющих яркую характеристику всего периода и всех скрипт, однако интерпретация этих форм вызывает непрекращающиеся споры исследователей.

3.2.1. Вариативность слитного артикля и местоимений с [I > u] [Variability of contracted article and pronouns with [I > u]]

Особенности вокализации [I > u], хронология которой до сих пор спорна (вульгарно-латинский или старофранцузский период), и дальнейшей (старо- и/или среднефранцузский период) монофтонгизации комбинаторных дифтонгов и трифтонгов обусловили сосуществование различных вариантов слитных форм артикля, интерпретация которых может быть как диахронической: «старые» на *-l* (*al, del, el*) и «новые» на *-u* (*du, au, ou*), так и диатопической, например, во франсийских рукописных текстах: *du, del, au, al, el, ou, u; des; as, aus; es*; англо-нормандских: *del, des, al, as, el, es*; нормандских: *du, au, el, eu*; валлонских *dou, du, del, deu, delle; au; el, ou, en le, ens, em; as, aus, az*; пикардских *dou, du, del; au, el, u, deul, dle*; бургундских *dou, au, u, eu, u, des, as, aux, es, alz* и др.

Этими же процессами вокализации и последующей монофтонгизации дифтонгов и трифтонгов обусловлена вариативность форм указательных местоимений, например: франсийских *cels, ceulx, ces, cez*; англо-нормандских *cels, ces, cez*; валлонских *cheauz, cheas, cheaus, ceaz*; пикардских *cius, chius, ciaux, chils, ciaux*; бургундских *ceauls, ceaus, celle, çai*; лотарингских *ciz, ceaus, ceaz, cex, cel; ceus, ceos, sous, ceas, sels, seus, ses, siaus, sous, cos* и др.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловила вариативность французских скрипт следующим образом. В первых рукописных текстах IX–XI вв. употреблены только формы слитного артикля на *-l*: *enl* в «Кантилене о Св. Евлалии» и *al, alf, del, delf* в «Житии Св. Леодегария». Однако в рукописях XII в. употреблены и формы на *-u*. Так, во всех англо-нормандских рукописях, а не только XII в., преимущественно употреблены формы ед. ч. м. р. *del, al, el*, а формы *deu, au, eu* единичны. В туренской рукописи XII в. («Хроника Нормандских герцогов») формы *del, al, el* чередуются с формами *deu, au, eu*, а в лотарингской XII в. («Диалог жалующейся души ...») употреблены только формы *del, au*.

Формы мн.ч., представляющие тот же процесс вокализации, т. е. [a + les > als > aus, de + les > dels > deus, en + les > els > eus], зафиксированы во всех французских рукописях XII–XIV вв. преимущественно в виде графических форм *des, as ~ aus, es*. В сравнении с многообразием результатов вокализации [l > u] в формах ед. ч. такое практически единообразие результатов той же вокализации в формах мн. ч. поражает. Трудно предложить этому логичное объяснение в русле собственно фонетических изменений.

В остальных рукописях XIII–XIV вв. зафиксировано большее или меньшее количество форм на *-l*. Преимущественное употребление форм ед. ч. м. р. *del, al, el* составляет яркую диатопическую характеристику англо-нормандских скрипт. В остальных исследованных нами рукописях других районов формы на *-l* немногочисленны или чередуются с различными региональными вариантами, представляя диатопическую вариативность скрипт.

Наши результаты по англо-нормандским рукописям совпадают с данными Атласа литературных текстов А. Дееса [Dees, 1987, pp. 85, 87, 92]: формы *del* – 100%, *al* – 84%, *el* – 99%. Однако данные по другим районам не совпадают с нашими (см. табл. 1). Мы связываем разницу наших данных и Атласов А. Дееса с разницей материала и методологии подсчётов. Так, мы считали все формы слитных артиклей (100%) и из них количество форм на *-l*/без *-l*. Атласы представляют процентные соотношения одних форм против других, например: *dau, do, dou / deu, deus, du; del / deu, du; a / al, au, av; al / au, av, hau* и т. д. Иначе говоря, указанные в таблице проценты касаются только количества, например, формы *del* среди форм *del, deu, du*, а не из всех представленных в тексте форм (*del, dau, do, dou, deu, deus, du* и др.). Кроме этого, принимая во внимание отмеченную выше вариативность рукописных текстов внутри одной и той же скриптуральной зоны, мы, в отличие от А. Дееса, не распространяли данные 1–2 текстов на весь район (так у А. Дееса в районах, например: Вогеzy, Франш-Конте, Мез, Мозель, и др.), а учитывали их по отдельности.

Т а б л и ц а 1. Вариативность *del, al, el* [Dees, 1980, pp. 42–58 ; Dees, 1987, pp. 85, 87, 92]
[T a b l e 1. Variability of *del, al, el*] [Dees, 1980, pp. 42–58 ; Dees, 1987, pp. 85, 87, 92]

район	<i>del</i> % хартии	<i>del</i> % лит. тексты	<i>al</i> % хартии	<i>al</i> % лит. тексты	<i>el</i> % хартии	<i>el</i> % лит. тексты
Нормандия	4	15	0	0,5	26	85
Валлония	98	100	22	99	99	100
Север Пикардия	94	50	6	1	100	75
Сомма Пикардия	20	63	1	15	74	86
Марна Шампань	?	22	0	1,6	83	96
Эно Шампань	100	99	23	32	100	100
Верхняя Марна Лотарингия	71	84	0	5	100	100
Мез Лотарингия	?	67	0	0	?	100
Мозель Лотарингия	?	100	2	100	?	100
Вогеzy Лотарингия	?	100	0	17	?	100
Бургундия	14	99	1,6	27	?	98
Франш-Конте	16	0	0	0	89	0
Парижский р-н	2	17	0	0,6	16	80

Как видно из таблицы 1, преимущественное (более 50%) употребление форм на *-l* характерно не только для англо-нормандских скрипт. Однако, существенные – многократные! – различия показателей между литературными и административно-деловыми текстами (напр., *el*: Нормандия – 26/85; Париж – 16/80; и др.) или между разными предлогами (напр., Верхняя Марна: *del* – 71/84, *al* – 0/5, *el* – 100/100; Север: *del* – 94/50, *al* – 6/1, *el* – 100/75 и др.) представляются странными. Тем не менее, разнообразие вариантных форм слитных артиклей очевидно и позволяет выделить диатопические особенности скрипт. Выделить же диафазические и диастратические особенности скрипт не представляется возможным, поскольку употребление вариантных форм слитных артиклей в хартиях и литературных текстах не поддаётся систематизации так же, как и причины их выбора в целом. Таким образом, можно уверенно говорить только о диахронической вариативности французских скрипт IX–XI вв. и XII–XIV вв., с одной стороны, и о диатопической вариативности французских скрипт XII–XIV вв. – с другой.

Подчеркнём, что в данном случае диахроническая граница между скриптами IX–XI вв. и XII–XIV вв. не соответствует границе между монастырским и светским этапами письменности, но соответствует границе между скудными эмпирическими данными первых текстов IX–XI вв.: «Кантилена о Св. Евлалии» – общий объём 188 слов; «Житие Св. Леодегария» – 1400 слов; в «Страсбургских Присягах», объёмом в 115 слов, артикля нет вообще, и относительно многочисленными данными последующих текстов XII–XIV вв., например, тексты XII в.: «Песнь о Роланде» – 29312 слов; «Псалтырь» – 42500; «Хроника нормандских герцогов» – 24928, и т. д. Эти факты позволяют предположить, что отсутствие вариативных форм слитного артикля в первых текстах и их наличие в последующих может быть связано с многократным увеличением, начиная с XII в., доступного для изучения количества языкового материала.

Вопрос о диамезической вариативности устного старофранцузского языка и письменного, опосредованно представленного в рукописных текстах, остаётся открытым ввиду спорной хронологии рассматриваемых фонетических изменений. Тем не менее, необходимо добавить следующее. Традиционно колебания в графике служат историкам языка для изучения и описания хода языковой эволюции. Так, например, графические варианты *faire ~ fere*, *le ~ lai* и др. рассматриваются как свидетельства колебания произношения в связи с проходящей монофтонгизацией [ai > e]. При этом, как известно, языковая эволюция протекает постепенно и длительно, что обуславливает сначала появление единичных новых форм, затем равное сосуществование старых и новых вариантов, а лишь потом преимущественное употребление новых форм и постепенное исчезновение старых. Таким образом, одно языковое изменение занимает столетия, обеспечивая тем самым неразрывность взаимопонимания между членами одного языкового сообщества.

Образование и эволюция форм слитных артиклей и указательных местоимений связаны с двумя последовательными языковыми процессами. Сначала должны пройти и завершиться вокализация [l > u] и образование комбинаторных дифтонгов и трифтонгов [au, eu, eau], а только затем может начаться монофтонгизация этих дифтонгов и трифтонгов, образованных в результате вокализации [al > au > ao > o, el > eu > ou > o, del > deu > du; cels > ceus > cœ / ceaus > ceo > cjœ, cœ]. Только в таком порядке должны происходить колебания в написании форм слитных артиклей и указательных местоимений, обусловленные изменениями в произношении: сначала колебания в написании *-l ~ -u*, т. е. *el ~ eu*; *el ~ eau*, *al ~ au* и др., а лишь потом – монофтонгизация и колебания в написании диграф / триграф ~ простая графема, т. е. *eu ~ ou ~ o ~ u*, *au ~ ao ~ o*, *eau ~ iau ~ eo ~ io ~ o*.

Однако во французских рукописных текстах XII–XIV вв. зафиксированы графические варианты с чередованием *el ~ eu ~ eau ~ iau ~ ou ~ eo ~ o ~ u*, *al ~ au ~ o ~ ao* и др., согласно которым вокализация происходит одновременно с монофтонгизацией, что а priori невозможно. Следовательно, рассматриваемые графические варианты форм слитных арти-

клей и указательных местоимений не отражают реально проходящие в XII–XIV вв. фонетические изменения. Это, в свою очередь, означает, что речь идёт исключительно о скриптах, их нормах относительно написания форм слитных артиклей и указательных местоимений, влиянии базовых диалектов на состав диатопических вариантов и др.

Учитывая, что первые известные примеры вокализации (*Baudomerus* вместо *Baldomerus*, *Soacitho* < *salicetu*), названные Ф. Брюно и Ш. Брюно «неуклюжими написаниями» («*notations maladroites*» [Brunot, Bruneau, 1956, p. 50]) датированы VII в., можно предположить, что вокализация проходила не в XI–XII вв. [Brunot, 1973, pp. 158–159], а значительно раньше. Латинская и формирующаяся французская письменность сохранила архаичное написание с *-l*, отсюда – употребление только *enl*, *al*, *alf*, *del*, *delf* во французских рукописных текстах IX–XI вв. Преимущественное употребление архаичных вариантов *del*, *al*, *el* именно в англо-нормандских рукописных текстах полностью согласуется с описанной нами нормативной установкой английских скрибов на архаичный французский узус.

Сделанное заключение, что речь идёт о разнице скриптуральных норм, подтверждается также выявленной нами существенной разницей англо-нормандских и нормандских скрипт в целом. Несмотря на распространённое мнение об общности нормандского и англо-нормандского диалектов, определившее сам термин «англо-нормандский», ориентация английских скрибов на архаичный французский узус обусловила практически исключительное употребление форм на *-l*, тогда как ориентация нормандских скрибов на современный им разговорный узус обусловила преимущественное употребление форм *du*, *au*, но *el* в литературных текстах и *eu* в хартиях.

Начавшаяся в старофранцузском языке монофтонгизация дифтонгов и трифтонгов обусловила появление новых фонетических вариантов, а особенности светского этапа французской письменности, о которых речь шла выше, вызвали много- и разнообразие графических форм: общее количество вариантов форм слитных артиклей доходит до 30 [Nehb, 1902], из которых нам встретилось 24, а общее количество зафиксированных нами вариантов форм указательных местоимений составляет 48.

Можно заключить, что предположительность диасистемной вариативности старофранцузского языка обуславливает только диахронические и диатопические особенности французских скрипт IX–XIV вв. При этом ни диатопические, ни диахронические варианты формы не свидетельствуют о диатопической и диахронической вариативности старофранцузского языка. Относительно других типов диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом, нельзя сделать никаких аргументированных и подтверждённых эмпирически заключений.

3.2.2. Вариативность «детерминатив» vs «местоимение»

[Variability “determiner” vs “pronoun”]

Этапы морфологической реструктуризации форм притяжательных местоимений (*tuen* → *tien*, *toue* → *teie*, *toie* → *tiene*, *suen* → *sien*, *soue* → *seie*, *soie* → *sienne* и др.) и эволюции форм указательных местоимений, начавшихся в старофранцузский период и завершившихся формированием новых функциональных классов детерминативов и местоимений, хорошо прослеживаются на материале рукописных текстов XIII–XIV вв.

Многообразие диахронических и диатопических вариантных форм притяжательных (напр.: *suen*, *soen*, *suon*, *sui*, *soe*, *sue*, *sua*, *soia*, *soiue* и др.) и указательных (напр.: *cil*, *cis*, *cius*, *chil*, *chis*, *icil*, *cilh*, *chilh* и др.) местоимений является важной характеристикой всего периода и всех изучаемых скрипт. Однако другие виды диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом не поддаются систематизации по объективным и прозрачным критериям.

Например, формирующееся функциональное противопоставление «местоимение» vs «детерминатив» обуславливает преимущественное употребление форм указательных местоимений от *ISTE* (*cest, cist, ceste, ces* и т. д.) в функции детерминанта существительного, а форм от *ILLE* (*cil, cel, cele* и др.) – в функции подлежащего и дополнения, но не исключает иного употребления. Так, например, в валлонских хартиях, формы мн. ч. *c(h)e(s, z)* преимущественно употребляются в функции детерминанта существительного, а формы мн. ч. м. р. *c(h)e(a)us(z), c(h)eas(z)* – в функции косвенного дополнения, однако есть примеры употребления формы *c(h)e(s, z)* и в функции косвенного дополнения, например:

A tos cheauz ki ches lettres verunt & orunt [Wilmotte, 1888, Charte 1269]; *A tous cheaus qui ces presens letres veront* [Ibid, Charte 1272]; *A toz ceaz ki ces presens lettres verront & oront* [Ibid, Charte 1274]; *A tous cheas ki che lettres vieront* [Ibid, Charte 1291]; *A tous ces ki ces presentes lettres verront Et orront* [Ibid, Charte 1271]; *A tous ces ki ces presentes lettres* [Ibid, Charte 1270] и др.

Невозможность определить фактор выбора той или иной формы обуславливает постоянный интерес и нескончаемые споры в истории французского языка (см., напр., [Скрелина, Становая, 2005, с. 188–197; Buridant, 2019, pp. 177–206; GGHF, 2020, pp. 1567–1580] и др.).

3.3.3. Вариативность именных форм на *-s* / без *-s* [Variability of nominative forms with *-s* /without *-s*]

Вариативность форм существительных, прилагательных и причастий на *-s* / без *-s* по-прежнему вызывает споры исследователей. Проведённая верификация теории старофранцузского именного склонения на основе сопоставления и критического анализа аргументов и фактов, полученных в истории французского языка в течение всех 200 лет эмпирических исследований, снова убедительно доказала отсутствие старофранцузского склонения как действующей грамматической системы [Становая, 2021 б]. Проведённый анализ подтвердил ранее высказанное нами заключение [Становая, 1994] об отсутствии старофранцузского склонения, дополнил и уточнил его новыми фактами.

Вариативность касается только так называемых форм прямого падежа, в которых чередование конечных *-s* / \emptyset не сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений (ед. ч. *mur ~ murs, pere ~ peres, flor ~ flors, ber ~ bers ~ barons*; мн. ч. *mur ~ murs, pere ~ peres, flor ~ flors, barons ~ baron*).

Отсутствие объективных методов, выявляющих истинный характер – звучащий или сугубо графический – показателя *-s*, не позволяет однозначно определить данные формы как сугубо графические или как графо-фонетические варианты, поскольку возможно, что оглушение конечного *-s* происходило в разных диалектах по-разному, но это языковое изменение не нашло адекватного отражения в графике. Мы также заметили, что чередование *s ~ z* возможно в тех случаях, где исключена аффриката [ts]: *choses/z, ceas/z, bois/z, parties/z* и др. Однако при произнесении или колебаниях в произнесении / опущении конечного *-s* должно быть всё наоборот, т. е. чередование *s ~ z* должно быть именно в тех случаях, где есть постепенно упрощающаяся аффриката [ts > s].

Формы так называемого косвенного падежа, напротив, отличаются единообразием, и чередование конечных *-s* / \emptyset всегда сопровождается регулярным противопоставлением грамматических значений: ед. ч. \emptyset (*mur; pere, flor; ber; baron*), мн. ч. *-s* (*murs, peres, flors, barons*). Аффриката [ts], появляющаяся в окончании мн. ч. в случае комбинаторики [t + s], преимущественно выражена графемой «z»: *toz, granz, diz* и др., однако формы на «s» возможны: *tos, grans, dis* и др. Увеличение числа графических вариантов мн. ч. на *-s* может свидетельствовать о проходящем упрощении аффрикаты [ts > s] в конце XIII – начале XIV вв.

Выбор тех или иных вариантных форм так называемого прямого падежа обусловлен разными скриптуральными нормами оформления имени, поэтому данный тип вариативности можно безусловно определить как диатопический. При этом необходимо подчеркнуть, что ориентация на разные нормы оформления имени – аналогический (пикардские, валлонские, лотарингские из Меца, бургундские, кроме Авалона и Отена, франсийские монастырских скрипториев и северных районов Иль-де-Франса) или этимологический (англо-нормандские, нормандские, туренские, лотарингские, кроме Меца, франсийские канцелярий и остальных районов Иль-де-Франса, бургундские Авалона и Отена) тип оформления – составляет важную характеристику всех французских скрипт.

Учитывая, что хронология прогрессивного разрушения именного склонения не прослеживается в хронологически разных рукописях одного и того же района, мы заключили, что склонение как действующая грамматическая система завершило своё функционирование в эпоху вульгарной латыни как периода формирования французского языка, т. е. до IX в. Поэтому сохранение разнообразных графических форм, создающих иллюзию склонения, несомненно свидетельствует о диамезических особенностях скрипт.

Однако отсутствие чёткой хронологической связи между частотностью графических форм прямого падежа на *-s* в ед. ч. и без *-s* во мн. ч. не позволяет определить данный тип вариативности как диахронический. Так, например, англо-нормандские рукописные тексты XII в., представляющие этимологический тип оформления имени, могут содержать: 10–20% «ошибок» («Четырехкнижие королей», рукопись P., Mazarine 54; «Псалтырь», рукопись Cambridge, Trinity College R.17.1 (987)); 25–45% («Песнь о Роланде», рукопись Oxford, Bodleian Lib., Dygby 23; «Житие Св. Алексия», рукопись Hildesheim, S. Godehards Bibl.); более 50% («Мистерия об Адаме», рукопись Tours 927, 1 часть).

Среди англо-нормандских рукописных текстов XIII в., 80% «ошибок» представлено в рукописи начала XIII в. («Апокалипсис», рукопись P., B.N., f.fr.403); напротив, рукопись середины XIII в. («Легенда о райском дереве», рукопись P., B.N., f.fr. 66) содержит менее 25% «ошибок», а рукописи конца XIII – начала XIV вв. («Житие Св. Николая» Уаса, рукописи Arsenal 902; Berlin, Deutsche Staatsbibl., Hamilton 270) ещё меньше – 15%; одновременно с этим, рукописный текст трактата «Галльская орфография» конца XIII в. (Towerdocument) – 100% «ошибок». Отсутствие диахронической вариативности англо-нормандских скрипт XII–XIII вв. очевидно.

Сосуществование аналогической и этимологической норм характеризует франсийские, лотарингские и бургундские скрипты XIII–XIV вв. Наличие рукописных текстов, выполненные в одних и тех же диалектных и скриптуральных зонах, которые могут отличаться графическим оформлением имени, позволяет говорить о диафазических и диастратических особенностях скрипт.

Мы выявили некоторые жанровые различия франсийских рукописных текстов. Все проанализированные нами хартии представляют этимологическую норму с 50–95% «ошибок», а большинство литературных – аналогическую с 5–25%. Соответственно, можно определить данный тип вариативности как диафазический, но только для франсийских скрипт, поскольку в других скриптах такое различие нами не было зафиксировано.

Между тем, в Атласах А. Дееса прослеживается схожая и иная картина: в хартиях Орлеанэ и Парижского региона – 76% и 64% «ошибок» соответственно, в литературных текстах – 78% и 64%; в Нормандии: хартии – 97%, литературные тексты – 77%, в Валлонии: хартии – 11%, литературные тексты – 14%, в Бургундии (Иона, Бурбоннэ, Бургундия), соответственно: хартии – 20%, 22%, 12%, литературные тексты – 18%, 34%, 27%; в Лотарингии (Верхняя Марна, Мез, Мозель, Вогезы), соответственно: хартии – 6%, 7%, 6%, 4%, литературные тексты – 26%, 46%, 0%?, 20%?, и др. [Dees, 1980, p. 206; Dees, 1987, p. 112].

Мы связали разницу наших данных и Атласов А. Дееса с разницей языкового материала: мы сравнивали данные отдельно по формам существительных и прилагатель-

ных, тогда как в Атласе хартий представлены данные по формам существительных м. р. ед. ч. в целом, а в Атласе литературных текстов – по формам только прилагательного м. р. ед. ч. *grant*.

Мы обратили внимание на некоторые жанровые различия англо-нормандских рукописных текстов. Так, проанализированные эпические поэмы («Песнь о Роланде», рукопись XII в. Oxford, Bodleian Lib., Dugby 23; «Песнь о Гильоме», рукопись XIII в. L., Br.M., add.38.663; «Отинель», рукопись XIV в. Middlehill 8345) содержат приблизительно равное количество «ошибок» – 25–45%, тогда как произведения англо-нормандских авторов («Житие Св. Николая» Уаса, рукописи конца XIII – начала XIV вв. Arsenal 902; Berlin, Deutsche Staatsbibl., Hamilton 270; «Песни» Марии Французской, рукопись середины XIII в. L., Br.M., Harley 978; «Житие Томаса Беккета» Бенуа, рукопись XIII в. Cheltenham, Thirlestaine House, Col. Ph. Fenwick 8113; «Роман о Бруте» Уаса, рукопись XIII в. Durham Cathedral C.IV.27.1.; «Житие Св. Жилия» Гильома Берневильского, рукопись XIII в. B. Laurentienne de Florence, 99) существенно различаются по цифровым показателям – 15–55%, так же, как и произведения религиозного характера («Житие Св. Алексия», рукопись XII в. Hildesheim, S.Godehards Bibl.; «Псалтырь», рукопись XII в. Cambridge, Trinity College R.17.1 (987); «Мистерия об Адаме», рукопись XII в. Tours 927, часть I; «Четырёхкнижие королей», рукопись XII в. P., Mazarine 54; «Легенда о райском дереве», рукопись середины XIII в. P., B.N., f.fr. 66); «Апокалипсис», рукопись начала-первой половины XIII в. P., B.N., f.fr.403) – 15–80%.

Соответственно, можно было бы предположить, что речь идёт как о диафизической, так и о диастратической вариативности. Однако, по мнению Д. Легга, однородность рукописей эпических поэм связана не с их жанровыми характеристиками, а с тем, что все они были выполнены для семьи Д'Ойли, коннетаблей Оксфорда [Legge, 1978]. Следовательно, предположение о диафизической и диастратической вариативности англо-нормандских скрипт требует дополнительного тщательного исследования.

Поскольку в разных вариантах трактата «Галльской орфографии» есть указания по написанию и произнесению некоторых форм с «*s / z*» или «*z / x*», а в трактате М. Т. Куэфюрелли (*Tractatus ortographie gallicane*) есть примеры написания пикардских форм ед. ч. на *-s* и, по мнению автора, «более красивых» (*pulchrius*) франсийских форм без *-s*, то, учитывая нормализаторские рекомендации авторов и соавторов трактатов и регламентирующий, прескриптивный характер скрипт, можно определить вариативность форм так называемого прямого падежа не только как диатопическую, но и как диастратическую.

Таким образом, диатопическая и диамезическая вариативность форм существительных, прилагательных и причастий на *-s* / без *-s* составляет яркую особенность всех французских скрипт; диафизическая – франсийских и, возможно, других; диастратическая – франсийских, пикардских и, возможно, других. При этом, ни диатопические, ни диамезические, ни диафизические, ни диахронические, ни диастратические варианты формы не свидетельствуют о диасистемной вариативности старофранцузского языка.

Можно заключить, что предположительность диасистемной вариативности старофранцузского языка однозначно проявляется только в одном своём типе – диатопическом, обуславливая диатопические особенности французских скрипт XII–XIV вв. Есть некоторые диахронические особенности французских скрипт IX–XI вв., с одной стороны, и XII–XIV вв. – с другой. Все остальные типы диасистемной вариативности французских скрипт или не проявляются вовсе, или проявляются нерегулярно, непоследовательно, затрагивая лишь некоторые скрипты. При этом, ни диатопические, ни диахронические варианты формы не свидетельствуют о диатопической и диахронической вариативности старофранцузского языка. Относительно других типов диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом, нельзя сделать никаких аргументированных и подтверждённых эмпирически заключений.

3.3. Недиасистемная, сугубо графическая вариативность письменного, рукописного узуса [Non-diasystemic, purely graphic variability of written, handwritten usage]

Недиасистемная, сугубо графическая вариативность письменного, рукописного узуса обусловлена отсутствием единой кодифицированной нормы, особенностями скрипт, переписчиков и др. Сугубо графическая вариативность форм имени существительного и его детерминантов представлена в чередованиях разных букв, например: существительные *choses ~ chosez; glise ~ glize; eglisez ~ eglises, hom ~ om ~ hon ~ on ~ ho;* артикли *li ~ ly, un ~ ung, as ~ az, aus ~ aux, del ~ dell, des ~ dez;* указательные местоимения *seus ~ ceus, cist ~ sist, chil ~ chilh;* притяжательные местоимения *nos ~ noz, vos ~ voz* и др. Эта вариативность отражает только нестабильность и неоднородность письменного узуса в целом, общие и частные особенности скрипт, разный уровень профессионализма переписчиков и их личностные предпочтения.

Сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного, рукописного узуса не поддаётся систематизации в целом. Тем не менее можно отметить следующее. Для первых французских рукописных текстов IX–XI вв. характерны графические формы, в той или иной мере схожие с соответствующими латинскими этимонами, например: *rex* (лат. *rex*), *anima* (лат. *anima*), *oram* (лат. *oramus*), *ad iudha* (лат. *ad-iudare*), *cad huna* (лат. *cata una*), *falvar* (лат. *salvare*), *fradre* (лат. *fratrem*), *returnar* (лат. *tornare*), *corp* (лат. *corpus*), *tempf* (лат. *tempus*) и др. Эти формы отражают различные приёмы латинской письменной традиции (сокращения, контракции, элементы тиронской системы и др.), например: *ḏs* (лат. *deus*), *dō* (лат. *deo*), *xṗf* (лат. *christianus*), *xṗi* (лат. *christiani*), *&* (лат. *et*), *p* (лат. *per; par*) и др.

Напротив, новые французские звуки выражены графически неадекватно и непоследовательно. Так, для обозначения дифтонгов и трифтонгов преимущественно используются простые графемы (*poblo, favir, podir, dift* и др.), реже – диграфы и триграфы (*ruovet, buona, bellezour; foule, raneiet, coift* и др.); для звука [э] используются буквы «а» (*pulcella, buona, cad huna, fradra*), «о» (*poblo, karlo*), «е» (*fradre, karle*); для германских имён собственных используются латинизированные написания, принятые в латинских документах, начиная с VI в.: *Karlo, Karle, Karlus* (лат. *Karolo, Karoli*), *Lodhuvigs, Lodhuvig* (лат. *Hludovicus, Hladowici, Hludovuici*), *Ludher* (лат. *Lotharius, Hlotharii*) и т. д. (подробнее см. [Становая, 2021 а]).

Скудный материал первых французских текстов даёт столь же скудное количество вариантных форм: в «Кантилене о Св. Евлалии» их нет, в «Страсбургских Присягах» только – *fradra ~ fradre, karlo ~ karle*, в «Житии Св. Леодегария» чуть больше – *cil ~ ciel, seu ~ suo, Domine deu ~ dondeu ~ dnē* и др.

Несмотря на то, что в истории французского языка обычно отмечается латинизированный характер первых французских текстов, нельзя однозначно говорить о диахронических особенностях графической вариативности ранних и поздних французских скрипт, поскольку указанные и другие подобные особенности графического узуса ранних скрипт IX–XI вв. прослеживаются также в англо-нормандских рукописях XII–XIV вв., в которых для обозначения дифтонгов и трифтонгов часто используются простые графемы, например: *fet = feit, fait, fiet, ben = bien, bain, Deu = Dieu* и др., но есть одновременно: *reis, pleins, fraindre, jamais* и др.; для звука [э] часто используется буква «а», например: *tota, cesta, esta terra, pulcela, dama, laneta* и др.; но есть одновременно: *dulce, tables, barbe* и др. Заметим, что количество вариативных графических форм естественно увеличивается в соответствии с увеличением языкового материала французских рукописных текстов.

Использование приёмов латинской письменной традиции характерно в той или иной мере для всех французских рукописных текстов IX–XIV вв., например, в англо-нормандских XII–XIV вв.: *ḏs, dō, pḥt = prist, qē = que, iustise & amur* и др.; валлонских

XIII–XIV вв.: $q' = qui$, $b\bar{e} = bien$, $g\tilde{nt} = grant$, $\ddot{o} = our$, $p' = pri$ и др.; нормандских XIII–XIV вв.: $9 = com$; $sic\bar{o} = sicom$; $cri\bar{e} = crient$; $a\bar{i} = aient$ и др.

Некоторые диатопические и диастратические особенности графической вариативности раскрываются при «горизонтальном» изучении рукописных вариантов одного произведения и «вертикальном» изучении разных произведений, представленных в одной рукописи. Так, ориентация на архаичный французский узус как диатопическая и диастратическая особенность нормативных установок англо-нормандских скрипт обуславливает наличие в англо-нормандских рукописях архаичных графических вариантных форм, например, без частичной редукции конечного $-a$ ($terra > terre$): $tota$, $cesta$, $esta terra$, $pulcela$, $dama$, $lanema$ и др.; без исчезновения интервокальных согласных $-t-$, $-d-$ ($vita > vida > vida > vie$): $honorede$, $vetheir$, $vidha \sim vithe$, $amperedor$, $mudede$, $mustrethe \sim monstredhe$ и др.; без упрощения группы согласных ($tempus > tens$): $temps$, $corps$, $sept$, $insle$, $saincte$ и др.; без протетического \acute{a} - перед $st-$, $sp-$, $sc-$ ($stella > esteile$): $scola$, $sponsa \sim spuse$, $spadha$ и др.; без оглушения конечных согласных ($ornatum > ornet > orn\acute{e}$): $serat finet$, $ft' liured$; $est levet$, $ad vencut$ и др. Есть и архаизированные, т. е. неправильно восстановленные, графические вариантные формы, например: $conpta$ вм. $cunte < comitem$ (ошибочно восстановлены конечное $a > e$ и группа согласных $-mpt- > nt$); $pedra$, $medra$ вместо $pere$, $mere < patrem$, $matrem$ (ошибочно восстановлено конечное $a > e$); $cipted$ вместо $citet < civitatem$ (ошибочно восстановлены конечное $-d$ и интервокальное $-p- > -b- > -v- > \emptyset$); $queons$ вместо $cuens < comes$ (ошибочно восстановлено $qu > k$) и др. Количество и состав подобных форм, различающихся в разных англо-нормандских рукописных текстах, наглядно показывают, как различались представления англо-нормандских сcribes (переписчиков) о латинских и архаичных французских формах.

Подобные формы практически отсутствуют в других французских рукописях, в том числе нормандских. Так, проанализированные нормандские рукописные тексты XIII в. (нормандских рукописных текстов до XIII в. нет) не содержат архаичных и архаизированных написаний, графика в целом более вариативная, отчётливо видна ориентация нормандских сcribes (переписчиков) на современный им разговорный узус, например: $lour \sim lor \sim leur$; $tele \sim telle$; $roy(s) \sim roi(s)$; $Ivein(s) \sim Ivain(s)$ и др.

Большая или меньшая вариативность графического узуса рукописных текстов обусловлена также длительностью / прерывностью и развитостью / неразвитостью письменной традиции. Показательным в этом отношении является пример лотарингских скрипт. Скрипты Меца, известные как «стиль Меца» ($style de Metz$), передаваемый из поколения в поколение на протяжении многих веков, возможно с VIII в., поскольку уже в X в. Мец был крупнейшим центром по изготовлению рукописей [Schneider, 1967, p. 133], отличаются от других лотарингских скрипт регулярностью и единообразием графического узуса, аналогическим типом оформления имени, сравнительно большим количеством лотарингских форм.

Хаотичность и разнородность графического узуса, этимологический тип оформления имени, небольшое количество лотарингских форм характеризует остальные лотарингские скрипты. Более того, каждая лотарингская рукопись не из Меца отличается своим выбором тех или иных вариативных форм, представляя странное смешение лотарингских, франсийских, латинских, провансальских и франко-провансальских форм, например, слитных форм артикля $en + le$: $am \sim an \sim em \sim en \sim in \sim om \sim on \sim oun \sim um \sim un$; указательных местоимений, например: $sels \sim seus \sim cels \sim ceus \sim cex$; притяжательных местоимений, например: прямой падеж м. р. ед. ч. $meu(s) \sim me(s)$, $teu(s) \sim tuu(s) \sim te(s)$, $seu(s) \sim se(s) \sim su(s) \sim suu(s)$; прямой падеж мн. ч. $mi \sim mei \sim moes$, $ti \sim tui$, $si \sim sui \sim soes$ и др.

Причина этому кардинальному различию лотарингских скрипт – экономический и политический кризис XI–XII вв., который вызвал упадок всех, кроме Меца, лотарингских аббатств, а, следовательно, и лотарингских школ письменности, и обусловил тем

самым перерыв лотарингской письменной традиции. В XII в. начинается постепенное возрождение лотарингской культуры, возрождается связь с Францией, откуда приходят монахи. Однако голод 1195–1197 гг. помешал этому возрождению лотарингской письменной традиции. Только Мец сохранил своё богатство и могущество в эти трудные годы, а соответственно, и непрерывность своего «стиля Меца».

Сочетание «горизонтального» и «вертикального» анализа позволяет уточнить как общие и частные особенности различных скрипт, большую или меньшую вариативность графического узуса, так и уровень профессионализма и личностные предпочтения сcribe (переписчика) как говорящего, пишущего и мыслящего субъекта, который, в зависимости от языковых, визуальных и нормативных особенностей скрипт, прагматических задач, профессиональных привычек и индивидуальных предпочтений, мог выступать как автор, соавтор, редактор, переписчик рукописного текста.

Отметим, что разное отношение сcribes (переписчиков) к протографам, т. е. копируемым рукописям, является характерной нормативной особенностью каждой скрипты. С сожалением, добавим, что эта яркая скриптуральная особенность, важная как для уточнения локализации рукописи, так и для выявления норм французских скрипт в целом, совсем не учитывается ни в традиционной, ни в «новой» истории французского языка, основанных на смешении текста произведения и текста рукописи.

Так, по результатам исследований, в том числе наших, наибольшая свобода действий была разрешена пикардским переписчиком. Например, известная объёмная (219 f.) рукопись P., B.N., f.fr. 375, часто изучаемая лингвистами (несколько текстов были использованы в Атласе А. Дееса), в том числе нами, была выполнена в 1289–1317 гг. пятью или шестью пикардскими писцами. Рукопись представляет единый «пикардизированный» языковой узус, характерный для всей рукописи в целом и в полной мере представляющий особенности пикардских скрипт Арраса, несмотря на количество разных писцов и практически три десятилетия работы. Это сходство языкового узуса «по вертикали», т. е. разных текстов одной рукописи, свидетельствует о главенствующей роли переписчиков, которые выполняли рукописи согласно правилам, или нормам своих скрипт. При этом один из писцов – Перро де Несле (Perrot de Nesle) – добавил пролог и серию рифмованных аннотаций ко всем текстам рукописи, а другой – Жан Мадо (Jehan Madot) – дописал «Роман о Трое» Бенуа де Сен-Мора.

Франсийские переписчики, напротив, с уважением относились к протографам, вносимые ими изменения были минимальными. Поэтому франсийские варианты часто определяются как наиболее близкие к архетипу, при этом, однако, могут содержать различные окказиональные формы, возможно, протографические, что осложняет локализацию франсийских рукописей (подробнее см. [Становая, 2018 ; Stanovaia, 2021 a, b]).

Таким образом, недисциплинарная, сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного (рукописного) узуса, характерная в целом для всех рукописных текстов и скрипт, существенно отличается от реальной и предполагаемой дисциплинарной вариативности старофранцузского языка тем, что сугубо графические вариативные формы никак не связаны с дисциплинарной вариативностью старофранцузского языка. Замеченные диатопические, диахронические и диастратические особенности графики составляют специфику рукописного периода. В них можно видеть отражение разных нормативных установок французских скрипт и разных профессиональных особенностей средневековых писцов.

3. Заключение [Conclusion]

Специфика исследований дисциплинарной вариативности старофранцузского языка как языка рукописного периода определяется отсутствием единой кодифицированной

нормы, регламентирующей соотношение как между устным, разговорным языком и письменным, литературным, так и между устной и письменной формами речи. Это означает, что интерпретация вариативных форм, зафиксированных в рукописных текстах, может быть различной – как свидетельствующей о диасистемной вариативности старофранцузского языка, так и свидетельствующей лишь о тех или иных особенностях скрипта.

В результате проведенного исследования форм имени существительного и его детерминантов (прилагательных, причастий, артиклей, указательных и притяжательных местоимений), зафиксированных в англо-нормандских, бургундских, валлонских, лотарингских, нормандских, пикардских и центрально-французских (франсийских) рукописных текстах IX–XIV вв., мы заключили, что выявленная вариативность имеет разную природу, в соответствии с которой необходимо различать и учитывать в диахроническом лингвистическом исследовании три вида диасистемной вариативности: 1) реальную диасистемную вариативность, 2) предполагаемую диасистемную вариативность, 3) не диасистемную, сугубо графическую вариативность.

Несмотря на то, что все исследуемые вариативные формы обусловлены отсутствием единого нормативного языка, не все из них действительно свидетельствуют о том или ином типе диасистемной вариативности старофранцузского языка: одни из них связаны с реальной или предполагаемой диасистемной вариативностью старофранцузского языка, а другие – только с отсутствием единой орфографии, обуславливающим сугубо графическую вариативность рукописного узуса.

Реальная диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями эволюции латинского языка в разных районах романского языкового ареала в период формирования романских языков и их диатопических вариантов (диалектов, или говоров).

Диатопическая вариативность систем артиклей (м. р. *li, le, lo, lou, lu* и др.), указательных (*cil, chilh, cis, chis, cist* и др.) и притяжательных (м. р. *mon, men, mun, ton, ten, tun* и др.) местоимений отражает реальные различия французских диалектов, существующие уже в старофранцузский период, а варианты формы, представленные в рукописных текстах, свидетельствуют о диатопических, диахронических, диафазических, диастратических и диамезических особенностях французских скриптов. При этом, диамезические, диатопические и диафазические варианты формы свидетельствуют о диамезической, диатопической и диафазической вариативности старофранцузского языка. Напротив, диахронические и диастратические варианты формы свидетельствуют только о диахронической и диастратической вариативности французских скриптов.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловлена особенностями общей эволюции французского языка, предположительно проходящей в старофранцузский период и вызывающей сосуществование диахронических и диатопических вариантов форм.

Диатопическая и диахроническая вариативность форм имени существительного и его детерминантов предположительно отражает прошедшие и / или проходящие языковые изменения и новые формирующиеся различия французских диалектов. К ним относятся: 1) особенности вокализации [l > u] и последующей монофтонгизации комбинаторных дифтонгов и трифтонгов [au > o, eau > eo > o, eu > œ], обусловившие сосуществование различных слитных форм артикля (*du, del, dou, deu, delle* и др.), указательных местоимений (*ceulx; cheauz, cheas, cius, ciux; ceauls* и др.); 2) этапы и особенности морфологической реструктуризации форм притяжательных местоимений (*suen* → *sien, soue* → *seie, soie* → *sienne* и др.), эволюции системы указательных местоимений; 3) функционирование или отсутствие старофранцузского именного склонения.

Предполагаемая диасистемная вариативность старофранцузского языка обусловила многочисленность разнообразных вариантов форм, составляющих яркую харак-

теристику всего периода и всех скрипт, однако интерпретация этих форм вызывает непрекращающиеся споры. Эта вариативность старофранцузского языка однозначно проявляется только в одном своём типе – диатопическом – и обуславливает диатопические особенности французских скрипт XII–XIV вв. Есть некоторые диахронические особенности французских скрипт IX–XI вв., с одной стороны, и XII–XIV вв. – с другой. Все остальные типы диасистемной вариативности французских скрипт или не проявляются вовсе, или проявляются нерегулярно, непоследовательно, затрагивая лишь некоторые скрипты. При этом, ни диатопические, ни диахронические вариантные формы не свидетельствуют о диатопической и диахронической вариативности старофранцузского языка. Относительно других типов предполагаемой диасистемной вариативности скрипт и старофранцузского языка в целом, нельзя сделать никаких аргументированных и подтверждённых эмпирически заключений.

Недиасистемная, сугубо графическая вариативность старофранцузского письменного (рукописного) узуса, характерная в целом для всех рукописных текстов и скрипт, существенно отличается от реальной и предполагаемой диасистемной вариативности старофранцузского языка тем, что сугубо графические вариативные формы никак не связаны с диасистемной вариативностью старофранцузского языка.

Недиасистемная, сугубо графическая вариативность письменного (рукописного) узуса обусловлена отсутствием единой кодифицированной нормы и отражает только нестабильность и неоднородность письменного узуса в целом, общие и частные особенности скрипт, разный уровень профессионализма переписчиков и их личностные предпочтения.

Сугубо графическая вариативность форм имени существительного и его детерминантов не поддаётся систематизации в целом. Тем не менее, можно отметить, что большая или меньшая вариативность графического узуса рукописных текстов обусловлена длительностью / прерывностью и развитостью / неразвитостью письменной традиции. Замеченные диатопические, диахронические и диастратические особенности графики составляют специфику рукописного периода. В них можно видеть отражение разных нормативных установок французских скрипт и разных профессиональных особенностей средневековых писцов.

Библиографический список

- Будагов, 1967 – Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М. : Высшая школа, 1967. 376 с.
- Жирмунский, 1936 – Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л. : Художественная литература, 1936. 299 с.
- Жирмунский, 1976 – Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л. : Наука, 1976. 695 с.
- Лукина, 2014 – Лукина А. Е. Понятие языковой вариативности в отечественной и зарубежной лингвистической традиции // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. Лингвистика. 2014. Т. 11, № 1. С. 7–11.
- Лукина, 2019 – Лукина А. Е. Диасистемный подход к изучению глагольных форм в истории французского языка // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2019. № 192. С. 185–194.
- Лукина, 2020 – Лукина А. Е. Эволюция глагольной системы французского языка (диасистемный подход) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 10. С. 220–225. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.44>
- Лукина, 2022 – Лукина А. Е. Виды диасистемной вариативности в истории французского языка // Человек и его Язык: Материалы XX юбилейной Междунар. конф. Школы-Семинара им. Л. М. Скредлиной, СПб, 14–16 сентября 2022 года. СПб : СКИФИЯ, 2022. С. 92–96.
- Скредлина, Становая, 2005 – Скредлина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. 2-е изд. М. : Высшая школа, 2005. 463 с.

- Становая, 1994 – Становая Л. А. Старофранцузская морфология и теория скрипты. Т. 1–2 : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.05 ; РГПУ им. А. И. Герцена. СПб, 1994. 503 с.
- Становая 2018 – Становая Л. А. Использование «вертикального» и «горизонтального» методов в исследованиях по истории языка // Известия РГПУ. 2018. №189. С. 219–229.
- Становая, 2019 – Становая Л. А. Франсийский как камень преткновения в истории французского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 164–199. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_164_199
- Становая, 2021 а – Становая Л. А. Истоки французской письменности // Язык и действительность. Научные чтения на кафедре романских языков им. В. Г. Гака : сб. ст. по итогам VI междунар. конф. (22–26 марта 2021 года). М. : Изд-во «Спутник +», 2021. С. 405–411.
- Становая, 2021 б – Становая Л. А. Старофранцузское именное склонение – реальность или иллюзия? // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 4. С. 112–134. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134
- Широкова, 1995 – Широкова А. В. От латыни к романским языкам. М. : Изд-во РУДН, 1995. 283 с.
- Шишмарев, 1941 – Шишмарев В. Ф. Очерки по истории языков Испании. М. – Л. : Наука, 1941. XI. 338 с.
- ALF – Gillieron J., Edmont E. Atlas linguistique de la France. Paris: Champion, 1902–1910. 35 vol.
- Buridant, 2019 – Buridant Cl. Grammaire du français médiéval (XIe–XIVe siècles). Strasbourg : ELIPHI, 2019. XXIV, 1173 p.
- Buringh, van Zanden, 2009 – Buringh E., van Zanden J. L. Charting the Rise of the West: Manuscripts and Printed Books in Europe, A long-term perspective from the sixth through eighteenth centuries // The Journal of Economic History. 2009. Т. 69-2. P. 409–445.
- Brunot, 1973 – Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à nos jours. Т. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Collin, 1966 (2e tirage 1973). 597 p.
- Brunot, Bruneau, 1956 – Brunot F., Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. Paris : Masson et Cie, 1956. XXXVII, 642 p.
- Dees, 1980 – Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. van Reenen et J. A. de Vries. Tübingen : Niemeyer, 1980. XIII, 371 p.
- Dees, 1987 – Dees A. Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen : Niemeyer, 1987. 684 p.
- Delbouille, 1962 – Delbouille M. La notion de «Bon usage» en ancien français // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1962. № 14. P. 9–24.
- GGHF – Grande Grammaire Historique du Français (GGHF). Vol. 1–2 / C. Marchello-Nizia, B. Combettes, S. Prévost, T. Scheer (Eds.). Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2020. LIV, 2186 p.
- Fallot, 1839 – Fallot G. Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Publ. par P. Ackermann. Paris : Imprimerie Royale, 1839. 588 p.
- Nehb, 1902 – Nehb G. Die Formen des Artikels in den französischen Mundarten // Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur. 1902. Т. 24. P. 90–158; 208–261.
- Remacle, 1948 – Remacle L. Le problème de l'ancien wallon. Liège : Fac.de Philosophie et Lettres, 1948. 230, 14 p.
- Legge, 1978 – Legge M. D. Les chansons de geste et la Grande Bretagne // Marche Romane. Mélanges de philologie et de littérature romanes of. A. J. Wathelet-Willem. Liège : Cahiers de l'A.R.U.Lg., 1978. P. 353–355.
- Schneider, 1967 – Schneider J. Histoire de la Lorraine. 2-ème éd. Paris : PUF, 1967. 128 p.
- Stanovaia, 2003 – Stanovaia L. A. La standartisation en ancien français // The dawn of the written vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII) / M. Goyens, W. Verbeke (eds). Leuven : Leuven University Press, 2003. P. 241–272.
- Stanovaia, 2007 – Stanovaia L. A. Traits typiques des scripta anglo-normandes // Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes. Т. II / Éd. par D. Trotter. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. P. 423–440.
- Stanovaia, 2021 а – Stanovaia L. A. Le dialecte et les scripta franciens: contours de la zone scripturale francienne // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 1. P. 97–117.

- Stanovaia, 2021 b – Stanovaia L. A. Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 2. P. 108–137.
- Wilmotte, 1888. – Wilmotte M. Essais de dialectologie wallonne // Romania. 1888. T. 17, N 3. P. 542–590.
- Zink, 1999 – Zink G. Phonétique historique du français. 6 éd. Paris : PUF, 1999. 254 p.

References

- Budagov, R. A. (1967). *Literaturnye yazyki i yazykovye stili [Literary languages and language styles]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1936). *Natsional'nyy yazyk i sotsial'nye dialekty [National language and social dialects]*. Leningrad : Khudozhestvennaya literatura Press. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1976). *Obshchee i germanskoe yazykoznanie [General and Germanic Linguistics]*. Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Lukina, A. E. (2014). Ponyatie yazykovoy variativnosti v otechestvennoy i zarubezhnoy lingvisticheskoy traditsii [The concept of variability in Russian and world linguistics]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. Lingvistika [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics]*, 11 (1), 7–11. (In Russ.).
- Lukina, A. E. (2019). Diasistemnyy podkhod k izucheniyu glagol'nykh form v istorii frantsuzskogo yazyka [Diasystematic approach to the study of verb forms in the history of the French language]. *Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]*, 192, 185–194. (In Russ.).
- Lukina, A. E. (2020). Evolyutsiya glagol'noy sistemy frantsuzskogo yazyka (diasistemnyy podkhod) [Verbal system evolution in the French language (Diasystematic approach)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory & Practice]*, 13 (10), 220–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.44>
- Lukina, A. E. (2022). Vidy diasistemnoy variativnosti v istorii frantsuzskogo yazyka [Types of diasystemic variability in the history of the French language]. *Chelovek i ego Yazyk [People and their language]: Proc. XX jubilee international conf. L. M. Skrelina school-seminar, St Petersburg, September 14–16, 2022* (pp. 92–96). St Peterburg : SKIFIYA Press. (In Russ.).
- Skrelina, L. M., & Stanovaia, L. A. (2005). *Istoriya frantsuzskogo yazyka [History of the French language]*. 2nd edn. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (1994). *Starofrantsuzskaya morfologiya i teoriya skripty [Old French morphology and theory of scripta]: Doctoral in Philological sci. diss.* In 2 volumes ; Herzen State Pedagogical University of Russia. St Petersburg. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (2018). Ispolovanie «vertikal'nogo» i «gorizontal'nogo» metodov v issledovaniyakh po istorii yazyka [The use of “vertical” and “horizontal” methods in language history research]. *Izvestiya Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science]*, 189, 219–229. (In Russ.).
- Stanovaia L. A. (2019). Fransiyskiy kak kamen' pretkoveniya v istorii frantsuzskogo yazyka [Francien as a stumbling block in history of the French language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 5 (3), 164–199. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2019_5_3_164_199
- Stanovaia, L. A. (2021 a). Istoki frantsuzskoy pis'mennosti [The origins of French writing system]. *Yazyk i deystvitel'nost'. Nauchnye chteniya na kafedre romanskikh yazykov im. V. G. Gaka [Language and reality. Scientific readings at Romance Languages Department named after V. G. Gak]: VI International conf. proc. (March 22–26, 2021)* (pp. 405–411). Moscow : Sputnik + Press. (In Russ.).
- Stanovaia, L. A. (2021 b). Starofrantsuzskoe imennoe sklonenie – real'nost' ili illyuziya? [Old French nominal declension – illusion or reality?]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7 (4), 112–134. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_112_134
- Shirokova, A. V. (1995). *Ot latyni k romanskim yazykam [From Latin to Romance languages]*. Moscow : RUDN Press. (In Russ.).

- Shishmarev, V. F. (1941). *Ocherki po istorii yazykov Ispanii [Essays on the history of the languages of Spain]*. Moscow – Leningrad : Nauka Press. (In Russ.).
- Gilliéron, J., Edmont, E. (1902–1910). *Atlas linguistique de la France (ALF)*. 35 vol. Paris : Champion.
- Buridant, Cl. (2019). *Grammaire du français médiéval (XIe–XIVe siècles)*. Strasbourg : ELIPHI.
- Buringh, E., van Zanden, J. L. (2009). Charting the rise of the West: Manuscripts and printed books in Europe. A long-term perspective from the sixth through eighteenth centuries. *The Journal of Economic History*, 69-2, 409–445.
- Brunot, F. (1973). *Histoire de la langue française dès origines à nos jours. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance*. Paris : Collin. (1e tirage 1966).
- Brunot, F., Bruneau, Ch. (1956). *Précis de grammaire historique de la langue française*. Paris : Masson et Cie.
- Dees, A. (1980). *Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. siècle. Avec le concours de P. van Reenen et J. A. de Vries*. Tübingen: Niemeyer.
- Dees, A. (1987). *Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français. Avec le concours de M. Dekker; O. Huber; K. van Reenen-Stein*. Tübingen : Niemeyer.
- Delbouille, M. (1962). La notion de «Bon usage» en ancien français. *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*, 14, 9–24.
- Marchello-Nizia, C., Combettes, B., Prévost, S., Scheer, T. (Eds.). (2020). *Grande Grammaire Historique du Français (GGHF)*. Vol. 1–2. Berlin, Boston : De Gruyter Mouton.
- Fallot, G. (1839). *Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Publ. par P. Ackermann*. Paris : Imprimerie Royale.
- Nehb, G. (1902). Die Formen des Artikels in den französischen Mundarten. *Zeitschrift für Französische Sprache und Literatur*, 24, 90–158, 208–261.
- Remacle, L. (1948). *Le problème de l'ancien wallon*. Liège : Fac.de Philosophie et Lettres.
- Legge, M. D. (1978). Les chansons de geste et la Grande Bretagne. *Marche Romane. Mélanges de philologie et de littérature romanes of. A. J. Wathelet-Willem* (pp. 353–355). Liège : Cahiers de l'A.R.U.Lg.
- Schneider, J. (1967). *Histoire de la Lorraine*. 2-ème éd. Paris : PUF.
- Stanovaia, L. A. (2003). La standartisation en ancien français. In M. Goyens, W. Verbeke (Eds), *The Dawn of the Written Vernacular in Western Europe (Mediaevalia Lovaniensia, Series I, Studia XXXIII)* (pp. 241–272). Leuven : Leuven University Press.
- Stanovaia, L. A. (2007). Traits typiques des scripta anglo-normandes. In D. Trotter (Éd.), *Actes du XXIVe Congrès International de Linguistique et de Philologie Romanes* (T. II, pp. 423–440). Tübingen : Max Niemeyer Verlag.
- Stanovaia, L. A. (2021 a). Le dialecte et les scripta franciens: contours de la zone scripturale francienne. *Crede Experto, 1*, 97–117.
- Stanovaia, L. A. (2021 b). Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes. *Crede Experto, 2*, 108–137.
- Wilmotte, M. (1888). Essais de dialectologie wallonne. *Romania*, 17 (3), 542–590.
- Zink, G. (1999). *Phonétique historique du français*. 6 éd. Paris : PUF.

Степанова Елена Сергеевна
Самарский государственный медицинский университет
г. Самара, Российская Федерация
pretty.step@bk.ru

Миф о вакцинации как средство выражения лингвокреативности в научно-популярном произведении

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о лингвокреативных свойствах мифа о вакцинации в научно-популярном жанре, занимающем пограничное положение между жанрами художественной и научной литературы. Идентификация и параметризация свойств мифа о вакцинации проводилась на материале произведения Эулы Бисс (Eula Biss) «Об иммунитете: прививка» (“On Immunity: An Inoculation”), в котором она проводит экскурс в историю социокультурного феномена «вакцинация». Для анализа параметров мифа о вакцинации методом сплошной выборки были отобраны единичные примеры (в количестве восьми единиц), которые были описаны посредством метафорического фреймирования. Единичность этих примеров свидетельствует о том, что они уникальны в своём роде и создают оригинальность и эмблематичность мифа о вакцинации. В результате описаны метаязыковая и лингвокреативная функции мифа, определены макродискурсивные, микродискурсивные и интердискурсивные параметры лингвокреативности мифа о вакцинации в отдельном взятом литературном произведении. Полученные результаты показывают, что лингвокреативные параметры мифа о вакцинации создают образность, которая отражается в эмблематике данного мифа.

Ключевые слова: миф о вакцинации, лингвокреативность, лингвокреатема, эмблематика, интердискурсивность

© Степанова Е. С. 2024

Для цитирования: Степанова Е. С. Миф о вакцинации как средство выражения лингвокреативности в научно-популярном произведении // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 168–174. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-168>

Elena S. Stepanova
Samara State Medical University
Samara, Russian Federation
pretty.step@bk.ru

Myth about vaccination as a means of expressing linguistic creativity in a non-fiction book

Abstract

The article focuses on linguistic and creative properties of the vaccination myth in the non-fiction genre that borders fiction and scientific literature. The identification and parameterization of the properties of the vaccination myth was carried out using the material of the book “On Immunity: An Inoculation” by Eula Biss where she introduces the history of the sociocultural phenomenon “vaccination”. To analyze the parameters of the vaccination myth, single examples (8 units) were selected using continuous sampling. The units were described by metaphorical framing. The examples found are unique and their uniqueness creates the originality and emblematic properties of the vaccination myth. The metalinguistic and linguistic creativity functions of the myth are described. As a result, the study identified macrodiscursive, microdiscursive and interdiscursive parameters of the linguistic creativity of the vaccination myth in a particular literary work. The obtained results show that the parameters of linguistic creativity found in the vaccination myth express figurativeness reflected in the emblem of this myth.

Keywords: vaccination myth, linguistic creativity, linguocreatema, emblematic, interdiscursivity

© Stepanova E. S. 2024

For citation: Stepanova, E. S. (2024). Mif o vaktsinatsii kak sredstvo vyrazheniya lingvokreativnosti v nauchno-populyarnom proizvedenii [Myth about vaccination as a means of expressing linguistic creativity in a non-fiction book]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 168–174. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-168>

1. Введение [Introduction]

Феномен «лингвокреативность» является объектом множества междисциплинарных исследований (лингвокультурологических, психолингвистических), поскольку креативный потенциал языковых единиц является результатом способности человека конструировать или воспроизводить готовые ментальные образования в процессе речевого общения. Креативная особенность языковых средств способствует обыгрыванию скрытых значений слов, словосочетаний, которые в новой жизненной ситуации трансформируются, изменяются, приобретают новые значения с целью эстетического воздействия на адресата.

В лингвистике лингвокреативность рассматривается как продуктивное использование существующих языковых паттернов для порождения новых коммуникативных паттернов [Киосе, 2020]; анализируется как явление, реализующееся через дихотомию: «индивидуальное – коллективное», «поверхностное – глубинное» [Ирисханова, 2004]; описывается как языковая игра, выполняющая коммуникативную и эстетическую функции в процессе моделирования дискурсивной ситуации [Ильясова, Амири, 2018].

Языковая креативность единиц заключается в оригинальном (прагматическом) использовании языка, универсальных выразительных средств, случаев интерференции межязыковых и межсемиотических элементов, которые транслируют смысловое содержание из одной семиотической системы в другую или вторично кодируют смысл при помощи инструментов других знаковых систем (в том числе, с помощью мифа).

Миф представлен семиотически как система бинарных оппозиций (напр., здоровье – болезнь). В такой системе первый элемент онтологически стремится к превосходству над вторым, становится ядром вторичной семиотической системы, делает второй элемент периферийным образованием, объявляет его «чужим» для данной системы. Данные иерархические оппозиции стремятся к тотальности, к осуществлению метаязыковой функции мифа.

Помимо данной функции, миф выполняет также лингвокреативную функцию – выступает в качестве лингвокреатемы в художественном тексте, поскольку является «языковым средством, использованным, преобразованным или созданным автором, обладающим ценностными ориентирами и нацеленным на эстетическое воздействие» [Купина, Матвеева, 2013, с. 315]. Индивид оперирует мифом как креатемой на основе ассоциативных связей, воспроизводит уже имеющийся семиотический комплекс, тем самым реализуя ассоциативный потенциал между формой и содержанием.

В современную эпоху одним из феноменов, к которым всё чаще применяют понятие мифа, является вакцинация. Феномен «вакцинация» стал особенно актуален в эпоху пандемии коронавируса. Языковые и образные характеристики феномена вакцинации неоднократно становились предметом исследования на материале немецкоязычных [Ленец, Лагажан, 2023], англоязычных [Stepanova, 2022] и китайскоязычных [Дубинина, 2022] СМИ. Однако лингвокреативные особенности мифа о вакцинации как социокультурного феномена ещё не достаточно изучены на материале литературного текста.

Ц е л ь данного исследования определить макродискурсивные, микродискурсивные и интердискурсивные параметры лингвокреативности мифа о вакцинации в тексте, относящемся к жанру научно-популярной литературы. Данный жанр занимает пограничное положение между художественной и научной литературой, что обуславливает совмещение таких черт, как образность и научность.

Согласно г и п о т е з е настоящего исследования, метафорическая модель «Вакцинация эмблематична»¹ реализуется с помощью фреймов, которые особым образом активизируют параметры лингвокреативности мифа о вакцинации.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

Идентификация и параметризация лингвокреативных свойств мифа о вакцинации проводилась на материале научно-популярного произведения «Об иммунитете: прививка» (“On Immunity: An Inoculation”)² американской писательницы, обладателя трёх литературных премий Эулы Бисс (Eula Biss), в котором, будучи специалистом по иммунологии, она повествует о своём отношении к вакцинации детей, делится своим опытом с позиции молодой матери. Э. Бисс предполагает, что мы не можем защитить наших детей или самих себя от мира, от того, что может находиться в воздухе, еде, лекарствах и вакцинах наших детей. Выбор пал на данное произведение, поскольку оно напрямую говорит о проблемах вакцинации в эпоху пандемии: о том, что мы одновременно опасны и уязвимы, о том, как коллективное благополучие и личные интересы противоречат друг другу, когда они фундаментально переплетены [Biss, 2015].

Для анализа параметров мифа о вакцинации методом сплошной выборки были отобраны единичные примеры (в количестве восьми единиц), которые были описаны посредством метафорического фреймирования.

По мнению Э. Кассирера, метафора является отражением архетипических представлений о мире, лежит в основе мифологического символизма, который выражается в духовной сущности мифа, наполняя его содержанием и смыслом. Миф может сворачиваться в метафору. И наоборот, метафора может разворачивать структуру и содержание мифа. Проекция метафорой структуры мифа обеспечивает «продолжение» жизни мифа, «транслирует архетипические образы из поколения в поколение, манифестирует мифологическое сознание, поэтому отголоски мифа имеют место в современном языковом сознании» [Кассирер, 1990, с. 37].

Метафора в свёрнутом виде репрезентирует определённую точку зрения, с которой рассматривается объективная действительность с целью акцентирования оценки проблемы или ситуации в мифе, включая понимание её причин, морально-этических и ценностных норм и представление о способах её решения. Следовательно, метафора может служить средством фрейминга. Фрейм состоит из нескольких элементов: способа фреймирования (подлежащий перцепции элемент текста или языковая структура, в том числе и метафора) и способа размышления, с помощью которого анализируется сюжет мифа. Метафора, репрезентирующая лингвокреативные параметры мифа, одновременно является и способом фреймирования, поскольку она служит средством архивирования информации, и способом размышления, так как она имеет концептуально нагруженную сущность [Burgers et al., 2016, p. 411].

М е т о д и к а и с с л е д о в а н и я включала: 1) описание метафорической модели «Вакцинация эмблематична» с помощью фреймирования для экспликации линг-

¹ Термин «эмблематичность» был введён В. И. Карасиком [Карасик, 2015]

² В официальном переводе – Откровенно об иммунитете. Вакцинация / пер. с англ. А. Анваера. М. : АСТ, 2021. 226 с.

вокреативных параметров мифа о вакцинации; 2) определение лингвокреативных параметров мифа о вакцинации: а) макродискурсивных параметров, т. е. экстралингвистических факторов, которые влияют на реализацию креативного потенциала мифа о вакцинации в литературном произведении; б) микродискурсивных параметров, т. е. лингвистических, а именно, описывающих креативное использование лексико-синтаксических репрезентантов мифа о вакцинации с целью реализации авторской интенции; в) интердискурсивных параметров, которые проявляются в интертекстуальности, т. е. вкраплении интертекстов в ткань литературного текста для экспликации мифа о вакцинации с целью воздействия на адресата.

В настоящем исследовании применялись два основных метода: 1) стилистический анализ мифа о вакцинации, представляющий собой интерпретацию мировоззренческих взглядов на вакцинацию, позволяющих дать объяснение данному общекультурному феномену; 2) описательный метод, направленный на анализ концептуального содержания данного мифа.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Как показал анализ, метафорическая модель «Вакцинация эмблематична», которая актуализирует лингвокреативные параметры мифа о вакцинации, может быть описана посредством фреймирования. Из найденных восьми примеров в процессе идентификации параметров мифа о вакцинации три примера были отнесены к реализации макродискурсивных параметров, два примера – к активизации микродискурсивных параметров и три примера – к объективизации интердискурсивных параметров. На каждый фрейм пришлось по одному примеру. Единичность этих примеров свидетельствует о том, что они уникальны и тем самым создают оригинальность эмблематичности мифа о вакцинации.

Макродискурсивные параметры мифа о вакцинации реализуются с помощью фреймов «Вакцинация – грех», «Вакцинация – рабство», «Вакцинация – прибыльная схема», которые относят вакцинацию к феноменам окружающей действительности, восприятие которых зависит от культурных особенностей, норм и ценностей общества на протяжении эпох.

Фрейм «Вакцинация – грех» реализуется с помощью метафоры *vaccination was akin to an injection of sin* 'вакцинация была подобна инъекции греха' [Biss, 2015, p. 13] в проповеди англиканского архиепископа 1882 года. В данном примере проиллюстрировано невежественное отношение религии к вакцинации в эпоху Просвещения, сопровождающееся полным недоверием. Незнание порождает страх.

Фрейм «Вакцинация – рабство» активизируется с помощью образного сравнения *vaccination like slavery* 'вакцинация как рабство' [Biss, 2015, p. 26] и поднимает животрепещущие вопросы о правах на своё тело. Противники вакцинации использовали в своей риторике политическую и эмоциональную составляющие, сравнивая себя с колонизированными африканцами, призывая освободить рабочих от обязательной вакцинации. Они сравнивали страдания иммунизированных людей со страданиями угнетённых.

Фрейм «Вакцинация – прибыльная схема» актуализируется с помощью метафоры *vaccination is a profit-driven scheme* 'вакцинация – это прибыльная схема' [Biss, 2015, p. 96] и подразумевает тактическую схему реализации вакцин, контролируемую фармацевтическими компаниями, что даёт им преимущество во влиянии на правительство и медицину. При этом триада процесса иммунизации образована следующими понятиями: вакцинация – ценности (укрепление здоровья и профилактика заболеваний) – прибыльная схема.

Микродискурсивные параметры мифа о вакцинации реализуются с помощью фреймов «Вакцинация – тотальная война», «Вакцина управляет иммунной системой», отражающих совокупные черты вакцинации в обыденном сознании человека.

Вакцина в наивной картине мира рассматривается в каждом конкретном её проявлении с точки зрения особенностей культуры и общественной жизни. Ценностно-символические характеристики вакцинации отражены в своеобразии языка, культурной семантики и стереотипов, присущих определённому лингвокультурному сообществу.

Фрейм «Вакцинация – тотальная война» с помощью метафоры *vaccination is the total war* 'вакцинация – тотальная война' актуализирует миф о том, что введённый инактивированный вирус вакцины как что-то, с чем мы боремся, порождает множество военных метафор для обозначения процессов, происходящих в иммунной системе:

The body is the scene of total war between ruthless invaders and determined defenders. The body employs some cells as “infantry” and others as the “armored unit”, and these troops deploy “mines” to explode inactivated virus, while the immune response itself “detonates like a bomb” – 'Тело – сцена тотальной войны между безжалостными захватчиками и решительными защитниками. Организм использует одни клетки в качестве «пехоты», а другие – в качестве «бронетанковой части». Эти войска используют «мины», чтобы взорвать инактивированный вирус, в то время как сам иммунный ответ «детонирует, как бомба»' [Biss, 2015, p.56]. В этом примере военные метафоры *cells – “infantry” and the “armored unit”, the immune response “detonates like a bomb”* эксплицируют развитие иммунитета при вакцинации.

Фрейм «Вакцина управляет иммунной системой» с помощью метафоры *vaccines govern the immune system* 'вакцины управляют иммунной системой' активизирует миф о том, что вакцина управляет иммунной системой в том смысле, что она навязывает ей определённый порядок: *Vaccines govern the immune system, in the sense that they impose a particular order on it* [Biss, 2015, p.127]. В данном примере также подразумевается исторический факт о том, что британские противники вакцинации в девятнадцатом веке сравнивали своё движение с ирландским движением за самоуправление, смешивая управление страной с управлением телом. Мы сопротивляемся вакцинации отчасти потому, что хотим управлять собой.

И н т е р д и с к у р с и в н ы е параметры мифа о вакцинации реализуются с помощью фреймов «Вакцинация – азартная игра», «Заразный вампир-вакцинатор», «След от вакцины – метка дьявола», которые репрезентированы древнегреческими или библейскими мифонимами для того, чтобы подчеркнуть эмоциональное состояние людей, опасаясь побочных действий вакцинации на организм человека.

Фрейм «Вакцинация-азартная игра» актуализируется в следующем примере:

Would I enter into a gamble, like Thetis dipping the infant Achilles into the River Styx? [Biss, 2015, p.7] – 'Принял ли бы я участие в азартной игре, как Фетида, окунувшая младенца Ахилла в реку Стикс'. В данном риторическом вопросе с помощью мифонимов *Achilles* и *Thetis* и метафоры “*enter a gamble*” активизируется известный древнегреческий миф о царице Фетиде, которая намеревалась сделать своего сына Ахиллеса неуязвимым и окунула его в реку Стикс, оставив уязвимой пятку. Главная героиня использует данный миф, задавая вопрос, следует ли рисковать здоровьем ребёнка и вакцинировать его, когда вакцина не гарантирует полной защиты от заражения вирусом гриппа?

Фрейм «Заразный вампир-вакцинатор» актуализируется с помощью средневекового румынского мифонима *Dracula* 'Дракула' и метафоры *contagious vaccination vampire* 'заразный вампир-вакцинатор', отсылая читателя к сюжету одноимённого романа Брэма Стокера (Bram Stoker) «Дракула» (“*Dracula*”), в котором главный герой прибывает в Англию, так же, как и новая болезнь, на лодке. Что делает Дракулу особенно устрашающим, так это то, что он монстр, а его чудовищность заразна:

He summons hordes of rats, and his infective evil spreads from the first woman he bites to the children she feeds on, unwittingly, at night [Biss, 2015, p.15] – 'Он вызывает стаи крыс, и его заразное зло невольно распространяется от первой женщины, которую он укусит, к детям, которых она кормит по ночам'. В этом примере метафора *his infective evil*

spreads from the first woman he bites 'его заразное зло невольно распространяется от первой женщины' используется для того, чтобы акцентировать ранее существовавший миф об опасном способе вакцинации «рука к руке» (*arm-to-arm vaccination*). При такой иммунизации гной из волдыря, образовавшегося на руке недавно привитого человека, использовался для вакцинации другого человека.

Фрейм «След от вакцины – метка дьявола» реализуется с помощью метафоры *mark of the beast* 'знак зверя' [Biss, 2015, p.13] и отсылает читателя к библейскому мифу о том, что имеющие начертание зверя будут иметь «отвратительные гнойные раны». «За свои страдания они будут хулить Бога, и при этом им будет чуждо раскаяние» (Откр. 16:9-11) [Откровение, 2015]. Несмотря на то, что от современных вакцин больше не остаётся следов, у людей присутствует страх, что у них сохранится долговременная метка, которая ассоциируется с таинственным знаком покорности антихристу из Апокалипсиса.

3. Заключение [Conclusion]

Проведённое исследование позволяет заключить, что лингвокреативные параметры мифа о вакцинации создают образность, которая отражается в эмблематике данного мифа. Во-первых, макродискурсивные параметры мифа о вакцинации репрезентируют экстралингвистические факторы (культурные ценности общества), которые влияют на реализацию креативного потенциала мифа о вакцинации в художественном тексте. Во-вторых, микродискурсивные параметры мифа о вакцинации отражают ценностно-символические характеристики вакцинации, которые представлены в своеобразии языка определённого лингвокультурного сообщества. В-третьих, интердискурсивные параметры мифа о вакцинации представляют собой отсылки к древнегреческим или библейским мифам для описания эмоционального состояния людей, опасующихся побочных действий вакцинации на организм человека. Лингвокреативные параметры данного мифа реализуются с помощью фреймов, которые представлены единичными примерами. Культурная ценность этих примеров обуславливает метафорику мифа о вакцинации.

Поскольку анализ проводился на одном произведении, полученные результаты не являются исчерпывающими. Также, следуя нормам качественного анализа, мы допускаем, что данное исследование имеет определённую степень индивидуально-авторской интерпретации. Настоящая работа требует продолжения и сравнения метафорики данного мифа в других литературных произведениях, а также в англоязычных СМИ.

Библиографический список

- Дубинина, 2022 – Дубинина М. Н. Моделирование лексико-семантического поля «коронавирус» (на примере китайского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 3. С. 79–89. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_79
- Ильясова, Амири, 2018 – Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М. : Флинта : Наука, 2018. 296 с.
- Ирисханова, 2004 – Ирисханова О. К. Лингвокреативные основания теории номинализации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 ; Московский гос. лингв. ун-т. М., 2004. 56 с.
- Карасик, 2015 – Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
- Кассирер, 1990 – Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры / под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 33–43.
- Киосе, 2020 – Киосе М. И. Векторные модели лингвокреативности как инструмент оценки вариативности дискурса // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения / отв. ред. И. В. Зыкова, В. В. Красных. М. : Гнозис, 2020. С. 113–129.
- Купина, 2013 – Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт, 2013. 415 с.

- Ленец, Лагажан, 2023 – Ленец А. В., Лагажан Ю. А. Языковая репрезентация вакцинации от COVID19 в немецкоязычном медиапространстве // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 4. С. 68–83.
- Откровение..., 2015 – Откровение святого Иоанна Богослова. Апокалипсис / под ред. А. Дмитренко, Е. Петрова. СПб : Вита-Нова, 2015. 288 с.
- Biss, 2015 – Biss Eula. On Immunity: An Inoculation. Minneapolis, Minnesota : Graywolf Press, 2015. 205 p.
- Burgers et al., 2016 – Burgers Ch., Konijn E. A., Steen G. J. Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony // Communication Theory. 2016. Vol. 26, № 4. P. 410–430.
- Stepanova, 2022 – Stepanova E. S. Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Vol. 13, N 1. P. 174–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>

References

- Dubinina, M. N. (2022). Modelirovanie leksikosemanticheskogo polya «koronavirus» (na primere kitayskogo yazyka) [Modeling the lexical semantic field of “coronavirus” (Based on Chinese)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 8 (3), 79–89. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_3_79
- Il'yasova, S. V., & Amiri, L. P. (2018). *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy [Language game in the communicative space of media and advertising]*. Moscow : Flinta : Nauka Press. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2004). *Lingvokreativnye osnovaniya teorii nominalizatsii [Linguistic and creative foundations of the theory of nominalization]*. Author's abstract of Doctoral in Philological sci. diss. Moscow State Linguistic University. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2015). *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy [Language spiral: Values, signs, motives]*. Volgograd : Paradigma Press. (In Russ.).
- Kassirer, E. (1990). Sila metafory [The Power of metaphor]. In N. D. Arutyunova, & M. A. Zhurinskaya (Eds.), *Teoriya metafory [The Theory of metaphor]* (pp. 33–43). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Kiose, M. I. (2020). Vektornye modeli lingvokreativnosti kak instrument otsenki variativnosti diskursa [Vector models of linguistic creativity as a tool for assessing discourse variability]. In I. V. Zyкова, & V. V. Krasnykh (Eds.), *Yazyk, kul'tura, tvorchestvo: Mirovye praktiki izucheniya [Language, culture, creativity: World practices of studying]* (pp. 113–129). Moscow : Gnozis Press. (In Russ.).
- Kupina, N. A., & Matveeva, T. V. (2013). *Stilistika sovremennogo russkogo yazyka [Stylistics of the modern Russian language]*. Moscow : Yurayt Press. (In Russ.).
- Lenets, A. V., & Lagazhan, I. A. (2023). Yazykovaya reprezentatsiya vaktinsatsii ot COVID19 v nemetskoyazychnom mediaprostranstve [Language representation of COVID19 vaccination in the German speaking media space]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (4), 68–83.
- Dmitrenko, A., & Petrova, E. (Eds.). (2015). *Otkrovenie svyatogo Ioanna Bogoslova. Apokalipsis [Revelation of St. John the Theologian. Apocalypse]*. St Petersburg : Vita-Nova Press. (In Russ.).
- Biss, E. (2015). *On Immunity: An Inoculation*. Minneapolis, Minnesota : Graywolf Press.
- Burgers, Ch., Konijn, E. A., & Steen, G. J. (2016). Figurative framing: Shaping public discourse through metaphor, hyperbole, and irony. *Communication theory*, 26 (4), 410–430.
- Stepanova, E. S. (2022). Metaphorical Representation of Coronavirus in Medical Myths. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13 (1), 174–183. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-174-183>

Сюткина Надежда Павловна✉, Шустова Светлана Викторовна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
nad975@yandex.ru

Актуализация категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации (на примере фразеологических единиц)

Аннотация

Цель статьи – рассмотреть категориальную эмоциональную ситуацию, а именно ситуацию каузации эмоциональной модификации, которая в речи реализуется эмотивными каузативами. Материалом для исследования послужило 90 фразеологических единиц (ФЕ), содержащих семы каузативности и эмотивности, и 216 ФЕ, потенциально способных выступать средством каузации эмоциональной модификации (междометных ФЕ). Семантический анализ был проведён по контекстам, найденным в Национальном корпусе русского языка и Google Books Ngram Viewer. В результате систематизации полученных данных была предложена классификация ФЕ и междометных ФЕ, актуализирующих указанную категориальную ситуацию. Установлено, что к единицам с семой эмотивности и каузативности относятся: 1) глаголы, в которых эти семы представлены синкретично; 2) функциональные структуры, где сема каузативности заключена в глаголе, а сема эмотивности – в именной части конструкции; 3) ФЕ, семантика которых позволяет им выполнять функции эмотивного каузатива. Выявлено, что ряд ФЕ подвергся десемантизации и прагматикализации, в результате чего они преобразовались в междометные ФЕ с функцией актуализации эмоций. Выполняя эту функцию, они становятся полисемичными, как большинство междометий. Это расширяет их прагматический потенциал – они используются как речевое средство воздействия, реализуя целый ряд эмоций.

Ключевые слова: эмотивный каузатив, категориальная эмоциональная ситуация, ситуация каузации эмоциональной модификации, семантический потенциал, фразеологические единицы, междометные фразеологические единицы

© Сюткина Н. П., Шустова С. В. 2024

Для цитирования: Сюткина Н. П., Шустова С. В. Актуализация категориальной ситуации эмоциональной модификации (на примере фразеологических единиц) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 175–185. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-175>

Nadezhda P. Siutkina✉, Svetlana V. Shustova
Perm State University
Perm, Russian Federation
nad975@yandex.ru

Actualization of categorical situation of causation of emotional modification (Based on idioms)

Abstract

This article discusses a categorical emotional situation, particularly, the situation of causation of emotional modification which in speech is manifested by emotive causatives. 90 phraseological units (PhU) containing the semes of cause and emotiveness and 216 PhU potentially capable to express the cause of emotional modification (interjectional PhU) were selected for the study. Semantic analysis was performed using the contexts found in Russian National Corpus and Google Books Ngram Viewer. As a result of data processing and systematization, we

developed a classification of PhU and interjectional PhU verbalizing the examined categorial situation. It was discovered that the units with the semes of emotiveness and causation include (i) verbs in which these semes are presented syncretically; (ii) functional structures where the verb contains the causative seme, and the emotivity seme is in the nominal part of the construction; (iii) PhU whose meaning enables them to perform the functions of an emotive causative. Such PhUs were subject to desemantization and pragmaticalization and, consequently, were transformed into interjectional phraseological units whose function is to actualize emotions. Performing this function, they become polysemic, like most interjections. This expands their pragmatic potential since they are used as a language manipulation means manifesting a number of emotions.

Keywords: emotive causative, categorial emotional situation, emotional modification causation situation, semantic potential, phraseological units, interjectional phraseological units

© Siutkina N. P., Shustova S. V. 2024

For citation: Siutkina, N. P., & Shustova, S. V. (2024). Aktualizatsiya kategorial'noy situatsii kauzatsii emotsional'noy modifikatsii (na primere frazeologicheskikh yedinit) [Actualization of categorial situation of causation of emotional modification (Based on idioms)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 175–185. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-175>

1. Введение [Introduction]

В основе предлагаемого исследования находятся постулаты и понятийно-терминологический аппарат функциональной грамматики, которую А. В. Бондарко определял как грамматику функционально-семантических категорий, функционально-семантических полей и категориальных ситуаций. Именно эти понятия важны, поскольку анализируется функционально-семантическая категория каузативности, которая, вместе с каузальностью, является отражением процесса каузации в целом. Каузация рассматривается как актуализация причинно-следственных отношений в языке. Каузативность, в отличие от каузальности, имеет антропонимический характер, поскольку подразумевает интерперсональное взаимодействие, результатом которого становится модификация той или иной сферы человека (см. [Шустова, 2020, с. 11–12]). В фокусе нашего внимания находится модификация эмоционально-психологической сферы человека под воздействием какого-либо лица. Подобные отношения в языке реализуются эмотивными каузативами – языковыми единицами, в семантике которых категориальными являются семы каузативности и эмотивности. Эти семы могут быть представлены синкретично в одной лексеме либо дифференцированно в синтаксических структурах, функционально связанных – словосочетаниях глагольно-именного характера (функциональных структурах) и фразеологических единицах. Последние являются предметом настоящего исследования.

2. Анализ категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации [Analysis of categorial situation of emotive causation]

В функциональной грамматике одним из ключевых является понятие категориальной ситуации. Она понимается как «базирующаяся на определённой семантической категории и соответствующем поле содержательная структура, варианты которой выступают в конкретных высказываниях» [Бондарко]. Под полем имеется ввиду функционально-семантическое поле (ФСП), т. е. «группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определённой семантической категории» [Бондарко, 2002, с. 15]. В нашем случае это ФСП каузативности. Как категориальная рассматривается ситуация каузации эмоциональной модификации, которая, безусловно, относится к категориальным эмоциональным ситуациям в понимании В. И. Шаховского, который рассматривал

эмотивность как функционально-семантическую категорию, поскольку она отвечает всем ее признакам, таким как общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов; членение: центр – периферия [Шаховский 2019], а под категориальными эмоциональными ситуациями – «типичные жизненные (реальные или в художественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов: речевых партнеров, наблюдателя или читателя» [Шаховский, 2010, с. 56]. В качестве одного из свойств системы функционально-семантических полей А. В. Бондарко называет возможность их пересечения, что находит отражение в сопряжённых категориальных ситуациях. При взаимодействии и пересечении категориальных ситуаций в речи возникают категориальные семантические комплексы [Архипова, 2021, 2022; Архипова, Шустова, 2021; Сюткина, 2020; Шустова, 2011, 2021]. Мы анализируем эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс, в котором наблюдается пересечение эмотивности и каузативности. В качестве доминирующей категориальной ситуации определяется каузативность, сопряжённой – эмотивность. В целом, можно сказать, что вышеупомянутые категории обладают особой значимостью для человека: причинно-следственные отношения пронизывают всю когнитивную сферу, а эмоции – основа мотивационной сферы человека. Поэтому эмотивно-каузативный категориальный семантический комплекс и способы его актуализации представляют особый интерес.

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В качестве источника материала использовались фразеологические словари русского языка [Яранцев, 1981; Тихонов, 2007]. Методом направленной выборки были отобраны фразеологические единицы, актуализирующие исследуемую категориальную эмоциональную ситуацию, т. е. единицы, семантика которых включает в себя семы каузативности и эмотивности. Таких единиц было отобрано 90. Эти единицы функционируют при описании ситуации каузации эмоциональной модификации. Фразеологические единицы обладают экспрессивным потенциалом, следовательно, речь идёт об эмотивно-экспрессивно-каузативном категориальном семантическом комплексе.

Также из словарей были отобраны те фразеологические единицы, которые потенциально способны выступать в роли средства каузации эмоциональной модификации – это такие единицы, с помощью которых говорящий непосредственно воздействует на эмоции реципиента. Было отобрано и проанализировано 216 таких единиц. Подобные фразеологизмы составляют класс междометных фразеологических единиц (о междометных фразеологических единицах см. [Литовкина, 2005; Яковлева, 2017; Коминэ, 2018; Чукшис, 2023]). Был проведён семантический анализ отобранных фразеологических единиц, с помощью Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и исследовательского ресурса Google Books Ngram Viewer были определены контексты, в которых они функционируют, и в результате контекстного анализа был определён их функционально-прагматический потенциал, что позволило предложить классификацию фразеологических единиц и междометных фразеологических единиц, актуализирующих категориальную ситуацию каузации эмоциональной модификации.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Рассмотрим фразеологизмы, которые могут использоваться при описании ситуации каузации эмоциональной модификации. Здесь фразеологизмы можно классифицировать по знаку эмоций:

ФЕ с каузацией положительных эмоций: *кружить, вскружить голову кому-либо; разбить, сломать, растопить лёд; пленить (умом, красотой); брать, захватить в*

плен; плескать ладонями, в ладоши; гладить по шерсти; победить чьё-то сердце; строить глазки; петь дифирамбы. Приведём примеры функционирования таких единиц:

(1) Своим несерьёзным предложением высокой цены покупатель сначала **вскружил голову** господину Ли, что привело к тому, что он сам отказал всем конкурентам покупателя (Ngram).

(2) Там-то она и встретила молодого человека по имени Стас, который **молниеносно и крепко вскружил голову** девушке. **Так сильно вскружил**, что на все увещевания родителей, что первый год надо работать на зачётку, а не в любовь играть, она отвечала неизменно одно и то же: я не могу думать ни о чём, кроме него (Ngram).

(3) Тем более, что, по общему мнению учителей и родителей, – тут пока отмечалось единогласие, дети священников являлись украшением школы: трудолюбивые, воспитанные, способные, им без конца **пели дифирамбы** (Ngram).

(4) Что же притягивало людей в рабби Мендле? В силу чего рабби Мендле превратился в магнит, притягивающий людей со всех сторон Польши? Где спрятано то очарование, с помощью которого он **брал** людей **в плен**? (Ngram).

(5) Замер её голосок, и с ним в одно мгновение точно всё умерло. Зато через минуту все как вскочат, словно бешеные, и **ладошами плещут** и кричат (НКРЯ).

(6) Даже что-то вроде слезы промелькнуло на его ресницах. **Благородное сердце** Наташи было побеждено совершенно. Она, вслед за ним, приподнялась со своего места и молча, в глубоком волнении протянула свою руку (НКРЯ).

ФЕ с каузацией отрицательных эмоций: без мыла в душу лезть; берeditь рану; берeditь душу; берeditь сердце; вбить клин; выводить из себя; выжимать слезу; высасывать кровь; довести до белого каления; дразнить гусей (вызвать озлобление); посадить в калошу; колоть глаза кому-либо (вызывать раздражение, озлобление); лезть в чужую душу; метать громы и молнии; наступать на любимую мозоль; перевернуть всю душу; петь Лазаря (прикидываться несчастным, с целью разжалобить кого-либо); пить кровь; плюнуть в душу; подливать масла в огонь; поднести пиллюлю; преклонять колена; пригвоздить к позорному столбу; пускать слезу; разразиться негодованием; тянуть душу; пить чью-то кровь; плакать в жилетку; плюнуть в лицо, в глаза, в кого-либо (выражать полное презрение кому-либо, пренебрегать кем-либо); **закручивать гайки**; бранить в глаза; глядеть косо на кого-либо (высказывать неодобрение, недоброжелательство); гнуть, согнуть в бараний рог; намылить шею, голову кому-либо; задевать за живое; держать в ежовых рукавицах; надуть губы (на кого-либо) (рассердиться на кого-либо); стоять над душой; без мыла в душу лезть; задать перцу, задать жару; закидать камнями; залезть в душу; точить зуб (злоститься на кого-л.); показать коготки (обнаруживать злые намерения, готовность к нападению, к отпору); колоть глаза; наводить критику; испортить много крови кому-то; высосать кровь из кого-либо. Приведём примеры:

(7) Неволя заставила его жениться, неволя заставила **гнуть шею** перед батюшкой, перед всем приходом, перед каждым мироедом (Ngram).

(8) Оля **дула** на него целый вечер **губки** (Ngram).

(9) **Поймать бы этого Дыгена!** – вздохнул Иван. – Я на него **давно зуб точу** (Ngram).

(10) **Колоть** беспрестанно мне **глаза** цыганской жизнью или глупо, или безжалостно (Ngram).

(11) «Ты взял паузу, чтобы спрятать боль, мой мальчик, - подумал он. – Не ту, что иногда **берeditь рану**, а ту, что еще долго будет **терзать душу**. Уж я-то знаю. Раны тела затягиваются быстро, но раны души, что получил при сокрушительном поражении, не заживают никогда» (Ngram).

В целом, эта группа наиболее многочисленна, поскольку в языке преобладают номинации отрицательных эмоций. Они переживаются сильнее, чем положительные, имеют мно-

жество оттенков и градаций, что находит отражение и в языке. Вспомним, кстати, знаменитый афоризм Л. Н. Толстого: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», благодаря которому в науке бытует понятие «принцип Анны Карениной», который используется для описания ситуаций, когда успех зависит от наличия ряда благоприятных факторов, а отсутствие хотя бы одного из них рушит всю систему (см. [Diamond, 1997 ; Даймонд, 2010]). Для нас важен тот факт, что актуализация отрицательных эмоций представлена большим количеством ФЕ.

Анализируемые нами фразеологизмы в целом делятся на вышеуказанные группы, однако можно выделить ещё одну – амбивалентную группу, куда мы отнесём те единицы, которые в речи могут актуализировать каузацию как положительной, так и отрицательной эмоциональной модификации в зависимости от контекста и намерений говорящего: *вогнать в краску; волновать до глубины души; лезть в чужую душу; перевернуть всю душу; свести с ума; платить тем же; брать за душу, брать за живое; заглянуть в душу кому-либо; стоять у кого-либо над душой; залезть кому-либо в душу*. В речи тип эмоциональной модификации актуализирует контекст:

(12) *Этой похвалы было достаточно, чтобы окончательно **вогнать** Эла в краску* (Ngram).

(13) *А потом зазвучала музыка, зовущая на первый танец – Майский бал обходился без официальной части – и первый же партнёр **вогнал** Мэб в краску гнева* (Ngram).

(14) *Этот ваш приятель **задел меня за живое**: уж больно презрительно он глянул на меня, когда я сказал, что страх не чужд и ему – хотя чувство это врождённое и стыдиться его не стоит* (Ngram).

(15) *Он уже не мог не смотреть в это чудовищное лицо. Оно одновременно притягивало и отталкивало, как будто кто зло пошутил над ним, Русланом, **задел за живое*** (НКРЯ).

(16) *Всех **задел за живое** сюжет о двенадцатилетнем мальчике, нашедшем сумку со 120 тысячами рублей. В доме устроили семейный совет – решили, чтобы всю жизнь себя не винить, деньги вернуть хозяину* (НКРЯ).

(17) *Но если бы кто **заглянул в душу** некогда самого весёлого картлийца, он увидел бы бездну отчаяния и море слёз. Гибель Даутбека, казалось, выкорчевала последнюю радость* (Ngram).

(18) *Если бы сейчас можно было **заглянуть в душу** этого человека, почувствовать радость, которую никак не отражало его уже не молодое скуластое лицо, вряд ли по силе она уступала бы шумному восторгу учеников, впервые получающих деньги* (Ngram).

Как видно из примеров, одна и та же единица в зависимости от контекста может описывать как положительные (примеры 12, 16, 18), так и отрицательные эмоции (примеры 13, 14, 15, 17). В приведённых примерах мы наблюдаем эмотивный каузатив в функции описания прототипической ситуации каузации эмоциональной модификации: каузатор воздействует на эмоции объекта с целью их модификации. Синтаксически – это повествовательное предложение, подлежащее в котором – каузатор.

Возможна другая прагматическая функция междометий – говорящий может их использовать как средство, с помощью которого он воздействует на эмоции реципиента. В таком случае, фразеологизмы функционируют в роли междометных фразеологических единиц и приобретают их характерные черты – полисемичность (одно междометие может выражать спектр эмоций), многофункциональность (могут использоваться во множестве речевых актов), прагматикализованность (говорящий использует готовые речевые формулы с устоявшимся значением), при этом сохраняется яркая образность, свойственная фразеологическим оборотам.

Общими категориальными признаками междометных фразеологических единиц являются их «специфическая синтаксическая функция в качестве самостоятельных интонаци-

онно оформленных нечленимых фраз и общее значение реакции на соседнюю реплику или ситуацию» [Русская разговорная речь, 1983, с. 92–93]. Обладая формальными признаками фразеологизмов, междометные фразеологизмы представляют собой средство актуализации эмоционального отношения. Их отличительные черты – устойчивость, воспроизводимость, целостное значение, они являются неотъемлемой частью живой речи. Кроме того, они передают целый «пучок» из эмотивных коннотаций и смыслов.

ФЕ актуализируются в таких речевых актах, как комплимент, совет, угроза, предупреждение, ободрение, восхищение и т. д. По актуализируемой категориальной ситуации мы можем их разделить на следующие: говорящий (т. е. каузатор) намерен вызывать положительный эмоциональный отклик у реципиента (т. е. объекта каузации). Это речевые акты комплимента и лести, ободрения, восхищения, успокоения:

Комплимент и лесть: *Снимаю шляпу! Ай да ну! Большое сердце. Боже ты мой! Бог мой! Сама доброта! Ай да мы!*

(19) *Ах, боже мой, какие ты Антоша, слова отпускаешь!*

(20) *Вы – сама доброта, сударыня, но всё же, мы должны придерживаться нашего первоначального плана.*

Ободрение: *Не вешай нос! Не вешай голову! Не опускай руки! Плевое дело! Раз плюнуть! Расправь плечи! Всё будет в ажуре! Лиха беда начало! Что за беда! Велика беда! Не делай трагедии! Первый блин комом! Дай-то бог! Дай бог! Не брошу на произвол судьбы! Всегда буду на твоей стороне! Не боги горшки обжигают! Всё будет тип-топ!*

(21) *Ничего. – Густав хлопнул Димку по плечу. – Не вешай носа. Всё будет тип-топ (Ngram).*

(22) *Всё возможно! Только учись хорошо. Не боги горшки обжигают (Ngram).*

Восхищение: *Ай да ...! Жизнь моя! Душа моя! Чёрт возьми! Матерь божья! Подумать только! Скажи на милость! Ну и ну!*

(23) *Скажи на милость! В какую честь ты попал, Гришка! За одним столом с настоящим генералом! Подумать только! (Ngram).*

(24) *А правда, если бы был жив Колька, он был бы вами довольный. Он бы сказал: «Ну, сестры Ивановы, ну и ну!» (Ngram).*

Успокоение: *Дело житейское. Первый блин комом. Ай да ну! Не бери в голову. Куда кривая вывезет. Не распускай нюни! Не принимай близко к сердцу! Всего ничего! Всего-навсего. Яйца выеденного не стоит. Я на твоей стороне. Горе луковое.*

(25) *Я пригрозил свернуть сотрудничество с Управлением, если они вздумают тебя уволить, так что не распускай нюни и не мрачней (Ngram).*

(26) *Всё это чепуха, дело житейское. На жене свет клином не сошёлся. Я сам когда-то любил и страдал (Ngram).*

(27) *Сел Ванятка посреди избы и давай реветь с горя! – Ну, чего ревьешь, горе луковое? – говорит Егорий. – Ползи ко мне. Глянь-ка, чего у меня есть (Ngram).*

(28) *Не волнуйся Вика. Я не причиню тебе вреда. Я на твоей стороне (Ngram).*

Ряд речевых актов (совет, побуждение к действию, предупреждение) реализуют категориальную ситуацию, когда в намерения каузатора входит мотивация объекта каузатора к определённым действиям, через обращение к его эмоциям. Это могут быть как положительные эмоции, так и отрицательные:

Совет: *Держи нос по ветру! Держи порох сухим! Куй железо, пока горячо! Держи ухо остро! Заруби себе на носу! Возьмись за ум! Не пори горячку! Держи язык за зубами! Не лезь в душу! Не бреди душу! По головке за такое не погладят! Не гонялся бы ты за двумя зайцами! Не пори горячку! Выбрось из головы! Даже не думай! Не наступай на любимую мозоль! Не стой над душой! Не лезь в душу! И горя мало! Не бери грех на душу! Не губи (душу)! Побойся бога! Губа не дура! Бога бы побоялась! Хватит лодыря гонять! Не вешай лапшу на уши!*

(29) **Побойся бога!** Ты что, не знаешь, что воровать – это плохо, это грех? Чему ты собираешься учить наших детей! (Ngram).

(30) Я там с ребятами замучилась, а тебе **и горя мало** (НКРЯ).

(31) Узко мыслишь! Они телевизионщики. Тебе к ним соваться не надо. **Держи нос по ветру** и осуществляй, так сказать, общее руководство! Станешь делать то, что я скажу, и всё получится (Ngram).

(32) На четвёртый день Гунн стала собираться в дорогу. И говорит на прощание: – Я знаю, что тебе не везло на женщин. Но теперь ты встретил свою удачу. **Заруби это себе на носу** (Ngram).

Побуждение к действию: Ближе к делу! Одна нога здесь, другая там! Мухой давай! С богом! И никаких гвоздей! Время не ждёт! Кровь из носу!

(33) Командир, в узик НЗ есть, я принесу? – Само собой, **мухой давай**, мы в гостинной будем... (Ngram).

(34) **Давай-ка ближе к делу**, паренёк, – действительно попросил Большаков (Ngram).

(35) Это надо сделать **кровь из носу**, ты что, не врубаешься!..» — орал из области зам по оперативной, которому, видно, самому здорово досталось (НКРЯ).

(36) Умываться беги, **и никаких гвоздей!** Что стоишь?! Беги! Раз-два! Тебе что, особое приглашение нужно? (Ngram).

Предупреждение: Не фунт изюму! Не дело это! Долго ли до греха! Долго ли до беды! Даже не думай! Не доводи до крайности! Гиблое дело! Плохо дело! Останешься на бобах! Быть бычку на верёвочке! Не сносить головы! С ума сошёл? В своём уме? Будешь локти кусать! Не лезь в бутылку! Хлебнёшь лиха! Дальше – больше! Не валяй ваньку!

(37) Многие ли слышали о Тотлебене до Крымской войны? Кто он был, инженеришка – тьфу, а вот поди же ты, полный генерал и член государственного совета! **Это тебе не фунт изюму!** (Ngram).

(38) Мать ответила неожиданно серьёзно и строго: – Плохо думаю, батюшка. Всё село между собой перессорим. **Не дело это**, худо обернуться может (Ngram).

Просьба о снисхождении: Не взывайте! Ради бога! Помилуйте! Войдите в положение! Будьте милосердны!

(39) Но **войдите в положение** несчастных, граф! – взмолился Саша. – Человеколюбие возмущается, взирая... (Ngram).

(40) **Не взывайте**, отцы и милостивцы, на убогом угощении моём: плох я хозяин стал, остарел, одышка замучила... (Ngram).

Речевые акты, которые актуализируют категориальную ситуацию, в которой каузатор целенаправленно вызывает отрицательные эмоции у реципиента, следующие:

Пренебрежение: Эка важность! Невелика важность! Что за важность! Невелика беда! Не велика хитрость! Встречный и поперечный! Ишь ты какой!

(41) А то будет тут **каждый встречный и поперечный** с благородным кабальеро на повышенных тонах беседовать. Непорядок (Ngram).

(42) И что он был за человек такой? – Афинский гражданин, любезный! – Только-то? Гражданин – то есть, по-нашему, мещанин? **Невелика птица!** (Ngram).

Осуждение: Бить тебя некому! Глаза б мои не смотрели (видели)! Как от козла молока! Нет извини! Извини за выражение. Правда глаза колет? Креста на тебе нет! Губа не дура! К чёртовой бабушке! Ни в какие ворота! Из ряда вон! Что ты как с цепи сорвался?

(43) Буря криков понеслась по залу. Его прорезали отдельные выкрики: «Долой с трибуны!», «Предатель!», «Браво, Мартов!», «Как он смеет!», «**Правда глаза колет!**» Свердлов неистово звонил, призывая Мартова к порядку. Но Мартов продолжал кричать ещё яростнее, чем раньше (НКРЯ).

(44) **Нет, извини!** Ты думаешь, что я молчала-то почти год, так всё и буду молчать? **Нет, извини!** (НКРЯ).

(45) Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, **извини за выражение**, в жёлтый дом свезут (НКРЯ).

Угроза: В бараний рог согну! Шею намылю! Небо в овчинку покажется! Узнаешь, почём фунт лиха! Головой заплатишь! Горло перегрызу! Места живого не оставлю! Вот я тебе задам! Задам перцу! Из-под земли достану! Сотру с лица земли! В порошок сотру! Я тебе дам! Я тебе задам! Это тебе выйдет боком! Я тебе выбью дурь из головы! Не выводите меня из себя! Не подливай масла в огонь! Не доводи до белого каления! Не дразни гусей! Тебе не поздоровится! Не доводи до крайности! Это палка о двух концах! Пиши пропало! Плохо дело! Быть беде!

(46) **Не доводи до крайности**, не заставляй меня подключать другие силы. Честное слово, тебе не поздоровится (НКРЯ).

(47) Беды бы нам не принесли эти деньги... Не ровен час, узнают бандюганы, – пиши, пропало! (НКРЯ).

(48) Я всё равно ... не буду ... твоим ... слугой... – Посмотрим. Совестьливые люди в моей команде не нужны. Но я **выбью эту дурь из твоей головы!** (НКРЯ).

(49) Не дай бог тебе самому попасть в подобную ситуацию, тогда **узнаешь, почему фунт лиха!** – Извини, – примирительно похлопал его по колену зять (НКРЯ).

(50) Помни: не всегда смелость города берёт, особенно на службе. **Можно и головы не сносить!** (НКРЯ).

Упрёк, укор: Без роду, без племени. Ни роду, ни племени. В гроб вгонишь! Не вали с больной головы на здоровую! Мыслимое ли дело! Слыханное ли дело! Всю душу вымотал(а)! В печёнках уже сидит! Хоть брось! Из рук вон плохо! Не ахти! Всю кровь выпил!

(51) Зачем? – кричала я. – Ты уже **выпил из меня всю кровь!** Мы уже давно не муж и жена (Ngram).

(52) Он всплеснул руками и торопливо заковылял вокруг костра. – **Слыханное ли дело?** С полюбовником к мужу законному денег просить идёт! (НКРЯ).

Оскорбление: Дурья голова! Один ветер в голове! Голь перекатная! Хуже горькой редьки! Кишка тонка! Дура набитая! Дурак дураком! Дурак набитый! Дурак стое-росовый! Как баран на новые ворота! Как свинья в апельсинах! Скатертью дорога! Туда и дорога! Катись отсюда! Катись колбаской! Уши вянут! Как бельмо на глазу! Белены объелся! Бесплодная смоковница! Ни бум-бум! Ветер в голове! Весь в отца / матушку! Старый хрен! Старая карга!

(53) Поверьте, это сырой специалист, просто девчонка с институтской скамьи. Ни знаний, ни опыта, **один ветер в голове** (Ngram).

(54) **Один ветер в голове.** Кто из тебя вырастет? (Ngram).

(55) Сил больше нет слушать всю эту чушь — **уши вянут!** (Ngram).

(56) **Что уставился, как баран на новые ворота?** Не ожидал такого финала? (Ngram).

(57) А ты что **уставился, как баран на новые ворота?** – прикрикнула она на Алексея. – Дырку просверлить собрался у меня во лбу? (Ngram).

Досада: И дёрнул тебя чёрт! Какого рожна! Ну и заварил ты кашу! Сыт по горло! На кой чёрт! Вот ты мне уже где! Дуй тебя горой! Не празднуй труса!

(58) Ты с ума сошла? **Какого рожна** тебе ещё не хватает? А зачем ты тогда голову всем морочила? (НКРЯ).

(59) **Дёрнул тебя чёрт** за язык. Отпуск мой теперь накрылся (НКРЯ).

Недоверие: Вон оно как! Знаем мы вас! Нос не дорос! Не твоего ума дело! Не лей крокодиловы слёзы!

(60) **Знаем мы вас**, как вы плохо играете! — сказал Ноздрев, выступая шашкой (НКРЯ).

(61) *Вон оно как! – Джон рассмеялся. – Чтобы такая хорошенькая барышня убила одного из отважных офицеров гестапо? Чем он вам не приглянулся – чёрным ките-лем?* (Ngram).

Опасение нежелательных событий: *Не дай бог! Не приведи боже! Избави боже! Сохрани бог! Боже упаси! И что это тебе в голову взбрело!*

(62) **Не дай бог**, Андрюша или Нинка в школе хоть что-нибудь из услышанного ляпнут – арестуют же Володю! (НКРЯ).

(63) *Погоди, погоди, вот мать-то бог приберёт, как-то без меня будете жить?.. Помянешь, не раз помянешь!.. Не знает вы, каково горько без матери сирота-ми-то жить!.. Ох, не приведи Господи!...* (НКРЯ).за

3. Заключение [Conclusion]

Итак, в результате семантического анализа контекстов реализации 306 ФЕ, найденных в НКРЯ и Google Books Ngram Viewer был определён функционально-прагматический потенциал ФЕ, актуализирующих категориальную ситуацию каузации эмоциональной модификации. Это позволило разработать классификацию ФЕ и междометных ФЕ по знаку эмоции (положительная, отрицательная, амбивалентная) и конкретному виду эмоции (восхищение, успокоение, упрёк, угроза и т. д.).

Важно отметить, что в силу особенностей междометий и, следовательно, междометных ФЕ, подобная классификация условна. Эти единицы обладают широким функциональным и прагматическим потенциалом и способны актуализировать множество эмоций, в зависимости от ситуации, среды, намерений говорящего. С прагматической точки зрения фразеологизмы обладают широким функциональным потенциалом. Это связано с тем, что они обладают яркой образностью, при этом они прагматикализованны – говорящему не нужно каждый раз изобретать фразу заново, он может воспользоваться уже готовыми формами с устоявшимися значениями. Поэтому многие фразеологизмы начинают функционировать в роли междометий, приобретая такие типичные для междометий свойства, как крайняя полисемичность и многофункциональность. Фактически они десемантизируются и начинают выполнять роль средства эмоционального воздействия. Поэтому в зависимости от контекста, интонации, намерений говорящего они приобретают множественные коннотации и способны отражать целый спектр эмоций.

Библиографический список

- Архипова, 2021 – Архипова И. В. Итеративная таксисная категориальная ситуация: вопросы описания и структурирования (на примере разноструктурных языков) // Евразийский гуманитарный журнал. 2021. № 1. С. 46–53.
- Архипова, 2022 – Архипова И. В. Актуализация таксиса как результат междометных взаимодействий // Евразийский гуманитарный журнал. 2022. № 4. С. 4–12.
- Архипова, Шустова, 2021 – Архипова И. В., Шустова С. В. Категориальная семантика примарного таксиса // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 1. С. 51–58. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-1-51-58>
- Бондарко – Бондарко А. В. Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании. URL : <https://tech.wikireading.ru/hFd9bQz5cP> (дата обращения : июнь 2023).
- Бондарко, 2002 – Бондарко А. В. Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М. : Эдиторал УРСС, 2002. С. 15–21.
- Даймонд, 2010 – Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. Судьбы человеческих обществ. М. : АСТ, 2010. 604 с.

- Коминэ, 1999 – Коминэ Ю. Функционально-прагматические характеристики русских междометных высказываний : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1999. 22 с.
- Литовкина, 2005 – Литовкина А. В. Междометные фразеологические единицы: семантические, структурно-синтаксические и функциональные характеристики (на материале русского и немецкого языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Саратов, 2005. 24 с.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL : <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения : август 2023).
- Сюткина, 2020 – Сюткина Н. П. Функционирование эмотивных каузативов в категориальном семантическом комплексе. Пермь : Изд-во ПГНИУ, 2020. 176 с.
- Тихонов, 2007 – Тихонов А. Н. Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд. стер. М. : Русский язык – Медиа, 2007. 334 с.
- Чукшис, 2023 – Чукшис В. А. Этнокультурное своеобразие швейцарских фразеологизмов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 5. С. 1525–1528. <https://doi.org/10.30853/phil20230212>
- Шаховский, 2010 – Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М. : Книжный дом «Либроком», 2010. 128 с.
- Шаховский, 2019 – Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : Книжный дом «Либроком», 2019. 206 с.
- Шустова, 2020 – Шустова С. В. Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. 3-е изд., испр. доп. М. : ЛЕНАНД, 2020. 248 с.
- Шустова, 2011 – Шустова С. В. Темпорально-аспектуально-таксисные отношения в немецком языке // Филологические заметки. 2011. Т. 2. С. 355–356.
- Шустова, 2021 – Шустова С. В. Инструментальность в каузативной ситуации // Гуманитарные исследования. История и филология. 2021. № 3. С. 82–89.
- Яковлева, 2017 – Яковлева Е. В. Функциональная специфика междометий и релятивных конструкций как элементов эмотивного смысла в текстах психологической прозы : дисс. ... канд. филол. наук ; 10.02.19 ; Северо-Кавказский фед. ун-т. Ставрополь, 2017. 203 с.
- Яранцев, 1981 – Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М. : Русский язык. 1981. 304 с.
- Diamond, 1997 – Diamond J. Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies. New York : W. W. Norton & Company, 1997. 718 p.
- Ngram – Google Books Ngram Viewer. Исследовательский ресурс. URL : <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения : июль 2023).

References

- Arkhipova, I. V. (2021). Iterativnaya taksisnaya kategorial'naya situatsiya: voprosy opisaniya i strukturirovaniya (na primere raznostrukturnykh yazykov) [Iterative taxis categorial situation: Description and structuring issues]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 1, 46–53. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V. (2022). Aktualizatsiya taksisa kak rezul'tat mezhkategorial'nykh vzaimodeystviy [Actualization of taxis as a result of intercategory interactions]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal [Eurasian Humanitarian Journal]*, 4, 4–12. (In Russ.).
- Arkhipova, I. V., & Shustova, S. V. (2021). Kategorial'naya semantika primarnogo taksisa [Categorial semantics of local taxis]. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian research. History and Philology]*, 1, 51–58. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2021-1-51-58>
- Bondarko, A. V. (Ed) *Kategorial'nyye situatsii v funktsional'no-grammaticheskom opisanii* [Categorial situations in the functional-grammatical description]. Retrieved June 2023 from <<https://tech.wikireading.ru/hFd9bQz5cP>>. (In Russ.).
- Bondarko, A. V. (2002). Kategorii v sisteme funktsional'noy grammatiki [Categories in the system of functional grammar]. *Kommunikativno-smyslovyye parametry grammatiki i teksta. [Communicative and semantic parameters of grammar and text]* (pp. 15–21). Moscow : Editorial URSS Press. (In Russ.).

- Diamond, J. (2010). *Ruzh'ya, mikroby i stal'. Sud'by chelovecheskikh obshchestv. [Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies]*. Moscow : AST Press. (In Russ.).
- Komine, Yu. (1999). *Funktional'no-pragmaticheskiye kharakteristiki russkikh mezhdometnykh vyskazyvaniy [Functional and pragmatic features of Russian interjectional statements]*. Author abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow. (In Russ.).
- Litovkina, A. V. (2005). *Mezhdometnyye frazeologicheskiye yedinitsey: semanticheskiye, strukturno-sintaksicheskiye i funktsional'nyye kharakteristiki (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov) [Interjectional phraseological units: Semantic, structural-syntactic and functional features (Based on Russian and German)]*. Author abstract of PhD in Philological sci. diss. Saratov. (In Russ.).
- NKRYA (n. d.). *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]*. Retrieved August 2023 from <<https://ruscorpora.ru/>>. (In Russ.).
- Siutkina, N. P. (2020). *Funktsionirovaniye emotivnykh kauzativov v kategorial'nom semanticheskom komplekse [Functioning of emotive causatives in the categorical semantic complex]*. Perm : Perm State University Press. (In Russ.).
- Tikhonov, A. N. (2007). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. 3-ye izd. stereotip. [Phraseological dictionary of the Russian language]*. 3d edn., stereotypical. Moscow : Russkiy yazyk – Media Press. (In Russ.).
- Chukshis, V. A. (2023). *Etnokul'turnoye svoeyebraziye shveysarskikh frazeologizmov [Ethnocultural distinctness of Swiss phraseological units]*. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. [Philology. Theory & Practice]*, 16 (5), 1525–1528. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/phil20230212>
- Shakhovskiy, V. I. (2010). *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya [Emotions: Pre-linguistics, linguistics, linguoculturology]*. Moscow : Librocom Press. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2019). *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of the language]*. Moscow : Librokom Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2020). *Funktional'nyye svoystva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod [Functional properties of causative verbs: Dynamic approach]*. 3dn., revised with addenda. Moscow : LENAND Press. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2011). *Temporal'no-aspektual'no-taksisnyye otnosheniya v nemetskom yazyke [Temporal-Aspectual-Taxis Relations in the German Language]*. *Filologicheskiye zametki [Philological Notes]*, 2, 355–356. (In Russ.).
- Shustova, S. V. (2021). *Instrumental'nost' v kauzativnoy situatsii [Instrumentality in a causative situation]*. *Gumanitarnyye issledovaniya. Istoriya i filologiya [Humanitarian Studies. History and Philology]*, 3, 82–89. (In Russ.).
- Yakovleva, E. V. (2017). *Funktional'naya spetsifika mezhdometiy i relyativnykh konstruktsey kak elementov emotivnogo smysla v tekstakh psikhologicheskoy prozy [Functional Specificity of interjections and relative constructions as elements of emotive meaning in psychological prose texts]*. PhD in Philological sci. diss. North-Caucasus Federal University. Stavropol. (In Russ.).
- Yarantsev, R. I. (1981). *Slovar'-spravochnik po russkoy frazeologii [Dictionary and reference book on Russian phraseology]*. Moscow : Russkiy yazyk Press. (In Russ.).
- Diamond, J. (1997). *Guns, Germs, and Steel. The Fates of Human Societies*. New York : W. W. Norton & Company.
- Ngram (n. d.). *Google Books Ngram Viewer*. Research resource. Retrieved July 2023 from <<https://books.google.com/ngrams/>>.

Уртегешев Николай Сергеевич
Институт филологии СО РАН
г. Новосибирск, Российская Федерация
urtegeshev@mail.ru

Палатальность, палатализация, уранизация, мягкость (по данным МРТ)

Аннотация

Цель настоящей статьи – разграничить понятия «палатализация», «палатализованный», «палатальный» (=«среднеязычный»=«средненёбный»), «мягкость», «мягкий», «смягчённый», опираясь на экспериментальные данные по языкам народов Сибири. Исследование проводилось соматическим и слуховым методами. В результате выявлено, что среднеязычные (палатальные) согласные образуются не одной средней частью спинки языка, а передне-средней и в ряде случаев – всей поверхностью тела языка. Подъём средней части спинки языка к твёрдому небу как дополнительная артикуляция – палатализация – не всегда вызывает слуховой эффект мягкости. Во многих случаях это уранизация – палатализация при слуховом эффекте твёрдости. При реализации мягких согласных имеет место соартикуляция: одновременное образование примафона или примаволны определённого звукотипа со сближением голосовых складок в передней части (образование узкой щели) при одновременном движении переднего края гортани чуть вверх и вперёд. Степень палатализации, как и степень воспринимаемой на слух мягкости (мягкий, смягчённый), может варьировать.

Ключевые слова: консонантизм, признак мягкости, признак твёрдости, артикуляция, палатальность, палатализация, уранизация

© Уртегешев Н. С. 2024

Для цитирования: Уртегешев Н. С. Палатальность, палатализация, уранизация, мягкость (по данным МРТ) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 186–199. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-186>

Nikolay S. Urtegeshev
Institute of Philology, the Siberian Branch of the RAS
Novosibirsk, Russian Federation
urtegeshev@mail.ru

Palatality, palatalization, uranization, softness (Based on MRI)

Abstract

This article aims to differentiate between the notions of “palatalization”, “palatalized”, “palatal” (=“mid-palatal”=“mid-lingual”), “softness”, “soft”, “softened” based on experimental data on Siberian languages. The methods of MRI and auditive control were used in the study. As a result, it was discovered that mid-lingual (palatal) consonants involve not only the medial part of the tongue as an articulator but rather front and medial parts of the tongue and sometimes its whole surface. Palatalization as secondary articulation, which is the raise of the middle of the tongue, not always causes the auditive effect of softness. In many cases we observe uranization which is palatalization with the auditive effect of hardness. Soft consonant pattern involves narrowing of the constriction of the vocal folds in the front part as primary articulation accompanied by moving the front edge of the glottis up and forth. The degree of palatalization as well as the degree of the perceived softness (soft or softened) might vary.

Keywords: consonants, softness, hardness, articulation, palatality, palatalization, uranization

For citation: Urtegeshev, N. S. (2024). Palatal'nost', palatalizatsiya, uranizatsiya, myagkost' (po dannym MRT) [Palatality, palatalization, uranization, softness (Based on MRI)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 186–199. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-186>

1. Введение [Introduction]

Палатализации как одной из самых распространённых дополнительных артикуляций посвящён целый ряд работ, в которых данное явление рассматривается с разных ракурсов: общefonетического (артикуляционного и акустического), частнофонетического, фонологического. Палатализация имеет мало ограничений на сопровождение других артикуляций, не сочетаясь только с двумя типами: среднеязычной, или пататальной, по причине того, что она уже является основной артикуляцией [Зиндер, 1979, с. 132], а также с какуминальной и ретрофлексной из-за физиологической несовместимости [Бондарко и др., 1991, с. 50]. Один из постоянно присутствующих артикуляционных коррелятов палатализации – это движение языка, характерное для *i*-образного гласного звукотипа [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 283], когда средняя часть спинки языка сближена с твёрдым нёбом [Бондарко и др., 1991, с. 50; Бондарко, ЛЭС; Bondarko, 2005], точнее – с его передней зоной [Наделяев, 1960, с. 14]. Другой артикуляционный коррелят – изменение смычного способа образования на смычно-щелевой – характерен только для смычно-взрывных согласных (аффрикатизация) [Зиндер, 1979, с. 134; Бондарко, 1998, с. 66, 83]. Результатом этих артикуляционных движений являются модификации резонаторов, которые обуславливают наличие нескольких акустических коррелятов: понижение первой форманты (F1) и повышение второй форманты (F2), усиление составляющих в более высоких областях спектра (2500 Гц), сдвиг частотных составляющих вверх и повышение нижней границы шума, а также появление дополнительного фрикативного шума в средне-верхних частотах [Наделяев, 1960, с. 14; Зиндер, 1979, с. 133; Bondarko, 2005; Андросова и др., 2009]. Степень палатализации может быть разной. Было бы логично предположить, что она сильнее там, где мягкость согласного имеет особый фонологический статус – является дифференциальным признаком, как в русском языке. Возможно, это так, но широкомасштабного сравнения акустической выраженности палатализации в русском языке по сравнению с другими языками не проводилось. Имеются данные о большей выраженности перепада по F2 в китайской речи по сравнению с русской, возможно, в связи с тем, что *i*-образный переход в русском языке не является самостоятельным звуком, а в китайском он имеет статус медиали [Чжоу, Тананайко, 2024]. Степень палатализации, по разным источникам, зависит от трёх основных факторов: уровня подъёма спинки языка, типа основной артикуляции, качества соседних гласных.

А. Подъём спинки языка. По данному фактору различают четыре степени подъёма имеющие акустический эффект разной высоты усиленных составляющих в спектре: 1) “нулевую” (смягчение отсутствует – согласный твёрдый); 2) слабую для смягчённых, или слабопалатализованных, согласных; 3) среднюю для мягких, или палатализованных, согласных; 4) сильную для очень мягких, или сильнопалатализованных согласных [Наделяев, 1960, с. 14; Трахтеров, 1962, с. 205; Зиндер, 1979, с. 133]. В транскрипционной системе В. М. Наделяева 2–4 степени соответственно обозначены следующими диакритическими знаками: “·” – “правая верхняя точка”, “'” – “минута”, “”” – “секунда” [Наделяев, 1960, с. 14].

Б. Тип основной артикуляции. Здесь необходимо отметить более сильный эффект палатализации на дорсальные согласные (напр., русские) по сравнению с апикальными (напр., английскими), а также на заднеязычные. В первом случае происходит уже

упомянутая модификация способа образования (аффрикатизация, за счёт которой увеличивается время эксплозии), а во втором – модификация активного действующего органа (изменение заднеязычных практически до среднеязычных); кроме того, у русского вбранта теряется многоударность ([г'] часто реализуется как одноударный или даже фрикативный) [Зиндер, 1979, с. 133–134 ; Бондарко, ЛЭС ; Bondarko, 2005].

В. Качество соседних гласных. Палатализацию вызывают переднерядные гласные, но при наличии огубленности гласного этот эффект уменьшается поскольку огубленность предполагает оттянутость языка назад – артикуляция, противоположная палатализации [Бондарко, ЛЭС].

Различать палатализованные и непалатализованные на слух несложно [Зиндер, 1979, с. 134], первые воспринимаются как более высокие, а вторые – как более низкие [Бондарко, ЛЭС].

Нам показались следующие высказывания интересными, поскольку в них нетривиальный взгляд на проблему палатализации согласных.

1. «Палатализация является дополнительной артикуляцией в тех случаях, когда она обусловлена лишь фонетической позицией согласного (перед гласными переднего ряда или перед [j]), или различительным признаком в тех случаях, когда она не определяется позицией (например, в русском языке, где палатализованные – мягкие – согласные возможны и перед гласными заднего ряда, и в абсолютном конце слова)» [Бондарко, ЛЭС ; Bondarko, 2005]. Например, палатализация перед «j» на материале эвенкийского языка [Морозова, 2015, с. 77].

2. «Палатализация может быть постоянным признаком нормативной реализации согласного, не являясь дифференциальным признаком ... [Бондарко и др., 1991, с. 50].

3. Говоря о палатализации «Нельзя представлять себе артикуляции как простое наложение подъёма средней части языка на положение других его частей. Правильнее говорить о сочетании движения соответствующих частей языка...» [Зиндер, 1979, с. 133]. Влияние этой «дополнительной» артикуляции может быть настолько сильным, что это влечёт за собой изменения основной артикуляции [Bondarko, 2005].

4. «...Что же касается отличия палатализованных от среднеязычных (палатальных), особенно если они продвинуты вперед, то его обнаружить на слух бывает трудно... Высокий тембр палатализованных язычных согласных сближает их акустически с собственно среднеязычными. Это может иметь важные фонематические последствия...» [Зиндер, 1979, с. 133–134].

5. «При определении различия между палатализованными и среднеязычными, очень близкими по тембру, метод палатограмм более надёжен. Прежде всего на палатограммах среднеязычных видно, что зубов и передней части нёба язык не касается. Кроме того, на палатограммах среднеязычных площадь касания языка больше, чем на палатограммах палатализованных согласных» [Зиндер, 1979, с. 134].

Анализ литературных источников показал, что во многих работах между терминами «палатализованный» и «мягкий», а ещё и «смягчённый» ставится знак равенства [Наделяев, 1960, с. 14 ; Трахтеров, 1962, с. 204 ; Бондарко и др., 1991, с. 50], различий не делается [Наделяев, 1960, с. 14 ; Зиндер, 1979, с. 133 ; Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 283]. А. В. Лемов, проанализировав использование терминов «палатализованный», «палатальный», «мягкий», справедливо предлагает: «... называя звуки мягкими, мы должны уточнить характер этой мягкости: мягкий палатализованный, то есть с добавлением артикуляции палатализации, например, [л'], [т'] и подобные, или мягкий палатальный – [j]...» [Лемов, 2017, с. 183], т. е. мягкий не равно палатализованный и не равно палатальный, с чем мы однозначно согласны. А. В. Лемов говорит о мягкости как фонетическом качестве, в отличие Л. В. Бондарко, которая употребляла термин «мягкость» только в фонологическом смысле – как дифференциальный признак, который не является ре-

зультатом палатализации как дополнительной артикуляции, а сам предопределяет развитие артикуляционной картины мягких согласных [Бондарко, ЛЭС ; Bondarko, 2005].

Обзор специализированных источников, где присутствует терминологическое многообразие и имеются разночтения, позволяет заключить, что имеющиеся знания о «палатализации», «палатальности» и «мягкости» в общей фонетике и частной фонетике нуждаются в уточнениях. В связи с этим, целью настоящего исследования было разграничение понятий «палатализация», «палатализованный», «палатальный» («среднеязычный», «средненёбный»), «мягкость», «мягкий», «смягчённый», опираясь на экспериментальные данные по языкам народов Сибири.

Задачи, которые предполагалось решить для достижения цели, включали: 1) выявление согласных, при артикулировании которых средняя часть спинки языка приподнята к твёрдому нёбу на статических и динамических МРТ; 2) соотнесение выявленных спектральных характеристик с визуальным представлением артикуляторной настройки, сгенерировавшей соответствующий акустический сигнал, при обязательном контроле и корректировке выводов методом аудиовизуального наблюдения экспериментатора.

Гипотеза исследования состояла в следующем:

1. «Мягкость» и «твёрдость» следует употреблять в фонологическом смысле – как дифференциальные признаки, характеризующие фонемы или аллофоны в языке. Соответственно, «мягкий» и «твёрдый» – это характеристики фонем и аллофонов, которые, как и любые другие фонологические характеристики, условны, инвариантны и воспринимаемы на слух.

2. Палатальность/средненёбность/среднеязычность – это примарная, но не достаточно точная артикуляционная характеристика класса среднеязычных согласных.

3. Палатализация, выраженная артикуляционно как поднятие средней части языка к твёрдому нёбу, вероятный, но не всегда присутствующий и не единственный артикуляционный коррелят мягкости. Однако всем мягким согласным всегда свойственны определённая работа голосовых складок, в частности, и гортани, в целом.

2. 2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методы [Material and methods]

Для проверки гипотезы был проведён артикуляционно-акустический эксперимент при слуховом контроле, в котором использовались речевые образцы разных языков народов Сибири: а) с палатальным сингармонизмом (алтайского, барабинско-татарского, бурятского, калмакского, кумандинского, теленгитского, сибирскотатарского, тубаларского, тувинского, хакасского, чатов, шорского, якутского); б) без палатального сингармонизма (языка менонитов, одульского, хантыйского (кроме ваховского диалекта)). Материалом для исследования послужили статические и динамические МРТ-снимки¹, которые описывались с помощью методик, принятых в ЛЭФИ им. В. М. Надеяева Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН [Надеяев, 1980, с. 44–91 ; Селютина, 1998 ; Уртегешев, 2023, с. 226–242], а также изолированные словоформы, записанные от носителей разных языков в момент МРТ-съёмки (контрольная запись) и после съёмки (чистая запись)². Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерной программы Audacity, анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1.

¹ Соматические данные получены методом динамического магнитно-резонансного томографирования (МРТ) с использованием установки Philips Achieva Nova Dual 1.5 T в 2014 г. в Лаборатории медицинской диагностики Института «Международный томографический центр» СО РАН (МТЦ СО РАН). Анализ экспериментального материала осуществлялся в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Надеяева Института филологии СО РАН (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН) по принятым в ней методикам.

² Акустический анализ мягких согласных проводился, но в настоящей работе не представлен. Предполагается, что будет отдельная работа, посвящённая мягким согласным по акустическим данным.

При сегментировании словоформ использовалась методика, применяемая в ЛЭФИ, в соответствии с которой: 1) левая граница инициального глухого согласного выставляется по интенсивности: находится начало её включения; 2) в зависимости от задач исследования и исследуемого языка смычный взрывной согласный сегментируется по-разному. Если констатируется аспирация или аффрицированность, мы рассматриваем фазу выдержки и взрыв (импульс) у анализируемых консонантов как один компонент – смычный, а аспирацию или аффрицированность как другой, следовательно, их длительности рассматриваются отдельно, составляя при этом общую длительность звука; 3) переходные участки между звуками в словоформе, если они есть, делятся пополам; 4) формантные показатели гласного фиксируются на стационарном участке. Если такой участок отсутствует, то измерения проводятся в центральной части звука.

3. 2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

2.2.1. Палатальность = Средненёбность = Средняязычность [Palatality = Mid-palate locus = Mid-lingual locus]

В настоящем исследовании палатальность, средненёбность и средняязычность – это равнозначные термины. Поэтому обозначения соответствующей характеристики согласного прилагательными палатальный, средненёбный и средняязычный тоже будут равнозначными. Первые два термина идентичны (первый транслитерированный с латинского, второй – русский полный эквивалент), а в третьем, в отличие от первых двух, «акцент» смещается с места образования на активный модулирующий орган, но все три предполагают твёрдое нёбо в качестве пассивного органа речи и среднюю часть языка в качестве активного.

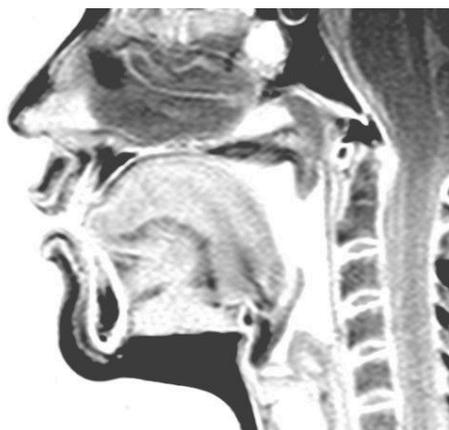
Анализ соматического и акустического материала показал, что согласные звуки, которые в общей фонетике относят к палатальным / средненёбным / средняязычным, имеют более сложную природу образования. По соматическим данным их точная артикуляционная характеристика – переднеязычно-среднеязычные (передне-среднеязычные), поскольку активную роль играют передняя часть спинки языка и смежная с ней средняя, а в некоторых случаях участвует и межзубная. В большинстве случаев площадь образования фокуса большая, например, теленгитские мягкорядный³ (рис. 1) и твёрдорядный (рис. 2) аллофоны фонемы /h/. При этом мягкорядный вариант имеет более протяжённую смычную преграду, чем твёрдорядный, хотя должно быть наоборот. Больше количество примеров можно посмотреть в «Артикуляторных базах ...» [Селютина и др., 2012] и в «Атласе консонантных артикуляций ...» [Селютина и др., 2013]. Видимо, различное восприятие так называемых средняязычных разными авторами повлияло и на то, как «... согласные фонемы в эвенкийском языке /ʃ/ (/tʃ/), /dʒ/(/dʒ/) и /nʃ/ ... по-разному описываются и обозначаются...» [Морозова, Андросова, 2018, с. 155] в транскрипции.

Таким образом, чистых средняязычных артикуляций нет, кроме звукотипа «j», однако и здесь не всё так просто. Следуя традициям, принятым в общей фонетике, звуки типа «j» в языках народов Сибири всегда определяют средняязычными, хотя в ряде идиомов они к таковым не относятся. Их тоже следует включить в переднеязычно-среднеязычные (рис. 3⁴), а в некоторых случаях даже к переднеязычным, дорсальным, палатализованным (рис. 4). Кроме того, «j» можно произнести с латерализацией, т. е. во

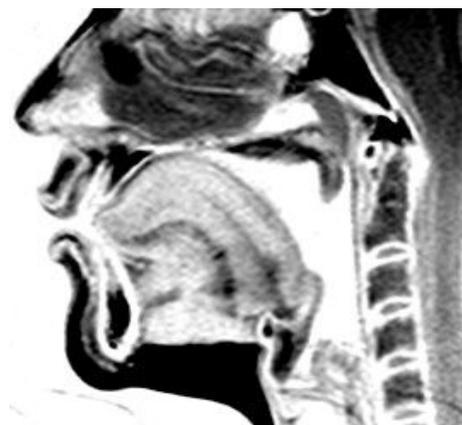
³ С точки зрения палатального сингармонизма различают два ряда: твёрдый и мягкий [Селютина, 2017, с. 7]. Значит, согласные и гласные звуки, которые встречаются в этих функциональных рядах, являются «твёрдорядными» и «мягкорядными» соответственно. В своё время термины гласные мягкого и твёрдого сингармонического ряда (мягкорядные или твёрдорядные гласные) предложил В. М. Надеяев при разработке «Программы по современному монгольскому языку» [Там же].

⁴ Рисунки 3–4 взяты из монографии «Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии)» [Селютина и др., 2011, с. 73, 77]

время фонации данного согласного какая-то, например, передняя часть спинки смыкается с твёрдым небом, в результате образуется медиальный смык, а звуковая волна проходит по бокам, т. е. артикуляция как при «л»-образных согласных. Следовательно, возникает справедливый вопрос: Действительно ли средняя часть спинки языка играет типобразующую функцию при артикуляции «j»? По-нашему мнению, данный тип звуков следует отнести к унарной артикуляции, как и гласные, – без плоттального толчка. Следовательно, фокус, образуемый в ротовой полости, является модулирующим качеством примафона, образованного в результате генерации соответствующей волны голосовыми складками и движением гортани. Таким образом, ротовая артикуляция играет роль усилителя фонации звукотипа «j» и не более того. По-нашему мнению, настройки типа «j» могут быть как мягкими, так и твёрдыми: всё зависит от образования дополнительного «мягкого» шума.

Р и с у н о к 1. Мягкорядный [h] в теленгитском слове *jik* 'шов' [Figure 1. Soft-order [h] in the Telengite word *jik* 'seam']

Р и с у н о к 2. Твёрдорядный [h] в теленгитском слове *jyl* 'год' [Figure 2. Hard-order [h] in the Telengite word *jyl* 'year']

Р и с у н о к 3. Твёрдорядный [j] в хакасском слове *ai* 'луна' [Figure 3. Hard-order [j] in the Khakass word *ai* 'moon']

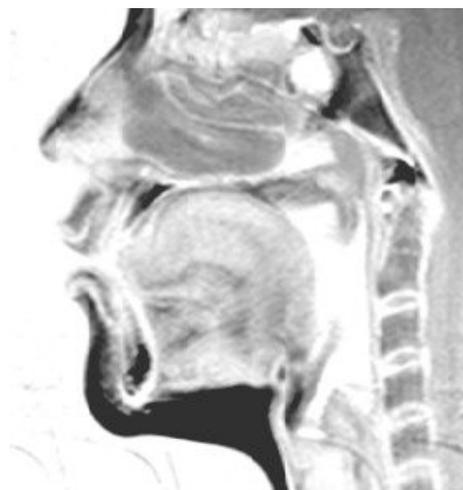

Р и с у н о к 4. Твёрдорядный [j] в тувинском слове *ai* 'луна' [Figure 4. Hard-order [j] in the Tuvan word *ai* 'moon']

Если при равных условиях, а именно при схожих артикуляционных положениях языка, в ротовой полости произносится мягкий и твёрдый согласный, то, очевидно, ар-

тикуляционным коррелятом мягкости-твёрдости является не положение спинки языка относительно нёбного свода (палатализация или её отсутствие), а иных органов (ср. у Л. В. Бондарко: мягкость определяет палатализацию, а не палатализация – мягкость).

Рассмотрим ряд гомоганных артикуляций, полученных от одного носителя, но в одном случае согласный твёрдый, а в другом – мягкий. Поскольку мы отталкиваемся от наличия / отсутствия слухового эффекта мягкости согласного, позиция в слове нам неважна. На рисунках 5–6 представлены томограммы мягкорядных согласных, полученные от одного диктора во время съёмки одной серии снимков по заранее отработанной программе с интервалом времени примерно 5 минут. На рисунке 5 зафиксировано положение органов речи во время произнесения мягкого согласного типа «k», на рисунке 6 – твёрдого гомоганного типа «k». Положение языка при артикулировании этих согласных выглядит одинаково, хотя слуховой эффект разный: в первом случае – мягкий, во втором – твёрдый.

Р и с у н о к 5. Мягкорядный мягкий [k'] в теленгитском слове *kel* 'иди сюда' [Figure 5. Soft-order soft [k'] in the Telengite word *kel* 'come here']

Р и с у н о к 6. Мягкорядный твёрдый [k] в теленгитском слове *ek* 'подбородок' [Figure 6. Soft-order hard [k] in the Telengite word *ek* 'chin']

Далее рассмотрим ещё два снимка, полученных от одного носителя языка менонитов⁵: рисунок 7 – мягкий [n'], рисунок 8 – твёрдый [n]. Мягкая настройка согласного имеет нетипичную артикуляцию в ротовой полости для данного типа согласных. Палатализация должна проявляться ярче: подъём средней части спинки языка должен быть сильнее, а наибольшая масса тела языка должна располагаться в передней, а не в средней части полости рта. На втором снимке незначительно меньше подъём средней части спинки языка по направлению к твёрдому нёбу. Подобная артикуляция ослабляет твёрдость: на слух такой согласный звучит как «слабосмягчённый», хотя никакой мягкости у него нет. Это связано с тем, что отсутствуют соматические маркеры или усилители твёрдости: веляризация, увуларизация и радикализация (дополнительная артикуляция при которой корень языка оттягивается к задней стенке фаринкса). На следующих двух томограммах зафиксированы аллотипы «n'» от двух разных носителей языка менонитов в одном слове [benbɛ] 'связывать'. При разных положениях средней части спинки языка на слух фиксируется мягкость согласного (рис. 9–10). При этом на рисунке 9 подъём средней части спинки языка относительный (фактически отсутствует): он связан с артикуляцией согласного – сильнодорсальный. На рисунке 10 типичная палатализованная настройка.

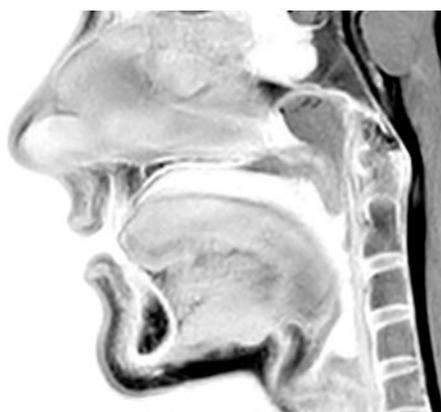
⁵ Выражаем признательность К. В. Шидровой, младшему научному сотруднику Института филологии СО РАН, за предоставленный экспериментально-фонетический материал по языку менонитов.

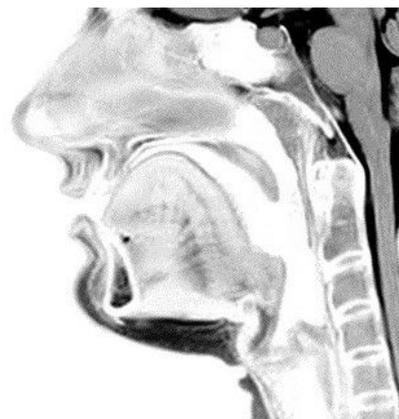
Р и с у н о к 7. Мягкий [n']
в менонитском слове [n'iyɑ] 'новый'
[Figure 7. Soft [n']
in the Mennonite word [n'iyɑ] 'new']

Р и с у н о к 8. Твёрдый [n]
в менонитском слове [naxt] 'ночь'
[Figure 8. Hard [n]
in the Mennonite word [naxt] 'night']

Р и с у н о к 9. Мягкий [n'] в
менонитском слове [bɛn'ə] 'связывать'
[Figure 9. Soft [n']
in the Mennonite word [bɛn'ə] 'bind']

Р и с у н о к 10. Мягкий типа [n'] в
менонитском слове [bɛn'ə] 'связывать'
[Figure 10. Soft [n']
in the Mennonite word [bɛn'ə] 'bind']

Два примера, показанных ниже, – артикуляции, снятые от одного диктора-носителя алтайского языка. На рисунке 11 представлен твёрдый медиальноязычный латеральнощелевой [ɲ], а на рисунке 12 – мягкий медиальноязычный латеральнощелевой [ɲʲ], однако на обоих рисунках положение языка практически одинаково. Все правила нарушает артикуляция мягкорядного консонанта (индивидуальное произнесение, но тем не менее представляющее большой интерес): звук должен быть как минимум палатализованным, а он веляризованный, увуларизованный и радикализованный, что совсем не типично для мягкого согласного, но при этом на слух он воспринимается как мягкий, правда, звучит мягкость чуть «слабее» и «приглушённое». Теперь сравним артикуляционные настройки для твёрдого (рис. 13) и мягкого (рис. 14) согласных в языке чатов. Положение языка значительно отличается от того, что мы наблюдали для алтайских [ɲ] и [ɲʲ], хотя звукотипы те же – твёрдый и мягкий медиальноязычные латеральнощелевые малошумные.

Р и с у н о к 11. Твёрдый [l]
в алтайском слове *ал* 'возьми'
[Figure 11. Hard [l]
in the Altaic word *al* 'take']

Р и с у н о к 12. Мягкий [l']
в алтайском слове *эл* 'народ'
[Figure 12. Soft [l']
in the Altai word *el* 'people']

Р и с у н о к 13. Твёрдый [l]
в чатском слове *ал* 'возьми'
[Figure 13. Hard [l]
in the Chat word *al* 'take']

Р и с у н о к 14. Мягкий [l']
в чатском слове *куль* 'озеро'
[Figure 14. Soft [l']
in the Chati word *kul* 'lake']

Данные примеры чётко демонстрируют разные артикуляционные предпочтения у разных народов (или индивидов) в подходе к противопоставлению гоморганных согласных по твёрдости/мягкости. В одних случаях мы отмечаем усиление мягкости и ослабление твёрдости за счёт положения тела языка или концентрации наибольшей массы тела языка в передней части ротовой полости, как в чатском или в алтайском, и, наоборот, ослабление мягкости и усиление твёрдости за счёт веляризации, увуларизации и радикализации.

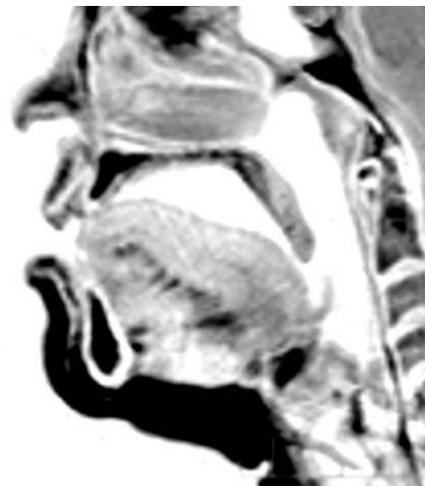
Есть нейтральные согласные – это такой тип согласных, у которых отсутствует в артикуляционном плане палатализация, уранизация, предвеляризация и веляризация [Уртегешев, 2024, с. 48–60]. Например, в тюркских языках чаще всего они фиксируются в твёрдорядных лексемах (рис. 15–17), но есть случаи и в мягкорядных (рис. 18).

Как показывают МРТ-снимки, язычная артикуляция при мягкости не демонстрирует общей схемы работы, объединяющей мягкие звукотипы. Однако имеется два дей-

ствующих совместно артикуляционных признака, которые могут претендовать на роль примордиальной (от англ. *primordial* 'первоначальный, основной, генетически присутствующий' [Епишкин, 2010]) артикуляции. Это наличие узкой щели в передней части у головных складок и одновременное движение переднего края гортани вверх и вперёд.

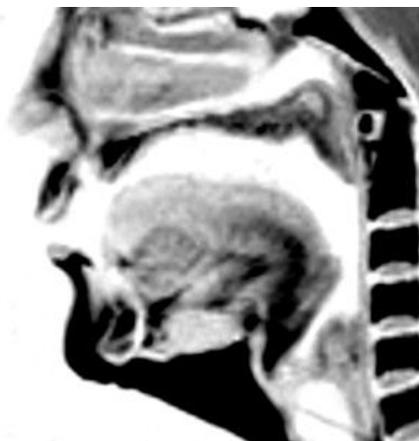
Р и с у н о к 15. Твёрдорядный твёрдый [n] в кумандинском слове *ун* 'мукá'
[Figure 15. Hard-order hard [n] in the Kumandin word *un* 'flour']

Р и с у н о к 16. Твёрдорядный твёрдый [n] в тубаларском слове *ун* 'мукá'
[Figure 16. Hard-order hard [n] in the Tubalarian word *un* 'flour']

Р и с у н о к 17. Твёрдорядный твёрдый [t] в тувинском слове *ат* 'имя'
[Figure 17. Hard-order hard [t] in the Tuvan word *at* 'name']

Р и с у н о к 18. Мягкорядный твёрдый [ʃ] в барабинско-татарском слове *биш* 'пять'
[Figure 18. Soft-order hard [ʃ] in the Baraba-Tatar word *biš* 'five']

4. Заключение [Conclusion]

Анализ экспериментального материала позволил сделать следующие выводы.

1. По нашему мнению, артикуляционные корреляты фонического и фонематического признака «мягкость» связаны не только и не столько с работой языка в полости рта, поскольку при одном и том же укладе языка может быть реализован как твёрдый, так и мягкий согласный. Подчеркнём, что здесь используется предложенная В. М. Наделяевым трактовка терминов «фонетика», «фоника», «фонемика», в соответствии с кото-

рой термин «фонетика» является родовым по отношению к терминам «фоника» (раздел фонетики, изучающий единицы речи – фонемы) и «фонемика» (раздел фонетики, изучающий единицы языка – фонемы).

2. У мягких согласных фиксируется примордиальная, другими словами, ингерентная соартикуляция: одновременное образование примафона или примаволны определённого звукотипа с образованием узкой щели в передней части у голосовых складок; кроме того, передний край гортани чуть приподнимается вверх и вперёд, в результате чего образуется шум, который наш мозг определяет как «мягкость» звука.

3. Все мягкие согласные переднеязычно-среднеязычные (передне-среднеязычные) и палатализованные мы считаем аллоартикуляциями, например, [n'], [n'/n (n'')], [ɲ] и [ɲ'] – звуки, которые есть ничто иное как артикуляционные варианты примаволны типа «п'» с синхронной тернарной артикуляцией. Они различаются лишь местом образования орального фокуса. Итак, задействовано три отдела речевого тракта: 1) соартикуляция – голосовые складки и гортань в целом (образование примаволны определённого типа) + образование шума «мягкости», 2) синхронная артикуляция – смычный фокус в ротовой полости (место фокуса зависит от привычек носителей идиома или индивидуума), 3) синхронная артикуляция – открытие носового канала. Примордиальность мы отдаём соартикуляции голосовых складок с гортанью в целом, а всё, что выше – это необходимая, но вторичная синхронная артикуляция. Для «неподготовленного уха», действительно, крайне сложно отличить палатализованные от среднеязычных / палатальных, особенно при их продвижении вперёд.

4. В некоторых случаях по соматическим материалам без сделанной синхронной аудиозаписи или слухового анализа трудно сказать, является ли согласный палатализованным мягким или уранизированным (палатализованным твёрдым).

5. Палатализация и уранизация, как подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу, могут быть сильными, умеренными и слабыми. Это зависит от степени отстояния спинки языка от твёрдого нёба: чем меньше отстояние, тем сильнее палатализация и уранизация.

6. Воспринимаемая на слух мягкость может быть усиленная или ослабленная. Все зависит от того, в какой части ротовой полости располагается тело языка (наибольшая масса) в момент фонации мягкого согласного: чем ближе к передней части твёрдого нёба, тем «сильнее» и «чище» будет звучать мягкость и, наоборот, чем ближе к задней стенке фаринкса, тем «слабее» и «приглушённое». Таким образом, мы наблюдаем интерференцию звуковых волн [Степанов, 2004–2017].

Перспективу исследования составит акустический анализ мягких звукотипов в сравнении с твёрдыми и соотнесение акустических данных с выявленной артикуляционной вариантностью.

Библиографический список

- Андросова и др., 2009 – Андросова С. В., Гнатюк Е. В., Шуйская Т. В. К вопросу о палатализации согласных в национальных вариантах английского языка // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2009. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып 3. С. 129–137.
- Бондарко, ЛЭС – Бондарко Л. В. Палатализация // Лингвистический энциклопедический словарь. URL : <https://tapemark.narod.ru/les/357c.html> (дата обращения : 28.02.2024).
- Бондарко, 1998 – Бондарко Л. В. Фонетика современного русского языка : учеб. пособие. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. 276 с.
- Бондарко и др., 1991 – Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991. 152 с.
- Епишкин, 2010 – Епишкин Н. И. Примордиальный / Исторический словарь галлицизмов русского языка. М. : Словарное изд-во ЭТС, 2010. URL : http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm (дата обращения : 20.03.2024).

- Зиндер, 1979 – Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М. : Высшая школа, 1979. 312 с.
- Кодзасов, 2001 – Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 592 с.
- Лемов, 2017 – Лемов А. В. Особенности функционирования некоторых лингвистических терминов в учебной литературе // Международный научный журнал «Символ науки». 2017. № 3. С. 182–183.
- Морозова, 2015 – Морозова О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1, № 1. С. 74–85.
- Морозова, Андросова, 2018 – Морозова О. Н., Андросова С. В. Мягкие согласные в эвенкийском языке // Казанская наука. 2018. № 11. С. 154–160.
- Наделяев, 1960 – Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М. ; Л., 1960. 66 с.
- Наделяев, 1980 – Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.
- Селютина, 1998 – Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. 185 с.
- Селютина, 2017 – Селютина И. Я. Принципы организации сингармонических систем в южносибирских тюркских языках как индикаторы языковой сложности // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. Т. 15, № 4. С. 5–26. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2017-15-4-5-26>
- Селютина и др., 2011 – Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летагин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г. А. Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск : Твердый знак, 2011. 352 с.
- Селютина и др., 2012 – Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летагин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г. А., Савелов А. А., Резакова М. В., Ганенко Ю. А. Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Сер. : Интеграционные проекты. Вып. 41. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2012. 372 с.
- Селютина и др., 2013 – Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск : РИЦ НГУ, 2013. 352 с.
- Степанов, 2004–2017 – Степанов Н. С. Интерференция волн // Большая российская энциклопедия. 2004–2017. URL : <https://old.bigenc.ru/physics/text/2015011> (дата обращения : 21.05.2024).
- Трахтеров, 1962 – Трахтеров А. Л. Английская фонетическая терминология. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1962. 352 с.
- Уртегешев, 2023 – Уртегешев Н. С. Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242. <https://doi.org/10.17223/18137083/82/17>
- Уртегешев, 2024 – Уртегешев Н.С. Формантные показатели «веляризации». Ч. I. // Алтаистика. 2024. № 1. С. 48–60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-48-60>
- Чжоу, Тананайко, 2024 – Чжоу Г., Тананайко С. О. Специфика коартикуляции в китайских и русских слогах с палатализованным согласным // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 2. С. 191–200.
- Bondarko, 2005 – Bondarko L. V. Phonetic and phonological aspects of the opposition of ‘soft’ and ‘hard’ consonants in the modern Russian language // Speech Communication. 2005. N 47. P. 7–14. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2005.03.012>

References

- Androsova, S. V., Gnatiuk, E. V., Shuiskaya, T. V. (2009). K voprosu o palatalizatsii soglasnykh v natsionalnykh variantakh angliyskogo yazyka [Palatalizing in some accents of English: Universal and typological features]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*.

- Vostokovedenie. Zhurnalistika [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism]*, 3, 129–137. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (n. d.). Palatalizatsiya [Palatalization]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]*. Retrieved February 28, 2024 from <<http://tapemark.narod.ru/les/082c.html>>. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka [Modern Russian phonetics] : A coursebook*. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A., Gordina, M. V. (1991). *Osnovy obshchey fonetiki [Fundamentals of general phonetics]*. St Petersburg : St Petersburg University Press. (In Russ.).
- Epishkin, N. I. (2010). Primordial'nyy [Primordial]. *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka [Historical dictionary of gallicisms in Russian]*. Moscow : ETS Dictionary Press. Retrieved March 20, 2024 from <http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm>. (In Russ.).
- Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika [General phonetics]*. Moscow : Vysshaya shkola Press. (In Russ.).
- Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika [General phonetics]*. Moscow : Russian State University for the Humanities Press. (In Russ.).
- Lemov, A. V. (2017). Osobennosti funktsionirovaniya nekotorykh lingvisticheskikh terminov v uchebnoy literature [Functioning patterns of some linguistic terms in the educational literature]. *Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal «Simvol nauki» [Symbol of Science: International Scientific Journal]*, 3, 182–183. (In Russ.).
- Morozova, O. N. (2015) Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 1 (1), 74–85. (In Russ.).
- Morozova, O. N., Androsova, S. V. (2018). Myagkie soglasnye v evenkiyskom yazyke [Soft consonants in the Evenki language]. *Kazanskaya nauka [Kazan Science]*, 11, 154–160. (In Russ.).
- Nadelyaev, V. M. (1960). *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkripsii (UUFT) [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]*. Moscow, Leningrad. (In Russ.).
- Nadelyaev, V. M. (1980). Artikulyatsionnaya klassifikatsiya glasnykh [Articulation classification of vowels]. *Foneticheskie issledovaniya po sibirskim yazykam [Phonetic research on Siberian languages]* (pp. 3–91). Novosibirsk. (In Russ.).
- Selyutina, I. Ya. (1998). *Kumandinskiy vokalizm. Eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie [The Kumandin vocalism. Experimental phonetic research]*. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf Press. (In Russ.).
- Selyutina, I. Ya. (2017). Printsipy organizatsii singlarmonicheskikh sistem v yuzhnosibirskikh tyurkskikh yazykakh kak indikator yazykovoy slozhnosti [Principles of organization of vowel harmony systems in Southern Siberian Turkic languages as indicators of language complexity]. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 15 (4), 5–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2017-15-4-5-26>
- Selyutina, I. Ya., Urtegeshev, N. S., Letyagin, A. Yu., Shevela, A. I., Dobrinina, A. A., Esenbaeva, G. A. (2011). *Artikulyatornye bazy tyurkskikh etnosov Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT i tsifrovoy rentgenografii) [Articulatory databases of the Turkic ethnic groups of Southern Siberia (Based on MRI and digital radiography)]*. Novosibirsk : Tverdyy znak Press. (In Russ.).
- Selyutina, I. Ya., Urtegeshev, N. S., Letyagin, A. Yu., Shevela, A. I., Dobrinina, A. A., Esenbaeva, G. A., Savelov, A. A., Rezakova, M. V., Ganenko, Yu. A. (2012). *Artikulyatornye bazy korennykh tyurkskikh etnosov Yuzhnoy Sibiri (po dannym MRT i tsifrovoy rentgenografii) [Articulatory databases of the indigenous Turkic ethnic groups of Southern Siberia (Based on MRI and digital radiography)]*. *Seriya : Integratsionnye proekty [Integration projects series], Vol. 41*. Novosibirsk. (In Russ.).
- Selyutina, I. Ya., Urtegeshev, N. S., Esenbaeva, G. A., Dobrinina, A. A., Ryzhikova, T. R. (2013). *Atlas konsonantnykh artikulyatsiy v tyurkskikh yazykakh narodov Sibiri [Atlas of consonant articulations in the Turkic languages of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk : RAS Press. (In Russ.).

- Stepanov, N. S. (2004–2017). InterferentsiYa voln [Interference of waves]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [The Great Russian Encyclopedia]. Retrieved May 21, 2024 from <<https://old.bigenc.ru/physics/text/2015011>>. (In Russ.).
- Trakhterov, A. L. (1962). *Angliyskaya foneticheskaya terminologiya* [English phonetic terminology]. Moscow : Literatura na inostrannykh yazykakh Press. (In Russ.).
- Urtegeshev, N. S. (2023). Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitel'naya artikulyatsiya glasnykh [The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 226–242. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/18137083/82/17>
- Urtegeshev, N. S. (2024). Formantnye pokazateli «velarizatsii» [Formant indicators of “velarization”. Part I]. *Altaistika* [Altaistics], 1, 48–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-48-60>
- Zhou, G., Tananaiko, S. O. (2024). Spetsifika koartikulyatsii v kitayskikh i russkikh slogakh s palatalizovannym soglasnym [The specifics of coarticulation in Chinese and Russian syllables with a palatalized consonant]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 10 (2), 191–200. (In Russ.).
- Bondarko, L. V. (2005). Phonetic and phonological aspects of the opposition of ‘soft’ and ‘hard’ consonants in the modern Russian language. *Speech Communication*, 47, 7–14. <https://doi.org/10.1016/j.specom.2005.03.012>

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.
The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Уртегешев Николай Сергеевич^{1✉}, Тирон Екатерина Леонидовна²,
Морозова Ольга Николаевна³, Кремлева Виктория Андреевна⁴,
Васильева Светлана Владимировна⁵

^{1,2} Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация
^{3,4,5} Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Российская Федерация
urtegeshev@mail.ru

Опыт акустического анализа эвенкийской песенной речи. Часть 2

Аннотация

Настоящая статья продолжает опыт акустического анализа песни-импровизации одного из идиолектов, относящихся к усть-нюкжинскому говору восточного наречия эвенкийского языка. Целью предпринятого исследования является сопоставление тембровых эффектов на гласных в эвенкийском песенном фольклоре с длительностью и формантной структурой этих гласных. Рассматривается функционирование мелизмов (форшлага, мордента, глиссандо) с точки зрения фонетических механизмов, задействованных в процессе порождения вокальной фонации. Полученные результаты демонстрируют следующие акустические особенности реализации мелизматике: 1) падающий интонационный контур при реализации нисходящего форшлага; 2) сложный трёхэтапный механизм реализации мордента, действующий излом интонационного контура на фоне резко меняющейся интенсивности фарингализованного и эпиглотталлизованного гласного; 3) плавное звуковысотное изменение частоты основного тона при реализации глиссандо.

Ключевые слова: исчезающий язык, эвенкийский язык, фонетика, песенная речь, гласные, артикуляционно-акустические характеристики, мелизмы

© Уртегешев Н. С., Тирон Е. Л., Морозова О. Н., Кремлева В. А., Васильева С. В. 2024

Для цитирования: Уртегешев Н. С., Тирон Е. Л., Морозова О. Н., Кремлева В. А., Васильева С. В. Опыт акустического анализа эвенкийской песенной речи. Ч. 2 // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 200–211. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-200>

Nikolay S. Urtegeshev^{1✉}, Ekaterina L. Tiron², Olga N. Morozova³, Viktoria A. Kremleva⁴,
Svetlana V. Vasilyeva⁵

^{1,2} Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk,
Russian Federation
^{3,4,5} Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation
urtegeshev@mail.ru

Experience of acoustic analysis of Evenki vocal speech. Part 2

Abstract

This article presents the experience of acoustic analysis of a song-improvisation of one of the idiolects related to the Ust-Nyukzha local accent of the Eastern dialect of the Evenki language. The aim was to compare vocal timber effects on vowels and their duration and formant structure in an Evenki folklore song. We consider the functioning of melismas (grace note, mordent, glissando) from the point of view of phonetic mechanisms involved in the process of generating vocal phonation. The results demonstrate the following acoustic patterns of melismatics: 1) falling intonation contour when implementing a descending grace note; 2) complex three-stage mechanism for the implementation of the mordent involving a break in the intonation contour with sharply changing intensity of the pharyngealized and epiglottalized vowel; 3) smooth pitch change in the frequency of the fundamental tone when implementing a glissando.

Keywords: endangered language, Evenki language, phonetics, singing, vowels, articulatory-acoustic properties, melismas

© Urtegeshev N. S., Tiron E. L., Morozova O. N., Kremleva V. A., Vasilyeva S. V. 2024

For citation: Urtegeshev N. S., Tiron E. L., Morozova O. N., Kremleva V. A., & Vasilyeva S. V. (2024). Opyt akusticheskogo analiza evenkiyskoy pesennoy rechi. Chast' 2 [Experience of acoustic analysis of Evenki vocal speech. Part 2]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 200–211. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-200>

1. Введение [Introduction]

Ц е л ь ю исследования является сопоставление тембровых эффектов на гласных в эвенкийском песенном фольклоре с длительностью и формантной структурой этих гласных. Выразительность мелодической линии, включающей вкрапления в неё мелизматика в данной статье рассмотрены с точки зрения функционирования артикуляторно-акустических механизмов, задействованных в пропевании главным образом гласных сегментов фольклорного песенного текста. В условиях постоянных усилий, которые прикладывают учёные для сохранения исчезающих языков и культур, и крайне недостаточной изученности фонетической стороны самобытной эвенкийской лирической песни-импровизации, при том, что традиции её исполнения могут в самое ближайшее время безвозвратно исчезнуть, такое исследование представляется актуальным.

Данная статья является продолжением нашей предшествующей работы [Морозова и др., 2024]. Здесь представлена попытка объяснить функционирование мелизмов в песенной речи с точки зрения артикуляционных механизмов, задействованных в процессе порождения вокальной фонации, и той акустической картины, которую они создают.

Необходимо отметить, что мелизматика является неотъемлемой частью музыки, включая и песенный фольклор коренных жителей Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Исследователи песенной речи сходятся во мнении, что мелизмы помогают обогатить мелодический компонент вокальной речи, сделать его ярче, рельефнее и уникальнее [Худойкулова, 2023, с. 1412]. Термин «мелизм» происходит от греч. *Μέλισμα* и трактуется как «исполнение одного слога текста с одновременным перемещением между несколькими различными нотами» [Леурда, 2019]. При использовании мелизмов в вокальном исполнении (в том числе и в фольклорном пении) формируется более подвижный метод звукоизвлечения на основе постоянного полутонального движения и более гибких интонационных линий мелодической кривой. По мнению П. С. Васильева, мелизмы, помимо выполнения функции украшения мелодии, обладают также важными для исполнения свойствами: 1) они являются связующим звеном в цепи соседних звуков; 2) заполняют пустоты длинных нот и удлиняют их звучание; 3) оживляют музыкальную ткань и выделяют каждый звук и др. [Васильев, 2022, с. 17].

Рассмотрим подробнее способы украшения мелодической линии наиболее распространёнными вспомогательными приёмами: форшлагом, мордентом и глиссандо. Форшлаг как вспомогательный звук или группа звуков используется перед основным украшаемым звуком [Музыкальная..., 1981, с. 914], активизируя мелодическое движение и придавая ему плавность и усложнённую [Васильев, 2022, с. 18–19]. Для подчёркивания и акцентирования основного звука используется мордент, родственные трели. Данный вид мелизмов исполняется быстрым чередованием основного звука со смежным с ним по высоте верхним или нижним вспомогательным [Музыкальная..., 1976, с. 663]. Мордент может быть однократным или многократным, восходящим и нисходящим. Он также, как и форшлаг, не нарушает основного ритмического рисунка мелодии и испол-

няются за счёт длительности основной ноты [Васильев, 2022, с. 19]. Глиссандо в классическом музыкознании относят скорее к области штрихов, применяющихся на музыкальных инструментах, хотя иногда рассматривают и как отдельный вид мелизмов. Глиссандирование, имманентно присущее вокальному исполнительству, представляет собой плавное скольжение голоса от одного звука к другому. Однако не все глиссандирования могут быть заметны слушателю. Р. Амбразявичус утверждает, что очень быстрое глиссандное соединение тонов слушающим «вообще не воспринимается. Чуть более медленное воспринимается как легато. Ещё более медленное глиссандное соединение тонов уже отчётливо воспринимается как глиссандо. И, наконец, очень медленное глиссандо уже не воспринимается как изменение звуковысоты, а слышится как интонирование постоянной высоты» [Амбразявичус, 2013, с. 88].

Таким образом, роль мелизмов как яркого средства выразительности в вокальном искусстве трудно переоценить. Используемая исполнителями песенной традиции вокальная орнаментика сглаживает угловатости мелодии, служит для усиления музыкальной выразительности народной песни-импровизации, подчёркивает характерные места в мелодии, придаёт музыкальной ткани уникальное звучание. Необходимо также отметить, с одной стороны, универсальность данных приёмов мелизматике, а, с другой стороны, тот факт, что определённый набор излюбленных исполнительских мелизматических приёмов формирует своеобразие музыкальной традиции того или иного этноса. Исследование вокальной орнаментики средствами фонетического анализа позволяет выявить ряд особенностей физиологических механизмов её образования.

2. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м послужила женская песенная речь эвенков рода Чакигир (с. Усть-Нюкжа Тындинского муниципального округа Амурской области [Морозова, 2021, с. 74]). Аудиозапись лирической песни икэн в исполнении Галины Андреевны Абрамовой (возраст 60+) была сделана в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований при кафедре иностранных языков Амурского государственного университета (февраль, 2024). Материал является уникальным. Запись и первичная сегментация производились в программе свободного доступа Audacity. Для дальнейшего акустического анализа были использованы PRAAT (для замеров формантных значений) и Speech Analyzer (для изучения тембровых эффектов). Исследование проведено с позиций Новосибирской фонетической школы им. В. М. Наделяева. В отличие от первой части исследования, где в центре внимания находились длительность и формантная структура гласных, а тембровые эффекты были лишь обозначены, в данной – второй – части статьи наше внимание в большей степени сконцентрировано на тембровых характеристиках музыкальной орнаментики: форшлагов, мордентов, глиссандо.

3. Обсуждение результатов [Results and discussion]

3.1. Экспериментально-фонетический анализ мелизмов на материале эвенкийской песенной речи [Experimental phonetic analysis of melismas based on Evenki song speech]

На этапе экспериментально-фонетического анализа песенного материала возникали трудности дать определение некоторым фонетическим явлениям. Обратившись к данным прикладного музыкознания, мы идентифицировали вкрапление в интонационный контур фонации мелодических оборотов (различные типы глиссандирования, форшлагги, морденты), которые украшали основной рисунок мелодии анализируемого эвенкийского запева. Рассмотрим наиболее яркие примеры реализации вокальной мелизматике.

Акустические характеристики компонентов гласного следующие.

1. [^ye^v_{49,2}¹] : АД = 131 мс; констатируется – фарингализация², фоново – эпиглоттализация³ («мягкая» скрипучесть); амплитуда глоттальной волны максимальная для данного диктора, т. е. голосовые складки колеблются по всей длине: интенсивность (I) = -8,6 dB (37%); фиксируются следующие форманты: F1 = 781 Гц (4-я степень отстояния), F2 = 1074 Гц (9.2 – фокус между задней частью спинки языка и мягким небом – веляризованный, или, традиционно, гласный заднего ряда); гортань плавно опускается вниз, располагаясь в зоне верхнего тона – 60 st (262 Гц) → 59,1 st (248 Гц).

2. [^ya^v_{59,2}] : АД = 122 мс; вокальный компонент усилен выраженной фарингализацией и эпиглоттализацией («мягкая» скрипучесть); активная часть голосовых складок уменьшается – амплитуда глоттальной волны уменьшается (понижение громкости): (I) = -8,6 dB (37%) – на пике, (I) = -13,5 dB (21%) – в нижней точке; с этого компонента происходят следующие изменения в ротовой полости: тело языка смещается чуть вниз и вперёд – F1 = 830 Гц (5-я степень отстояния – дегенизация – опускание нижней челюсти вниз), F2 = 1181 Гц (9.2 – фокус между задней частью спинки языка и мягким небом – веляризованный, или, традиционно, гласный заднего ряда); гортань резко опускается вниз, располагаясь в зоне верхнего тона – 59,1 st (248 Гц) → 55,9 st (206 Гц).

3. [^ya_{58,2}] : АД = 243 мс; фиксируется – фарингализация, фоново – эпиглоттализация; отмечается уменьшение амплитуды глоттальной волны, т. е. активная часть голосовых складок уменьшается по сравнению с предыдущим участком (понижение громкости): (I) = -11,9 dB (25%) – на пике; формантная картина следующая: F1 = 880 Гц (5-я степень отстояния – дегенизация), F2 = 1787 Гц (8.2 – фокус между межзубочной частью спинки языка и второй половиной твёрдого нёба – нейтрализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда); гортань чуть приподнята вверх и в таком положении находится на протяжении всей фонации данного компонента, располагаясь в зоне верхнего тона: 56,4 st (213 Гц) → 57,4 st (225 Гц) → 57,5 st (227 Гц).

4. [^ya_{68,1}] : АД = 270 мс; фиксируется – фарингализация, фоново – эпиглоттализация; амплитуда глоттальной волны максимальная для данного диктора, т. е. голосовые складки колеблются по всей длине: I = -8,8 dB (36%); зафиксированы следующие формантные значения: F1 = 922 Гц – увеличилось расстояние между спинкой языка и нёбным сводом в результате опускания нижней челюсти (6-я степень отстояния – дегенизация), F2 = 1853 Гц – отмечается смещение тела языка вперёд (8.1 – фокус между средней частью спинки языка и второй половиной твёрдого нёба в самом начале – палатализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда); гортань почти без изменений находится в одном положении на протяжении всей фонации данного компонента, располагаясь в зоне верхнего тона: 57,5 st (227 Гц) → 57,4 st (225 Гц).

5. [^ya_{58,2}̣] : АД = 85 мс; фиксируется – фарингализация, эпиглоттализация и умеренная глоттализация (в вокале – штробас⁴) с переходом в чистое приглушение [a] (I = -34 dB (2%)), а дальше в глоттальный смык с последующим маленьким глоттальным импульсом [ʔ], который возник, предположительно, на месте согласного [l']; амплитуда глоттальной волны с глоттализацией небольшая, напряжённые голосовые складки колеблются на маленьком участке: I = -20,5 dB (9%); по сравнению с предыдущим компонентом отмечается уменьшение формантных показателей: F1 = 864 Гц – уменьшилось расстояние между спинкой языка и нёбным сводом в результате подъёма

¹ Индексы показывают дополнительные артикуляции гласных по положению спинки языка в ротовой полости относительно нёбного свода [Уртегешев, 2023, с. 232].

² Фарингализация – дополнительная артикуляция, при которой происходит сужение черпалонадгортанных складок, результатом чего является акустический эффект сжатия без импульса (смычных и щелевых толчков) [Уртегешев, 2022, с. 25].

³ Эпиглоттализация – дополнительная артикуляция, при которой происходит вибрация черпалонадгортанных складок, результатом чего является акустический эффект «мягкого» скрипучего голоса [Уртегешев, 2022, с. 25].

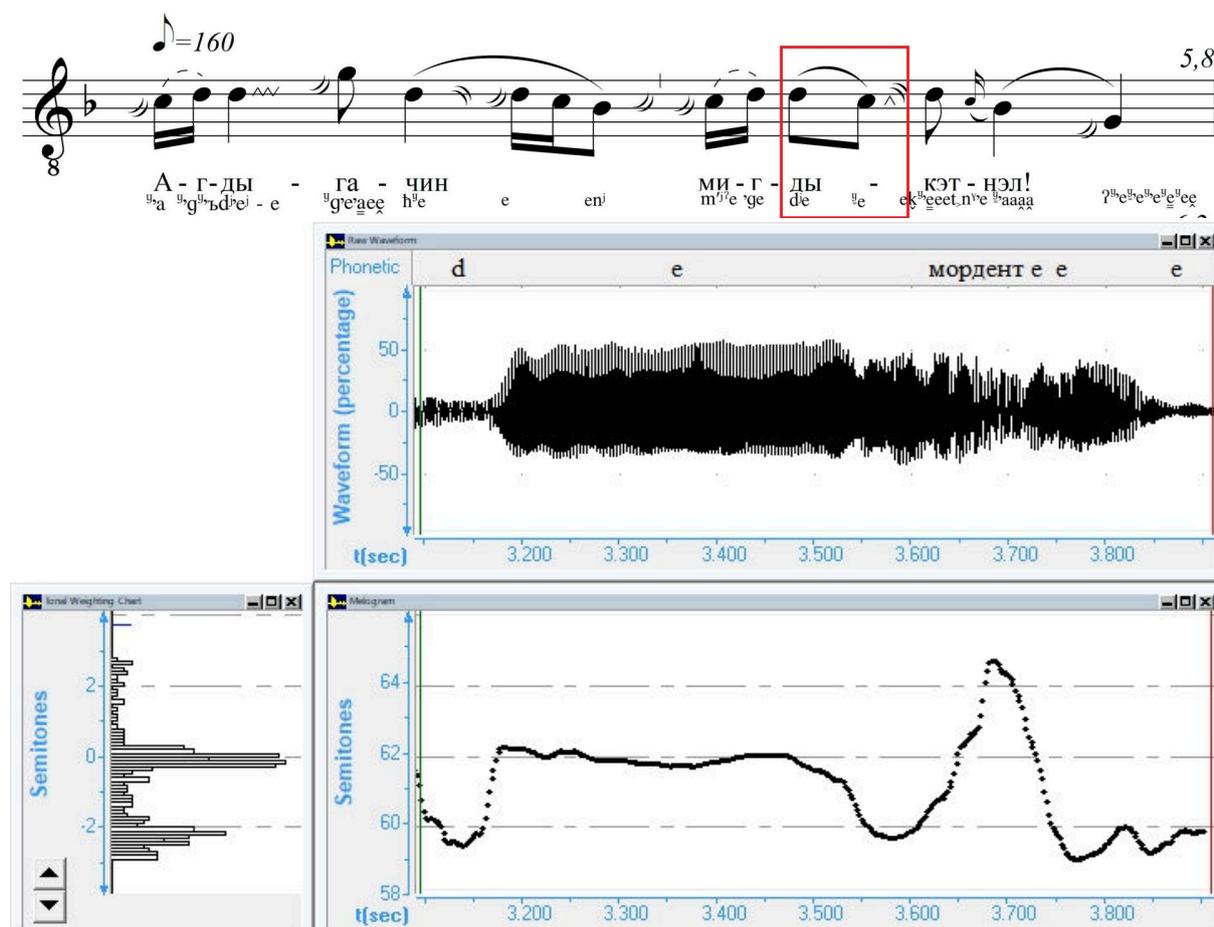
⁴ Тип фонации, когда голосовые складки вибрируют, но при этом практически не напряжены [Isherwood, 2013, с. 120].

нижней челюсти (5-я ступень отстояния – дегенизация), $F2 = 1739$ Гц – отмечается смещение тела языка назад (8.2 – фокус между межзубочной частью спинки языка и второй половиной твёрдого нёба в медиали – нейтрализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда); гортань резко опустилась вниз, примерно, в зону среднего тона: 57,4 st (225 Гц) → второй показатель невозможно измерить – сильное приглушение (данные отсутствуют), но можно предположить, что он равен примерно 51 st (160 Гц), исходя из данных следующего гласного после глоттального импульса.

Таким образом, в фонации гласного /з:/ можно выделить 5 компонентов, реализующихся с падающим интонационным контуром на первых двух компонентах с выравниванием на трёх последующих. Излом интонационной кривой происходит на втором компоненте, где форшлаг достигает основного звука, к которому стремился. При этом в фонации возникают выраженная фарингализация и эпиглоттализация («мягкая» скрипучесть).

3.1.2. Акустические приемы внутри гласных, создающие музыкальный эффект мордента [Acoustic techniques within vowels creating musical effect of mordent]

На рисунке 2 представлены спектрограмма и интонограмма реализации второго слога /de:/⁵ из слова *мигдыкэтнэл* 'шумите'.

Р и с у н о к 2. Приём мордента на гласном второго слога /dз:/ из слова *мигдыкэтнэл* 'шумите'

[Figure 2. Mordent on vowel of the second syllable /dз:/ from the word *migdyketnel* 'make noise']

⁵ Фонетическая транскрипция слога -да- [dee⁶]

На гласном компоненте анализируемого слога реализуется мордент, который фиксируется на второй восьмой длительности распева гласного типа «е» (звук *c*). Примечательно для данного однократного восходящего мордента то, что расстояние между основным и вспомогательным тонами здесь достигает пяти полутонов (суммарно выделенная высота каждого элемента мордента следующая: 59,6 – 64,6 – 59,8 st, т. е. пониженное *c* – пониженное *e* – пониженное *c*). Отмечаются следующие артикуляционные и акустические изменения перед, во время и после фонации мордента в компонентах гласного.

1. Перед мордентом [^ye_{38.3}] : АД = 368 мс; отмечается фоновая эпиглоттализация («мягкая» скрипучесть), эпизодически реализуется фарингализация; максимальное включение голосовых складок для данного диктора даёт максимальную амплитуду глоттальной волны (фиксируется сильная громкость на протяжении всей фонации данного компонента): (I) = -6,2 dB (49%); уклад языка в ротовой полости следующий: тело языка располагается в средней части ротовой полости – F1 = 589 Гц (3-я ступень отстояния – полуширокий), F2 = 1445 Гц (8.3 – фокус между межзубочной частью спинки языка и последней третью второй половины твёрдого нёба – нейтрализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда); гортань на протяжении всего звучания компонента находится почти без изменений положения, располагаясь в зоне верхнего тона – 62,1 st (296 Гц) → 61,9 st (292 Гц) → 60,5 st (270 Гц) – в конце звучания;

2. Мордент [^y(e^v_{39.2}e_{48.3}eⁱ_{37.1-7.2})] : АД = 294 мс; на протяжении всей фонации данного компонента фиксируется усиление фарингализации и эпиглоттализации; фиксируется фузионная артикуляция, т. е. в пределах одного вокального ядра отмечаются две точки усиления интенсивности, в результате на слух мы слышим как бы два гласных, следующих друг за другом без «паузации», что напоминает прерывистый гласный, или трёхфазовый гласный; первая фаза: АД = 126 мс, I = -5,9 dB (51%) – пик, F1 = 527 Гц (3-я ступень), F2 = 1042 Гц (9.2 – фокус между задней частью спинки языка и мягким нёбом – веляризованный, или, традиционно, гласный заднего ряда), гортань опускается вниз, а потом резко идёт вверх, располагаясь в зоне верхнего тона – 60,4 st (268 Гц) → 59,6 st (255 Гц) → 62,8 st (307 Гц); вторая фаза: АД = 48 мс, I = -13,9 dB (20%) – нижняя точка, F1 = 642 Гц (4-я ступень), F2 = 1303 Гц (8.3 – фокус между межзубочной частью спинки языка и последней третью второй половины твёрдого нёба – нейтрализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда), гортань поднимается круто вверх, достигнув пика, опускается круто вниз, располагаясь в зоне верхнего тона – 62,9 st (310 Гц) → 64,5 st (340 Гц) → 62,7 st (305 Гц); третья фаза: АД = 120 мс, I = -7,2 dB (44%) – пик, F1 = 507 Гц (3-я ступень), F2 = 2686 Гц (7.1–7.2 – фокус между средней частью спинки языка и первым и вторым участками первой половины твёрдого нёба – палатализованный, или, традиционно, гласный переднего ряда), гортань круто опускается вниз, достигнув нижнего предела, плавно поднимается вверх, а затем снова вниз, располагаясь в зоне верхнего тона – 62,3 st (298 Гц) → 59 st (247 Гц) → 60 st (261 Гц) → 59,7 st (257 Гц).

Мордент представляет из себя одноядерный, трёхфазовый гласный с двумя точками повышения интенсивности – в начале и в конце фонации – фузионный гласный (на слух как два звука, произнесённых очень слитно без глоттальной вставки). В точках повышенной интенсивности отмечается 3-я ступень отстояния, в отличие от переходного между ними участка, который относится к 4-й ступени отстояния. Весь гласный полуширокий. Движение спинки языка относительно нёбного свода: от веляризованного (заднего ряда) вначале до палатализованного (переднего ряда) в конце звучания. Активная часть голосовых складок меняется от первого ядра интенсивности ко второму, особенно во второй фазе – на переходном участке – уменьшается. В пределах высокого тона гортань плавно опускается вниз, затем резко поднимается вверх, достигнув пика, круто опускается вниз, а затем плавно вверх – изменения положения гортани во времени напоминает прописную кириллическую букву «Л»;

3. После мордента [^he_{37.1-7.2}] : АД=71 мс; констатируются фарингализация и «мягкая» глоттализация; приглушённый компонент со слабой активностью голосовых складок – амплитуда глоттальной волны маленькая (громкость слабая): (I) = -18,2 dB (12%) – на пике (в начале фонации), (I) = -28,4 dB (4%) – в нижней точке (в месте глоттального смыка); отмечается следующая формантная картина (в крайней точке наличия формант) – F1 = 508 Гц (3 ступени отстояния), F2 = 2725 Гц (7.1–7.2 – фокус между средней частью спинки языка и первым и вторым участками первой половины твёрдого нёба – палатализованный, или, традиционно, гласный переднего ряда); гортань находится в практически в одном положении, располагаясь в зоне верхнего тона – 59,6 st (255 Гц) → 59,4 st (252 Гц).

3.1.2. Акустические приёмы внутри гласных, создающие эффект глissандо [Acoustic techniques within vowels that create musical effect of glissando]

Как было упомянуто выше, при глissандо происходит постепенное изменение высоты тона. Соответственно, оно может быть восходящим и нисходящим. Анализ показал активное использование глissандо в песенной традиции эвенков рода Чакигир. В одной только первой строке песни зафиксировано 13 случаев глissандирования. В данном параграфе читателю предлагается пример описания глissандо после 5-го вокального компонента гласного /з:/ из слова мигдыкэтнэл 'шумите' (рис. 3).

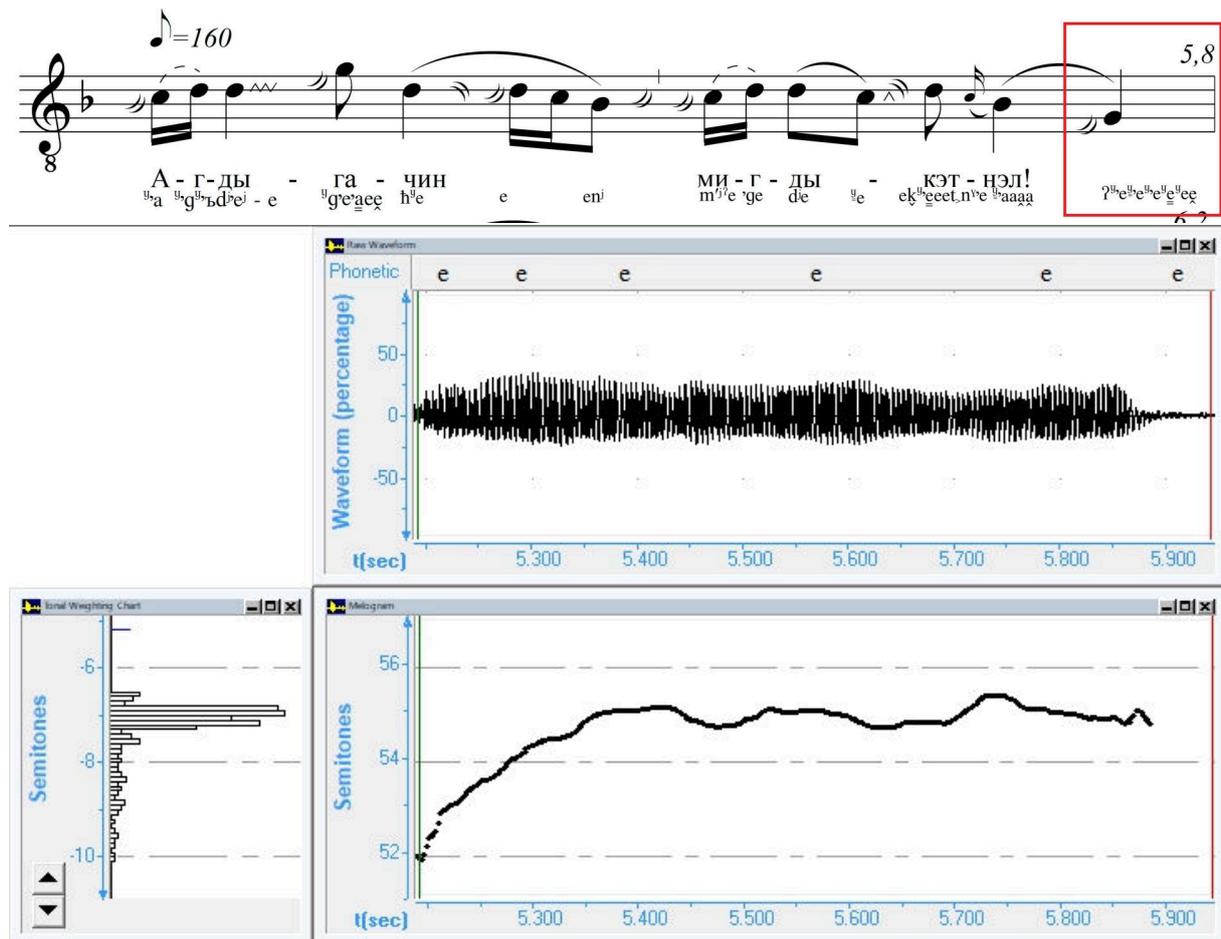

Рисунок 3. Приём глissандо на конце трифона [eae] финального слога /нз:/ из слова мигдыкэтнэл 'шумите'

[Figure 3. Glissando in the end of the triphon [eae] of the final syllable /нз:/ from the word *migdyketnel* 'make noise']

Это глиссандо имеет восходящее направление и реализуется от звука е (52 st) к основному тону g (55 st). После сильного провала по интенсивности и резкого опускания гортани в зону среднего тона отмечается плавный подъём или набирание высоты. При этом зарегистрированы следующие артикуляционные и акустические изменения в компонентах.

1. [^ye^v_{49,2}]: АД = 55 мс; в начале фонации гласного компонента фиксируется приглушение (инициальноприглушённый) с фарингализацией и эпиглоттализацией – [^yε]; на полнозвучном компоненте констатируется – фарингализация и усиление эпиглоттализации; амплитуда глоттальной волны маленькая, т. е. голосовые складки колеблются не по всей длине: интенсивность (I) = -13,6 dB (21%); фиксируются следующие форманты: F1 = 712 Гц (4 степень отстояния) – традиционно полуширокий гласный, F2 = 1075 Гц (9.2 – фокус между задней частью спинки языка и мягким нёбом – веляризованный, или, традиционно, гласный заднего ряда); гортань плавно поднимается вверх, располагаясь в зоне среднего тона – 52 st (165 Гц) → 53,4 st (178,4 Гц).

2. [^ye^v_{49,2}]: АД = 97 мс; вокальный компонент усилен выраженными фарингализацией и эпиглоттализацией, а в начале фонации фиксируется радикализация (усиление твёрдости с зашумлением); активная часть голосовых складок увеличивается – амплитуда глоттальной волны становится больше (повышение громкости): (I) = -10,1 dB (31%) – на пике, (I) = -14,8 dB (18%) – в нижней точке; с этого компонента происходят следующие изменения в ротовой полости: тело языка смещается чуть вниз и назад – F1 = 744 Гц, но при этом, оставаясь в том же положении – на той же 4-й степени отстояния, F2 = 1026 Гц – небольшое смещение тела языка назад (9.2 – фокус между задней частью спинки языка и мягким нёбом – веляризованный, или, традиционно, гласный заднего ряда); гортань плавно поднимается вверх, располагаясь в зоне среднего тона – 53,4 st (178,4 Гц) → 54,5 st (191 Гц).

3. [^ye^v_{49,2}]: АД = 268 мс; фиксируются фарингализация в начале и конце звучания, фоново – эпиглоттализация; активная часть голосовых складок соответствует предыдущему компоненту – амплитуда глоттальной волны сохраняется (громкость практически на прежнем уровне): (I) = -11,3 dB (27%) – на пике, (I) = -13,5 dB (21%) – в нижней точке (при переходе к следующему компоненту); с этого компонента происходят следующие изменения в ротовой полости: тело языка смещается чуть вниз и вперёд – F1 = 778 Гц, но при этом, занимая прежнее положение на 4-й степени отстояния, F2 = 1197 Гц – небольшое смещение тела языка вперёд (9.2 – фокус между задней частью спинки языка и мягким нёбом – веляризованный, или, традиционно, гласный заднего ряда), в конце фонации отмечается повышение второй форманты, что указывает на смещение тела языка вперёд (F2 = 1382 Гц – фокус между межзубочной частью спинки языка и твёрдым нёбом – нейтрализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда (8.3)); гортань находится в одном положении, располагаясь в зоне среднего тона – 55 st (196 Гц) → 54,8 st (194 Гц).

4. [^ye_{48,3}]: АД = 167 мс; констатируются фарингализация (в середине звучания сильная) и эпиглоттализация (фоново); активная часть голосовых складок соответствует предыдущему компоненту – амплитуда глоттальной волны сохраняется (громкость практически на прежнем уровне): (I) = -11,4 dB (27%) – на пике (в конце фонации), (I) = -14,7 dB (18%) – в нижней точке (при переходе к предыдущему компоненту); на этом компоненте происходят следующие изменения в ротовой полости: тело языка смещается чуть вверх и вперёд – F1 = 691 Гц (4 степени отстояния), F2 = 1382 Гц (8.3 – фокус между межзубочной частью спинки языка и задней частью твёрдого нёба – нейтрализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда), в конце фонации отмечается увеличение второй форманты, что указывает на смещение тела языка вперёд (F2 = 1564 Гц – фокус между межзубочной частью спинки языка и твёрдым нёбом – нейтрализованный, или, традиционно, гласный среднего ряда (8.2)); гортань находится практически в одном положении, располагаясь в зоне среднего тона – 55,3 st (199 Гц) – пик → 54,9 st (195 Гц).

5. [ʕe̞_{48.3}]: АД = 80 мс; констатируется фарингализация; глоттальная волна сводится к нулю – затухание работы голосовых складок (переход в шёпот): (I) = -18,6 dB (12%) – на пике (в начале фонации), (I) = -33,8 dB (2%) – в нижней точке (в финале); в точке звучания – F1 = 670 Гц (4 ступени отстояния), F2 = 1564 Гц (8.2 – фокус между межзубочной частью спинки языка и твёрдым нёбом – нейтрализованный или, традиционно, гласный среднего ряда); положение гортани не определить – показатели движения основного тона отсутствуют.

В процессе глиссандирования отмечаются следующие изменения: I = -26,8 dB (5%) → -13,3 dB (22%), ЧОТ = 52 st (165 Гц) – нижняя точка → 55,3 st (199 Гц).

4. Заключение [Conclusion]

Делая акцент на междисциплинарном поиске и фонетическом анализе мелизматики в исполнительских трактовках песенного фольклора усть-нюкжинских эвенков Приамурья, мы пришли к следующим выводам. В песенной речи эвенков помимо стандартного послогового пропевания мелодии от ноты к ноте имеется интонационная орнаментация – способы украшения основной линии мелодии вспомогательными приёмами (форшлагами, мордентами, штробасом, глиссандо). Эти мелодические «украшения» не являются необходимыми и не нарушают смысловую цельность, но создают уникальность исполнительской традиции, делая её выразительной и неповторимой.

Акустико-артикуляторные характеристики форшлага реализуются в начальной фазе фарингализованного и эпиглоттализованного гласного с падающим интонационным контуром на первых двух компонентах и выравниванием на последующих трёх. Излом интонационной кривой происходит на втором компоненте, где форшлаг достигает основного звука, к которому стремился. Выявленный фонетический механизм образования восходящего мордента имеет следующий акустико-артикуляторный алгоритм реализации: 1 этап – инклинация и натяжение голосовых складок, где высота F0 падает, и усиление колебания, при котором F0 возрастает; данный процесс сопровождается эпиглоттализацией и фарингализацией; 2 этап – расслабление голосовых складок, при котором интенсивность звучания падает; 3 этап – деклинация (понижение интонационного контура) и натяжение голосовых складок. Зафиксированная разновидность штробаса в нашем случае является таким типом тембровой фонации (похожей на «шкрябанье» голосовыми складками), при котором происходит жёсткая глоттализация, сопровождаемая фарингализацией. Её механизм состоит в том, что складки находятся в положении гортанной смычки, они напряжённо прижаты друг к другу, и эта гортанная смычка позволяет проходящему воздуху создавать дребезжащий звук. Анализ также показал активное использование глиссандо в песенной традиции эвенков рода Чакигир. Данный музыкальный приём реализовался как при плавном развитии мелодии, так и при скачкообразном и при повторе ступени. В обоих случаях фиксировался плавный подъём (набирание высоты) гортани на фоне инициально приглушённой к последующей полнозвучной фонации гласного.

Таким образом, мелизматика, существующая в народном пении как явление, дополняющее индивидуальный музыкальный стиль, требует исследования своих артикуляционно-акустических механизмов для заполнения лакун, существующих в этномузыкознании и лингвистике. Для эвенкийского песенного фольклора такой вид исследования является перспективным, поскольку с точки зрения экспериментальной фонетики эвенкийский песенный материал ещё не был подвергнут подобному акустическому анализу.

Библиографический список

- Амбразявичюс, 2013 – Амбразявичюс Р. Акустические методы исследования звуковысоты в традиционном пении // Вопросы этномузыкознания. 2013. № 4 (5). С. 82–101. URL : https://elibrary.ru/download/elibrary_21468048_42446420.pdf (дата обращения : 12.06.2024).
- Васильев, 2022 – Васильев П. С. О музыкально-выразительных функциях мелизмов в инструментальном исполнительстве // Сохранение и развитие традиций отечественной музыкальной культуры / отв. ред. А. В. Савадерева. Чебоксары : Плакат, 2022. С. 17–20.
- Келдыш и др., 1976 – Музыкальная энциклопедия. Т. 3 : Корта – Октоль / Ю. В. Келдыш, В. А. Белый, В. С. Виноградов, Л. В. Данилевич, М. С. Друскин, О. Е. Левашева, И. И. Моравек, В. В. Протопопов, И. М. Ямпольский, Б. М. Ярустовский. М. : Советская энциклопедия, 1976. 1104 с.
- Келдыш и др., 1981 – Музыкальная энциклопедия. Т. 5 : Симон – Хейлер / Ю. В. Келдыш, В. А. Белый, В. С. Виноградов, Л. В. Данилевич, М. С. Друскин, О. Е. Левашева, И. В. Нестьев, В. В. Протопопов, Ю. Н. Хохлов. М. : Советская энциклопедия, 1981. 1056 с.
- Леурда, 2019 – Леурда О. П. Вокальные мелизмы в процессах стилистического развития американской популярной музыки // Universum. Филология и искусствоведение. 2019. №10 (67). С. 4–8. <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2019.67.10>
- Морозова, 2021 – Морозова О. Н. Парадигматика и синтагматика звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья (на материале эвенкийского и ороchonского языков) : дисс. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 ; Амурский гос. ун-т. Благовещенск, 2021. 481 с.
- Уртегешев, 2022 – Уртегешев Н. С. Гортань: основная и дополнительная артикуляция // Родные языки и культуры в современном изменяющемся мире. 2022. № 2. С. 16–30. URL : <https://rodnoyuazyk.ru/index.php/journal/article/view/29> (дата обращения : 20.03.2024).
- Уртегешев, 2023 – Уртегешев Н. С. Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242. <http://doi.org/10.17223/18137083/82/17>
- Уртегешев, 2014 – Уртегешев Н. С. Формантные показатели «веляризации». Ч. I // Алтаистика. 2024. № 1. С. 48–60. <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-48-60>
- Isherwood, 2013 – Isherwood N. The Techniques of Singing / Die Techniken des Gesangs. Germany : Bärenreiter, 2013. 212 p.

References

- Ambrazevičius, R. (2013). Akusticheskie metody issledovaniya zvukovysoty v tradicionnom penii [Acoustical methods in the study of pitch phenomena in traditional singing]. *Voprosy etnomuzykoznanija [Issues of ethnomusicology]*, 4 (5), 82–101. Retrieved June 12, 2024 from <https://elibrary.ru/download/elibrary_21468048_42446420.pdf>. (In Russ.).
- Isherwood, N. (2013). *The Techniques of Singing / Die Techniken des Gesangs*. Kassel : Bärenreiter Press. (In German and English).
- Keldysh, Yu. V., Belyy, V. A., Vinogradov, V. S., Danilevich, L. V., Druskin, M. S., Levasheva, O. E., Moravek, I. I., Protopopov, V. V., Yampol'skiy, I. M., Yarustovskiy, B. M. (1976). *Muzykal'naya entsiklopediya. T. 3 : Korto – Oktol'* [Music encyclopedia. Vol. 3 : Korto – Oktol']. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Keldysh, Yu. V., Belyy, V. A., Vinogradov, V. S., Danilevich, L. V., Druskin, M. S., Levasheva, O. E., Nest'ev, I. V., Protopopov, V. V., Khohlov, Yu. N. (1981). *Muzykal'naya entsiklopediya. T. 5 : Simon – Heyler* [Music encyclopedia. Vol. 5: Simon – Heyler]. Moscow : Sovetskaya entsiklopediya Press. (In Russ.).
- Laurda, O. P. (2019). *Vokalnye melizmy v processah stilisticheskogo razvitiya amerikanskoj populyarnoj muzyki* [Vocal melismas in the stylistic processes of American popular music]. *Universum. Filologiya i iskusstvovedenie [Universum: Philology and Art History]*, 10 (67), 4–8. (In Russ.). <https://doi.org/10.32743/UniPhil.2019.67.10>
- Morozova, O. N. (2021) *Paradigmatika i sintagmatika zvukovykh sistem tungusskikh yazykov Verkhnego Priamurya (na materiale evenkiyskogo i orochonskogo yazykov)* [System and

- realization patterns of sound units in Tungus languages of the Upper Amur (Based on Evenki and Orochon)] : Doctoral in Philological sci. diss. ; Amur State University. Blagoveshchensk.
- Urtegeshev, N. S. (2022). Gortan': osnovnaya i dopolnitelnaya artikulyatsiya [Larynx: Basic and additional articulation]. *Rodnye yazyki i kul'tury v sovremennom izmenyayushemsya mire* [Native Languages and Cultures in the Modern Changing World], 2, 16–30. Retrieved March 20, 2024 from <<https://rodnoyyazyk.ru/index.php/journal/article/view/29>>. (In Russ.).
- Urtegeshev, N. S. (2023). Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitelnaya artikulyatsiya glasnykh [The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 1, 226–242. (In Russ.) <http://doi.org/10.17223/18137083/82/17>
- Urtegeshev, N. S. (2024). Formantnye pokazateli «velarizatsii». Ch.I [Formant indicators of “velarization”. Part I]. *Altaistika* [Altaistics], 1, 48–60. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/2782-6627-2024-1-48-60>
- Vasil'ev, P. S. (2022). O muzykal'no-vyrazitel'nykh funktsiyah melizmov v instrumental'nom ispolnitel'stve [The expressive functions of melisms in instrumental performance]. In A. V. Savaderova (Ed.), *Sokhranenie i razvitie traditsij otechestvennoj muzykal'noj kul'tury* [Preservation and development of traditions of national musical culture] (pp. 17–20); The Chuvash state institute of culture and arts. Cheboksary : Plakat Press. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 02.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.
The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 02.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.

Шевченко Татьяна Ивановна, Борzych Анна Алексеевна✉
Московский государственный лингвистический университет
г. Москва, Российская Федерация
anna.a.borzykh@mail.ru

Ритмическая вариативность английского языка в Австралии и Новой Зеландии

Аннотация

В статье сравниваются ритмические особенности австралийского и новозеландского национальных вариантов английского языка. Цель исследования – проверить гипотезу о взаимосвязи словесного ударения, скорости артикуляции (темпа речи) и речевого ритма и о неодинаковом выражении этой взаимосвязи в разных вариантах английского языка. Материалом для исследования послужили 24 минуты спонтанной монологической речи 12 молодых мужчин и женщин из Австралии (6) и Новой Зеландии (6). Эксперимент был проведён в новой парадигме ритма, учитывающей фонологические и фонотактические признаки, и включал три этапа: перцептивно-слуховой анализ, анализ вокалических и консонантных интервалов в Correlatore, а также сравнение длительности синтагм, ритмических групп и средней длительности слога посредством статистического анализа. Дополнительно был произведён подсчёт длительности ударных и безударных слогов в многосложных словах с несовпадающими моделями словесного ударения. Полученные данные подтвердили связь ударения, темпа и ритма. Главным результатом стала выявленная склонность австралийской спонтанной речи к слоговому ритму и более медленному темпу, а новозеландской – к акцентному ритму и более быстрому темпу. Для слогового ритма были отмечены высокие показатели средней длительности слога (СДС), для акцентного ритма показатели СДС оказались ниже. Показатели ССИ для новозеландской речи выше, что указывает на более высокий уровень внутрислоговой и межсловесной компенсации. Также выявлены признаки индивидуальной вариантности ритмической структуры звучащей речи.

Ключевые слова: австралийский английский, новозеландский английский, акустические ритмические корреляты, средняя длительность слога (СДС), акцентный ритм, слоговой ритм, словесное ударение

© Шевченко Т. И., Борzych А. А. 2024

Для цитирования: Шевченко Т. И., Борzych А. А. Ритмическая вариативность английского языка в Австралии и Новой Зеландии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 212–224. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-212>

Tatyana I. Shevchenko, Anna A. Borzykh✉
Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation
anna.a.borzykh@mail.ru

Rhythm Variation of English in Australia and New Zealand

Abstract

The paper considers rhythmic patterns of Australian and New Zealand national varieties of English. The aim is to test the hypothesis of correlation between word stress, articulation rate (speech tempo) and speech rhythm. The material for the study was obtained from 12 young men and women from Australia (6) and New Zealand (6), total duration of spontaneous monologues was 24 minutes. The experiment was conducted in a new rhythm paradigm that takes into account phonological and phonotactic features. It included three stages: auditory analysis, analysis of vocalic and consonantal intervals in Correlatore and comparison of duration in syntagmas, rhythmic groups and

syllables by means of statistical analysis. In addition, duration measurements of stressed and unstressed syllables in polysyllabic words with mismatched patterns of word stress were computed. The results prove the connection between stress, tempo and rhythm. The major discovery was the tendency of Australian spontaneous speech being closer to syllable-timing and slower tempo while New Zealand being more stress-timed and faster articulated. Syllable-timed rhythm correlated with longer average syllable duration (ASD), accent-timing was characterized by shorter ASD. New Zealand speech demonstrates higher CCI values showing a higher degree of both intra- and inter-syllabic compensation. Speaker-dependent variance of rhythmic patterns was also found.

Keywords: Australian English, New Zealand English, acoustic rhythmic correlates, average syllable duration (ASD), stress-timing, syllable-timing, word stress

© Shevchenko T. I., Borzykh A. A. 2024

For citation: Shevchenko, T. I., & Borzykh, A. A. (2024). Ritmicheskaya variativnost' angliyskogo yazyka v Avstralii i Novoy Zelandii [Rhythm Variation of English in Australia and New Zealand]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 212–224. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-212>

1. Введение [Introduction]

Данная работа посвящена поиску специфических ритмических характеристик английской речи на территории Австралии и Новой Зеландии в двух национальных вариантах одного языка, функционирующих в одном полушарии, в относительной географической близости, но имеющих различия в истории заселения, социодемографическом составе населения и контактах с другими языками и диалектами.

На основе изучения ритмических особенностей постколониальных вариантов английского языка было установлено, что исконно акцентный ритм английского языка имеет тенденцию меняться в сторону слогового ритма под влиянием языкового контакта со слогосчитающими языками. Это явление наблюдается в речи билингвов на территориях Сингапура, Гонконга, Индии, где люди больше времени говорят на китайском или хинди [Mok, Dellwo, 2008 ; Fuchs, 2016]. Та же тенденция характерна для лондонского мультикультурного английского – речь жителей на востоке Лондона, переселенцев с Ямайки во втором и третьем поколении, имеет черты слогового ритма, в то время как коренные англичане (кокни) склонны к акцентному ритму [Torgersen, Szakay, 2012]. Новозеландский вариант английского языка подвергся влиянию морасчитающего языка коренного населения маори и также приобрёл черты слогового ритма в качестве маркера этничности [Szakay, 2006].

В результате лексикографического анализа просодических особенностей национальных вариантов английского языка в Австралии и Новой Зеландии были выявлены различия на уровне словесного (лексического) ударения. Так, при анализе ударения в австралийских многосложных словах обнаружилось частое отсутствие второстепенных ударений, а также постановка главного ударения на третий, четвёртый или пятый слог. В новозеландских произносительных словарях наблюдается противоположная тенденция наличия дополнительных ритмических ударений [Шевченко, Бурая, 2020]. Кроме того, на материале чтения были подсчитаны ритмические показатели австралийской речи, которая оказалась ближе к акцентному (тактосчитающему) ритму, в особенности, если респонденты говорили на элитарном австралийском (Cultivated Australian) [Buraya, 2021].

С целью проверить гипотезу о связи между словесным ударением и ритмическим строем английских национальных вариантов в Австралии и Новой Зеландии было решено подобрать однородный материал и исследовать естественную спонтанную речь.

2. Сопоставление просодических характеристик двух национальных вариантов английского языка [Comparing prosodic patterns of the two Englishes]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В связи с поставленной целью, путём работы с информантами в интернете был создан корпус спонтанной естественной монологической звучащей речи 12 носителей языка: 6 жителей Австралии и 6 жителей Новой Зеландии в возрасте 20–30 лет. По возможности производилось балансирование по гендеру: среди новозеландских респондентов было 3 мужчины и 3 женщины, среди австралийских – 4 мужчины и 2 женщины. Применялись одни и те же условия записи: респонденты записывали голосовые сообщения и отправляли их авторам исследования через интернет на добровольных условиях, что явилось гарантией расслабленного эмоционального состояния. Длительность аудиозаписей была одинаковой: 2 минуты для каждого из респондентов, общее время звучания составило 24 мин. Все участники эксперимента получили одинаковое задание: рассказать о себе, включая интересный эпизод из своей жизни.

Для составления скриптов полученные аудиозаписи подверглись перцептивно-слуховому анализу. Готовые скрипты были направлены респондентам для проверки на корректность их составления. Сложность данного этапа заключалась в том, что в рассказах содержались имена собственные – имена и фамилии людей, названия местных географических объектов, которые зачастую не удавалось распознать на слух или найти в интернете. В некоторых случаях респонденты невнятно произносили окончания слов.

На данном этапе при помощи перцептивно-слухового анализа производилась сегментация звучащего материала на высказывания, состоящие из интонационных групп. Далее были размечены ударения, особенности движения основного тона и паузы.

Для анализа темпа речи было произведено измерение длительности синтагм и пауз, количество синтагм в минуту, соотношение времени фонации к совокупной длительности пауз (показатель «фонация:паузация»). Отдельно была рассчитана длительность ритмических групп и средняя длительность слога (СДС). На выборке из 4 многосложных слов произведён подсчёт длительности ударных и безударных слогов. Измерения производились вручную в компьютерной программе Praat [Boersma, Weenink, 2023], а затем заносились в таблицы.

Для проведения статистического анализа использовалась компьютерная программа Jamovi [The jamovi project (2022). jamovi. (Version 2.3)]. Учитывая специфику исследования и большое количество данных, проведены тесты на нормальность распределения данных и наличие выбросов: тест Шапиро-Уилка, однофакторный дисперсионный анализ Крускал-Уоллис (непараметрический). С учётом результатов упомянутых тестов на нормальность был проведён дисперсионный анализ значимости различий данных по СДС двух национальных вариантов английского языка.

Для анализа ритмических показателей были выбраны самые мелкие единицы измерения – вокалические и консонантные интервалы. Аннотация посредством сегментирования на вокалические и консонантные интервалы производилась по системе CV в программе Praat [Boersma, Weenink, 2023] вручную с аудиовизуальным контролем. Для обозначения согласного звука использовали |c|, для гласного или аппроксиманта – |v|. При скоплении нескольких согласных количество “c” соответствовало их числу. Для обозначения дифтонгов и трифтонгов увеличивалось количество “v”, при этом в работе был учтён процесс монофтонгизации дифтонгов в австралийском варианте английского языка. Паузы аннотировались символом #. Границы слов игнорировались. Слой с разметкой сохранялся в формате TextGrid для дальнейшей обработки.

Полученные TextGrid-файлы с разметкой консонантных и вокалических интервалов были помещены в специализированную компьютерную программу Correlatore для

анализа ритмических характеристик на основе длительности и насыщенности интервалов. Программа *Correlatore* разработана итальянским фонетистом П. Майрано [Mairano, Romano, 2010]. В её функционал заложены формулы всех известных методик для анализа речевого ритма:

- дельты: 1) стандартное отклонение длительности вокалических интервалов ΔV (степень редукции безударных гласных, высокие значения ΔV характерны для акцентных языков); 2) стандартное отклонение длительности консонантных интервалов ΔC (сложность слоговой структуры, т. е. количество согласных в зачине и коде; акцентные языки могут иметь как сложные, так и простые слоговые структуры; для слоговых языков характерна простая структура слога, т. к. скопление согласных в них недопустимо); 3) доля вокалических интервалов во фразе $\%V$ (даёт представление о степени редукции гласных и сложности структуры слога одновременно; этот коррелят вычисляется по специальной формуле, где $\sum V$ обозначает сумму всех вокалических интервалов, а $\sum C$ – сумму всех консонантных интервалов: $\%V = 100 \times \sum V / (\sum C + \sum V)$; акцентные языки характеризуются более низким показателем $\%V$, чем слоговые языки – причина этому кроется в большем скоплении согласных звуков и уменьшении суммарной длительности гласных звуков за счёт их редукции в безударных слогах);

- индекс парной вариативности PVI (для ненормированной по темпу речи VrPVI и CrPVI, для нормированной по темпу речи VnPVI и CnPVI) – измерение вариативности длительности вокалических и консонантных интервалов в соседних слогах; в акцентных языках параметр PVI выше ввиду редукции безударных гласных;

- коэффициент вариативности нормализованной по темпу речи / Varco (для вокалических интервалов VarcoV, для консонантных интервалов VarcoC);

- индекс компенсации и контроля CCI (для вокалических интервалов vCCI, для консонантных интервалов cCCI) – контролируемые (слоговые) языки обладают низким уровнем компенсации, компенсирующие (акцентные) языки – более высоким уровнем внутрислоговой и межслововой компенсации; рекомендован авторами для сопоставления диалектов одного языка [Mairano, Romano, 2010].

Напомним, что обнаруженные различия в словесном ударении свидетельствуют об уменьшении количества второстепенных (ритмических) ударений в австралийском варианте английского языка и их увеличении в новозеландском [Шевченко, Бурая, 2020].

2.2. Соотношение словесного ударения и скорости артикуляции (темпа речи) [Correlation of word stress and articulation rate (speech tempo)]

В материале был произведён поиск многосложных слов с акцентными моделями, потенциально не совпадающими в разных вариантах английского языка – британском, американском, канадском, австралийском и новозеландском. Из общего количества таких слов (1390) в 24-минутном корпусе звучащей речи было найдено лишь 4 слова (6 реализаций с учётом повторений):

- *'laboratory* – присутствует в речи мужчины-австралийца (Craig), произнесено с ударением на первом слоге по американской модели ' - - - (для Австралии характерна модель с ударением на втором слоге - ' - - -);

- *'elsewhere* – обнаружено в речи мужчины-австралийца (Craig), реализуется одинаковая для австралийского и американского вариантов английского языка акцентная модель с ударением на первом слоге ' - - (в австралийском произносительном словаре второй по частотности указана модель с ударением на втором слоге - ' - -);

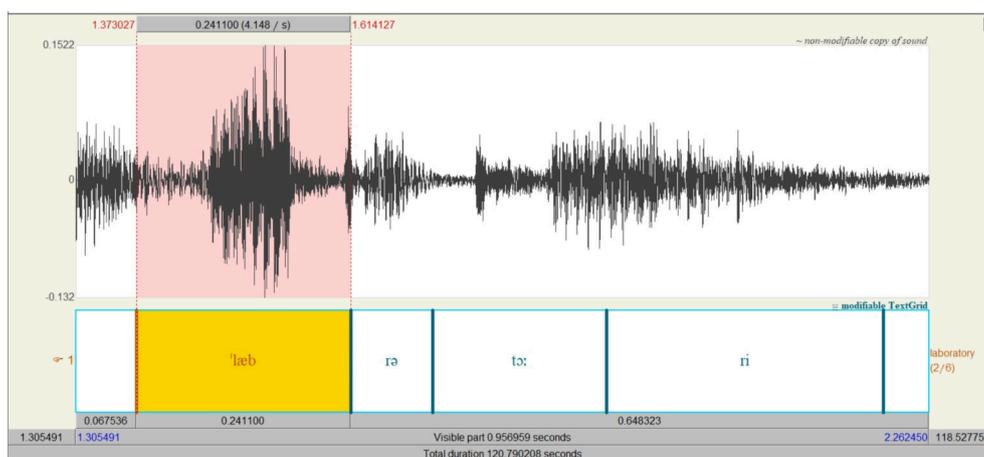
- *'mathe'matics* — найдено в речи мужчины-австралийца (Jamie), используется британо-американская модель ударения с главным ударением на третьем слоге и второстепенным ударением на первом слоге , - ' - - (для австралийского варианта в словаре указана модель без второстепенного ударения - - ' - -);

• *'Budapest* — упоминается дважды в речи двух женщин из Новой Зеландии (Annelise, Alana), в каждом случае реализованная акцентная модель совпадает для американского и австралийского вариантов английского языка (' - -).

Причина немногочисленности обнаруженных слов кроется в том, что многосложные слова в английском дискурсе составляют лишь 20% от общего количества слов, остальные же 80% – более частотные односложные слова.

В найденных многосложных словах было произведено измерение длительности ударных и безударных слогов с целью определить их соотношение, а также влияние на скорость артикуляции и речевой ритм.

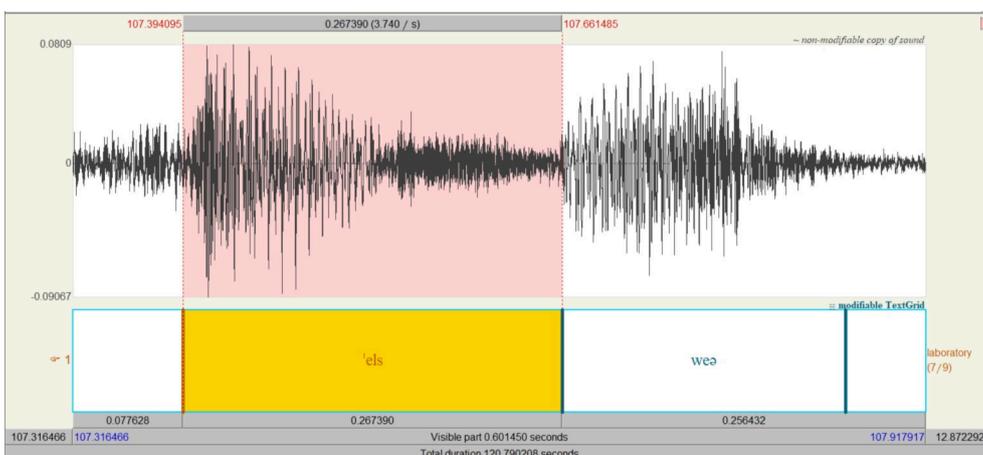
В реализации слова *'laboratory* наблюдается удлинение гласного в последнем слоге /ri:/, в результате его длительность становится больше, чем длительность ударного первого слога /'læb/ (см. рис. 1). Третий безударный слог /tɔ:/ схож по длительности с ударным слогом /'læb/ за счёт качества долгого гласного /ɔ:/.

Р и с у н о к 1 . Длительность слогов в слове *'laboratory* /'læbrətɔ:ri:/: /'læb/ = 0.241 с, /rə/ = 0.076 с, /tɔ:/ = 0.210 с, /ri/ = 0.313 с

[Figure 1. Syllable duration in the word *'laboratory* /'læbrətɔ:ri:/: /'læb/ = 0.241 sec, /rə/ = 0.076 sec, /tɔ:/ = 0.210 sec, /ri/ = 0.313 sec]

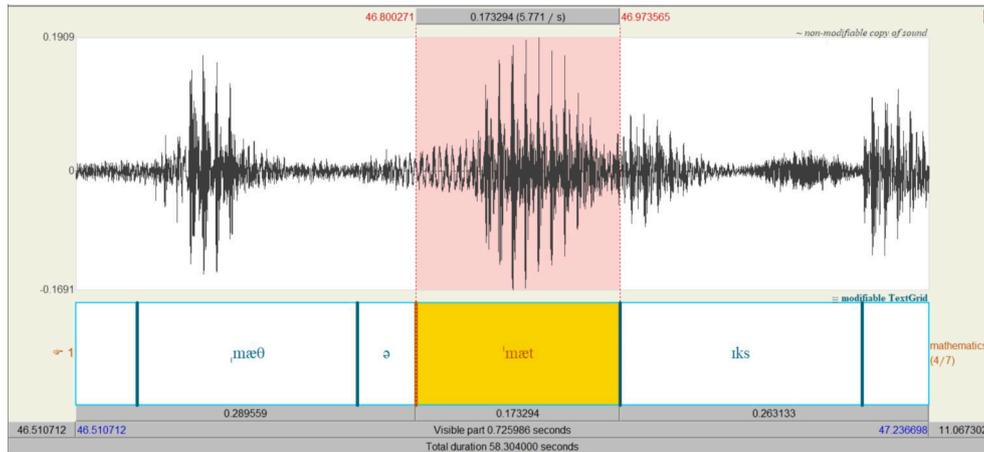
В слове *'elsewhere* ударный слог /'els/ лишь незначительно превышает по длительности безударный /weə/ (см. рис. 2).

Р и с у н о к 2 . Длительность слогов в слове *'elsewhere* /'elsweə:/: /'els/ = 0.267 с, /weə/ = 0.200 с

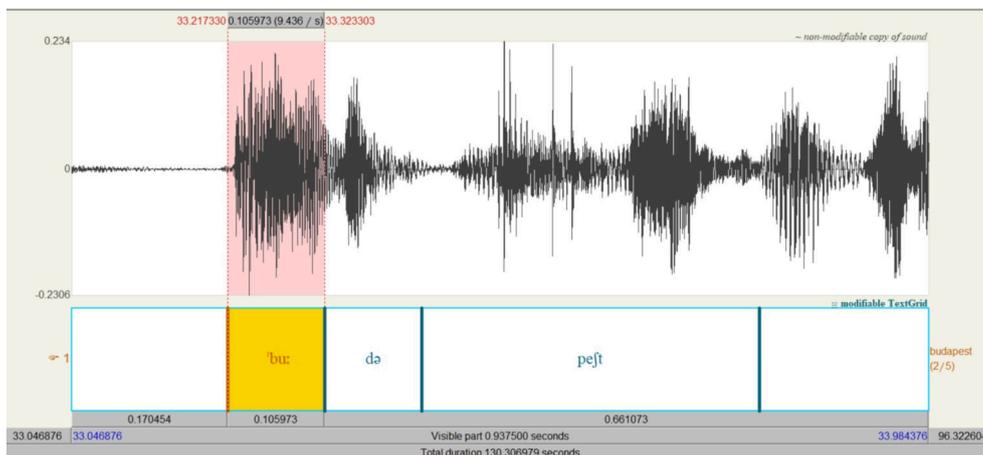
[Figure 2. Syllable duration in *'elsewhere* /'elsweə:/: /'els/ = 0.267 sec, /weə/ = 0.200 sec]

Слово *'mathe'matics* демонстрирует схожую длительность слогов с второстепенным и главным ударением (*/,mæθ/* и */'mæt/* соответственно), а также последнего безударного слога */iks/* (см. рис. 3).

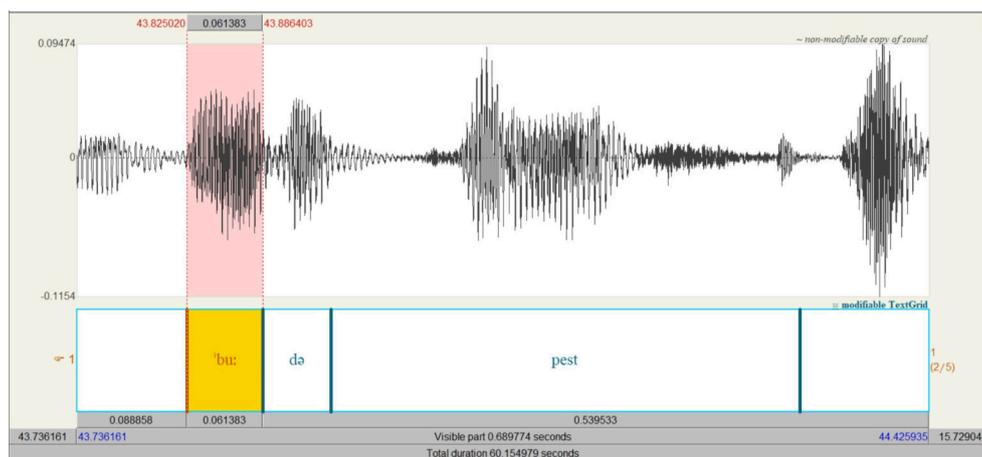

Р и с у н о к 3. Длительность слогов в слове *'mathe'matics* */,mæθə'mætkɪs/*:
/,mæθ/ = 0.183 с, */ə/* = 0.047 с, */'mæt/* = 0.214 с, */ɪks/* = 0.233 с
 [Figure 3. Syllable duration in the word *'mathe'matics* */,mæθə'mætkɪs/*:
/,mæθ/ = 0.183 sec, */ə/* = 0.047 sec, */'mæt/* = 0.214 sec, */ɪks/* = 0.233 sec]

В слове *'Budapest* у обоих респондентов первый ударный слог */'bu:/* и второй безударный */də/* имеют практически одинаковую длительность, тогда как длительность финального безударного слога */peft/* или */pest/* превосходит их в 3,5 раза (см. рис. 4 и рис. 5).

Р и с у н о к 4. Длительность слогов в слове *'Budapest* */'bu:dəpeft/* (респондент Annelise): */'bu:/* = 0.105 с, */də/* = 0.106 с, */peft/* = 0.369 с
 [Figure 4. Syllable duration in the word *'Budapest* */'bu:dəpeft/* (respondent Annelise): */'bu:/* = 0.105 sec, */də/* = 0.106 sec, */peft/* = 0.369 sec]

Р и с у н о к 5. Длительность слогов в слове 'Budapest' /'bu:dəpest/ (респондент Alana): /'bu:/ = 0.061 с, /də/ = 0.055 с, /pest/ = 0.379 с
[Figure 5. Syllable duration in the word 'Budapest' /'bu:dəpest/ (respondent Alana): /'bu:/ = 0.061 sec, /də/ = 0.055 sec, /pest/ = 0.379 sec]

Итак, проанализировав акцентную структуру вышеописанных многосложных слов, можно сделать следующие выводы:

- в австралийской речи длительность ударных и безударных слогов схожа, финальные слоги имеют тенденцию удлиняться, что приводит к более медленной артикуляции и является признаком слогового ритма;
- в новозеландской речи удлиняется последний безударный слог, что свидетельствует о тенденции к наличию посттонических ударений; длительность слогов может резко отличаться, что является признаком акцентного ритма.

Чтобы подтвердить обнаруженную взаимосвязь между темпом, ритмом и акцентным выделением в словах, необходимо изучить особенности ритма и ритмических тенденций в двух вариантах английского языка.

Согласно подходу, принятому в настоящем исследовании, ритм – это комплексный феномен, затрагивающий весь фонетический строй языка: помимо словесного ударения и темпа принимаются во внимание вокалические и консонантные интервалы, т. е. гласные и согласные (см., напр., [Vihanta et al. 1990, p. 326]). Это представляется логичным при рассмотрении ритма как результата тесного взаимодействия просодических компонентов (ОТ, длительности и т. д.) и единиц (слога и слова) с сегментными единицами (фонемами и законами их дистрибуции).

Необходимо отметить, что для сравнения ритмических показателей двух диалектов одного и того же языка могут подходить не все существующие методики по причине неярко выраженного результата. Для такого исследования подходит специализированная методика – индекс компенсации и контроля (CCI), разработанная итальянскими фонетистами Бертинетто и Бертини в 2008 году [Bertinetto, Bertini, 2008], включённая в состав метрик Correlatore [Mairano, Romano, 2010] (см. п. 2.1). Тем не менее, с целью получить достоверный результат были проанализированы все доступные комбинации метрик.

Выбор спонтанной естественной речи для проведения данного исследования неслучаен. Этот тип дискурса сильно отличается от чтения. Более того, А. Краттенден доказал существование «интонационной диглоссии» на образце речи образованной жительницы г. Глазго: в чтении её интонация соответствовала стандарту RP, а в спонтанной разговорной речи преобладала интонация шотландского варианта английского языка [Cruttenden, 2007]. По аналогии с явлением «интонационной диглоссии» ав-

торами данной работы выдвинута гипотеза существования «ритмической диглоссии», т. е. изменения ритма речи в зависимости от осуществляемого типа дискурса, т. е. стиля речи: чтения в сравнении со спонтанной речью. Это соответствует идее Д. Кристала о вариативности ритма, наблюдаемой в рамках одного языка с учётом зависимости от социального состава говорящих и стиля речи [Crystal, 1996].

2.3. Анализ темпа [Analysis of tempo]

Несмотря на общность языка и географическую близость, два речевых сообщества имеют различные речевые привычки. Если руководствоваться результатами анализа темпоральных характеристик (см. табл. 1), можно заметить, что мужчины-новозеландцы демонстрируют более длительные паузы (0,7 сек) по сравнению с мужчинами-австралийцами (0,4 сек), что создаёт впечатление более быстрого темпа у мужчин-австралийцев. В свою очередь, у женщин из Австралии превалирует доля фонации в соотношении «фонация:паузация» (4:1) по сравнению с данными остальных групп респондентов как свидетельство относительно меньшей доли пауз в совокупном времени звучания, что также производит эффект ускоренного темпа.

Т а б л и ц а 1. Темпоральные характеристики – Австралия и Новая Зеландия
[Table 1. Temporal characteristics – Australia and New Zealand]

	Австралия		Новая Зеландия	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Число синтагм (в минуту)	40	44	33	39
Длительность синтагм (сек)	1	1	1,1	1,1
Длительность пауз (сек)	0,4	0,3	0,7	0,4
Фонация:паузация	2:01	4:01	2:01	3:01

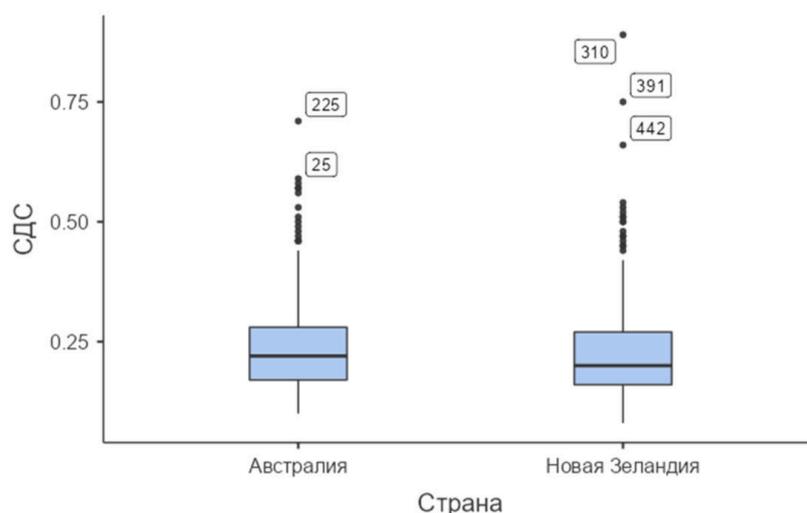
Предсказуемо, что более краткие паузы при одинаковой длительности синтагм могут восприниматься как ускорение темпа. Означает ли это, что австралийцы говорят быстрее, чем новозеландцы? Необходимо было проверить эту гипотезу посредством дисперсионного анализа на единицах другого порядка, а именно, на длительности ритмических групп и средней длительности слогов (СДС).

Наиболее важным и показательным измерением в рамках данного исследования является СДС, соответствующая скорости артикуляции. На графике представлено сопоставление данных по СДС в речи австралийцев и новозеландцев (рис. 6). Очевидно, что разница небольшая, она проявляется в более низкой медиане СДС у новозеландцев (признак ускоренной артикуляции). Необходимо отметить, что расчёт производился по всей совокупности данных по СДС.

Наличие большого количества выбросов, которое можно наблюдать на графике (рис. 6), говорит о ненормальном распределении данных. Это подтверждается тестом Шапиро-Уилка, где $p < .001$.

Для того чтобы определить значимость различий между СДС двух стран, был проведён однофакторный дисперсионный анализ Крускал-Уоллис (непараметрический), который является устойчивым к обнаруженным выбросам. Полученный результат $p=0.040$ меньше 0.05, что говорит о значимости различий данных.

В качестве альтернативного и более иллюстративного метода дисперсионный анализ был проведён на медианных данных по СДС каждого из респондентов, которые приведены в таблице 2.

Р и с у н о к 6. Сопоставление данных по СДС – Австралия и Новая Зеландия
[F i g u r e 6. D a t a c o m p a r i s o n o n A S D – A u s t r a l i a a n d N e w Z e a l a n d]

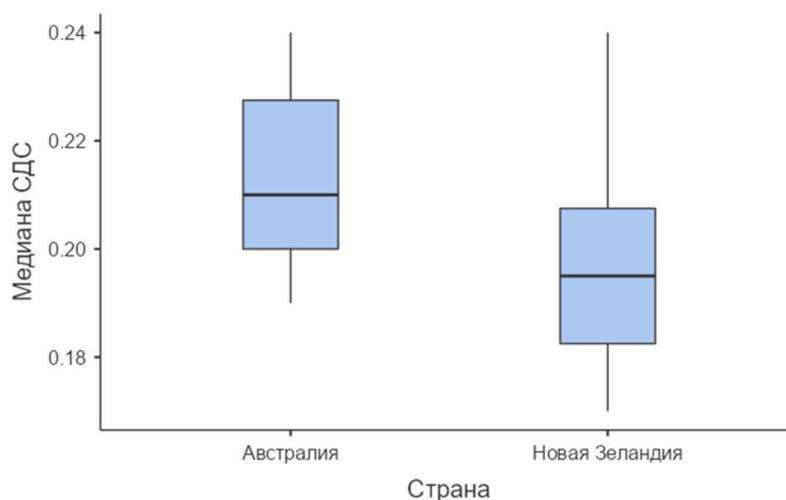
Т а б л и ц а 2. Медианные значения длительности синтагм,
ритмических групп и слогов

[T a b l e 2. M e d i a n d u r a t i o n s o f s y n t a n g m a s, r h y t h m i c g r o u p s a n d s y l l a b l e s]

Страна	Респондент	Синтагма	Ритмическая группа	Слог
Австралия	Craig (М)	0,82	0,47	0,23
	Benjamin (М)	1,18	0,46	0,2
	Tom (М)	0,98	0,47	0,24
	Jamie (М)	1	0,45	0,2
	Safia (Ж)	0,96	0,49	0,19
	Bianca (Ж)	1,06	0,52	0,22
	Jack (М)	1	0,49	0,24
	Alex (М)	0,9	0,34	0,17
Новая Зеландия	Jayden (М)	0,9	0,4	0,2
	Annelise (Ж)	0,93	0,46	0,19
	Dakota (Ж)	1,08	0,48	0,21
	Alana (Ж)	1,05	0,41	0,18

График сопоставления медианных значений СДС выявил более значимую разницу между двумя национальными вариантами (см. рис. 7). Так, согласно результатам анализа, австралийцы произносят слоги медленнее, чем новозеландцы. Ритмические тенденции намечаются уже на уровне этих единиц. Так, увеличение средней длительности слога у австралийцев является признаком слогового ритма (увеличение длительности безударных, меньшая редукция вокалических интервалов). Среди новозеландских респондентов, напротив, прослеживается тенденция к уменьшению средней длительности слога при увеличении количества слогов в синтагме, что является компенсирующим

свойством данного варианта английского языка, характерным для акцентного ритма. Полученный результат анализа СДС опровергает предположение о том, что австралийцы имеют более быстрый темп речи.

Р и с у н о к 7. Сопоставление медианных данных по СДС – Австралия и Новая Зеландия

[Figure 7. Comparison of median data on ASD – Australia and New Zealand]

Интересным наблюдением, связанным с когнитивным аспектом языка, является сходная длительность слогов на протяжении определённого отрезка речи, соответствующего одной теме и оформленного как сверхфразовое единство (см. табл. 3). Таким образом, для ритма характерна рекуррентность в рамках целых абзацев в связи со смыслом.

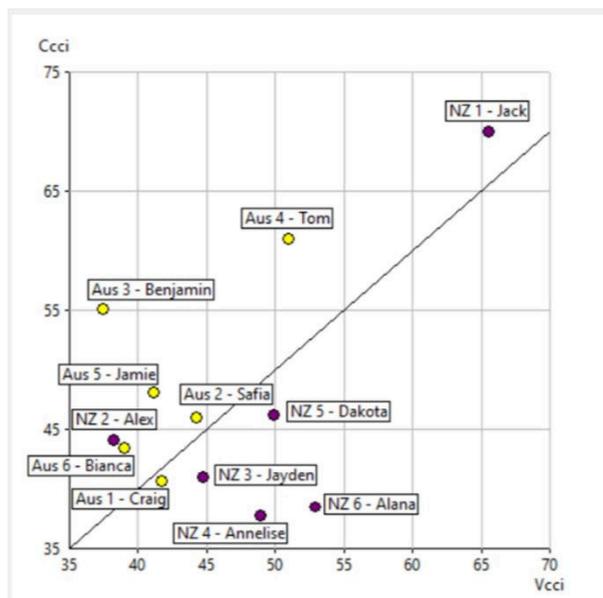
Т а б л и ц а 3. Пример сходной длительности СДС в сверхфразовом единстве. Респондент Benjamin (M), Австралия

[Table 3. Example of similar average syllable duration in a supra-phrasal unit. Respondent Benjamin (M), Australia]

Синтагма №	Длительность синтагмы	Ритмическая группа	СДС	Скрипт
28.	1,5	0,3	0,14	I've decided to talk a bit about my
29.	0,84	0,42	0,17	job at the moment.
30.	1,48	0,37	0,16	So I'm in the Australian army,
31.	2,67	0,66	0,19	um I have my posting at 10FSB in Townsville.
32.	2,29	0,46	0,19	I'm hoping to get some deployments this year to
33.	0,88	0,44	0,29	navy ships,
34.	0,59	0,59	0,29	so it's...

2.4. Анализ ритма [Analysis of speech rhythm]

Наиболее последовательно две группы респондентов распределились по категориям контролирующего (слогового) и компенсирующего (акцентного) типов ритма (см. рис. 8) по метрике, которая называется индекс компенсации и контроля (CCI) [Bertini, Bertinetto, 2008].

Р и с у н о к 8. Распределение образцов австралийской и новозеландской речи на осях vCCI и cCCI
[Figure 8. Distribution of Australian and New Zealand English speech samples on the vCCI and cCCI axes]

Деление языков или диалектов на контролирующие и компенсирующие по методике Бертинетто и Бертини производится на основе степени внутрислоговой и межслоговой компенсации. «Внутрислоговая компенсация» – это фонологическое явление, которое заключается в сокращении длительности фонем в слоге при увеличении количества фонем в этом слоге. «Межслоговая компенсация» – схожий процесс, при котором ударные слоги сжимаются при увеличении количества последующих безударных слогов в ритмической группе. Низкий уровень компенсации характерен для контролирующих языков, т. е. слогового ритма. Высокий уровень обоих видов компенсации типичен для компенсирующих языков, т. е. акцентных. Авторы методики CCI также высказывали предположение о влиянии на речевой ритм стиля речи, темпа речи и индивидуальных особенностей говорящего.

В полученном графике большинство показателей австралийцев расположилось над чертой в зоне контролирующих языков со слоговым ритмом, а большинство показателей новозеландцев – под чертой, в зоне компенсирующих языков с акцентным ритмом. Исключение составляют 2 респондента из Новой Зеландии, которые оказались в противоположной по ритму группе в силу своих индивидуальных особенностей. Опираясь на данные более масштабного анализа, можно предположить их вовлечённость в культуру и общение народа маори [Szakay, 2006].

К другим метрикам, подтверждающим результат CCI, относятся метрики нормализованных по темпу показателей длительности VarcoV – VarcoC, VnPVI – CnPVI.

3. Заключение [Conclusion]

Итак, целью проведённого исследования была проверка гипотезы о взаимосвязи словесного ударения, скорости артикуляции (темпа речи) и речевого ритма и о неодинаковом выражении этой связи в разных вариантах английского языка. Результаты, полученные на материале спонтанной монологической речи носителей английского языка – 12 молодых мужчин и женщин из Австралии и Новой Зеландии – позволяют заключить, что два национальных варианта английского языка различаются на ритмическом уровне.

Во-первых, выявлена склонность австралийского к слоговому типу речевого ритма, тогда как новозеландский демонстрирует черты акцентного ритма. При этом были отмечены и индивидуальные особенности, связанные со спецификой языковых контактов двух носителей новозеландского варианта английского языка, а именно, с их вовлечённостью в местную культуру маори.

Во-вторых, обнаружена корреляция между ритмом и темпом речи двух вариантов: слоговой ритм австралийской речи соотносится с более медленным произнесением слогов (более высокие значения средней длительности слога), а акцентный ритм новозеландской речи – с более быстрой реализацией слогов (более низкие значения средней длительности слога).

В-третьих, в нашем материале спонтанной речи австралийцы демонстрировали черты слогового ритма, снижая контраст между вокалической составляющей ударных и безударных слогов, в отличие от признаков акцентного ритма, выявленных ранее в чтении [Buraya, 2021]. Новозеландцы в спонтанной речи проявили склонность к акцентному ритму и сокращению длительности слогов.

Таким образом, прогнозируемое авторами специализированной методики исследования ритма на основе вычисления индекса компенсации и контроля (CCI) [Bertinetto, Bertini, 2008] влияние на ритм стиля речи и темпа, а также индивидуальных особенностей отдельных людей получило подтверждение на нашем материале.

Перспективу исследования составит проверка гипотезы о существовании «ритмической диглоссии» в речи жителей Австралии и Новой Зеландии. Для этого потребуется изучить материал двух стилей речи – чтения и спонтанного говорения – записанный одними и теми же информантами.

Библиографический список

- Шевченко Т. И., Бурая Е. А. Словесное ударение в пяти национальных вариантах английского языка: ритмические тенденции // Вестник Московского ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 4. С. 65–79. {Schevchenko, T. I., Buraya, E. A. (2020). Word stress in five national varieties of English: Rhythm trends. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Series 9. Philology*, 4, 65–79.}
- Bertinetto, P. M., & Bertini, C. (2008). On modeling the rhythm of natural languages. In P. A. Barbosa, S. Madureira, & C. Reis (Eds), *Proc. of Speech Prosody 2008, Campinas (Brazil), 6–9 May 2008* (pp. 427–430). Urbana IL: Speech Prosody Special Interest Group (SproSIG). <https://doi.org/10.21437/SpeechProsody.2008-94>
- Boersma, P., & Weenink, D. (2023). Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.3.10. Retrieved 3 May, 2023 from <<http://www.praat.org/>>.
- Buraya, E. A. (2021). Prosodic rhythm in Australian English (Gender differentiation). *Теоретическая и прикладная лингвистика [Theoretical and Applied Linguistics]*, 7(4), 5–15. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2021_7_4_5_15
- Cruttenden, A. (2007). Intonational diglossia: A case study of Glasgow. *Journal of The International Phonetic Association*, 37(3), 257–274. <https://doi.org/10.1017/S0025100307002915>
- Crystal, D. (1996). The past, present and future of English rhythm. In M. Vaughan-Rees (Ed.), *Changes in Pronunciation. Summer 1996 Issue of the Newsletter of the IATEFL Pronunciation Special Interest Group* (pp. 8–13). Whitstable: IATEFL.
- Fuchs, R. (2016). Speech Rhythm in Indian English and British English. *Speech Rhythm in Varieties of English. Prosody, Phonology and Phonetics* (pp. 113–162). Berlin, Heidelberg: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-662-47818-9_6
- Mairano, P., & Romano, A. (2010) Un confronto tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore. In S. Schmid, M. Schwarzenbach, & D. Studer (Eds), *La dimensione temporale del parlato, (Proc. of the V National AISV Congress, University of Zurich, Collegiengebäude, 4–6 February 2009)* (pp. 79–100). Torriana (RN): EDK.

- Mok, P., & Dellwo, V. (2008). Comparing native and non-native speech rhythm using acoustic rhythmic measures: Cantonese, Beijing Mandarin and English. *Proc. of Speech Prosody 2008, Campinas (Brazil), 6–9 May 2008* (pp. 423–426). Urbana IL: Speech Prosody Special Interest Group (SProSIG). <https://doi.org/10.21437/SpeechProsody.2008-93>
- Szakay, A. (2006). Rhythm and pitch as markers of ethnicity in New Zealand English. In P. Warren, & C. Watson (Eds), *Proc. of the 11th Australasian International Conference on Speech Science and Technology* (pp. 421–426). Canberra, ACT: Australasian Speech Science and Technology Association.
- The jamovi project. (2022). jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. <https://www.jamovi.org>
- Torgersen, E., & Szakay, A. (2012). An investigation of speech rhythm in London English. *Lingua, 122*, 822–840. <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2012.01.004>
- Vihanta, V. V., Leinonen, K., Pitkänen, A. J. (1990). On rhythmic features in Finland-Swedish and Sweden-Swedish. *Nordic Prosody, V*, 325–350.

Статья поступила в редакцию 23.02.2024; одобрена после рецензирования 24.06.2024; принята к публикации 28.06.2024.
The article was submitted 23.02.2024; approved after reviewing 24.06.2024; accepted for publication 28.06.2024.

Федуленкова Татьяна Николаевна
Владимирский государственный университет
г. Владимир, Российская Федерация
fedulenkova@list.ru

Имплицитность в диалоге культур: от преамбулы до функционально обусловленных типов выражения смысла. Рецензия на монографию: Карасик В. И. Языковая пластика общения. М. : Гнозис, 2021. 536 с.

Аннотация

В монографии В. И. Карасика «Языковая пластика общения» обсуждаются вопросы антропологической лингвистики, одним из наиболее активно развивающихся направлений которой является изучение межкультурной коммуникации. Актуальность книги заключается в том, что в ней рассматриваются животрепещущие проблемы формата общения, его канонов и интерпретативных векторов. В монографии представлен критический анализ исследовательских моделей языковой коммуникации. Инновационный характер монографии заключается в том, что в дополнение к предложенным исследовательским моделям языковой коммуникации автор противопоставляет четыре функционально обусловленных типа имплицитного выражения смысла в диалоге культур, а именно: консолидирующий, агональный, дидактический и поэтический, детально описывая сущность каждого из этих типов и аргументируя их роль в кросс-культурной коммуникативной практике. Инновационность рецензируемой монографии состоит и в том, что автор убедительно аргументирует обусловленность имплицитности в межкультурной коммуникации принятыми в каждой культуре нормами общения, которые определяются рядом факторов, и в качестве важнейших из них представляются: (а) доминирующая социальная дистанция, (б) тип распределения власти в малой группе, (в) степень эмоционального самоконтроля участников общения. Подчеркнём важность авторского вывода о том, что культуры с высокой степенью имплицитности в общении сориентированы на сокращённый код коммуникации, являющийся оптимальным для диалога в обиходной ситуации и прослеживаемым в художественном освоении мира.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, межкультурная коммуникация, форматы общения, интерпретативные векторы, типы имплицитности, нормы общения

© Федуленкова Т. Н. 2024

Для цитирования: Федуленкова Т. Н. Имплицитность в диалоге культур: от преамбулы до функционально обусловленных типов выражения смысла. Рецензия на монографию: Карасик В. И. Языковая пластика общения. М. : Гнозис, 2021. 536 с. // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 225–230. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-225>

Tatiana N. Fedulenkova
Vladimir State University
Vladimir, Russian Federation
fedulenkova@list.ru

Implicitness in the dialogue of cultures: From preamble to functionally conditioned types to express meaning. Book review: Karasik, V. I. (2021). Linguistic plasticity of communication. Moscow : Gnozis Press. 536 p.

Abstract

Linguistic plasticity of communication is a welcome monograph by V. I. Karasik that discusses the issues of anthropological linguistics where cross-cultural communication studies are one of the most actively developing fields.

The author considers relevant issues of communication formats, its canonical patterns and interpretative vectors. He also performs a critical analysis of research models of language communication. The book offers innovative approach within which, in addition to the proposed research models of linguistic communication, V. I. Karasik opposes 4 functionally conditioned types of implicit expression of meaning in the dialogue of cultures: consolidating, agonal, didactic and poetic describing in detail the essence of each type and arguing for their role in cross-cultural communication practice. Another innovative solution is to argue that the implicitness in intercultural communication depends on communication standards accepted in each culture where they are determined by a number of factors with (a) dominant social distance, (b) the type of distribution of power in a small group, (c) the degree of emotional self-control participants in the communication being the most important among them. It is essential to emphasize the importance of V. I. Karasik's conclusion that cultures with a high degree of implicitness in communication are more likely to use a more compact code of communication which is optimal for dialogue in everyday situations and can be traced in the artistic vision of the world.

Keywords: anthropological linguistics, intercultural communication, communication formats, interpretive vectors, types of implicitness, communication standards

© Fedulenkova T. N. 2024

For citation: Fedulenkova, T. N. (2024). Implitsitnost' v dialoge kul'tur: ot preambuly do funktsional'no obuslovlennykh tipov vyrazheniya smysla. *Retsenziya na monografiyu: Karasik V. I. Yazykovaya plastika obshcheniya*. M. : Gnozis, 2021. 536 s. [Implicitness in the dialogue of cultures: From preamble to functionally conditioned types to express meaning. Book review: Karasik, V. I. (2021). *Linguistic plasticity of communication*. Moscow : Gnozis Press. 536 p.]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 225–230. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-225>

Одним из наиболее активно развивающихся направлений современной антропологической лингвистики является изучение межкультурной коммуникации. Эту активность обуславливают следующие факторы: а) высокая мобильность и проницаемость современного мира для диалога культур; б) осуществление диалога культур на различных уровнях – от личного общения представителей различных этносов в обиходных ситуациях до институционального обмена информацией на международных форумах; в) приобретение нового качества благодаря всемирной сети Интернет; г) активное взаимодействие доминирующих англоязычных способов коммуникации, с одной стороны, и традиционных для каждой культуры типов общения – с другой; д) возникновение своеобразных сплавов приоритетных манер воздействия на адресата, самопрезентации, манипулятивных приёмов и т. д.; е) существенное расширение предмета изучения языкознания антропологической лингвистикой, освоение достижений представителей смежных областей знания – психологии, социологии, этнографии; ж) назревшая необходимость в уточнении и новом осмыслении теоретического аппарата коммуникативных исследований, сориентированных на изучение проблемных ситуаций в междисциплинарном аспекте.

Исследователи стремятся выявить специфику миропонимания, определяющую базовые установки в межкультурной коммуникации. В этой связи, по мнению В. И. Карасика, заслуживает внимания дискуссия о научности этнокультурной психологии при том, что различие в поведении коммуникантов, будучи обусловленным социально-историческими причинами, выявляется только на фоне сходства, и выступает против схематизма, упрощения и необоснованности выводов, подчёркивая, что и абсолютизация отличий, и их нивелирование являются идеологически обусловленными крайностями.

Изучая проблемы межкультурной коммуникации, специалисты подчёркивают, что каждый человек входит в разные сообщества – возрастные, гендерные, профессиональные, этнические и другие – и тем самым одновременно придерживается различных культурных предписаний, и эти предписания подвержены изменениям [Corbett, 2011, p. 306].

В. И. Карасик акцентирует внимание на дискуссионности вопроса о контакте культур, утверждая, что в реальности контактируют не культуры, а индивидуумы, носители этих культур, и они проявляют в любом контакте свои индивидуальные качества, которые обусловлены не только ценностями того или иного сообщества, но и ситуацией общения и взаимоотношениями между коммуникантами. Возможные коммуникативные сбои зависят не только от непонимания участниками общения чужих норм и правил поведения, но и от многих других привходящих причин.

Так, например, англичане, работники одного из аэропортов в Лондоне, считали, что обслуживающие их иммигранты из стран Юго-Восточной Азии ведут себя грубо. Эти иммигранты задавали стандартные общие вопросы с падающим интонационным тоном, и, соответственно, такие вопросы звучали как само собой разумеющиеся утверждения. Тот факт, что в родном языке иммигрантов может быть иная тоновая система, англичане во внимание не принимали. Но главное состоит в другом: вполне возможно, что эти англичане испытывали неприязнь к приезжим, даже ещё не услышав от них ни слова [Bailey, 2004, p. 395]. В этом плане В. И. Карасик предлагает противопоставить два типа установок, которые проявляются в межкультурной коммуникации: позитивные и негативные. В первом случае участники общения исходят из того, что их коммуникативные партнёры относятся к ним доброжелательно и несовпадения в тональности не свидетельствуют о каких-либо предубеждениях, во втором случае участники диалога в любом коммуникативном действии, как вербальном, так и невербальном, находят сигналы неприязни.

Автор монографии считает, что общение представляет собой неоднородное образование, в котором можно выделить несколько аспектов и несколько слоев. Выделение аспектов общения сопряжено с определением функций общения, а именно: оказание воздействия на собеседника, осуществление самопрезентации, сообщение / передача некоторой информации, намеренная или непроизвольная реализация определённых норм и правил коммуникации, т. е. воплощение культурных предписаний. Каждую из этих функций автор монографии представляет в виде партитурной модели: мы передаём информацию, одновременно редактируя и адаптируя её в коммуникативных целях, разыгрывая конкретную роль для (а) непосредственного собеседника, (б) для случайных свидетелей общения, (в) для самих себя. Нормы культуры актуализируются нами посредством правил вербального и паралингвистического общения, осознаваемых ценностей и неосознаваемых обыкновений и принятых в обществе традиций.

В своей монографии В. И. Карасик анализирует разработанную голландским социологом Гертом Хофстеде [Hofstede, 1996, p.189] модель измерения культур в виде схемы, включающей пять основных параметров: 1) дистанция власти (power distance): высокая степень этого качества предполагает жёсткую централизацию и принятие решений только вышестоящими, его противоположность базируется на допущении всех сотрудников к решению вопросов, 2) избегание неопределённости (uncertainty avoidance): высокая степень этого качества выражается в контроле, порядке, наличии письменных правил, значимости экспертов, разногласий быть не должно, в то время как противоположная установка сориентирована на гибкость и креативность, допущение риска, 3) индивидуализм (individualism): высокая степень индивидуализма ведёт к поощрению инициативы, поддержанию автономности и разделению производственных и личных отношений, низкая степень этого качества (коллективизм) выражается как взаимосвязь всех членов сообщества, их взаимные обязательства друг перед другом, организация воспринимается как семья, 4) маскулинность (masculinity): высокая степень этого качества проявляется как чёткое противопоставление гендерных ролей, при этом мужское поведение характеризуется состоятельностью, решительностью и нацеленностью на успех, а женское – скромностью и подчинённостью, противоположный тип предполагает гендерное равноправие, 5) долговременное планирование (long term orientation):

высокая степень этого качества выражается как настойчивость в достижении целей, важность экономности, низкая степень этого качества представляет собой ориентацию не на будущее, а на прошлое и настоящее.

В. И. Карасик сравнивает модель Герта Хофстеде с уточнённой моделью измерения ценностей культуры в межкультурной коммуникации, которая инициируется соотечественником последнего Фоне Тромпенаарсом и включает, в свою очередь, следующие параметры: 1) универсализм либо партикуляризм (поведение определяется стандартами, нормами и правилами либо личными отношениями с другими людьми), 2) индивидуализм либо коллективизм (на первый план выходят индивидуальная идентичность и независимость личности либо групповая идентичность – семейная, корпоративная, религиозная), 3) аффективность либо нейтральность (проблемы решаются эмоционально, эмоции выражаются свободно либо приоритет отдан рациональному подходу к делам и целесообразности), 4) специфичность либо диффузность (производственные и личные отношения не смешиваются, соблюдается приватность в общении либо эти отношения нераздельно слиты), 5) достижения либо происхождение (статус человека определяется его личными способностями и успехами либо его возрастом, полом, унаследованными привилегиями), 6) акцент на прошлом либо на будущем (будущее воспринимается как логически вырастающее из прошлого, с которым оно связано либо оно не связано с прошлым и начинается с нуля), 7) внутренний либо внешний контроль событий (люди контролируют внешние условия жизни либо внешние условия и обстоятельства определяют поведение людей).

В монографии приводятся также результаты исследования в области межкультурной коммуникации Дж. Корбетта, выделяющего ряд характеристик коммуникативного стиля, используемого в соответствующих культурах [Corbett, 2011, p. 313]. В своей работе В. И. Карасик приводит таблицу, которая характеризует узловые моменты возможного непонимания коммуникантами друг друга в условиях межкультурного общения. Представители Западной цивилизации в таком диалоге будут считать, что их партнёры ведут себя неискренне, говорят слишком много и эмоционально, при этом выражают основную информацию с помощью намёков и ставят собеседника в неудобное положение своим самопринижением, которое на Западе воспринимается в основном иронически. В свою очередь, представители Восточной цивилизации будут считать, что их визави не хотят поддерживать беседу, ведут себя бесцеремонно и высокомерно.

Критически оценивая приведённые схемы, В. И. Карасик отмечает, что они ориентированы на Западные ценности, важнейшими из которых являются юридическое равенство людей, их независимость и ответственность за себя и близких (нормы протестантской этики), с одной стороны, и применимы к оценке эффективности работы организаций в большей мере, чем к сравнению культурных приоритетов, с другой стороны. В модели Тромпенаарса нет места дисфункциональным и деструктивным элементам, поэтому в его вопроснике и в книге остаются недостаточно освещёнными противоречивые моменты, которые являются центральными для изучения культурных конфликтов – борьба за власть, отношение к коррупции, эксплуатации, агрессии, тревожности, противопоставление концептов маскулинности и феминности. В результате, пишет В. И. Карасик, мы получаем упрощённый подход к разнообразному межкультурному общению, подход, похожий на фастфуд.

Автор допускает, что в определённой мере различия между культурами могут вписываться в бинарные схемы. Именно бинарностью характеризуется модель известного американского антрополога Эдварда Холла, который противопоставил высококонтекстные и низкоконтекстные культуры. Первые характеризуются тем, что принятое в них общение привязано к ситуации и включает множество намёков и других коммуникативных знаков, косвенно обозначающих предмет речи, вторые – тем, что значительная часть общения выражается прямо в развёрнутых логически связанных высказываниях. Культуры первого типа сориентированы на устную традицию общения, культуры второго типа построены

па балансе между устной и письменной речью. Соответственно, культуры первого типа в максимальной мере соответствуют потребностям обиходного, художественного и религиозного дискурса, а культуры второго типа сориентированы на юридический и научный дискурс. Другая бинарная схема сориентирована на противопоставление левополушарного и правополушарного мышления, т. е. преобладание в общении эмоционально-образного либо рационально-логического способов миропонимания. Осознавая условность подобных упрощённых схем, автор всё же признаёт их несомненную полезность для понимания возможных коммуникативных сбоев между представителями разных сообществ.

Академическая традиция, принятая в Западной цивилизации, ориентирует участников общения на тот тип высказываний, который британский социолог Бэзил Бернстайн назвал в своё время расширенным кодом (*elaborated code*), в быту люди используют принципиально иную систему передачи информации – сокращённый код (*restricted code*). Вывод социолога был предсказуемым и неутешительным для общества: дети из семей среднего класса были подготовлены к учёбе в школе, в то время как дети из бедных семей с самого начала были обречены отставать от своих сверстников, поскольку не владели таким типом общения [Bernstein, 1979, p. 169]. Сокращённый код строится на общении, которое в значительной степени включает не выраженную прямо информацию.

Установки в межкультурном общении обычно являются стереотипами, т. е. простыми оценочно маркированными образцами восприятия других людей. Специфика межкультурного общения проявляется в принятом коммуникативном стиле. Распространённым приёмом определения приоритетов в общении является опрос информантов. Исследования показывают, что в большинстве культур доминируют нормы коллективистского взаимоотношения (за исключением англоязычного мира и стран Северной Европы). Коллективистским культурам свойственны высокая степень контроля в общении, чёткое противопоставление мужских и женских поведенческих паттернов, приоритетность унаследованных статусных признаков по сравнению с приобретёнными. Что же касается проявления вежливости, то проявление солидарности более свойственно коллективистским сообществам, в то время как проявление такта – индивидуалистским.

Для тех культур, которым свойственна высокая степень контроля в общении, характерна разветвлённая система так называемых гонорифических знаков в общении – знаков, показывающих выраженное статусное неравенство между коммуникантами в виде подчёркнутого возвышения адресата и самопринижения говорящего. Реликты подобных знаков прослеживаются в устаревших формулах *«humbly yours»* – букв. *«покорно ваши»* в английском языке или *«Ваш покорный слуга»* в русском. Сравнивая подобные формулы в японском, персидском, арабском языках с нейтральной и глумительно-гонорифической (депрециативно-гоноративная в терминах В. М. Алпатова) лексикой, автор приходит к выводу, что непонимание специфики этих переключателей дистанции в общении может привести к серьёзным коммуникативным сбоям. В русском языке подобные статусные индикаторы неравноправия в общении выражены в меньшей степени (*ты – вы*).

Разумеется, статусный баланс в общении – это очень тонкая величина, он поддерживается большей частью невербально — взглядом, мимикой, жестикующей, а также интонацией. Значимы также такие факторы, как инициатива в смене темы разговора и в использовании шутки. Как правило, инициатором в обоих случаях выступает человек с более высоким статусом [Linde, 1988, p. 147].

Всё это представляет собой развёрнутую преамбулу для характеристики типов имплицитности. Новаторство монографии В. И. Карасика состоит в том, что в дополнение к названным исследовательским моделям языковой коммуникации автор противопоставляет четыре функционально обусловленных типа имплицитного выражения смысла в диалоге культур: консолидирующий, агональный, дидактический и поэтический.

Для консолидирующего типа имплицитности характерно создание общей смысловой базы между участниками общения, включая невыраженные смыслы, которые должны легко определяться участниками соответствующего сообщества. Такая общая база имеет парольный характер и позволяет чётко отграничить своих, по отношению к которым общение является доверительным, от чужих, по отношению к которым общение является враждебным. Парольность отличает как слова или словосочетания, так и коммуникативные формулы, способы поведения, установки и реакции. Что касается агонального типа имплицитности, то он строится на иной основе и предполагает прежде всего игровую и состязательную тональность общения как внутри группы, так и вне её. К этому типу относятся разного рода иронические сигналы, фронтирование, подразумевающее несогласие с чьей-либо точкой зрения, намеки, ставящие адресата в неудобное положение.

Автор подчёркивает, что консолидирующая и агональная разновидности имплицитности образуют антиномическую диадку. Предназначение дидактического типа имплицитности заключается в фиксации внимания адресата на важном содержании, которое требует особого внимания. Такое миропонимание основано на предположении о том, что есть некие основные правила, которые требуется выполнять. Назидательная имплицитность представлена наиболее ярко в педагогическом и религиозном дискурсе и особенность её дихотомии заключается в том, что невыраженная информация, несомненно, должна быть выявлена, причём, существует только одно её прочтение. Принципиально иным характером отличается поэтическая имплицитность, открывая интерпретатору бесконечный ряд возможных толкований смысла. Не случайно считается, что поэтический текст должен быть наполнен смыслом, выходящим за рамки однозначных толкований. Дидактическая и поэтическая имплицитность противопоставлены друг другу по признаку единственности / множественности интерпретации высказывания, текста либо поступка.

Далее автор описывает взаимоотношения между различными типами имплицитности и их взаимовлияние, их отношение к разным жанрам дискурса, к разным видам общения. Инновационность данной монографии состоит в том, что автор убедительно аргументирует обусловленность имплицитности в межкультурной коммуникации принятыми в каждой культуре нормами общения, которые определяются рядом факторов, и важнейшими из них являются доминирующая социальная дистанция, тип распределения власти в малой группе, степень эмоционального самоконтроля участников общения. Культуры с высокой степенью имплицитности в общении сориентированы на сокращённый код коммуникации, который является оптимальным для диалога в обиходной ситуации и прослеживается в художественном освоении мира.

Библиографический список {References}

- Bailey, B. (2004). 'Misunderstanding'. In A. Duranti (Ed.), *A Companion to Linguistic Anthropology* (pp. 395–413). Oxford : Blackwell.
- Bernstein, B. (1979). Social class, language and socialization. In P. P. Giglioli (Ed.), *Language and social context: Selected readings* (pp. 157–178). Harmondsworth : Penguin.
- Corbett, J. (2011). Discourse and cultural communication. In K. Hyland & B. Paltridge (Eds), *Continuum Companion to Discourse Analysis* (pp. 306–320). New York : Continuum Publishing group.
- Hofstede, G. (1996). Riding the waves of commerce: a test of Trompenaars' "model" of national culture differences. *International Journal of Intercultural Relations*, 20 (2), 189–198.
- Linde, C. (1988). Linguistic Consequences of Complex Social Structures: Rank and Task in Police Helicopter Discourse. *Proc. of the 14th Annual Meeting, Berkeley Linguistic Society* (pp. 142–155). Berkeley.

Наши авторы

- Алексеев Александр Борисович*, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры английского языка РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация, email: neuausstatten@mail.ru
- Борzych Анна Алексеевна*, преподаватель, аспирант кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского гос. лингв. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: anna.a.borzych@mail.ru
- Бральнин Дмитрий Олегович*, преподаватель кафедры русской филологии Сыктывкарского гос. ун-та им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация, email: bralnin00@mail.ru
- Ван Вэньвэнь*, аспирант Сианьского ун-та иностранных языков, Сиань, КНР, email: 1539482818@qq.com
- Ван Люно*, магистрант Харбинского политех. ун-та, г. Харбин, КНР
- Васильева Светлана Владимировна*, аспирант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: 79241793956@yandex.ru
- Зубарева Екатерина Олеговна*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: fialka21-85@mail.ru
- Иванашко Юлия Петровна*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru
- Кремлева Виктория Андреевна*, магистрант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: victoria.kremleva@bk.ru
- Кузьмина Раиса Петровна*, канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, г. Якутск, Российская Федерация, email: raisakuzmina2013@yandex.ru
- Ли Вэньгэ*, д-р филол. наук, профессор факультета русского языка Ин-та междунар. исследований Харбинского политех. ун-та, г. Харбин, КНР, email: yuqilihit@126.com
- Ли Цзе*, д-р филол. наук, Юго-восточный ун-т, Нанкин, КНР, email: 18710975022@163.com
- Лю Хун*, аспирант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: 478912641@qq.com
- Макарова Елена Александровна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского нац. исслед. техн. ун-та, г. Иркутск, Российская Федерация, email: helenmak@yandex.ru
- Маремукова Элеонора Владимировна*, канд. филол. наук, главный специалист-эксперт Министерства культуры Кабардино-Балкарской Республики, г. Нальчик, Российская Федерация, e-mail: elleonoga16@mail.ru
- Морозова Ольга Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, д-р филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru
- Насталовская Инна Геннадьевна*, канд. пед. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Южно-Уральского гос. ун-та, г. Челябинск, Российская Федерация, email: nastalovskaiaig@susu.ru
- Парина Ирина Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка для гум. специальностей Нац. исслед. Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, email: parina@fsn.unn.ru
- Процукович Елена Александровна*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru
- Рыжкова Татьяна Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского нац. исслед. техн. ун-та, г. Иркутск, Российская Федерация, email: ryzhkova08@mail.ru
- Салаев Павел Владимирович*, руководитель группы Гарда Технологии, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, email: pvsalaev@gmail.com
- Симонов Евгений Леонидович*, магистрант кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email:
- Становая Лидия Анатольевна*, <https://orcid.org/0000-0002-1702-4506>, д-р филол. наук, проф., зав. каф. романской филологии Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, email: lida_stan@mail.ru
- Степанова Елена Сергеевна*, канд. филол. наук, доцент, Самарского гос. мед. ун-та, г. Самара, Российская Федерация, email: pretty.step@bk.ru
- Сюткина Надежда Павловна*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: nad975@yandex.ru
- Тирон Екатерина Леонидовна*, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник Сектора фольклора народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: krupich_katja@mail.ru
- Уртегешев Николай Сергеевич*, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник сектора языков народов Сибири Ин-та филологии СО РАН, г. Новосибирск, Российская Федерация, email: urtegeshev@mail.ru
- Федуленкова Татьяна Николаевна*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, д-р филол. наук, проф. кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации Владимирского гос. ун-та, проф. Северного (Арктического) фед. ун-та им. М. В. Ломоносова, член Научного Совета по филол. наукам Российского Профессорского собрания, членкор. Российской Академии Естествознания, г. Владимир, Российская Федерация, email: fedulenkova@list.ru
- Фэн Лянчжун*, д-р физкульт. наук, Ин-т физ. восп. Вэйнаньского пед. ун-та, Вэйнань, КНР, email: 928224141@qq.com
- Чжи Лицян*, магистрант Харбинского политех. ун-та, г. Харбин, КНР
- Шевченко Татьяна Ивановна*, д-р филол. наук, проф., проф. кафедры фонетики английского языка факультета английского языка Московского гос. лингв. ун-та, г. Москва, Российская Федерация, email: tatashevchenko@mail.ru
- Шустова Светлана Викторовна*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, д-р филол. наук, проф. кафедры лингвистики и перевода, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского гос. нац. исслед. ун-та, г. Пермь, Российская Федерация, email: lanaschust@mail.ru

Our authors

- Aleksandr B. Alekseev*, PhD in Philology, senior teacher, English Language Department, RANEPa, Moscow, Russian Federation, email: neuausstatten@mail.ru
- Anna A. Borzykh*, teacher, PhD student, Department of English Phonetics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, email: anna.a.borzykh@mail.ru
- Dmitriy O. Bralnin*, teacher, Department of Russian Philology, Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation, email: bralnin00@mail.ru
- Wang Wenwen*, PhD student, Xi'an International Studies University, China
- Wang Liunuo*, Master student, Harbin Institute of Technology, Harbin, China
- Svetlana V. Vasilyeva*, PhD student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: 79241793956@yandex.ru
- Ekaterina O. Zubareva*, <https://orcid.org/0000-0001-8212-8929>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: fialka21-85@mail.ru
- Yulia P. Ivanashko*, <https://orcid.org/0000-0003-2522-7757>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru
- Viktoriya A. Kremleva*, Master student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: victoria.kremleva@bk.ru
- Raisa P. Kuzmina*, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Humanitarian Research and North Indigenous Peoples Problems of the Siberian Branch of the RAS, Yakutsk, Russian Federation, email: raisakuzmina2013@yandex.ru
- Li Wenge*, Doctor of Philology, Professor, Russian Language Department, Institute for International Studies, Harbin Polytechnical University, Harbin, China, email: yuqilihit@126.com
- Li Jie*, Southeast University, Nanjing, China, email: 18710975022@163.com
- Liu Hong*, PhD student, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: 478912641@qq.com
- Elena A. Makarova*, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department 1, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, email: helenmak@yandex.ru
- Elleonora V. Maramukova*, PhD in Philology, Chief Expert, Ministry of Culture of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russian Federation, email: elleonora16@mail.ru
- Olga N. Morozova*, <https://orcid.org/0000-0002-0950-1886>, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru
- Inna G. Nastalovskaia*, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, email: nastalovskaiaig@susu.ru
- Irina S. Parina*, PhD in Philology, Associate Professor, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, email: parina@fsn.unn.ru
- Elena A. Protsukovich*, <https://orcid.org/0000-0001-5851-9962>, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru
- Tatyana S. Ryzhkova*, PhD in Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department 1, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, email: ryzhkova08@mail.ru
- Pavel V. Salaev*, team leader, Garda Technologies, Nizhny Novgorod, Russian Federation, email: pvsalaev@gmail.com
- Eugeniy L. Simonov*, Master student, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation
- Lydia A. Stanovaia*, <https://orcid.org/0000-0002-1702-4506>, Doctor of Philology, Professor, Head of The Roman Philology Department, Herzen State Pedagogical University of Russia, St Petersburg, Russian Federation, email: lida_stan@mail.ru
- Elena S. Stepanova*, PhD in Philology, Assistant Professor, Department of Foreign and Latin Languages, Samara State Medical University, Samara, Russian Federation, email: pretty.step@bk.ru
- Nadezhda P. Siutkina*, <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Linguistics and Translation, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: nad975@yande.ru
- Ekaterina L. Tiron*, PhD in Art, leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: krupich_katja@mail.ru
- Nikolay S. Urtegeshev*, Doctor of Philology, leading researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, email: urtegeshev@mail.ru
- Tatiana N. Fedulenkova*, <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages for Professional Communication, Vladimir State University; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov; Philological Sciences Council member; Russian Academy of Natural History corresponding member; Vladimir, Russian Federation, email: fedulenkova@list.ru
- Feng Liangzhu*, PhD in Sports Science, Weinan Normal University, Weinan, China, email: 928224141@qq.com
- Zhi Liqiang*, Master student, Harbin Institute of Technology, Harbin, China
- Tatiana I. Shevchenko*, Doctor of Philology, Professor, Department of English Phonetics, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, email: tatashevchenko@mail.ru
- Svetlana V. Shustova*, <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>, Doctor of Philology, Professor, Department of Linguistics and Translation, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm, Russian Federation, email: lanaschust@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

<i>Алексеев А. Б.</i>	Невежливость как нападение на лицо (на материале американских политических дебатов 2020 г.)	5
<i>Бральнин Д. О.</i>	Применение мультимодальных текстов для анализа лингвокультурного типажа: опыт систематизации	22
<i>Зубарева Е. О.</i>	Зубарева Е. О. Миграционный дискурс: институциональность и интерферентность (аналитический обзор)	31
<i>Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Симонов Е. Л.</i>	Темпоральные и паузальные особенности мужской речи жителей г. Благовещенска	42
<i>Кузьмина Р. П.</i>	Образные признаки концептов ЗИМА и ЛЕТО в эвенской лингвокультуре	50
<i>Ли В., Ван Л., Чжи Л.</i>	Приёмы перевода речевого оборота фэйбай в романе «Сон в красном тереме» на английский и русский языки	58
<i>Ли Ц., Ван В., Фэн Л.</i>	Обучение русскому языку и переводческая деятельность студентов и выпускников университета им. Сунь Ятсена в Москве в период демократической революции	72
<i>Лю Х.</i>	Взаимодействие компонентов интонации при различной эмоциональной нагрузке в китайском футбольном комментарии	85
<i>Макарова Е. А., Рыжкова Т. С.</i>	Этимология имён среда и опыт в английском и немецком языках (холистический подход)	98
<i>Маремукова Э. В.</i>	Лингвистическая объективация возраста в этнокультурном преломлении (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)	108
<i>Насталовская И. Г.</i>	Концепт ЦЕННОСТИ И ПРИСТРАСТИЯ в языковой картине мира носителей русской и китайской культур	118
<i>Парина И. С., Салаев П. В.</i>	Чат-бот для создания двуязычных глоссариев в паре языков английский-русский для обучающихся переводу	131
<i>Становая Л. А.</i>	Специфика изучения диасистемной вариативности языка в исторической рестроспективе (на материале старофранцузского языка)	144
<i>Степанова Е. С.</i>	Миф о вакцинации как средство выражения лингвокреативности в научно-популярном произведении	168
<i>Сюткина Н. П., Шустова С. В.</i>	Актуализация категориальной ситуации эмоциональной модификации (на примере фразеологических единиц)	175
<i>Уртегешев Н. С.</i>	Палатальность, палатализация, уранизация, мягкость (по данным МРТ)	186
<i>Уртегешев Н. С., Тирон Е. Л., Морозова О. Н., Кремлева В. А., Васильева С. В.</i>	Опыт акустического анализа эвенкийской песенной речи. Часть 2	200
<i>Шевченко Т. И., Борзых А. А.</i>	Ритмическая вариативность английского языка в Австралии и Новой Зеландии	212
Рецензии		
<i>Федуленкова Т. Н.</i>	Имплицитность в диалоге культур: от преамбулы до функционально обусловленных типов выражения смысла. Рецензия на монографию: Карасик В. И. Языковая пластика общения. М. : Гнозис, 2021. 536 с.	225
Наши авторы		231

CONTENTS

Original Papers

<i>Alekseev A. B.</i>	Impoliteness as face attack (Based on American presidential debates of 2020)	5
<i>Bralnin D. O.</i>	Application of multimodal texts for cultural linguistic type analysis: Experience of systematization	22
<i>Zubareva E. O.</i>	Migration discourse: Institutionalization and interference (A review)	31
<i>Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Simonov E. L.</i>	Speech rate and pauses in male speech of Blagoveshchensk residents	42
<i>Kuzmina R. P.</i>	Figurative features of concepts WINTER and SUMMER in the Even linguistic culture	50
<i>Li W., Wang L., Zhi L.</i>	The translation techniques for the feibai stylistic trope in “A Dream of Red Mansions”	58
<i>Li J., Wang W., Feng L.</i>	Russian language study and interpreter activities of Sun Yat-sen University students in Moscow during the Democratic Revolution	72
<i>Liu H.</i>	Interaction of prosodic cues of emotionality in football commentaries (Based on Chinese)	85
<i>Makarova E. A., Ryzhkova T. S.</i>	Etymology of words environment and experience in English and German (Holistic approach)	98
<i>Maremukova E. V.</i>	Linguistic objectification of age in ethnocultural refraction (Based on Kabardian-Circassian, Russian and English)	108
<i>Nastalovskaia I. G.</i>	The concept VALUES AND PREFERENCES in Russian and Chinese linguistic picture of the world	118
<i>Parina I. S., Salaev P. V.</i>	Chatbot for Creating Bilingual Glossaries in the English-Russian Language Pair for Students of Translation and Interpreting	131
<i>Stanovaia L. A.</i>	Specificity of studying of diasystemic variability of language in historical retrospective (Based on Old French)	144
<i>Stepanova E. S.</i>	Myth about vaccination as a means of expressing linguistic creativity in a non-fiction book	168
<i>Siutkina N. P., Shustova S. V.</i>	Actualization of categorical situation of causation of emotional modification (Based on idioms)	175
<i>Urtegeshev N. S.</i>	Palatality, palatalization, uanization, softness (Based on MRI)	186
<i>Urtegeshev N. S., Tiron E. L., Morozova O. N., Kremleva V. A., Vasilyeva S. V.</i>	Experience of acoustic analysis of Evenki vocal speech. Part 2	200
<i>Shevchenko T. I., Borzykh A. A.</i>	Rhythm Variation of English in Australia and New Zealand	212
Reviews		
<i>Fedulenkova T. N.</i>	Implicitness in the dialogue of cultures: From preamble to functionally conditioned types to express meaning. Book review: Karasik, V. I. (2021). Linguistic plasticity of communication. Moscow : Gnozis Press. 536 p.	225
Our authors		231

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 10, No 3, 2024.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 09.09.2024. Подписано к печати 06.09.2024. Дата выхода в свет 26.09.2024.

Редактор – С. В. Андросова.

Корректор – П. Е. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, Е. Е. Андросова.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 27,41. Тираж 1000. Заказ 285. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес редакции: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.